

Цена 1 руб. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“

МОСКВА, 9, Тверская, 48.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1929 год
на ежемесячный философский и общественно-эконом. журнал

„Под Знаменем Марксизма“

8-й год издания.

Журнал выходит под редакцией: А. М. ДЕБОРИНА, А. А. МАКСИМОВА,
М. Н. ПОКРОВСКОГО, Я. Э. СТЭНА, А. К. ТИМИРЯЗЕВА.

Отв. редактор А. М. ДЕБОРИН.

«ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» имеет перед собою задачу защиты ортодоксального диалектического материализма Маркса и Ленина от извращений идеализма и оппортунизма, откуда бы они ни исходили.

В своей статье, ставшей для журнала программной, В. И. ЛЕНИН подчеркивал боевое для дела революции значение поставленных перед журналом задач и его величайшую важность, как идейного проводника воинствующего материализма.

В наши дни, когда к этим намеченным В. И. Лениным задачам журнала прибавилась, как важнейшая задача—борьба с ревизией теоретических основ марксизма и ленинизма, значение журнала выросло еще более.

В журнале принимают участие видные марксисты, коммунисты и беспартийные ученые материалисты.

«ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, актуальные проблемы философии диалектического материализма, история материализма, современные течения философской мысли, исторический материализм, статьи по вопросам теоретической экономики, статьи по теории советского хозяйства, история социализма, вопросы литературы и искусства в материалистическом освещении, психология и марксизм, диалектика и естествознание, дискуссионный отдел, критика и библиография, отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

«ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА» рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 мес.	1 р. 50 к.
> 3 >	4 р. 25 к.
> 6 >	8 р. к.
> 12 >	15 р. к.

Цена отдельн. номера — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в Главной Конторе Издательства «Правда» и «Беднота» (Москва, 9, Тверская, 48) и во всех провинциальных отделениях и представительствах «Правды».

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

№ 5

М А Й

**ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
МОСКВА — 1-9-2-9**

ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

М А Й

№ 5

1929

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ РЕДАКЦИИ И ВЕСЬ ВОПРОС КОНФЕРЕНЦИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ЦЕРИХЕ. II. ЗАМЕТКИ ПО ВОПРОСУ ДИАЛЕКТИКИ. Тезисы конференции. Г. Р. УБИН. КРИТИКА КАК РАБОТА СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА (25). Ник. КАРЕВ. О ПОНЯТИИ РАБОТЫ В РАБОЧЕЙ ТЕОРИИ (30). И. РУБИН. ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МАРКСА (34). С. ГОРЛОВСКИЙ. МЕХАНИЗМ РАБОТЫ В КАПИТАЛИЗМЕ (37). Я. ЗАХЕР. ИДЕОЛОГИЯ ИДЕАЛИЗМА В ПОНЯТИИ РАБОТЫ (40). И. А. ТРАХТЕНБЕРГ. ВНЕШНЕЕ СТРОЕНИЕ ЗВЕЗД (42). В. БОРОВСКИЙ. РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЙ РАБОТЫ В ПОНЯТИИ РАБОТЫ (45). В. ГРИБ. О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ МАРКСИСТСКОЙ ЭСТЕТИКИ (48). А. МАКСИМОВА. З. ЦЕЙТЛИН. ВНУТРЕННЕЕ СТРОЕНИЕ ЗВЕЗД (50). И. А. ТРАХТЕНБЕРГ. СОВРЕМЕННЫЙ КРЕДИТ И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ. Ч. I. ТЕОРИЯ КРЕДИТА. Dg. Willy Hirsch. Grenznutzentheorie und Geldwerttheorie. Труды секции теории и методологии. Институт археологии и искусствознания. Вып. II «La Revue Marxiste», № 1, 1929, Paris.

Новый этап.

Жизнь II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.

Продолжаясь четыре года дискуссия между механистами и предельными диалектиками с материализма вступает в новый этап. II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений призвала к этому механистов, явивших отходом от марксистско-ленинских философских позиций. Решение по этому поводу принято единогласно. Представители механистов, присутствовавшие на конференции, не только даже к окончательному тождеству резолюции о современных проблемах философии марксизма не пришли. Выступлениями механистов в дискуссии по резолюции дискуссии (А. К. Тимирязева, А. Варьяна, В. Сурьбинова, Перлова, Гершикман, З. Цейтлина, Перельман) показали их полную теоретическую беспомощность и идеальную растерянность. Стенограммы конференции с явным поучительным документом, на котором можно судиться с уверенностью и воспроизводить, как выражается философский Теоретический.

Механисты не только не сумели противопоставить защитникам диалектического материализма сколько-нибудь стройную систему взглядов, но и вступили в резкие противоречия между собой, всенародно демонстрируя

Содержание вышедших из печати номеров.

№ 1.

Ст. Кривцов.—Проблема стихийности и сознательности в ленинизме. Вл. Бонч-Бруевич.—Женевские воспоминания. Ф. Шиллер.—Франц Меринг. Л. Зивельчинская.—Готгольд Эфраим Лессинг. В. Позняков.—Марковские схемы воспроизводства и производство золота. Э. Брегель.—Об одной Марксовской вылазке (к понятиям денежного и ссудного капитала у Маркса). С. Горловский.—Борьба течений в германской социал-демократии в первые годы эпохи исключительных законов. Д. Джинс.—Физика вселенной. Р. Милликэн.—Полезная энергия. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. Ф. Энгельс.—Положение рабочего класса в Англии в 1844 г. Паркер Томас Мун.—Империализм и мировая политика. «Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1928 г. Незданные тексты, материалы и статьи».

№ 2—3

Ник. Карев.—Л. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму. К. Виттфогель.—Геополитика, географический материализм и марксизм. Н. Цаголов.—К пониманию марксовской теории кризисов. Вл. Дунаевский.—Закон трудовой стоимости при капитализме в «Очерках» И. Рубина. В. Погонкин.—О пределах морального снашивания в хозяйстве капиталистическом и в хозяйстве социалистическом. Ц. Фридлянд.—О борьбе за марксистскую историческую науку в СССР. Я. Захер.—Конец Жака Ру. С. Горловский.—Борьба течений в германской с-д в первые годы эпохи исключительных законов. В. Гриб.—О принципах построения марксистской эстетики. В. Боровский.—Роль инстинктов в поведении человека. П. Вальден.—Значение велеровского синтеза мочевины, с предисл. А. Максимова. З. Цейтлин.—Внутреннее строение звезд. КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. И. А. Трахтенберг.—Современный кредит и его организация. Ч. I. Теория кредита. Dg. Willy Hirsch. Grenznutzentheorie und Geldwerttheorie. Труды секции теории и методологии. Институт археологии и искусствознания. Вып. II «La Revue Marxiste», № 1, 1929, Paris.

№ 4.

Гр. Баммель.—Ленин и проблема логики в марксизме. В. Асмус.—Формальная логика и диалектика. М. Фурщик.—К. Каутский и диалектический материализм. И. Рубин.—Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. Гр. Деборин.—Предмет политической экономии в современных спорах. Е. Ривлин.—Проблема революции в германской социал-демократии в первые годы после падения исключительного закона. П. Серебровский.—Дарвинизм и «дарвинизм». КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ. К. Маркс.—Нипета философии. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Под редакцией Д. Рязанова. В. Зомбарт.—Современный капитализм, т. III, ч. I. Пугачевщина, т. II. Из следственных материалов и официальной переписки. Фриц Кристман.—Биологическая причинность. Исследование по вопросу о преодолении противоположности механизма и витализма.

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

МАЙ

№ 5

1929

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВАЯ.—Новый этап (1). Резолюции II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исслед. учреждений (6). **К. ШИМЮКЛЕ.**—Заметки по поводу „возрождения Гегеля“ в Германии (12). **П. КУЧЕРОВ.**—Практика как единство субъекта и объекта (23). **Ник. КАРЕВ.**—К вопросу о предмете политической экономии (41). **И. РУБИН.**—Диалектическое развитие категорий и экономической системе Маркса (продолжение) (51). **Е. ЛАНДЕ.**—Механистический метод и обоснование теории стоимости (83). **Я. ЗАХЕР.**—Идеология „бешеных“ (105). I Всесоюзное совещание общества воинствующих материалистов-диалектиков (129). Резолюции совещания (165). **КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ:** А. РЕУЗЛЬ.—Летопись марксизма вып. I—VIII (171). **В. ПОПОВА.**—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинение т. III (180). **Н. БОБРОВНИКОВ.**—С. А. Оранский. Основные вопросы марксистской социологии, т. I (185). **Я. ЗАХЕР.**—Альбер Мильер. Термидорианская реакция (191). **В. СЕРГЕЕВ.**—П. Фридрих. История Западной Европы (195).

Новый этап.

(К итогам II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений).

Продолжавшаяся четыре года дискуссия между механистами и представителями диалектического материализма вступает в новый этап. II Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений признала взгляды механистов «явным отходом от марксистско-ленинских философских позиций». Решение это было принято единогласно. Представители механистов, присутствовавшие на конференции, не явились даже к окончательному голосованию резолюции о «современных проблемах философии марксизма-ленинизма». Выступления механистов в предшествовавшей резолюции дискуссии (А. К. Тимирязева, А. Варьяша, В. Сарабянова, Перова, Гейликмана, З. Цейтлина, Перельман) показали их полную теоретическую бесплодность и идейную растерянность. Стенограммы конференции являются поучительнейшим документом, на котором можно с классической ясностью иллюстрировать, как вырождается философский ревизионизм.

Механисты не только не сумели противопоставить защитникам диалектического материализма сколько-нибудь стройную систему взглядов, но и вступили в резкие противоречия между собой, всенародно демонстрируя

Содержание вышедших из печати номеров.

№ 1.

Ст. Кривцов.—Проблема стихийности и сознательности в ленинизме. **В.л. Бонч-Бруевич.**—Женевские воспоминания. **Ф. Шиллер.**—Франц Меринг. **Л. Зивельдинская.**—Готгольд Эфраим Лессинг. **В. Позняков.**—Марксовы схемы воспроизводства и производство золота. **Э. Брегель.**—Об одной неудачной вылазке (к понятиям денежного и ссудного капитала у Маркса). **С. Горловский.**—Борьба течений в германской социал-демократии в первые годы эпохи исключительных законов. **Д. Джинс.**—Физика вселенной. **Р. Миллкен.**—Полезная энергия. **КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.** **Ф. Энгельс.**—Помощь рабочего класса в Англии в 1844 г. **Паркер Томас Мун.**—Империализм и мировая политика. «Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1928 г. Незадавшие тексты, материалы и статьи».

№ 2—3

Ник. Карев.—Л. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму. **К. Виттфогель.**—Геополитика, географический материализм и марксизм. **Н. Цаголов.**—К пониманию марксовой теории кризисов. **В.л. Дунаевский.**—Закон трудовой стоимости при капитализме в «Очерках» И. Рубина. **В. Погокин.**—О пределах морального снашивания в хозяйстве капиталистическом и в хозяйстве социалистическом. **Ц. Фридрих.**—О борьбе за марксистскую историческую науку в СССР. **Я. Захер.**—Конец Жака Ру. **С. Горловский.**—Борьба течений в германской с-д в первые годы эпохи исключительных законов. **В. Гриб.**—О принципах построения марксистской эстетики. **В. Боровский.**—Роль инстинктов в поведении человека. **П. Вальден.**—Значение велерокового синтеза мочевины, с предисл. А. Максимова. **З. Цейтлин.**—Внутреннее строение звезд. **КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.** **И. А. Трахтенберг.**—Современный кредит и его организация. ч. I. Теория кредита. **Dг. Willy Hirsch.**—Grenznutzentheorie und Geldwerttheorie. Труды секции теории и методологии. Институт археологии и искусствознания. Вып. II «La Revue Marxiste», № 1, 1929, Paris.

№ 4.

Гр. Баммель.—Ленин и проблема логики в марксизме. **В. Асмус.**—Формальная логика и диалектика. **М. Фурщик.**—К. Каутский и диалектический материализм. **И. Рубин.**—Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса. **Гр. Деборн.**—Предмет политической экономии в современных спорах. **Е. Ривлин.**—Проблема революции в германской социал-демократии в первые годы после падения исключительного закона. **П. Серебровский.**—Дарвинизм и «дарвинизм». **КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.** **К. Маркс.**—Нашета философия. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Под редакцией Д. Рязанова. **В. Зомбарт.**—Современный капитализм, т. III, ч. I. Пугачевщина, т. II. Из следственных материалов и официальной переписки. **Фриц Кристман.**—Биологическая причинность. Исследование по вопросу о преодолении противоположности механики и витализма.

эксцентричность, убожество и беспринципность блока от А. К. Тимирязева до Л. И. Аксельрод и от А. Варьяша до З. Цейтлина.

Коммунистическая общественность сказала свое слово. Конференция осудила механистов голосами представителей таких учреждений, как Коммунистическая Академия, Институт Ленина, Институт Маркса и Энгельса и др. С этими голосами не может не считаться ни один ортодоксальный марксист, ни один коммунист.

Само собой разумеется, что какое бы то ни было голосование само по себе не является последней инстанцией для решения философских споров. В теоретическом споре прежде всего нужны аргументы, и, как во всяком споре, окончательно решает лишь опыт практической борьбы. Но не видеть огромного значения организованного мнения всех виднейших марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений страны пролетарской диктатуры могут лишь мелкобуржуазные болтуны и анархисты. Нужно надеяться, что те, кто до сих пор поддерживал механистов, беспечно относясь ко всей совокупности воззрений, представленных в их строю, что те, кто не дал себе отчета до конца в том, к чему ведут воззрения механистов, еще раз всерьез поставят перед собой вопрос: по пути ли им с течением, единодушно квалифицированным коммунистической общественностью в качестве антимарксистского, антиленинского. Нужно надеяться, что все те, кому дороги интересы марксистско-ленинской теории, все те, кто до сих пор был равнодушен к борьбе на философском фронте, поймут теперь все значение этой борьбы и займут в ней свое место.

Подводя итоги целому периоду нашего философского развития, связанному с только что закончившимся этапом дискуссии, конференция тем самым означает переход на новые рельсы всей нашей дальнейшей теоретической работы в области марксистско-ленинской методологии.

Резолюции конференции не ликвидируют, конечно, механистов. Окончательно механисты будут уничтожены лишь тогда, когда исчезнут условия, их питающие. Но несомненно, что тактика людей, оставшихся верными своим ошибкам, изменится. Больше будет рябить в глазах от защитных цветов, больше будет попыток играть на тех или иных разногласиях в среде диалектиков-материалистов по отдельным конкретным, не изученным еще, вопросам, больше будет уверток и уверений.

Прошедший этап дискуссии дал чрезвычайно много для развития нашей теории. В борьбе с механистами была поставлена во всю ширь задача разработки философского наследия Маркса, Энгельса и Ленина. В борьбе с механистами ленинские указания и заметки, ставшие известными за последние годы, сделались основным стержнем всей нашей теоретической работы. В борьбе с механистами задача проникновения марксизма во все области положительного знания стала важнейшим лозунгом нашей текущей теоретической борьбы. Правильность диалектико-материалистической точки зрения не только не была оправдана в теоретической борьбе, не только оказалась признанной всей марксистско-ленинской общественностью, но и блестяще уже подтвердилась в практической работе отдельных, конкретных наук.

Словно в ответ на зов своего класса один за другим на протяжении последних лет выступали классики марксизма и бросали свое веское слово на чашу весов за единственно ортодоксальное понимания их учения. Достаточно назвать «Диалектику природы» Энгельса, «Критику философии права Гегеля» Маркса, «К вопросу о диалектике» и конспекты Ленина, наконец, «Гром не из тучи» Плеханова.

И, словно торопясь вслед за ними, теперь отдельные науки свидетельствуют, что лишь диалектико-материалистический метод—единственно плодотворный метод познания в наши дни, вырастающий из самых глубоких потребностей всего современного знания.

Как только в различных областях знания возникла потребность в осознании накопленного за последние годы и десятилетия опыта,—опыта эпохи империализма, войны и социалистической революции,—как только в различных областях знания практически встал вопрос о применении к ним марксистского метода и о переработке с его точки зрения накопленных до сих пор материалов,—сейчас же повсюду на первый план выдвинулись общие, философские проблемы.

В области исторического материализма, теоретической экономики, теоретического литературоведения, искусствоведения, методологии истории—повсюду идут споры вокруг диалектики категорий этих наук, повсюду сами представители этих наук признают невозможность разрешить возникающие перед ними проблемы без изучения теории диалектики.

В то же время новейшие достижения естествознания и возникающие на их основе теории снова и снова приводят к тем же самым противоречиям, над диалектическим разрешением которых работает марксистская философская мысль. Это—проблемы соотношения прерывности и непрерывности, случайности и необходимости, высших и низших форм, количественного и качественного момента в действительности.

Повсюду прогресс научного исследования требует переработки возникающих на его основе теоретических обобщений, а эта последняя оказывается возможной лишь при условии применения метода материалистической диалектики. В то время как буржуазная философия паразитирует на затруднениях современной науки и тормозит ее развитие, марксистско-ленинской философии по праву принадлежит то место, которое ранее занимала в системе наук философия классическая. Если наука представляет собой систему законов, в которой осознается окружающий нас мир, то задачей философии является как бы самопознание науки, ее принципов, метода, на основе которого она строится и развивается.

Прошедшие годы нашей философской дискуссии и развитие отдельных наук за это же время снова лишний раз доказали, что в нашу эпоху единственной научной философией является философия диалектического материализма.

Всем же, кто полагал, что материалистическая диалектика—то же, что схоластика, развитие самого конкретного знания ответило тем, что к этой схолистике—и только к ней—обращается оно за помощью для решения своих проблем.

Нужно ли большего подтверждения и торжества материалистической диалектики?

Однако, на ряду с отмеченными положительными результатами, дискуссия с механистами, особенно за последнее время, имела и многие минусы. Сами ее положительные стороны стали превращаться в отрицательные.

Апеллируя ко всем и вся против диалектического материализма, механисты стремились, независимо от их воли, превратить самый марксизм в стране пролетарской диктатуры из ее руководящей теории в дискуссионную проблему. Они отвлекли много сил от положительной работы, положительной разработки метода. Теоретический уровень их воззрений становился все ниже и ниже, по мере того как, сбитые со своих исходных позиций, они теряли какую бы то ни было устойчивость взглядов. В конце концов совершенно безразлично, какой очередной «теоретический» трюк выкидывает сегодня, скажем, А. Варьяш. Пока его читают—критиковать его необходимо, но теперь эта критика не может уже ничем помочь прогрессу марксистской теории, так же как ничего нельзя найти, взрезав дешевую куклу, за исключением трухи, да иногда забавного приспособления для того, чтобы закатывать глаза.

Теоретически дискуссия с механистами действительно окончена. Борьба с ними будет продолжаться за разоблачение ошибок, за разъяснение их массам, за отвоение от них на сторону диалектического материализма всего, что стоит отвоевывать. Но положительная работа в основном должна строиться теперь независимо от потребностей этой дискуссии.

Основная задача, которая стоит перед нами на ближайшее время—внешение марксистско-ленинского метода во все области конкретного знания и осознание диалектики их категорий на основании опыта новой исторической эпохи.

Вторая задача, которая должна быть разрешена, это—дальнейшая разработка самой теории материалистической диалектики.

Однако само собой разумеется, что разработка теории диалектики невозможна «из чистого разума», без предварительной подготовки в деле выявления форм связей и законов всей современной науки. Когда Гегель со-здал свою логику—он опирался на всю совокупность знания его времени. Марксу и Энгельсу удалось установить основные принципы диалектического материализма и дать образцы его применения лишь потому, что они следовали Гегелю в этом отношении. Наша эпоха требует дальнейшей систематизации и разработки метода. Ленин формулировал задачу и указал путь ее разрешения своими теоретическими работами, своим практическим применением диалектики ко всем сложнейшим проблемам классовой борьбы, своими заметками по теории диалектики, опирающимися на всю совокупность марксистской исследовательской работы за ряд десятилетий. Логика Гегеля для нашего времени совершенно недостаточна. Материалистически переработать ее, соответственно требованиям нашей эпохи, можно лишь опираясь на то, что создано Марксом, Энгельсом, Лениным, марксизмом во всем богатстве содержания их учения и опираясь на всю совокупность новейших достижений науки. Без выполнения этих условий ничего поистине значительного

и соответствующего требованиям революционной теории создано быть не может.

Теория материалистической диалектики—не априорная конструкция, не метафизическая система, а живой метод вечно развивающегося научного познания, самопознание его системы связей, категорий и законов.

Задача, которую разрешил для своего времени Гегель, не может быть в наше время вообще решена каким бы то ни было отдельным лицом. Решить ее может только коллектив. Для решения этой задачи необходимо установить ныне, что не должно быть больше философов, которые не занимались бы хотя бы какой-либо конкретной наукой, диалектикой ее категорий и законов.

Глубокомысленному пустословию должна быть объявлена решительная борьба. Покажите, что вы знаете диалектику, применением ее к конкретному предмету,—вот что должно неуклонно требовать у всякого, клянущегося именем диалектики. Такова очередная задача.

Выдвинув ее, мы в одинаковой степени укажем путь удовлетворения и потребностей конкретных наук в настоящее время и потребностей самой философии.

И если весь, значительный уже ныне, философский коллектив с полным единодушием возьмется за выполнение этой сложнейшей, но вместе с тем и значительнейшей работы, нет сомнения, что мы в ближайшем будущем будем одерживать здесь не меньшие победы, чем те, которые одерживали до сих пор в борьбе с механистами.

Задача проникновения в конкретные науки совпадает и с задачей дальнейшего углубления борьбы с идеализмом, поповщиной, современным ревизионизмом вообще. В философской области мы механистов разбили, идеализм бьем непрерывно. Их убежище теперь—специальные науки. Поставим себе целью внесение диалектико-материалистического метода в них, объявим беспощадную борьбу скрывающимся здесь механизму, ревизионизму, идеализму, а подчас и открытой поповщине. Эта задача ставится перед нами всем ходом социалистического строительства.

Больше внимания проблемам исторического материализма, политической экономии, теории литературы и т. д. и т. п.! Больше внимания конкретному содержанию естествознания! Сюда спасается враг, преследуйте его по пятам! Вот очередное звено нашей работы на философском фронте.

Слоченность марксистско-ленинских рядов, неуклонная борьба со всеми искажениями революционной теории и всеми отклонениями от нее, коллективная работа—залог победы.

Резолюция II Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.

I. О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА.

(Принята единогласно по докладу А. М. Деборина).

Вторая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских учреждений считает необходимым продолжать работу в области философии исходя из следующих положений:

1. Марксистско-ленинская философия—диалектический материализм—является единственной научной теорией, дающей пролетариату целостное мировоззрение и оружие в борьбе за пролетарскую диктатуру и социалистическое переустройство общества. Являясь итогом всей совокупности достигнутых человечеством знаний, она подтверждается каждодневным опытом классовой борьбы и каждым шагом вперед научного исследования.

Значение материалистической диалектики в особенности возрастает в условиях современной эпохи — эпохи умирающего капитализма, пролетарских революций и строящегося социализма. Глубокие противоречия современного буржуазного общества, необычайная сложность всех социальных явлений, быстрая смена событий, борьба нарождающихся социальных форм с умирающими, могут быть осмыслены только с точки зрения диалектического материализма.

2. Состояние современной буржуазной философии отражает разложение капиталистического общества. Современная буржуазная философия не только не оплодотворяет положительное знание, но и всячески тормозит его развитие. Жалкое эпигонство, ползуний эмпиризм, формализм, открытая поповщина и мистицизм — таков философский облик современной буржуазии.

Теория II Интернационала является прямым выражением его практики. Открыто защищая буржуазный строй, выступая против революционного движения рабочего класса во всем мире, изменив полностью делу социализма, II Интернационал и в области теории открыто выступает противником марксизма. Отказываясь от диалектического материализма, теоретики II Интернационала во главе с Каутским извращают марксизм и клеветают на него. Как в области философии, так и в области общественных наук и естествознания их воззрения находятся целиком под влиянием буржуазного миропонимания.

3. В то же время в СССР диалектический материализм, неуклонно расширяя свое влияние на самые широкие массы, все более и более проникает во все области научного знания.

Основные задачи, стоящие перед марксистской философией нашего времени, были определены Лениным в его статье «О значении воинствующего материализма». По пути их разрешения за последние годы были достигнуты значительные успехи. Идет систематическая работа по изучению и разработке философского наследия Маркса, Энгельса и Ленина, материалистической переработке гегелевской диалектики, изучение истории материализма и диалектики. Ведется борьба с различными видами современного идеализма, поповщины и ревизионизма как у нас, так и на Западе (этический и религиозный социализм, де-Ман, Каутский, Кунов, махизм, Шпенглер, Гуссерль, Бергсон, виталисты, Берг, эмигрантская философия, фашистская философия и т. д.). Начата разработка проблем современного естествознания с точки зрения диалектического материализма. За эти годы сложился и вырос кадр работников-коммунистов в области философии и естествознания.

4. Однако, вместе с тем, необходимо отметить, что достигнутых успехов далеко не достаточно по сравнению с потребностями и грандиозностью стоящих в настоящее время перед марксизмом-ленинизмом задач. В частности, в области естествознания делаются лишь первые шаги применения марксистского метода. Необходимо усилить и углубить связь работы в области философии с рядом актуальных проблем в области общественных наук, необходимо значительно шире развернуть работы по внедрению методологии Маркса, Энгельса и Ленина в различные области специального знания. Наконец, необходимо принять все меры к расширению кадров подготовленных работников в области марксистской философии.

5. Происходящая в условиях развивающегося социалистического строительства классовая борьба вызывает известное оживление как открыто враждебных марксизму-ленинизму идейных течений, так и различных ревизионистских отклонений от него. Самый доподлинный идеализм и ревизионизм, приспособляясь к условиям диктатуры пролетариата, подчас рядится в марксистские одежды, выступает под флагом специального знания, либо извращает Маркса, Энгельса и Ленина, прикрываясь неправильно истолкованными цитатами из их сочинений.

Непонимание всей сложности переходного периода, противоречивого характера нашего развития, вырастающие отсюда делячество, упрощенство и непонимание громадных теоретических задач, выдвигаемых нашей эпохой, с одной стороны, сопротивление проникновению марксизма-ленинизма в новые области знания, с другой стороны, — питают различные анти- и псевдомарксистские уклоны в философии — позитивизм, отрицание значения материалистической диалектики, искажения ее, уклоны от марксистского и ленинского понимания проблем исторического материализма и т. п.

6. Наиболее активным философским ревизионистским направлением за последние годы являлось течение механистов (Л. Аксельрод-Ортодокс, А. К. Тимирязев, А. Варьяш и др.). Ведя по существу борьбу против философии марксизма-ленинизма, не понимая основ материалистической диалектики и подменяя на деле революционно-материалистическую диалектику вульгарным эволюционизмом, а материализм — позитивизмом, объективно препятствуя проникновению методологии диалектического материализма в область естествознания и т. д. — это течение представляет явный отход от марксистско-ленинских философских позиций.

Конференция считает необходимым продолжать систематическую критику и разоблачение ошибок механического направления с точки зрения последовательного марксизма-ленинизма.

7. Важнейшими задачами, стоящими перед философией марксизма-ленинизма, являются: дальнейшая разработка теории диалектики и углубленное проведение метода диалектического материализма как в области обще-

ственных наук (в области исторического материализма, экономики, истории, права, литературоведения и т. п.), так и в области естествознания.

Кризис, переживаемый современным теоретическим естествознанием, является продолжением того кризиса, анализ которого был дан еще Лениным. Новейшие успехи естествознания не умещаются в рамках старых механистических и формально-логических теорий. На этом паразитирует буржуазная философия, стремящаяся использовать кризис естествознания для своих целей. Однако действительного разрешения основных методологических затруднений естествоиспытатели могут достигнуть только применяя метод материалистической диалектики. Современное естествознание «лежит в родах. Оно рождает диалектический материализм» (Ленин).

Конференция отмечает, что разрешение задачи разработки теории материалистической диалектики и методологии современного естествознания возможно лишь на основе самой тесной связи между работой марксистов в области философии и естествознания.

8. Пролетарская революция, расстав старые представления и предрассудки в широких массах, выдвигает задачу выработки нового мировоззрения в широчайших слоях рабочего класса.

Решительный удар по религиозной идеологии может быть нанесен только распространением диалектически-материалистического мировоззрения в массах. Положительное содержание антирелигиозной пропаганды может быть дано только тем, что она будет строиться на основе диалектического материализма.

Поэтому конференция считает необходимым расширение издания атеистической литературы, удовлетворяющей новому этапу антирелигиозной пропаганды.

9. Конференция считает необходимым расширение и углубление преподавания в вузах и комвузах диалектического материализма.

10. Конференция считает необходимым сосредоточить всю работу в области философии на почве неуклонной борьбы за учение Ленина, органически связывая разработку теоретических вопросов философии с задачами социалистического строительства и борьбы за коммунизм.

11. Конференция приветствует опубликование философского наследия Ленина, дающего новый толчок к разрешению основных проблем диалектического материализма, и считает разработку этого наследия насущнейшей задачей диалектиков-материалистов.

II. О ЗАДАЧАХ МАРКСИСТОВ-ЕСТЕСТВЕННИКОВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕКЦИИ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ТОЧНЫХ НАУК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

(Принято единогласно по докладу О. Ю. Шмидта).

1. Реконструкция народного хозяйства СССР выдвигает на одно из первых мест развитие крупнейшего фактора этого процесса—теоретического естествознания. С другой стороны, кризис современного теоретического естествознания (являющийся кризисом роста), которым стремятся воспользоваться все антимарксистские течения, от механистов до идеалистов включительно, ставит перед марксизмом неотложную задачу овладения этой областью.

2. Западная наука не представляет единого целого. Большой ошибкой было бы отделять огульную характеристикой ее как «буржуазной», или идеалистической». Ленин отличал «стихийных» материалистов, к которым в то время принадлежало большинство экспериментаторов, от идеалистов,

механистов и пр. В настоящее время это деление еще осложняется, с одной стороны, под влиянием накопления нового фактического материала, с которым теория не справляется, а с другой,—под влиянием политической обстановки после войны и революции. Классово-политические причины заставили большинство ученых проделать поворот вправо в сторону явного идеализма. Решения пропекуется открыто в научных журналах. Каждое затруднение в объяснений новых явлений дает пищу разлагающему скепсису, а некоторыми учеными встречается с восторгом, так как позволяет «освободить дух от гнета законов природы».

3. С другой стороны, растет стихийная, несознательная тяга к диалектике. Противоречия в основных вопросах науки (например, проблема пространства и времени, строения материи, причинности), радая идеалистичные настроенных естествовников, толкают другую часть ученых на настоячивые поиски выхода. Никогда не осознавалась так сильно потребность в синтезе. Так как примитивный механический материализм разрешить эти противоречия не в силах, то объективный ход развития науки привел к моменту, когда только диалектика может вывести ее из глубокого кризиса. Сознательных диалектиков-материалистов на Западе нет, но элементы диалектики имеются у очень многих научных мыслителей, часто в идеалистической или эклектической оболочке. Наша задача—найти эти зерна диалектики, очистить и использовать их.

4. Ученые СССР частью бредут на поводу «новейших» западных видоизменений идеализма и агностицизма, частью—традиции старого упрощенного материализма (механистического), а в небольшой, но растущей части сознательно изучают диалектический материализм. Последние обычно одновременно и в политическом отношении идут с нами. Рост нашего влияния на беспартийных будет пропорционален как общим успехам строительства социализма, так и нашим успехам в разработке диалектического материализма и естествознания. Овладение диалектикой дается беспартийным естествовникам нелегко. На первых порах выплыли весьма легкомысленные и непродуманные «учения», пользующиеся марксистской терминологией и даже претендующие иногда на монополию звания марксистов (в своей науке), но не имеющие для этого достаточных оснований.

5. Борьба диалектиков и механистов, в силу отсутствия в лагере диалектиков подготовленных естествовников, вначале получила форму дискуссии между философами, с одной стороны, и естествовниками, с другой. Рост наших собственных кадров вскоре, однако, изменил ситуацию, и борьба уже перекинулась в лагерь самих естествовников. Механистическая группа остановилась беспомощно перед возникшими затруднениями и, не будучи способной подвергнуть накопившийся материал диалектической обработке, тянула философию и естествознание назад, ослабляя тем наши позиции в борьбе с идеализмом, а иногда, сама того не сознавая, скатывалась к идеализму. Эта борьба, отнявшая много сил и времени, имела следующие результаты: а) углубила понимание диалектического материализма в среде естествовников-марксистов; б) возбудила у естествовников немарксистов интерес к диалектическому материализму, у некоторых и стремление его изучать; в) показала философам-марксистам крайнюю необходимость большей увязки их работы с работой естествовников. Однако эту борьбу ни в коем случае не следует еще считать законченной, ибо и в настоящее время значительная часть естествовников, делая в своих конкретных исследованиях порой блестящие диалектические построения, вследствие отсутствия философского образования и боязни последовательных марксистских выводов, в общетеоретических заключениях тяготеет к механистическому миропониманию.

6. Наша борьба за диалектический материализм в естественных науках несравненно труднее, чем в общественных. Причина:

а) Во время, как буржуазные учения в обществоведении давно уже обнаружили свое бесплодие, естествознание, опираясь на развитие экспериментальных методов, продолжает давать блестящие результаты, хотя и в обстановке нарастающего кризиса науки.

б) Марксизм в общественных науках имеет уже свою историю. Он продолжал после Маркса-Энгельса теоретически разрабатываться и практически проверяться в действии, получив в связи с революцией огромный размах под руководством Ленина. В естествознании же после Энгельса марксизм почти не разрабатывался, и только у Ленина мы имеем сравнительно немного, правда, гениальных страниц.

в) Наличных сил у нас в естествознании неизмеримо меньше, чем в общественных науках. Их ничтожно мало по сравнению с разветвленностью естественных наук и силами буржуазной науки.

7. Огромность задачи и недостаток сил диктуют на ближайшие годы следующую программу работы:

а) Собирать и воспитывать кадры подготовленных марксистов-естественников.

б) Сплачивать вокруг них широкие слои естественников-материалистов.

в) Разрабатывать и применять материалистическую диалектику как в конкретных областях отдельных наук, так и в естествознании в целом.

г) Пристально следить за идеалистическими течениями в буржуазном лагере.

д) Добиться идеологической гегемонии среди передовых естественников в СССР, оказывая всяческую поддержку близким нам по идеологии течениям.

е) Активно вмешаться в борьбу течений на Западе.

8. Совершенно необходим тесный союз с марксистами, работающими в общественных науках и в области философии. Кустарные попытки механистов построить «свою» философию на основе современного естествознания, оторвано от развития диалектической философии и обществоведения привели к печальным результатам.

9. Марксистская методология естественных наук не может строиться на общих суждениях, оторвано от конкретных проблем науки и от участия в конкретной, экспериментальной работе. Экспериментальная работа естественников-марксистов должна попрежнему вестись и вне учреждений Коммунистической Академии при поддержке последней. Но для сохранения руководства в наших руках необходимо, чтобы Коммунистическая Академия имела и свою опорную экспериментальную базу в виде научных институтов по основным отраслям. Опыт создания при Коммунистической Академии Института по изучению высшей нервной деятельности оказался очень удачным. Настоятельно необходимо в ближайшую очередь включение в состав Коммунистической Академии биологического научно-исследовательского Института им. К. А. Тимирязева. В УССР необходимо при УНИМ создание руководящего естественно-научного исследовательского учреждения с экспериментальной базой.

10. Конференция одобряет деятельность Секции естественных и точных наук К. А. по сплочению кадров и организации периферии, которая выразилась в создании успешно развивающихся свою работу обществ материалистов (физико-математиков, биологов, врачей и психоневрологов), а также аналогичную работу, проводящуюся в УССР. Конференция считает необходимым организацию обществ естественников-материалистов по типу существующих при Коммунистической Академии в союзных республиках с отделениями в главных культурных центрах и объединение их во всеююзные ассоциации. Центральным органом этих организаций должен быть журнал «Естествознание и Марксизм», выход которого конференция приветствует. В редакцию журнала должны войти представители союзных республик.

11. Конференция считает одной из актуальных задач Коммунистической Академии изучение истории естествознания. Работа, которая до сих пор ведется в этом направлении, явно недостаточна. Необходимо расширить существующий при секции естественных и точных наук кабинет истории естествознания, обеспечить его материально и привлечь к его работе молодые кадры естественников. Необходима организация аналогичных научно-исследовательских учреждений в союзных республиках.

12. Конференция считает недостаточной пропаганду марксистского естествознания среди широких масс, которая велась до сих пор, что дало возможность захвата части научно-популярной деятельности кругами, враждебными марксизму. Следует приступить к энергичному проведению этой пропаганды как путем руководства литературной и преподавательской работой, так и путем создания музеев по пропаганде материалистического естествознания при Коммунистической Академии и аналогичных учреждений в союзных республиках и крупнейших научных центрах.

13. Необходимо решительное усиление внимания к вопросу о расширении кадра марксистов-естественников и о закреплении их на научной работе.

14. Рост наших кадров, пробуждающийся интерес к углубленной методологической проработке основных проблем естествознания, делает актуальной необходимость созыва всеююзного съезда естественников-материалистов Коммунистической Академии должна немедленно приступить к организации этого съезда, который следует созвать в течение 1929/30 акад. года. В оргбюро съезда должны войти представители союзных республик.

15. Собрав кадры и укрепив во внутренней дискуссии, естественники-марксисты должны, наконец, выступить с границей. Перевод лучших наших работ, организация выступлений на съездах с платформой диалектического материализма, участие в научных журналах статьями методологического характера, установление связи с относительно близкими нам научными кругами—первые этапы на этом пути.

Заметки по поводу „возрождения Гегеля“ в Германии.

К. Шмюклер.

В 1927 году в Германии вышла небольшая, но довольно поучительная книжка о зарождении, современном состоянии и принципиальной установке «неогегельянского» движения¹⁾. На разборе этой книжки мы постараемся выяснить, в форме кратких критических замечаний, некоторые отличительные черты этого «движения».

«Тот факт, что в Германии философия Гегеля, примерно с середины XIX века все больше терявшая почву в умах, снова сделалась за последние десятилетия предметом живого интереса» (стр. 5), — составляет исходный пункт автора, его первый тезис. И он тотчас же заостряет его своим утверждением, что философия Гегеля, эта «величайшая попытка метафизической интерпретации действительности», снова находит сильный отклик в «умственной жизни Германии», и именно среди таких направлений «научной философии», которые прежде резко противопоставляли себя гегельянству. Названное обстоятельство привело к тому, что философию Гегеля опять стали изучать ради в ней самой «содержащейся истины», что истина ее основных идей и, следовательно, истина метафизической «интерпретации действительности» снова находит своих провозвестников.

Кто немножко знаком с развитием буржуазной философии в Германии с начала нашего века, тот не будет отрицать «исторической» правильности «исторического» тезиса автора. Но в особенности последнее десятилетие, истекшее со времени окончания мировой войны, породило столь же «многостороннюю», сколь обильную «неогегельянскую» литературу, которая разрасталась с каждым годом и несомненно будет разрастаться и дальше. Отдельные мелкие ручейки «неогегельянства» уже слились в сильное «неогегельянское» течение или направление. То обстоятельство, что появилась разбираемая работа, имеющая отчасти программный характер, т. е. что уже сейчас можно определенно говорить о «возрождении» гегельянства в широком смысле этого слова, само по себе является «фактом», характеризующим определенную ступень развития этого философского направления.

Известно, что в то время, когда Карл Маркс писал первый том «Капитала», «крикливые, претенциозные и ограниченные эпигоны, задающие тон в современной образованной Германии, с особенным удовольствием третировали Гегеля, как некогда, во времена Лессинга, доблестный Моисей Мендельсон третировал Спинозу, а именно как «мертвую собаку»²⁾. Известно также, как Карл Маркс выступил тогда в защиту исторического зна-

чения Гегеля и рационального содержания его учения против вульгарных хулиганов Гегеля. С тех пор обстановка радикально изменилась. Буржуазные философы, задающие ныне тон в «общей умственной жизни Германии», обожают великого Гегеля, аристократического Гегеля, метафизического Гегеля, «христианского» и «германского» Гегеля. А младшее поколение «рыцарей германского духа» усердно старается извлечь из элементов старой гегелевской философии «положительно-реалистическую» и вместе с тем «положительно-спекулятивную» эссенцию, которая могла бы излечить от бесплодия престарелую госпожу философию. И не только идеализм, но даже диалектика Гегеля получила в устах этих людей «глубоко торжественный» и «глубоко серьезный», поистине цеховой оттенок. Положение вещей таково, что автор разбираемой работы может заявить: «Новое возрождения Гегеля; с тех пор как в 1910 году Виндельбанд возвестил о «возрождении гегельянства», оно непрерывно менялось в своих формах и как раз в последние годы дало новые исследования по разнообразным частным вопросам и новые приближения к Гегелю» (стр. 8). А в конце своей работы он заявляет: «Значение возрождения Гегеля для современной философии... едва ли нуждается в определении; оно оказалось живым и многообразным движением, охватывающим все содержание проблем, над одолением которых трудится философия нашего времени; внутри него работа над основными проблемами философии, вплоть до последних вопросов логики, соединяется с попытками построения отдельных философских дисциплин, обширных областей философии и в конечном счете философской системы» и т. д. (стр. 93).

Поистине мы, марксисты, вынуждены теперь взять под свою защиту действительного и исторического Гегеля подлинное рациональное ядро его мысли против елейно-патетических и велеречивых обожателей Гегеля из буржуазного лагеря, совершенно так же, как Маркс и Энгельс защищали в свое время против «крикливых, претенциозных и ограниченных» хулиганов Гегеля его великое наследие. Но этим далеко еще не исчерпываются задачи марксистов по отношению к этому буржуазному и идеалистическому «возрождению», вернее сказать — к этой реставрации гегельянства.

Неогегельянцы очень любят доказывать «правомерность» своего «движения» исторически (книжка Г. Леви посвящена, главным образом, этой цели); гегелевская история философии необычайно импонирует этим господам; в особенности они надеются преодолеть современную анархию бесчисленных философских систем и оттенков мысли путем спекулятивного объединения исторической (в смысле истории идей, «истории проблем» и т. д.) и «систематической точки зрения». Роль диалектики (или того, что они принимают за таковую) сводится, по крайней мере у философов-специалистов, прежде всего к «постижению внутренней связи между системой и историей философии». (История философии!). «Здесь обнаруживают свое действие и общие условия духовной истории. За эпохой, увлекавшейся собиранием материалов и анализом, последовала эпоха синтеза и тяги к смысловой интерпретации (Sinndeutung). Если сознанию предшествовавшей эпохи философия Гегеля должна была казаться бессмысленной, то теперь собственный принцип этой философии сразу осмысливает ее самое, ее антитезу и новый синтез (в наше время); она ставит перед нами задачу — осуществить ее синтез на высшей ступени» (стр. 92). Тут перед нами весьма поучительный образец «исторической диалектики» неогегельянцев. Но, когда эти господа рассматривают общую историю гегелевской философии, ее «превратные судьбы», они большей частью проходят

¹⁾ Dr. Heinrich Levy, Die Hegel-Renaissance in der deutschen Philosophie mit besonderer Berücksichtigung des Neukantianismus Charlotenburg, 1927.

²⁾ Маркс, Предисловие ко второму изданию I тома «Капитала», 1873 г.

мимо целого ряда пунктов молча или роняя лишь несколько презрительных слов. Так, философская и политическая роль гегельянской «левой» в тридцатых и начале сороковых годов почти не вызывает в них интереса; по вопросу о разложении гегельянства после смерти Гегеля они обыкновенно ограничиваются несколькими недовольными фразами об известных «роковых теориях» и «исторических судьбах» гегелевской философии; о Людвиге Фейербахе упоминают лишь мимоходом, презрительно пожав плечами, и т. д. Мы должны поэтому слегка подсобить «синтетической» памяти этих господ и прежде всего указать им на одну определенную эпоху в истории гегельянства.

Однажды философия Гегеля уже сыграла огромную роль в умственной жизни Германии, однажды диалектика уже была «модой в Германии» (выражение Маркса). Она могла стать таковой в силу ее тогдашней «мистифицированной формы», в силу того, что она «давала, повидимому, возможность набросить покрывало на существующее положение вещей»¹⁾. Реальные исторические условия—рост противоречий между экономическим развитием буржуазного общества и реакционной прусско-абсолютистской государственностью, развитие буржуазно-либерального и мелкобуржуазного радикального движения и т. д.—эти условия сами создали предпосылки для разложения гегельянства, а вместе с тем и для его уничтожения как общественной «моды». Принципиальная критика гегелевской философии была начата Фейербахом, направившим свой удар против философских основ гегельянства, а радикальное завершение этой критики было дано еще молодым тогда Карлом Марксом. Марксова критика, прорвав чисто-теоретический круг вопросов, сразу направилась на политическую и теоретико-государственную базу Гегелева учения. Но эта критика не ограничилась одной лишь философско-политической системой,—ее предметом было нечто более конкретное, нечто содержавшее в себе больше общественной реальности. Марксова критика «немецкой государственно-правовой философии, получившей в работах Гегеля свою самую последовательную, самую содержательную и законченную формулировку», была «и то и другое,—как критический анализ современного государства и связанной с ним действительности, так и самое решительное отрицание всей донныне существующей формы немецкого политического и правового сознания, самым благородным, универсальным, до степени науки возвысившимся выражением которого является именно сама спекулятивная философия права»²⁾. Эта критика была одновременно историческим и радикально-политическим актом (неудивительно, что об этом «гегельянцы» наших дней лишь изредка обмолвятся словечком); эта критика открыла собою эру научного социализма и вместе с тем восприняла гегелевское ядро, высвободив его из гегелевской скорлупы. И Маркс, и Энгельс еще не раз возвращались впоследствии к основным философским учениям Гегеля, критика гегельянства была ими по существу завершена,—но первый решающий удар был направлен именно против политического (и социального) облика этой философии, ибо это наиболее соответствовало радикальным потребностям и поступательному ходу классового движения. Явившись в то же время похоронным звоном для мелкобуржуазно-радикальной, но всецело замкнутой в философских границах идеологии «младогегельянцев», эта критика в действительности вообще покончила с идеоло-

гическим веком, временно вознесшим дух Гегеля на степень самого «мирового духа».

И вот почти сто лет спустя гегельянство как будто снова воскресает из мертвых, «диалектика» опять становится «модой в Германии». Некоторые явления повторяются иногда в истории чрезвычайно причудливо на первый взгляд. Однако никакой мистической тайны здесь нет. Во всяком случае критика «возрождения Гегеля» должна искать своего подлинного предмета прежде всего вне сферы самого гегелевского мышления. К этому мы тотчас же найдем неоспоримые тому доказательства в цитатах из представителей самого этого направления, что «гегельянство» это «возрождение» должно быть, во-первых, эклектическим и формалистическим искажением исторического Гегеля. И столь же ясно, во-вторых, что это небгегельянство может играть в современной буржуазно-реакционной Германии только роль грубого фетиша, философского и политического. В-третьих, наконец, нетрудно убедиться, что с объективной точки зрения именно всесторонняя, непрерывная, многолетняя борьба буржуазных идеологов против диалектического материализма совершенно определенно содействовала возникновению «реставрированного» гегельянства. Но если современные буржуа так усердно выдвигают против материалистической диалектики марксизма идеализм Гегеля и мистическую оболочку его диалектики (пустую оболочку), то они еще менее, чем некогда представители «правого», «ортодоксального» гегельянства, могут скрыть специфическую подоплеку и специфическую цель своего «чисто-философского» усердия: в конечном счете все дело сводится к апологии «духовных ценностей» или «культурного существования» современного капиталистического общества.

В самом деле: «Ни для кого не тайна, что наше время ждет научного разрешения метафизических проблем, что оно стремится создать себе родной дом в последней глубине мыслящего духа, выразить в удовлетворяющих его понятиях свое чувство жизни и мира»... Впрямь ли невозможна метафизика? Что такое вообще метафизика? Эта проблема снова возникла, по мнению автора, в последнее время со всей серьезностью; именно она и есть «самая жгучая проблема для человеческого духа вообще» (читай: для «духовных потребностей» германской буржуазии). Так формулирует другой «неогегельянец», Рихард Кронер, самый общий исходный пункт своей историко-философской работы о ходе развития «от Канта к Гегелю»¹⁾,—автор, о котором Г. Леви пишет: «Из всех философов, вышедших из неокантианских школ, едва ли кто пленен в такой мере духом Гегеля, как Рихард Кронер» (стр. 80).

Мы, с нашей стороны, ставим «жгучие вопросы» несколько иначе, чем «человеческий дух вообще». Говоря конкретнее, мы спрашиваем: откуда, куда и почему?

Мы спрашиваем в данном случае: откуда, из какой «жизненной и мировой» подпочвы появляется это «чувство жизни и мира» у «нашего времени»?—Из реального жизненного уклада специфически контрреволюционных классов, из практических условий архи-реакционного общественного строя. И к чему сводится «удовлетворяющая» наше время философия?—К метафизической и даже к философски-религиозной и «нео-мистической» аологии данных реакционных условий жизни—и ни к чему больше!

Здесь не место подробнее останавливаться на характерных чертах этого «возрождения Гегеля». Но самый «факт», установленный Г. Леви, неоспорим и даже охватывает сферу большего радиуса, чем это, повидимому, думает он сам. В разбираемой работе Г. Леви мы не находим, например, ни

¹⁾ R. K r o n e r, Von Kant bis Hegel, Bd. 1 (Tübingen 1921), S. 24—26. Разрядка наша. Ш.

¹⁾ Маркс в упомянутом предисловии ко второму изданию I тома «Капитала».
²⁾ Маркс, К критике гегелевской философии права (Маркс и Энгельс, Сочинения, под ред. Д. Рязанова, т. I, стр. 405). Разрядка наша. Ш.

слова о теоретико-политических произведениях неогегельянства, хотя такие политические историки, как, например, Мейнке, а также Розенцвейг, фактически едва ли меньше способствовали «возрождению» гегелевской философии, чем философы или «исследователи духовной истории», вроде Дильтея и Виндельбанда, хотя, с другой стороны, как раз в последние годы выступили авторы, которые с помощью мистифицированных «гегельянских» категорий попытались создать из государства (из современного буржуазного государства!) гигантский кумир, возносящийся «от земли до неба». — Но посмотрим, как анализирует наш автор установленный им «факт» в пределах самой философии. Прежде всего он расчленяет его на следующие области: 1) данные, относящиеся к «общей истории духа», 2) данные «имманентной истории философии» и 3) «чисто-систематически-философские данные». Он прямо ставит вопрос: «Как понять и что это значит, что эта философия (гегелевская), которая... сто лет тому назад явилась самопознанием немецкой духовной жизни в период ее расцвета..., что эта философия, на целых полвека так низко павшая во мнении современников, как бы вновь проснулась к жизни в эпоху с совершенно другим культурным строем и обликом?» (стр. 5). Действительно, такова совершенно правильная постановка основной объективной проблемы «гегельянского возрождения» (Только Г. Леви и его единомышленники никак не могут дать на этот вопрос реального исторического ответа). В дальнейшем, однако, автор узко ограничивает свое исследование областью истории философии и притом одним частным вопросом из этой области: он хочет лишь показать на «определенном числе проблем», как, «исходя из вполне или частично анти-гегельянских позиций, начинают подниматься до точек зрения, близких к Гегелю» (стр. 6), — другими словами: как от современной «философии жизни», с одной стороны, и от неокантианских направлений, с другой, философское развитие ведет к возобновлению гегельянства. Согласно этой программе автор рассматривает в отдельных главах, местами содержащих очень интересные ссылки и цитаты, сначала «возрождение Гегеля в философии жизни» (Дильтей, Шпрангер, Теодор Литт, Ганс Фрейер, Трельч), а затем «путь Георга Зиммеля к гегельянскому метафизике». Но особенно подробно исследуется «рост возрождения Гегеля в неокантианстве, т.е. в марбургской школе (Коген, Наторп, Эрнст Кассирер, Николай Гартманн, Либерт), с одной стороны, и в «юго-западной германской школе» (Виндельбанд, Риккерт, Ласк, Баух, Р. Кронер, Йонас Кон) — с другой. То, что автор «констатирует» по поводу различных «неогегельянских» тенденций в неокантианских школах, действительно, до некоторой степени неожиданно. Автор сам называет «наиболее знаменательным результатом» своего исследования то обстоятельство, что «все три направления... как философия жизни, так и неокантианские школы, подошли со своих различных исходных пунктов к определенно-диалектической метафизике гегельянского типа. Уже этим одним доказано существенное значение гегельянского возрождения в философии» и т. д. (стр. 90).

Не новость, конечно, что такие люди, как Дильтей, Трельч и т. д., усвоили себе в своем философском развитии «гегельянские элементы» — как в своей общей формальной позиции по отношению к основным вопросам философии, так отчасти и в постановке определенных логических и методологических проблем. Дильтей еще в восьмидесятых годах минувшего столетия, когда над развалинами гегелевской философии профессорствовали «крикливые, претенциозные и ограниченные» эпигоны, первым затворил о необходимости положить, наконец, предел третированию Гегеля и понять исторически и положительно его великое наследие. Трельч усердно и проникновенно — но, увы, совершенно тщетно — пытался путем крити-

ческого разбора гегелевской философии, с одной стороны, и марксистской диалектики, с другой, поставить проблему «современной» «исторической диалектики» или «динамики» и посредством решения этой центральной проблемы преодолеть «кризис историзма» и т. д. и т. п. Но кто бы ожидал, что у Когена, у Кассирера или Риккерта и др., вообще на почве принципов неокантианства, можно открыть и «позитивно» выявить гегельянские тенденции? А именно это и делает Г. Леви, именно в этом он усматривает гарант «успешного» развития неогегельянского движения. Он заявляет: в поисках за «логическим фундаментом» для «науки о конкретной духовной жизни» философия жизни встретила с неокантианством, поскольку оно стремилось выяснить условия возможности культуры» («условия» надо здесь, конечно, понимать в «трансцендентальном», а не в историческом смысле). При этой встрече различных устремлений выявились «общие проблемы», и эта их общность углубила понимание «единства и целокупности проблем» (стр. 92). Именно неокантианство следует считать тем движением, которое было «предопределено для возрождения Гегеля» (стр. 92). Постепенное усвоение всего кантовского наследия, аналитическая проработка и внутреннее объединение этого наследия и затем «дальнейший переход к философии культуры» привели к гегелевским проблемам и методам, а в конечном счете — к «требованию большого синтеза», подобного синтезу, выполненному некогда самим Гегелем. «Но по поводу всех этих попыток дальнейшего развития кантовской философии следует помнить, что мы имеем тут гораздо более резкие дифференциации, чем на том пути, который впервые привел к Гегелю; синтезу предшествуют аналитические различения», потому что как естественные, так и «социальные» науки ставят в наше время новые вопросы как раз в этом аналитическом направлении, и т. д. «Тем интенсивнее и жестковнее может оказаться синтез» (стр. 91).

Именно эти «аналитические» элементы неокантианства продолжают действовать, по мнению нашего автора, внутри неогегельянства в «положительном» и даже в решающем смысле, сообщая ему «многообразный и живой характер» (стр. 91). Но, принимая далее во внимание и все остальные притоки неогегельянства, он формулирует свою мысль еще шире: «Именно в разнообразии и дифференциации проявляется широта и глубина возрождения Гегеля» (стр. 90).

По поводу этих положений приходится, однако, сделать целый ряд весьма скептических замечаний. Во-первых, то, что здесь прославляется как «дифференциация» и живое «многообразие», являет на самом деле хаотическое зрелище «широкого» эклектизма. От «трансцендентального» агностицизма до метафизического «позитивизма», от исторического витализма (если можно так выразиться) до нео-шеллингианства или «положительной» философии открытия тут перед нами тысяча различных «идей», которые сплетаются в противоречивый клубок и лишь формально «объединяются» на почве исповедания гегелевского идеализма.

Во-вторых, значение, придаваемое автором «аналитическим» («кантианским») элементам, принадлежало на самом деле тем агностическим, скептическим, релятивистическим идеям, которые во всевозможных модификациях так властно господствовали долгое время, особенно в эпоху перед мировой войной, и не только в неокантианских кругах (вспомним, напр., о философском развитии Зиммеля); этот философский и прежде всего историко-философский скептицизм был выражением сомнения в «культурных ценностях» современного мира, он был своего рода абстрактной и косвенной «самокритикой» буржуазного общества, обобщаясь до выражения «открытого полного

«кризиса» буржуазного мировоззрения, но именно поэтому становясь вместе с тем предпосылкой для реакционного, поповского «возрождения» метафизики вообще и «диалектической метафизики à la Гегель» в частности.

Это превращение отрицательного релятивизма в положительный мистицизм — элементов разложения в положительно реакционные элементы — произошло как будто «автоматически», на самом же деле под давлением грандиозных социальных потрясений с 1914 и в особенности с 1918 и 1923 гг. В сознании самих представителей этого движения оно рисуется как общий «синтез на высшей ступени». Специальная формула неогегельянцев гласит: аналитический релятивизм плюс синтетическое умозревание — «диалектическая метафизика гегельянского типа» (Леви, стр. 90).

В-третьих, поскольку наш автор старается путем анализа деталей «исторически» вскрыть неогегельянские тенденции именно в неокантианских направлениях, «констатируемые» ими факты сводятся в общем к следующему: чем больше неокантианство исчерпывало свои «кантовские» возможности, чем очевиднее оно оказывалось не в состоянии справиться при помощи своих застывших «трансцендентальных» категорий с современной революцией в естествознании и с первыми (по существу диалектическим) результатами этой революции и чем большее внимание оно поневоле должно было уделять проблемам общественной и исторической действительности, — тем все больше оно «автоматически» теряло почву под ногами. Казалось, что развитие классической немецкой философии от Канта к Гегелю неизбежно должно исторически осуществиться «еще раз». И эта необходимость вскоре была сознательно высказана в форме требования. Этот «путь, уже пройденный историей, должен быть теперь пройден еще раз с историко-систематической целью», — так пишет (еще отчетливее, чем Г. Леви) Р. Кронер, автор историко-философского труда «От Канта к Гегелю», который уже в самом своем заглавии содержит целую философскую «систематическую» программу.

На самом деле путь философии от Канта к Гегелю явился в свое время огромной «философской революцией», — современный же путь от неокантианства к неогегельянству есть не что иное, как постепенное, педантическое, вульгарное раскрытие философской контрреволюции. В этом «вся» разница.

Взглянем теперь на «возрождение Гегеля» с другой стороны, т.е. со стороны его отношения к самому Гегелю. К «гегельянским» положениям и «гегельянским» открытиям нашего автора и тут нельзя отнестись иначе, как скептически и иронически. На них лежит печать такого понимания Гегеля, которое с философией исторического Гегеля имеет не очень-то много общего. На Г. Леви, как и на корифеях неогегельянства, обнаруживается с пластической ясностью, что все своеобразное и прогрессивное в гегелевской философии, ее конкретная логическая структура, ее «генетический историзм» и прежде всего ее насквозь революционный метод — фактически и неизбежно остаются чуждыми и непонятными «эпохе с совершенно другим культурным строем и обликом». Отсюда происходит то, что у современных эклектиков внешняя мистическая оболочка, в которой у Гегеля является «основная форма всякой диалектики», заменяет собою реальное содержание; что их интерес направлен не столько на диалектический метод научного постижения, сколько на диалектическую метафизику» и т. д.

Только оставаясь на формалистической точке зрения, может господин Генрих Леви собрать в садах неокантианства такие обильные «гегельянские» плоды. Только при этом условии может он, например, открыть у Ницше «зна-

чительное сродство» и «неожиданные соприкосновения с Гегелем» (стр. 16—17) и включить в этот круг идей даже господ Шопенгауэра и Освальда Шпенгера. Только поэтому может он уверять, что в подлинно-историческом смысле «преemptивность гегельянства» (стр. 13) никогда не прекращалась, что и после 1848 г. основные воззрения Гегеля мощно проникали «в обширную область наук о культуре» и даже в область «духовной и социальной жизни» (стр. 10). Приблизительно то же утверждает один из учеников Дильтея, Э. Роттакер, в своем «Введении в науки о духе» (E. Rothacker, Einleitung in die Geisteswissenschaften). И, прибавим еще, только этим формализмом можно объяснить, что Гегеля, как теоретика государства, ныне почти в один голос объявляют великим пророком империалистического (германского) государства и империалистической (германской) политики, т.е. апологетом так наз. «сильного государства», что его в особенности прославляют, как «идейного Бисмарка до Бисмарка исторического», как «предтечу» имперской политики 1871 г. и т. д.

Формализм такого понимания заключается прежде всего в том, что оно фактически превращает рациональное содержание гегелевской философии в нечто чисто-формальное; в этом и только в этом абстрактном смысле Гегеля «признают»; напр., сейчас «великим эмпириком». Названный формализм состоит, далее, в том, что, наоборот, — исторически-обусловленная граница, т.е. спекулятивная, метафизическая, полурелигиозная форма гегелевской мысли провозглашается ее единственным содержанием, что в ней полагаются историческое значение Гегеля. Так, напр., диалектический метод Гегеля был «принят» только потому, что в нем усмотрели лишь связующий логический «цемент» всего здания гегелевской философии и с этой формальной стороны «нашли возможным» использовать его для доказательства принципиальной «истинности» идеализма. Но именно идеализм, «истинность» идеализма, и является главнейшей целью, а диалектическая конструкция идеализма есть во всяком случае — напр., по сравнению с довольно недипломатичной, судорожной реабилитацией идеи и религии у Канта — наиболее совершенная и «плодотворная» конструкция (это мы смело можем утверждать к чести диалектики даже в ее мистифицированной форме). То, что искали у Гегеля как самое важное для себя, то и нашли у него; и затем приняли это за самое важное в гегелевской философии «вообще и в целом».

Когда Фейербах и Маркс направили против основных воззрений Гегеля свою логически решающую критику, о которой мы говорили выше, они остановились именно на основных логических отношениях: на отношении формы и содержания, сущности и явления, определяющих и обусловленных категорий, производящих и производных моментов, «субъекта и предиката» и т. д. Результатом их критики было восстановление истины и действительности этих отношений, которые Гегель поменял местами, «перевернул вверх ногами», изложил в искаженной и мистической форме. Представители современного «возрождения Гегеля» вносят в эту историческую критику гегелевской философии «небольшое исправление»; они делают это довольно последовательно, принципиально и «планомерно»; можно даже сказать, что они концентрируют свои усилия (до некоторой степени распределив между собою роли) на тех же областях гегельянства, против которых направили оружие своей критики Фейербах и Маркс: на диалектической логике, на диалектическом понимании истории, на диалектической теории государства и общества. «Неогегельянцы» провозглашают «критику критики», — хотя критику Маркса и Фейербаха они большей частью попросту игнорируют или замалчивают; но, когда уж они об ней говорят, они объявляют переход от гегельянства

к марксизму—от идеалистической к материалистической, от «мистической» к «рациональной» диалектике—грехопадением прекрасного архангела Люцифера, «падением титанов с Олимпа» (выражение господина Пленге). Но как в действительной диалектике отрицание отрицания никогда не «возстает», так и гегельянство этой новейшей «критики критики» отнюдь не совпадает со старым, «подлинным» гегельянством. Что верно относительно эпох политической «реставрации», то не менее верно и по отношению к эпохам «реставрации» идеологической: никогда старое не может быть воскрешено на основе нового, никогда отжившие формы не могут быть восстановлены в чистом и подлинном виде на основе новых содержаний. Такова неизбежность. И именно эта неизбежность следует из «совершенно изменившегося культурного строя и облика» нового времени, т. е. из всей современной общественной обстановки. Это «совершенное» изменение объективных общественных условий налагает в конце концов свою печать и на то «философское» видоизменение, которое претерпевает учение и исторический образ Гегеля в руках «неогегельянцев»: в действительности это—реакционнейшее перетолкование, фальсификация Гегеля.

В философском отношении упомянутая только что «слепая» неизбежность получает иногда и явное выражение, например, у нашего автора в программном требовании «методически преодолеть» «ошибки» гегелевской философии с помощью гегелевского идеализма. Ибо, видите ли, «как ни велико превосходство этого мыслителя еще и в наше время, как много поучительного мы ни находим у него,—все же судьба его философии и работа, произведенная после его смерти над философскими проблемами, научили нас видеть его ошибки, и даже те, в ком гегельянский тип мышления выражен наиболее резко, стараются избегать их» и т. д. (стр. 92—93). Г. Леви приводит следующий список «ошибок» Гегеля: «они содержатся особенно в религиозной проблеме, впервые расколовшей его школу, в отношении идеи эволюции к замкнутой системе, в возведении объективного духа его времени на степень абсолюта, в схематическом (!) применении диалектики, в двусмысленности разумно-действительного, не дающей надежного масштаба для определения «случайного» (стр. 93). Мы не можем здесь заниматься подробным рассмотрением этих «ошибок» по существу; к тому же это краткое перечисление «особенно» важных моментов лишь косвенно высказывает «секрет» неогегельянской «критики». Единственно, что нас в данном случае интересует, это общий характер этой критики, ее направление. Автор продолжает: только призвав на помощь «кантовский дух исследования» (т. е. так называемый «критицизм», «аналитический» метод и т. д.), можно «уменьшить требования конкретной целокупности и феноменологического обстояния—оба термина указывают на одну и ту же идею (!)—лучше, чем это сделал Гегель». Но этот «кантовский момент» в «возрождении Гегеля» направляется «почти сплошь» против гармонизирующих тенденций гегелевской философии. Правда, мировоззрение Гегеля содержит в себе и героическую составляющую, которая проявляется в принципе утверждения отрицательного момента, но на ряду с этим Гегель бесспорно ведет борьбу «против принципа действительности и автономии» (стр. 93—94). Да не совет здесь читателя с толку внешняя видимость, терминология: под «принципом действительности и автономии» наш критик разумно отнюдь не то, что Маркс выдвинул и превознес как прогрессивную и даже философско-революционную черту классической немецкой философии, вообще, и гегелевской, в особенности,—отнюдь не идейное признание активности, порождения нового, уничтожения старых форм, эманипации и т. д.

в общем и в историческом смысле. Нет, господин Леви имеет в виду моральную «автономию» и «действенность» личности (буржуазной), этические «нормы должствования», обязанности по отношению к метафизическим «ценностям» «культуры» (буржуазной). Борьба Гегеля направлялась с точки зрения исторической диалектики против неисторического «естественного права», против «моральной» интерпретации истории и т. д. Критикуя эту борьбу Гегеля, неогегельянцы критикуют в действительности диалектику и именно с точки зрения «вечных законов» и «вечных ценностей». Во-вторых, могло бы показаться, что учение Гегеля о движущей силе отрицательного автор отчасти готов признать «героическим» (им непременно нужно изгнать даже самое словечко «революционный»!); но во второй половине той же фразы он сейчас же берет обратно это «признание». И если наш буржуазный и «современный» автор обвиняет гегелевскую философию—на первый взгляд справедливо—в «гармонизирующих тенденциях», то в действительности он атакует ее диалектические тенденции, ибо «опосредование» диалектического анализа («связи»; логические «звенья», взаимные отношения противоположностей и т. д.) он воспринимает как «примирение» и, следовательно, диалектику вообще, как учение о «примирении» или «гармонии» и т. д., и т. д. Здесь подлинные тенденции неогегельянской критики Гегеля уже обнаруживаются более явственно. Не подлежит сомнению, что «гармонизирующие» или аполлетические тенденции наблюдаются прежде всего именно у неогегельянцев.

Выше мы привели слова автора об «уроках», преподанных «судьбой» гегелевской философии, и об «ошибках», обнаруженных в ней. И правда—историческая «судьба», т. е. историческая критика этой философии (Фейербахом, Марксом, Энгельсом), научила нас кое-чему: она показала, какие революционные выводы заключались в теории самого Гегеля и как, высвободив их из гегелевской формы, можно было формулировать их в качестве принципов подлинно-революционной теории. В самом деле, все зависит от того, какие элементы гегелевской философии признаются «ошибочными». Все значительные исторические явления, в том числе и философские, можно критиковать «справа» или «слева», т. е. с реакционной или с прогрессивной точки зрения; это зависит в конечном счете от общественных и исторических «предпосылок» критикуемого субъекта, определяющих в основном его «логические» предпосылки. «Новое» в «неогегельянстве» определяется таким образом, с одной стороны, философскими предпосылками, находящими свое выражение в «неогегельянском» анализе (интерпретации) гегелевской философии, а с другой,—тем направлением, в котором развивается неогегельянская «критика». Все эти моменты—логические предпосылки и принципиальное направление, а также и объективная общественная база «неогегельянства»—выступают в разбираемой работе с особенной наглядностью.

В программной заключительной главе своей книжки автор замыкает их в ясные формулы. Важнейшее для нас содержание этого «синтеза» сводится к следующему:

1. Немецкое возрождение Гегеля берет себе за образец гегелевский «мощный синтез относительного и абсолютного, исторического и сверхисторического, философии жизни и философии разума» (стр. 94). Немецкое возрождение Гегеля само базируется в первую очередь на историческом «синтезе» современной (неокантианской) «философии разума» и современной «философии жизни».

2. Возрождение Гегеля пытается понять все проблемы мысли в их «конкретной целокупности», в «новом синтезе», в «открытой, т. е. подвижной, системе». «В этом его устремлении к целокупности вся челове-

ская история в целом является его важнейшей темой; быть самосознанием культуры или жизни—такова, можно сказать, его наивысшая цель» (стр. 93).

3. Но, с другой стороны, и «сама жизнь нашего времени» стремится «к этому осознанию самой себя, к истолкованию своего собственного смысла» (стр. 93). На наших глазах осуществляется таким образом «синтез» практики и теории, «жизни» и «философии».

Он осуществляется в неогегельянстве «на высшей ступени», т.-е. без ошибок и ограниченности старого гегельянства. Но как философия Гегеля была теснейшим образом связана с культурой своего времени, так и теперь возрождение гегелевской философии «самым интимным образом связано с культурным содержанием своего времени». Разумеется, время «нового» гегельянства по своему «строю и облику» «совершенно» отлично от времени старого гегельянства—потому что, видите ли, времена вообще меняются. Возрождение Гегеля и ставит себе задачей «синтетически» объединить «относительный», «исторический», «изменчивый» характер своего времени и своей культуры с абсолютным, сверх-историческим, вечным. Отсюда следует его «исключительное значение» не только для «современной философии», но и для «всей жизни современности» (стр. 93), для «общей культуры» (стр. 94). Его философское содержание нельзя оторвать от его «влияния на жизнь» (стр. 93).

После этих ясных заявлений у нас остается только два «маленьких» вопроса, о которых автор «позабыл». Во-первых, каково «культурное содержание» этого времени, в чем оно состоит? И, во-вторых, в чем принципиальное, «полнейшее» различие между эпохой Гегеля и нашей эпохой? Для марксиста ответить на эти вопросы не составит большого труда.

Практика как единство субъекта и объекта.

П. Кучеров.

Характерной особенностью до-марксовской философии¹⁾ было решение проблемы отношения субъекта и объекта на почве вневременной, абстрактной, внеисторической. И независимо от того, как решали основной вопрос философии материалистически или идеалистически, отношение мышления и действительности рассматривалось в форме неизменного соотношения.

Энгельс говорит о Фейербахе—«историческая область для него неуютна и неудобна»,—то же можно сказать о всей до-марксовской гносеологии—историческая область для нее неуютна и неудобна.

Поскольку отношение мышления и бытия рассматривалось, как раз навсегда данное взаимоотношение,—постольку история отходила в сторону, а теория познания превращалась в учение о соотношении двух метафизических сущностей мысли и бытия. Следуя Марксу и Энгельсу, А. М. Деборин назвал такого рода теорию познания «метафизической гносеологией».

Разумеется, теория познания диалектического материализма придерживается принципиально иной позиции в решении основного вопроса всякой философии. Исходной точкой для марксизма всегда было то, что «субъект и объект являются историческими категориями, а не метафизическими сущностями»²⁾. Отношение субъекта к объекту, это изначально историческое отношение, и может быть понято лишь на почве конкретного исторического развития.

«Для правильного понимания марксизма это положение имеет фундаментальное значение. Ни экономическое учение (с его специфическими категориями), ни историческая теория, ни общеполитическое мировоззрение Маркса не могут быть поняты без предварительного уяснения себе вопроса об историческом характере субъекта и объекта»³⁾.

Эта основная суть философии диалектического материализма основоположникам марксизма была признана еще до их работы над «Святым семейством». Неразрывная связь философии со всей общественной действительностью была уяснена Марксом в 1842—1843 гг. Это обстоятельство отразилось на его всегда от Фейербаха: «Афоризмы Фейербаха,—пишет он Руте,—страдают, на мой взгляд, в том отношении, что он слишком много напирал на природу и слишком мало на политику. Между тем, это—единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать идейной». Маркс, который на страницах «Рейнской Газеты» вел такую упорную борьбу с «мистериями» прусского государства и права, был уже крепче связан с действительностью, чем живущий в маленькой баварской

¹⁾ Исключение составляют Шеллинг и Гегель.

²⁾ Деборин, Маркс и Гегель, «Под Знам. Маркс.» № 10, 1923 г., стр. 16.

³⁾ Деборин, там же.

деревушке философ. Он сразу же отметил основной недостаток тезисов Фейербаха—их неполноту и односторонность¹⁾. Маркс отмечает основным недостатком Фейербаха недооценку истории—общественной жизни—практики. Фейербах не делает «упора» своей философии на конкретные общественные отношения, политику. Уже здесь видно характернейшее различие между философией молодого Маркса и афоризмами Людвиг Фейербаха.

Различие обоих методов должно было прежде всего сказаться в попытках Маркса и Фейербаха ответить на вопрос о взаимоотношении субъекта и объекта.

Фейербахом упор был сделан на природу как таковую и отношение субъекта и объекта представлялось как соотношение человека и природы как таковой—упор Маркса в истории и основной вопрос философии решался на основе взаимоотношения исторически-сложившихся субъекта и объекта. Такое различие установок в разрешении основ теории познания всегда отличало гносеологию Маркса от гносеологии Фейербаха.

Сущностью философии Фейербаха является чувственность индивида, в ее проявлениях любви, радости, страдания. В чувственности и в предмете чувственности получают свое разрешение основные вопросы теории познания. «В мышлении,—говорит Фейербах,—я—абсолютный субъект, я все рассматриваю, как объект или предикат для себя, мыслящего субъекта; я нетерпим в чувственности, я напротив либерален, я позволяю объекту быть субъектом, как и я сам, действительным себя выявляющим существом. Только чувство, только чувственное созерцание дает мне нечто как субъекту»²⁾. Чувственное созерцание и внешний мир, взятые абстрактно, разрешают в своем взаимодействии вопрос, над которым билась предшествующая философия; таким образом разрешение проблемы находится в пределах отношения чувственного человека и природы. Точка зрения Фейербаха неисторична по своему существу; он не знает, не имеет, представления о человеке, как об историческом продукте, об изменяющейся благодаря процессу производства природе, а следовательно, и исторически обусловленном предмете познания. Природа как таковая, чувственность как таковая, человек как таковой,—вот круг метафизических абстракций Фейербаха, в пределах этих абстракций находят свое разрешение основные вопросы философии. «Будущая философия превращает человека... в единственный, универсальный и высший предмет философии; превращает, следовательно, антропологию вместе с психологией в универсальную науку»³⁾. Абстрактный человек является основным высшим предметом философии. Абстракции Фейербаха не идеалистические абстракции, он рассматривает природу как «базис человека», метафизика здесь в том, что человек с его чувствами не существует для нашего философа как историческое существо, как существо общественное.

Разрешение основного вопроса философии дано Фейербахом не на основе общественных процессов, а на почве чувств человека, чувственного восприятия внешнего предмета, в частности восприятия другого чувствующего существа: «Я—это я для себя и ты для других одновременно. Но лишь в качестве чувственного существа я являюсь таковым». В чувствах человека заключены ответы на все вопросы философии, «в повседневных ощущениях скрыты глубочайшие истины»... Любовь... является настоящим онтологическим доказательством бытия предмета вне нашего тела и ин-

какого иного доказательства, кроме любви и ощущения нет. Существует только то, чье бытие дает тебе радость, чье небытие доставляет страдание. Различие между объектом и субъектом, между бытием и небытием есть в такой же мере различие радости, как и различие страдания»⁴⁾. «Любовь... является критерием истинности и действительности, как объективно, так и субъективно. Где нет любви, там нет истины. И только тот чем-нибудь является, кто что-нибудь любит, ничего не любить тождественно с ничем не быть. Чем больше кто-нибудь, тем больше он любит и обратно»⁵⁾. Фейербах возвел страсти мелкого буржуа на уровень основ философских проблем, в то время как задача философии состоит в том, чтобы объяснить эти переживания общественной структурой данного времени. Радость и горе, ненависть и любовь человека коренятся в общественных отношениях и могут быть поняты только из этих общественных отношений. Человек рассматривается Фейербахом антропологически,—а не как общественное существо,—фейербаховский гуманизм коренится в антропологии, в физиологии органов чувств.

«Упор», как выражался Маркс в письме к Арнольду Руге, у Фейербаха на природу,—на чувственно-человеческую природу, на природу человеческой чувственности. Вся структура фейербаховской теории познания насквозь не исторична, перед нами гносеологическая метафизика сенсуалиста, материалиста—метафизическая материалистическая теория познания.

В посвященном критике Фейербаха разделе «Ненецкой идеологии» Маркс и Энгельс указывали на то, что поскольку Фейербах является материалистом, он не имеет дела с историей... материализм и история идут у него разными путями.

Разрешение проблем материалистической философии не покоится у него на диалектике истории, а проходит мимо этой истории. Здесь заключается объяснение того, что Фейербах уходит в чувственность отдельного от общества человека, в его страсти, в его эмоции и отсюда стремится вывести философию из тупика. «Будущая философия,—говорит он,—опирается на истинность любви и ощущения». Истинность ощущения, это готовый факт для Фейербаха, таким же неизменным изначально данным является предмет, действительность, на которые направлена человеческая чувственность.

Чувственность и предметный мир для Фейербаха абстрактные метафизические данности, а не исторические продукты. Теория познания Фейербаха метафизична и абстрактна по всему своему существу. Абстракциям прежней философии он противопоставил абстракцию чувствующего существа, физиологию отдельного человека.

«Для прежней философии,—говорит Фейербах,—характерен вопрос: каким образом различные и самостоятельные сущности, субстанции могут влиять друг на друга, например, тела на души, на Я. Но этот вопрос оставался для нее неразрешимым, потому что она абстрагировалась от чувственности, потому что субстанции, которые должны были влиять друг на друга, были абстрактными, чисто-умственными сущностями. Тайну взаимного влияния разрешает только чувственность».

Тайной философии, последней основой гносеологии является чувственность отдельного человека, его физиология. Основной вопрос всякой философии, вопрос об отношении субъекта и объекта решается на почве физиологии. Маркс в 1843 г., отвергая физиологическое разрешение вопроса Фейербаха, становится в трактовке этой проблемы на почву общественного развития.

¹⁾ Там же, стр. 122.

²⁾ Там же, стр. 123.

¹⁾ Рязанов, От «Рейнской Газеты» до «Святого семейства», — Архив М. и Э., стр. 111.

²⁾ Л. Фейербах, Собр. соч., т. I, стр. 113.

³⁾ Там же, стр. 137.

Чувственность отдельного человека уступает, таким образом, общественной истории людей, физиологии приходит на смену социологии. В «Подготовительных работах для «Святого семейства», Маркс рассматривает чувственность человека, не как абстрактную чувственность, а прежде всего как продукт общественных отношений.

«Чувства общественного человека иные, чем общественного».

«Образование пяти чувств—это продукт всей всемирной истории»¹⁾.

Вряд ли можно найти что-либо более противоречащее феербаховскому учению о чувственности. Приведенные слова Маркса относятся к так называемому феербаховскому периоду 1843—1844 гг. Тем же, по существу, противоречащим феербаховской философии смыслом проникнуты все «Подготовительные работы для «Святого семейства»».

Работы молодого Маркса настолько отличаются по содержанию от афоризмов Людвиг Фейербаха, что приходится задумываться над тем, какой смысл имеет выражение «Фейербаховский период Маркса». Мы имеем в документах этого периода резкое различие по существу почти всех вопросов философии. Маркс не критикует Фейербаха, но содержание выставленных положений недвусмысленным образом противоречит его философским взглядам. Правда, влияние Фейербаха сильно сказалось в терминологии. Употребляется термин, часто встречающийся у Фейербаха, «гуманизм», но в него вкладывается не антропологическое, а социологическое содержание.

Предметы природы, переработанные человеческим трудом, в частности материально-техническую сторону производительных сил, Маркс называет «очеловеченной природой» (Арх. III, стр. 256). Термин в последующей литературной продукции Маркса и марксистов, из вполне, пожалуй, веских соображений не употребляемый, обозначал в 1843 году материальную основу общественного развития. Последнее становится очевидным, если мы возьмем это положение в контексте. «Чувства общественного человека иные, чем у общественного; только благодаря (предметно) объективно развернутому богатству человеческой сущности получается богатство субъективной человеческой сущности, получается музыкальное ухо, глаз, умеющий понимать красоту формы,—словом, отчасти впервые порождаются, отчасти развиваются человеческие, способные наслаждаться чувства... не только обычные пять чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства, воля, любовь и т. д., одним словом, человеческие чувства, человечность органов чувств, возникает благодаря очеловеченной природе». И далее: «Образование пяти чувств,—это продукт всемирной истории» (Арх. III, стр. 256).

Существо всемирной истории, ее сущность, основание Маркс характеризовал, как «предметную человеческую сущность», как «человеческие чувственные силы», как «опредмеченные (выраженные в предметах, существующие в предметах) чувственные силы человека».

Все эти выражения обозначают понятие развивающихся производительных сил и их сторону, историю промышленности... История промышленности и возникшее предметное бытие промышленности есть раскрытая книга человеческих сущностных сил. Историю промышленности,—говорит Маркс,—не рассматривали в «связи с сущностью человека», «а всегда лишь под углом внешнего отношения полезности».

Существенную сторону производительных сил, сущность человеческой деятельности, практику общественного развития превращали в совокуп-

¹⁾ Архив Маркса и Энгельса, кн. III, стр. 256.

ность внешних предметов, а отношение к ним человеческого существа рассматривали, как внешнее отношение.

«Предметное бытие промышленности» Маркс рассматривает в неразрывной связи, в единстве с производительной, практической, субъективной деятельностью человека.

Деятельность людей в единстве со всем «предметным бытием промышленности» образуют «человеческие сущностные силы», мы бы сказали, производительные силы общественного развития. Изолировать продукты производства, продукты деятельности, а также материальную промышленность от человеческой деятельности невозможно. Здесь мы имеем дело с двумя сторонами одного и того же процесса предметно-человеческой деятельности, практики, производства. Предмет и деятельность взаимно проникают друг друга. Предмет существует только как предмет производства, деятельность не существует как абстрактная «чистая» деятельность,—а в обществе возможна только, как производство предметов, как предметная деятельность. Эту мысль Маркс высказал гораздо позднее в «Капитале»: «Во время процесса труда, труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму вещи» («Капитал», I, стр. 159). В материальной промышленности, в частности в предметах вообще, поскольку они доступны общественному существу, заключена общественно-историческая практика, деятельность человека.

«Вся человеческая деятельность была до сих пор трудом, т.-е. промышленностью (промышленность, мы видим, трактуется расширительно. П. К.) отчужденной от самой себя деятельностью, в обыкновенной материальной промышленности мы имеем под видом чувственных чужих, полезных предметов, под видом отчуждения определенных чувственных сил человека» (Арх. III, стр. 257). Чувственно-чужие предметы должны быть рассматриваемы, как предметное бытие исторической общественной деятельности, производительных сил общества.

Предметы чувств Фейербах берет за исходный пункт своей философии, не задаваясь вопросом об исторической диалектике предмета познания и чувственности. Аналогично решается им проблема чувствующего субъекта,—чувствующий индивид для его философии является предпосылкой, тайной всех теоретико-познавательных проблем.

Проблемы гносеологии замыкаются в пределы отношений отдельного человека к миру.

Маркс решительно порывает с такого рода взглядами на основной вопрос философии, утверждая, что «мое собственное бытие есть общественная деятельность» (Арх. III, стр. 253).

Тем самым решение проблемы субъекта переносится в глубь общественной истории. Уяснение сущности индивида, лежит за пределами индивида. В структуре определенного общества, как целого, становится понятным индивидуальное общественное существование, как единичное бытие этого целого. Философия «познающего Робинзона» отвергается решительным образом самой исторической действительностью индивида.

«Хотя человек и есть некоторый особенный индивид,—и именно его особенность делает из него индивида и действительное индивидуальное общественное существо,—но он есть также и целокупность, идеальная целокупность, субъективное бытие мыслимого и ощущаемого общества для себя» (Арх. III, стр. 253). Само субъективное является только лишь субъективным бытием реальной целокупности, общественной формации.

Впоследствии Маркс говорил о том же более определенно: Капиталист есть ничто иное, как персонафицированный капитал» («Капитал», т. III, ч. 2,

стр. 348, 354). «Земельный собственник выступает как персонификация одного из существенных условий производства» («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 350, 354). Эти положения, имеющие первостепенную важность для политической экономии, были методологически решены в «Подготовительных работах для «Святого семейства» и решены принципиально, не по Фейербаху.

Индивид есть персонифицированное общественное производство жизни, его собственное бытие есть общественная деятельность, деятельность общества в субъективной форме. «Индивид есть общественное существо. Поэтому его проявление жизни (если бы оно даже не выражалось в непосредственной форме коллективного, происходящего одновременно с другими, выраженной жизни) есть проявление и выражение общественной жизни. Индивидуальная и родовая жизнь человека не отличаются друг от друга, хотя бы неизбежным образом форма бытия индивидуальной жизни была более или менее частной или всеобщей формой родовой жизни, или хотя бы родовая жизнь была более или менее частной, или всеобщей индивидуальной жизнью» (Арх. III, стр. 254). В основе всего мировоззрения диалектического материализма, как предпосылка всех составных частей этого мировоззрения, является то положение, что «индивид, а следовательно, производящий индивид, оказывается несамостоятельным и принадлежащим к более обширному целому» («Введение к Критике политической экономии», стр. 10). Кто не понял этого, тот ровно ничего не понял ни в марксистской политической экономии, ни в теории познания, ни в историческом материализме. Исходным пунктом в разрешении вопросов теории познания для Маркса является общественное целое, не индивидум как таковой. Субъект не рассматривается как индивидуальная деятельность, а как выражение деятельности определенного общества.

В противоположность мнению Фейербаха, индивид со всем его чувственным миром существует как продукт общественной действительности. «Возникшее общество производит, как свою постоянную действительность, человека со всем... богатством его существа, производит богатого наделенного всеми чувствами человека» (Арх. III, стр. 256).

Мы, главным образом, придерживались до сих пор «Подготовительных работ для «Святого семейства»», литературных документов 1843 года. Это время литературного развития К. Маркса расценивают как феербахянский период. Фейербахянский период в развитии Маркса характеризуется тем, что Маркс преодолевает гегелевский идеализм, опираясь на материализм Фейербаха, но преобразуя и возводя его на более высокую ступень. Мы указывали выше на то, что производственная деятельность «терминологически» обозначена, как предметная чувственная человеческая деятельность, можно было бы привести ряд понятий, насыщенных содержанием общественной жизни, выступающих, однако, в облачении терминов Фейербаха.

Созерцательный материализм Фейербаха преодолен в ранних работах Маркса, в которых скрывалось богатейшее социальное содержание. Новое содержание в корне окончательно разрушило философию обособленного от социального целого индивида и абстрагированного от общественного развития предмета познания.

Субъект может быть понят только как «представитель» определенного общества, предмет познания как изначально-исторический продукт, как общественный предмет. Субъект и объект в своем взаимоотношении могут быть рассмотрены только на всемирно-исторической основе. Вот тот вывод, к которому пришел Маркс 1843 г., в «Подготовительных работах для «Святого семейства»».

Еще до того, как были вписаны в записную книжку «тезисы о Фейербахе», проблема субъекта и объекта была Марксом решена решительно не по Фейербаховски.

Как мы увидим в «тезисах о Фейербахе» и в разделе «Немецкой идеологии», посвященном Фейербаху, Маркс только лишь блестяще закрепил это решение:

«Человек не теряется лишь тогда в своем предмете, когда последний становится для него человеческим предметом, или предметным человеком. Это возможно лишь постольку, поскольку этот предмет становится для него общественным предметом, а он сам для себя общественным существом, подобно тому, как общество становится для него существом в этом предмете». (Арх. III, стр. 255). Мы познаем предмет, предмет делается доступным нашему познанию, существуя только как продукт общественного труда, как общественный предмет. Вся человеческая практика, все предшествующее развитие производительных сил сосредоточивается в предмете, доступном общественному человеку.

«Повсюду для человека в обществе предметная действительность становится действительностью человеческих сущностных сил, становится человеческой действительностью, а значит, и действительностью собственных его существенных сил, постольку для него все предметы становятся опредмечиванием его самого, утверждающими и осуществляющими его индивидуальными предметами, становятся его предметами, т.-е. предметами его самого» (Там же). Человеческие сущностные силы — это общественные производительные силы. Познаваемая предметная действительность является результатом всей исторической обработки природы человеком, всей истории развития производительных сил.

Действительное познание многообразия предметов есть исторически сложившееся, к данному моменту, предметное бытие развития общественного производства. «Присвоение человеческой действительности и его отношения к предмету — это осуществление человеческой действительности. Отношение к общественному предмету общественного существа — это осуществление общественного существа».

Сущностью отношения субъекта и предмета является процесс общественного производства. В этом смысле производительные силы общества обнаруживают себя как основа, целостность, в которой получают свое подлинное историческое значение субъект и объект. Производительные силы не могут быть мыслями, как совокупность готовых орудий. Деятельность людей с их мускулами, чувствами, познавательной способностью входят составным моментом в производительные общественные силы. Отнимите деятельность чувствующих и познающих людей, и перед вами предстанут предметы производства, в которых деятельность всех предшествующих поколений общественных людей умерщвлена, застыла. Попробуйте абстрагировать деятельность человека от всего предметного мира, попробуйте утверждать существование чистой деятельности не зависимой от предметов, не предметной деятельности; вы придете или к крайним формам субъективного идеализма или к теологии. Все заблуждения до-марксовской теории познания сводились в основном к тому, что предмет и деятельность познания рассматривались как обособленные, были изучаемы в отдельности.

Один из современных германских философских писателей очень точно формулировал суть обособленного рассматривания субъекта и объекта, назвав основной вопрос философии проблемой «своего и чужого». Этим раскрыта была тайна общественной основы такой постановки вопроса.

Субъект «свое» и предмет «чужое» изначально противопоставлялись друг другу, разрешение вопроса делалось возможным только при том условии, если «чужое» присваивалось, становилось «своим», субъективным. Буржуа нашел теорию познания в непривлекательном подобии и образе своем.

Исходная точка зрения Маркса—это единство субъекта и объекта в общественных производительных силах.

Чувственно человеческой предметной деятельностью называет молодой Маркс производительные силы общества, подчеркивая тем самым взаимопроникновение деятельности субъекта и предметности объекта в единой предметной деятельности, в практике—существенной силе общества. Основной теории познания является единство субъекта и объекта в производительных силах. Из самой природы производительных сил должно быть понято раздвоение единого, диалектика субъекта и объекта, на этой же основе должна быть объяснена точка зрения буржуазного индивидуализма в теории познания.

Маркс вскрывает причины того, что человек определенного общества видит в предметной стороне производительных сил только «чужие предметы» (Арх. III, стр. 266), расценивает их «под углом зрения внешнего отношения полезности» (Арх. III, стр. 256). Существенные силы общества выступают для него «под видом чувственных чужих полезных предметов» (257). Все заблуждения человека коренятся в определенном общественном производстве. «Когда действительный, телесный, стоящий на твердой, круглой земле, обнаруживающий все природные силы человек полагает, благодаря своему отрешению, свои действительные, предметные существительные силы, как чужие предметы, то не полагание есть субъект: им является субъективность предметных существительных сил, действие которых должно быть поэтому предметным» (Арх. III, стр. 266). Характер человеческой деятельности в производительных силах, на определенных ступенях общественного производства, находящуюся в единстве с ним предметную сторону производительных сил полагает в форме чужих предметов.

Корни отрешения индивида от предмета, причину того, что человек противопоставляет себя предмету, нужно искать в производстве определенного периода. Субъективные действия индивида коренятся в субъективной стороне производственного процесса.

Таким образом, проблема субъекта, рассматриваемая буржуазной гносеологией в пределах отдельного индивида, разрешается лишь в самом общественно историческом процессе. Субъективность есть деятельность самого общества, неразрывная от объектов, предметов, действительная сторона производительных сил, другой стороной которых является совокупность предметов. В производительных силах общества деятельность всегда предметна, предмет неразрывен от деятельности.

Производительные силы являются основой взаимопроникновения субъективности и объективности, единством противоположностей, в котором как в основании разрешается противоположность субъективного и объективного.

«Мы видим,—говорит Маркс,—что лишь в общественном состоянии субъективизм и объективизм..., деятельность и страдание теряют свою противоположность, а значит и свое бытие в качестве подобных противоположностей» (Арх. III, стр. 256). Вопрос, издавна волнующий философию, теоретическая противоположность, теоретическое разрешение которой обусловливало жизненность и гибель всякой философской системы, разрешены в общественной практике, в производстве.

«Мы видим, что решение теоретических противоположностей возможно только практическим путем, только благодаря практи-

ческой энергии человека, и что поэтому решение их отнюдь не является задачей только познания, а действительно жизненной задачей, которой философия не могла решить потому, что она видела в ней только теоретическую задачу» (Арх. III, стр. 256).

Такими словами формулировал Маркс «критерий практики», как практическую общественную деятельность, как взаимопроникновение субъективного и объективного.

Эта мысль легла в основу тезисов Маркса «о Фейербахе».

Правильное не фейербахианское, не буржуазно-индивидуалистическое, не метафизическое решение проблемы субъекта и объекта дано Марксом в 1843 году.

В «Подготовительных работах для «Святого семейства»» (Арх. М. и Э. III) сказано основное по этому вопросу. Однако по существу правильное решение выступает здесь в тоге фейербахианской терминологии, совершенно не соответствующей содержанию мыслей Маркса. Стиль физиологии, половой любви и пищеварения перестают привлекать Маркса в «тезисах о Фейербахе» и в разделе «Немецкой идеологии», посвященном Фейербаху. Эти две работы объединены с «Подготовительными работами для «Святого семейства»» одним и тем же существом содержания, но то же существо выступает здесь в гораздо более четкой и ясной терминологии. Содержание «Подготовительных работ для «Святого семейства»» не вмещается в терминологию Фейербаховских «афоризмов», то же содержание приобретает в последующих работах блестящую марксовскую форму, т. е. свою существенную форму.

Оставаясь на почве отвлеченной гносеологии, беря отвлеченного человека и внешний мир, внешние предметы и чувства отдельного человека, понимая общество атомистически, а соотношение субъекта и объекта, как отношение объекта и отдельного индивида, французский материализм XVIII столетия и Людвиг Фейербах воздвигали на материалистической почве гносеологическую «робинзонаду».

Индивид со всей его мыслительной и чувственной деятельностью не рассматривался, как исторически сложившееся существо, как персонализированная общественная деятельность, а представлялся атомом, неизменным по своим свойствам, всегда одинаково реагирующим на окружающую его предметную среду.

Предмет, внешний мир—представлялся внеисторическим объектом, неизменным предметом созерцания, находящимся вне всякой связи с деятельностью человеческих поколений, с их общественной практикой, вне связи с развитием производительных сил и проч.

«Главный недостаток всего предшествующего материализма,—до Фейербаховского включительно,—заключается в том, что предмет, действительность, чувственность рассматриваются только в форме объекта или в форме созерцания, а не как чувственно-человеческая деятельность не в форме практики, не субъективно» (1-й тезис о Фейербахе). Противопоставленные Фейербаху и до-Фейербаховскому материализму, понятия были определены Марксом в набросках для «Святого семейства».

Под чувственно-человеческой деятельностью понималась неразрывная с предметами чувств человека деятельность, деятельность, опосредованная предметами, производственная деятельность. Практика не исчерпывается действительным отношением индивида к предметам, не является деятельностью отдельного человека, направленного на предмет, практика—это общественная практика, практика общества, единичной формой проявления которой является практика индивида.

«Субъективность» Маркса в противоположность представлению о субъективности метафизической гносеологии представляет «субъективность предметных существенных сил», в своей определенной форме «в своей действительности она есть совокупность общественных отношений» (6-й тезис о Фейербахе). «Некоторый социальный организм, общественный субъект» («Введ. к Кр. пол. экон.», стр. 11). «Субъект, т.-е. общество» («Вв. к Кр.», стр. 25).

Метафизический материализм не рассматривал предмет, действительность, как предметное бытие общественно-исторического процесса, как действительность определенного общества, неразрывную от всей предшествующей общественной практики.

В разделе «Немецкая идеология», посвященном Л. Фейербаху, мы находим ряд положений, исчерпывающе комментирующих первый тезис Маркса.

«Он (Фейербах) не замечает того, что отражающий его чувственный мир не есть вовсе какая-то непосредственно от века данная, всегда самой себе равная вещь, а продукт промышленности и общественного состояния, продукт в том смысле, что он является в каждую историческую эпоху результатом деятельности целого ряда поколений, из которых каждое стоит на плечах предшествующего ему поколения...» (Арх. I, стр. 217). Чувственный мир рассматривался Фейербахом, как раз-на-всегда данный, неизменный мир. «Фейербаховское понимание чувственного мира ограничивается голым ощущением» (217). Ощущения, чувства он трактует метафизически, абстрактно, оторвано от всемирно-исторического процесса производства, от общественной практики, делающей доступным чувствам индивида именно данный предметный мир. Фейербах не замечает, что даже предметы простейшей «чувственной достоверности» даны ему только благодаря общественному развитию, благодаря промышленности и торговым сношениям. Известно, что вишневое дерево, как и все почти плодовые деревья, появились в нашем поясе лишь несколько веков тому назад благодаря торговле, и, таким образом, оно стало «чувственной достоверностью» Фейербаха только благодаря этому действию определенного общества (субъекта. П. К.) в определенное время» (Арх. I, стр. 217. Курсив мой. П. К.). В основе предметов чувств, как предпосылка, лежит историческая практика в ее определенной форме, производя определенное общество. Предметы чувств и сами чувства историчны, историчны по всему своему существу. Вопрос об отношении субъекта и объекта, возвышеннейший вопрос гносеологии, может быть решен только в том смысле, что субъект и объект являются продуктом исторического развития. «Эта (чувственная) деятельность (людей), эта непрекращающаяся чувственная работа и творчество, это производство является настолько основной всего чувственного мира, как он теперь существует, что если бы оно прекратилось хотя бы лишь на год, то Фейербах не только не нашел бы всего человеческого мира, собственной способности воззрения и даже своего собственного существования» (218). Благодаря тому, что «промышленность и торговля, производство и обмен потребных для жизни средств, со своей стороны обуславливают и в свою очередь обуславливаются в своих формах распределением, расчленением различных общественных классов; благодаря этому получается, что Фейербах видит, напр., одни лишь фабрики и машины в Манчестере, между тем как сто лет тому назад там можно было видеть только самодельные ткацкие станки, или же находит в римской Кампанье только пастбища и болота, между тем как во времена Августа здесь можно было видеть сплошные виноградники и виллы римских капиталистов» (Арх. I, стр. 218).

Спустя несколько десятков лет Энгельс высказался в таком же духе в статье «Диалектика и естествознание»: «От природы» Германии, какой она была в эпоху переселения в нее германцев, чертовски мало осталось. Поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сам человек бесконечно изменились с тех пор, и все это благодаря человеческой деятельности...» (Арх. II, стр. 25). Убеждение в том, что предмет познания является продуктом общественно-исторической практики не покидало Маркса и Энгельса на протяжении всей их литературной деятельности.

Философы нового времени всегда стремились обосновать теорию познания на естествознании. Стремление привлечь для оправдания своей гносеологической концепции выводы положительных наук в одинаковой мере характеризует французских материалистов XVIII столетия, Канта и кантианцев, Маха и даже мистиков, спиритов. Прежде всего на базе естествознания и математики пытались разрешить проблему взаимоотношения субъекта и объекта. Так Кант полагал, что он следует примеру «математики и естествознания», подвергая сомнению убеждение в том, «что все наши познания должны сообразоваться с предметами», и выдвигая положение, «что предметы должны сообразоваться с нашим знанием» (Крит. чист. раз., стр. 12, пер. Лосского). В своей «Трансцендентальной эстетике», имеющей решающее значение для решения проблемы отношения субъекта к объекту, Кант пытается опереться на геометрию и теоретическую физику, на чистую математику и «чистое естествознание».

Это же обстоятельство характеризует Беркли, опирающегося в решении проблемы внешнего мира на физиологию, и Маха, видящего в физике основное подтверждение эмпириокритицизма, и философов кантианцев Марбургской школы, перестроивших Кантовское учение о пространстве, опираясь на не-Евклидову геометрию. «Фейербах говорит, в особенности о воззрениях естествознания, он говорит о тайнах, которые доступны только глазу химика и физика...» (Арх. I, стр. 218).

Все эти философы, несмотря на их различный подход к решению основных вопросов теории познания, объединялись на том, что предмет естествознания ими рассматривался как объект, природа, как таковая, т.-е. абстрактно вне всякой связи с практической деятельностью человека.

Предмет естествознания связывался с представлениями мыслящего и чувствующего отдельного индивида, а не с совокупной производственной деятельностью определенного общества. Именно это обстоятельство, больше чем какое-либо иное, порождало ложное решение вопроса, создавало идеалистическую концепцию того или иного типа.

«Чистое естествознание» является метафизической сущностью.

«Чем было бы без промышленности и торговли естествознание?» (Арх. I, стр. 218).

«Чистое естествознание получает свою цель, равно как и свой материал, только благодаря торговле и промышленности, благодаря чувственной деятельности людей» (218).

Тот предмет, который доступен глазу физика и химика, доступен ему благодаря всей предшествующей истории развития производства. И еще до того, как философ задумывается, в какую концепцию—идеалистическую или материалистическую—укладывается его отношение к предмету, предмет дается его чувствам, как результат материальной практики общества.

Бруно Бауэр рассматривал противоположность между человеком и природой, как «противоположность природы и истории». Этим метафизическое противоположение природы и человека заменялось другого типа абстрактной противоположностью природы и истории.

Справедливость требует отметить, что Бауэр по сравнению с Фейербахом придерживался более правильной точки зрения. Отдельный индивид, Робинзон гносеологии, «Я для себя», который у Фейербаха получил, правда, Пятницу — «ты для другого» и стал существовать вдвоем, у Бруно уступает место истории.

Все же противоположность природы и истории Бауэром рассматривается как метафизическая противоположность, «точно, — пишет Маркс, — это две обособленные друг от друга «вещи», точно человек не есть историческая природа и не имеет перед собой природной естественной истории» (Арх. I, стр. 217).

Ни Бауэр, ни живущий в Бруксберге отшельник не понимали того, что если даже «историю можно рассматривать с двух сторон и делить на историю природы и историю людей», то все же «нельзя отдалять друг от друга обе эти стороны: пока существуют люди, история природы и история людей обуславливают друг друга» (Арх. I, стр. 214).

Преращение различия, природной естественной истории и общественно-исторического развития, в метафизическую противоположность должно быть решительно отвергнуто. Человек подготавливается к своему трудовому, общественному состоянию всем развитием естественной природы, а общественная жизнь людей предполагает в снятой форме физико-химические и биологические явления.

Резкое различие между человеком и природой «имеет смысл лишь постольку, поскольку признают человека за нечто отличное от природы» (Арх. I, стр. 218), каким-то внеприродным существом, чистым духом. Таким образом, всякое метафизическое решение вопроса о соотношении природы и человека ведет к идеализму.

Развитие общественной практики само по себе есть объективная реальность. Необходимым условием, безусловной предпосылкой всего общественно-исторического развития является существование внешнего мира, как абсолютной реальности.

Это положение, общее всем материалистам, обнаруживает свой глубочайший смысл в диалектике общественной практики.

Фейербах в своей теории познания предполагал только природу существующую до и помимо общественной истории. «Природа, в которой живет Фейербах, не есть вовсе та природа, которая за исключением некоторых австралийских коралловых островов новейшего происхождения — не существует больше нигде в наше время и, значит, не существует и для Фейербаха...» (Арх. I, стр. 218).

Природа, окружающая человека, является продуктом и осуществлением практической деятельности поколений, их материальной практики, результатом изменений преднаходимого ими внешнего мира. «При этом сохраняется приоритет внешней природы» (218) в том смысле, что человек как общественное существо и предмет труда общественного человека являются результатом происходящего миллионы лет развития материи. Решая, однако, проблему субъекта и объекта, мы рассматриваем такой период развития, когда люди и природа существуют неразрывно, хотя, разумеется, вышериведенное положение остается как необходимая предпосылка.

Вопрос об отношении человека и природы, мыслительной, чувственной деятельности и внешнего мира не может быть разрешен без того, чтобы не был предусмотрен процесс, который совершается между человеком и природой, процесс труда общественного человека.

«Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек собственной своей деятельностью обуславливает, регулирует и контролирует обмен веществ

между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как «сила природы». Для того, чтобы присвоить веществу природы к известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы, руки, ноги, голову, пальцы. Действуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу» (Капитал, т. I, стр. 164). Как бы продолжая мысль Маркса, высказанную в «Капитале», Энгельс в своей работе «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны», писал следующее: «Рука является не только органом труда, она также его продукт. Только благодаря труду, благодаря приспособлению к военным операциям, благодаря передаче по наследству достигнутого таким путем особенного развития мускулов, связок и за более долгие промежутки времени также и костей, также как благодаря все новому применению этих передаваемых по наследству усовершенствований к новым все более сложным операциям, — только благодаря всему этому человеческие руки достигли той высокой ступени совершенства, на которой они смогли, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини» (Арх. II, стр. 91).

Чувства человека совершенствуются с развитием и усложнением человеческого труда, развитие чувств сопровождает развитие мозга и мыслительной деятельности.

«Как постепенное развитие языка, неизменно сопровождается соответствующим уточнением органа слуха, точно так же развитие мозга сопровождается усовершенствованием всех чувств вообще. Орлиный глаз видит значительно дальше человеческого глаза, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются известным признаком различных вещей. И чувство осязания, которым обезьяна обладает в грубой, неразвитой форме, развилось у человека рядом с развитием самой руки при посредстве труда» (Арх. II, стр. 95).

Органы чувств, в которых Фейербах видел средоточие всех проблем философии, являются продуктом труда многочисленных поколений людей, живущих общественной жизнью. Человеческие чувства и мышление были созданы в процессе долголетней практики человечества, они не только орудия человеческой деятельности, но и продукты человеческой деятельности. Деятельность совершенствующая, усложняющая чувственность и мышление, существует только как предметная деятельность. Трудовая деятельность, деятельность, опосредованная предметами, является тем единством, на основе которого получают свой смысл такие противоположности, как противоположность деятельности и предмета, субъекта и объекта, мышления и бытия. Процесс труда, общественная практика основа взаимопроникновения этих противоположностей. «Во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы предмета в форму вещи» (Капитал, I, стр. 166).

Деятельность индивида осуществляется в предметах и посредством предметов. Общественная деятельность всегда существует как предметная деятельность, а индивидуальное деятельное существо, как предметное существо. «Непредметное существо, это чудовищное существо» (Umwesen) (Арх. III, стр. 267). «Непредметное существо, это недействительное, не чувственное, только мыслимое, только воображаемое существо, это абстрактное существо» (Арх. III, стр. 267).

Непредметная, несовершенная по отношению к предметам и посредством предметов деятельность — это абстрактная, абстрактно-духовная деятельность.

Абстрактная деятельность в противоположность домарксовскому материализму «развивалась идеализмом», идеализм «естественно не знает действительно чувственной деятельности как таковой» (1-й «тезис о Фейербахе»).

Действенность Фихте в основном замкнулась в сферу внутреннего мира гносеологической робинзоны. Буржуазно-индивидуалистическая точка зрения Фихте может дать меньше всего повода тому, чтобы считать за ним заслугу идеализма, о которой говорит Маркс.

Абстрактную духовную деятельность как всемирно-историческую деятельность, духовную действенность как сущность, развивающуюся в истории природы и общественной истории, по-разному отстаивали Шеллинг и Гегель.

Оба они преодолели теоретико-познавательную робинзонаду философии Канта и Фихте. Шеллинг превратил теорию познания в учение о развитии природы и духа, Гегель разрешал в своей «Феноменологии духа» противоположность предмета и сознания, на почве всемирной истории. Оба эти мыслителя создали то, что Маркс считал заслугой идеализма.

Когда в историю философии вошел Фейербах, он, несмотря на сделанное Шеллингом и Гегелем, замкнулся в узкую сферу отношений отдельного индивида к внешнему миру, он не мог понять «человеческую деятельность, как предметную деятельность» (1-й тезис), ибо предметная деятельность выходит далеко за пределы индивида. Деятельность над предметами есть деятельность над предметным бытием общественного производства, поэтому индивидуальная деятельность, совершающаяся над общественными предметами и посредством их не может быть ничем иным, как персонализированной общественно-исторической деятельностью. Только так можно рационально понять деятельность индивида, избежав абстрактного по существу идеалистического толкования субъекта. «Мне не только, — говорит Маркс, — дан, в качестве общественного продукта материал для моей деятельности, но и мое собственное бытие есть общественная деятельность; поэтому то, что я делаю из себя, я делаю из себя для общества, сознавая себя как общественное существо» (Арх. III, стр. 253).

На протяжении столетий развивающаяся практическая деятельность людей включает в себя мыслительную деятельность множества поколений. Сама мыслительная деятельность находится в единстве с миром предметов, доступных практике, определенных периодов общественного развития.

В самой практике мышление не находится в своей «абстрактной неприкосновенности», не имеет своей самостоятельной истории, как истории «чистого» мышления. Мыслительная деятельность есть лишь одна сторона предметной человеческой практической деятельности, другой стороной которой является предметное бытие самой практики.

Возвышеннейший вопрос философии, проблема отношения мышления и бытия разрешается в общественно-исторической практике и в ее форме проявления, в повседневной практической деятельности. Практика существует как подвижное единство противоположностей бытия и мышления. Конкретная производственная деятельность людей есть каждодневное доказательство взаимопроникновения мысли и предмета. Именно в этом глубочайший смысл учения о критерии практики.

Диалектика субъекта и объекта есть общественно-историческая практика.

«Вся живая человеческая практика врывается в нашу теорию познания», говорил Ленин (Соч., т. XIII, стр. 190, изд. 3), подчеркивая этим то,

что категории теории познания не должны быть рассмотрены, как формы мыслительной деятельности индивидуального человека, а могут быть только поняты на основе всей истории практической деятельности.

Разрывая узкие рамки гносеологической метафизики, преодолевая индивидуалистическую основу буржуазной теории познания, Маркс, Энгельс и Ленин не остановились также и на Фейербаховской теории познания.

* * *

Марксизм разрешает проблему субъекта и объекта в практике, как процессе производства; о производстве в общественно-историческом смысле Фейербах не имел никакого понятия.

В связи с этим необходимо остановиться на отношении Плеханова к Людвигу Фейербаху. Плеханов склоняется к тому, чтобы не видеть глубокого отличия марксистского решения проблемы субъекта и объекта от принципов Фейербаха. Плеханов полагает, что Маркс в упоре на практику подчеркивалось лишь то простое обстоятельство, что не только объект действует на чувства человека, но и человек активно относится к предмету. Все предшествующее изложение показывает узость, неполноту такого комментария к первому тезису Маркса «О Фейербахе». Плеханов, сводя марксовскую критику на уровень простого добавления к Фейербаховской теории познания, обошел существо вопроса. Суть дела в том, что в лице Фейербаха была преодолена гносеологическая робинзонада буржуазной философии. Но, если суть марксизма, как думает Плеханов, состоит только в том, что наше «Я» воздействует со своей стороны на объект, то Марксом гносеологическая метафизика преодолена не была. При Плехановском различии Маркса от Фейербаха марксизм является лишь одним из многочисленных ответов на вопрос, как относится индивид, как таковой, к внешнему миру. «Фейербах, — говорит Плеханов, — указывает на то, что наше я познает объект, лишь подвергаясь его воздействию; Маркс же возражает: наше я познает объект, воздействуя на него со своей стороны» (Соч. т. XVIII, стр. 190). Плеханов изобразил двух людей, соглашающихся на то, что можно в рассмотрении проблемы субъекта-объекта ограничиться отношением отдельного индивида к объекту и ведущих спор только о поведении этого индивида. Стоя на такой точке зрения, Плеханов резонно замечал, что «в защиту Фейербаха, можно возразить, что ведь и в процессе нашего воздействия на предметы мы познаем их свойства лишь постольку, поскольку они со своей стороны воздействуют на нас». Это замечание вполне правильно, если видеть суть дела в том, в чем видел Плеханов, при этом не оказывается никакого существенного отличия гносеологии Фейербаха от теории познания Маркса. Именно такие выводы и делает Плеханов, несколькими строками далее он пишет: «надо признать, что гносеология Маркса по самой прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха или, если хотите, что она, собственно, и есть гносеология Фейербаха, но только углубленная посредством сделанной к ней Марксом гениальной поправки» (Соч. т. XVIII, стр. 19. Курсив мой. П. К.).

Такое отождествление с оговорками фейербахианства с марксизмом нельзя считать правильным. Суть дела вовсе не в том, что, оставаясь на почве Фейербаха, Маркс подчеркнул момент индивидуальной активности, а в том, что им были поняты субъект и объект как формы проявления всей общественно-исторической практики.

Суть дела не в создании еще одной системы гносеологической метафизики, а в полном ее преодолении. Буржуазно-индивидуалистическая точка зрения на проблему субъекта и объекта была отвергнута Марксом, перенес-

шим решение вопросов теории познания на почву всемирно-исторической практики.

Маркс «поправил» Фейербаха тем, что преодолел его «Я для себя» и «Ты для другого», разрушил ограниченную сферу чувств индивидуального субъекта, как основу философии, объяснив человеческие чувства и объект, как формы проявления общественной практики.

Мы лишены возможности в рамках данной работы, установить, «по самой ли прямой линии происходит от гносеологии Фейербаха» гносеология Маркса, как думал Плеханов, или путь исторической обусловленности формирования марксистской теории познания несколько иной. Все же думается, что, поскольку Маркс в труде, в производстве усматривает взаимопроникновение субъекта и объекта, мы имеем дело с влиянием «Философии истории» и «Феноменологии духа» Гегеля.

Влияние гегелевской «Феноменологии духа» на марксистское учение о субъекте и объекте было показано А. М. Дебориным в его статье «Маркс и Гегель», а затем полностью подтверждено недавно опубликованными «Подготовительными работами для «Святого семейства»», в частности разделом под заголовком «Как нам быть с гегелевской диалектикой».

В сочинениях Плеханова можно встретить ряд мест, подчеркивающих связь теории познания Маркса с «культурной историей». Однако вышереприведенные слова являются фактом, таким же фактом является существенное различие, существующее между теорией познания Маркса и Фейербаха.

Это обстоятельство является методологической основой того, что «марксисты критиковали (в начале XX века) кантианцев и юмистов более по-фейербаховски (и по-бухнеровски), чем по-гегелевски» (Ленинский Сборник IX, стр. 198).

Обсуждая в статье «Бернштейн и материализм» вопрос об отношении мышления и бытия, Плеханов писал: «Я убежден, что опубликование рукописей, находящихся среди литературного наследия Маркса и Энгельса, внесет новый свет в этот вопрос» (Соч., т. XI, стр. 21). Убеждение Плеханова подтвердилось опубликованием «Подготовительных работ для «Святого семейства»» и раздела «Немецкой идеологии», посвященного Фейербаху, раскрывшему подлинный смысл тезисов Маркса «О Фейербахе». Эти работы заставляют задуматься над тем, правильно ли представляли идейную обусловленность Маркса в ранний период его развития. По крайней мере на основании документов 1843 и 1845 гг. мы можем с полной определенностью утверждать, что фейербахианство Маркса Плехановым явно преувеличено.

Фейербах понятия не имел о производственной деятельности, между тем как всюду, где Маркс говорит о практической деятельности, он подразумевает производственную деятельность. Под практикой Фейербах понимает жизнь в ее биологическом содержании, практика исчерпывается чувственной активностью индивида. «Практика, жизнь рассматривает все явления в их целостной и неразрывной связи» (Деборин, «Людвиг Фейербах», стр. 147). Целность и связь существуют на биологической основе, на основе потребностей человека в питании, дыхании и т. п. Такая точка зрения, говорит А. М. Деборин, — может быть понята как точка зрения потребительской практики. «Потребительская», биологическая практика Фейербаха резко отличается от «производственной», общественной практики Маркса. В этом заключается «отличие фейербаховской теории познания от точки зрения Маркса» (Деборин, там же, стр. 150). Практика в лучшем случае была для Фейербаха антропологической чувственной активностью, для Маркса практика — насквозь социальная категория.

Единство субъекта и объекта разрешалось Фейербахом на основе антропологии, чувственности, для Маркса единство субъекта и объекта осуществляется в практической деятельности.

«Важный вопрос об отношении человека к природе, из которого вытекают все «безмерно высокие творения», насчет «субстанции» и «мирового сознания»; устраняется сам собой, если понять, что прелеслуемое «единство человека с природой» имело всегда в промышленности и представлялось в каждую эпоху, в зависимости от большего или меньшего развития промышленности в ином виде» (Арх. I, стр. 218). Таким образом, единство субъекта и объекта не есть раз навсегда данное и неизменное соотношение, а существует, как подвижное единство противоположностей на каждой стадии развития, имеющее свою определенность, свою специфику.

Сказанное Марксом и Энгельсом комментирует третий тезис «О Фейербахе»:

«Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности, или самоизменения, может быть достигнуто и рационально понято, только как революционная практика». Изменяющиеся обстоятельства и человеческая деятельность совпадают друг с другом, взаимопроницают друг друга — рационально понятое их единство, взаимопроникновение есть революционная практическая деятельность людей, диалектика общественного производства. Поэтому решение такого рода противоположностей, как противоположность субъекта и объекта, «возможно только практическим путем, только благодаря практической энергии человека, и что поэтому решение их отнюдь не является задачей только познания, а действительно жизненной задачей, которой философия не могла решить только потому, что она видела в ней только теоретическую задачу» (К. Маркс, Подгот. раб. и т. д., Арх. III, стр. 256).

Когда через два года после написания этих строк появились тезисы Маркса, направленные против Фейербаха, та же мысль была выражена словами, ставшими широко известными впоследствии. «Вопрос о том, свойственна ли человеческому мышлению предметная истина, вовсе не есть вопрос теории, а практический вопрос. На практике должен человек доказать истинность, т.-е. действительность и силу, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто-схоластический вопрос» (2-й тезис о Фейербахе).

Вопрос о возможности познания внешнего мира теорией познания диалектического материализма всегда решался не по-фейербаховски, а в духе приведенного тезиса Маркса.

Энгельс считал, что те материалистические возражения, которые Фейербах противопоставил философии Юма и Канта, «более остроумны, чем глубокомысленны». «Самые решительные возражения против их взглядов, какие только можно было сделать с точки зрения идеализма, сделал Гегель. Добавочные материалистические возражения Фейербаха более остроумны, чем глубокомысленны. А лучше всего разбирает эти философские измышления самой практикой, т.-е. опытом и промышленностью» (Энгельс, «Л. Фейербах», стр. 43, 1928 г. Курсив мой. П. К.).

Фейербаховское «я есть я для меня самого и в то же время ты для другого» решает проблему внешнего мира умозрительно, чисто-теоретически представляя собой классический образец абстрактной гносеологии. Ни в какой мере нельзя согласиться с тем, что это положение исчерпывает сущность гносеологии марксизма.

Ленин постоянно подчеркивает, что сущность марксистской теории познания коренится в том, что в основе ее лежит общественно-историческая практика.

«Человеческая практика доказывает правильность материалистической теории познания, — говорили Маркс и Энгельс, объявляя «схоластикой» и «философскими вывертами» попытки решить основной гносеологический вопрос помимо практики» (Ленин Соч., т. XIII, стр. 113).

«Для материалиста «успех» человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем... Если включить критерий практики в основу теории познания, то мы неизбежно получим материализм» (Там же, стр. 114).

Методология диалектического материализма вскрывает, разворачивает все богатство связей, движений, противоречий внешнего мира, мира предметов. «Предмет есть реальный материальный предмет, который противопоставлен во всей своей самостоятельности субъекту, (Деборин). Но самостоятельность предмета, объекта не означает того, что предметный мир противопоставлен субъекту как чуждый. Мир предметов, противоречивое движение которого вскрывает методология диалектического материализма, является предметным бытием всей предшествующей общественной практики. Персонифицированной формой проявления этой практики является субъект. Предметный мир методологии и субъект находятся в единстве. Единство субъекта и объекта — это практика определенного времени.

Таким образом, установление того, что единство субъекта и объекта, человека и природы есть факт общественной практики — является предпосылкой методологии диалектического материализма. Практика, как единство субъекта и объекта, становится предпосылкой развития категорий, диалектической методологии, предпосылкой, пронизывающей всю методологию. Этим доказана «посюсторонность» (Маркс, 2-й тезис о Фейербахе) истин диалектического метода, его подлинная действительность. Процесс познания, движение и переходы категорий, имеющие предпосылкой общественную практическую деятельность, вскрывают объективную истину действительных отношений. Каждая категория диалектики, благодаря практике, как предпосылке, получает не только «достоинство всеобщности, но и непосредственную действительность» (Ленин, Лен. Сб. IX, стр. 20). Историческая деятельность, предметная деятельность пронизывает следование категорий в методологии диалектического материализма, определяет их последовательность. «Практическая деятельность человека, — говорит Ленин, — миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению логических фигур, дабы от фигуры могли получить значение аксиом». (Там же). Общественно-историческая практика, весь опыт, проделанный человечеством, целиком входит в философию Маркса, Энгельса и Ленина.

К вопросу о предмете политической экономии¹⁾.

Ник. Карев.

Товарищи! В своем докладе «Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса» И. И. Рубин говорил о том, что разработка предмета его доклада предполагает соединенную работу экономистов и философов. Это, конечно, совершенно верно, и то, что у нас почти во всех науках за последнее время выдвинулись вперед вопросы общей методологии, диалектики их основных категорий, не случайно, а заложено в особенностях переживаемого нами времени, в особенностях тех задач, которые стоят это время перед марксизмом.

Мы живем в эпоху возникновения совершенно новых, неизвестных еще до сих пор, социальных форм, появления множества совершенно новых явлений, и для того, чтобы осознать их, недостаточно уже одного лишь результата прошлого исследования. На первый план, естественно, выдвигается метод, при помощи которого этот результат был достигнут. Лишь на основе метода диалектического материализма можно понять то новое, что создается теперь во всемирной истории, лишь на основе его уяснения можно развить целостное марксистское мировоззрение, проникающее все области современного знания.

Первое замечание, которое я хотел бы в связи с этим сделать, относится не столько к экономистам, сколько к философам. Было бы, конечно, совершенно неправильно думать, что экономисты могут обойтись без теории диалектики, без помощи философии, в рассмотрении тех категорий, которыми они оперируют в своей специальной области. Но так же неправильно было бы думать, что философы, ограничиваясь лишь чисто-абстрактным повторением и выведением логических категорий, могут сразу разрешить все конкретные, спорные вопросы, которые возникают в отдельных науках. В качестве предпосылки, «пролегомен ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки», мне кажется надо предварить, что, если бы, скажем, мы категории гегелевской логики стали слепо, автоматически переносить на категории «Капитала» К. Маркса, то у нас получилось бы не изучение специфического предмета, а абстрактная, метафизическая конструкция, не имеющая никакого значения для самой науки. Маркс был прав, когда говорил, что при изучении конкретного предмета нас должна, прежде всего, интересовать логика дела, а не дело логики. Вскрыть же логику дела можно лишь изучением конкретного содержания политической экономии, применяя те методы установления связи между различными категориями

¹⁾ Сокращенная стенограмма выступления в Институте Красной Профессии по докладу И. И. Рубина «Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса» (напечатанному в №№ 4 и 5 «Под Знаменем Марксизма» за этот год).

науки, которые разработаны в диалектике. Это замечание нужно сделать для того, чтобы предостеречь себя и вас от возможных ошибок, происходящих от некретического, чисто-внешнего применения теории диалектики.

Доклад И. И. Рубина носит название: «Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса». К сожалению, в дискуссии по докладу рассмотрение самих категорий «Капитала» Маркса, разбираемых докладчиком, не нашло себе отражения, и центр тяжести спора был перенесен на предварительные, как бы подготовительные проблемы к тем, которые должны возникнуть при конкретном рассмотрении категорий марксовской политической экономии. Но так как дискуссия пошла уже по этому руслу, то и я ограничусь лишь двумя вопросами: во-первых, историчны ли предмет и категории политической экономии и если историчны, то в каком смысле; во-вторых, каковы взаимоотношения между производственными силами и производственными отношениями вообще и каково их отношение к политической экономии.

Прежде всего, историчен ли предмет политической экономии? Энгельс говорил, что всякая общественная наука есть наука историческая. В каком смысле говорил Энгельс об историчности всякой науки и, в частности, политической экономии? Прежде всего, в том смысле, что политическая экономия изучает исторически-определенный объект.

Энгельс, единственный из классиков марксизма давший специальное рассмотрение вопроса о предмете политической экономии, политическую экономию «в широком смысле слова» определяет как «науку об условиях и формах производства и обмена продуктов в различных человеческих обществах и о соответствующих способах распределения этих продуктов». Но так как «условия, при которых люди производят и обмениваются продуктами, не одинаковы для разных стран и изменяются в каждой стране из поколения в поколение» — «политическая экономия не может быть тождественной для всех стран и всех исторических эпох».

Каждый общественный организм, каждая общественно-экономическая формация, каждый исторически-данный способ общественного производства характеризуется особыми, только ему присущими законами движения и развития, и соответственно этому не может быть системы законов и категорий политической экономии, годной для всех исторических эпох. Может быть лишь система законов, характеризующих возникновение, функционирование, развитие и гибель экономической структуры, совокупности производственных отношений определенной общественно-экономической формации.

Историзм политической экономии, таким образом, заключается в том, что предмет ее есть исторически-развивающийся предмет. Историзм ее далее заключается в том, что законы и категории, которыми она оперирует, не являются универсальной отмычкой ко всем историческим эпохам и способам производства, а являются категориями, выражающими движение и изменение определенного типа производственных отношений людей, возникающих в известный период исторического развития общества и в известный период отмирающих.

Наконец, марксистская политическая экономия исторична и потому, что методом, которым она пользуется, является диалектический метод, который представляет не что иное, как исторический метод в его рациональной форме.

Что такое диалектический метод? Еще Гегель указывал, что диалектический метод познания представляет не что иное, как единство аналитического и синтетического познания предметов. Характеризуя классиков, Маркс писал, что отличительной особенностью их метода было стремление непосредственно свести к единству, доказать тождество источников различных экономических форм. Это необходимо вытекало из их аналитического

тического метода. Дело же политической экономии, по Марксу, заключается не только в том, чтобы аналитически свести данную сложную форму, являющуюся продуктом долгого исторического развития к ее простейшим элементам и предпосылкам, а и в том, чтобы генетически развить различные формы, различные фазы действительного процесса развития. Движение категорий в системе политической экономии не есть их формальная дедукция одной из другой, а представляет собой синтетическое развитие, синтетическое движение, отображающее реальное усложнение общественных отношений и углубление процесса его познания.

Логическое исследование, по словам Энгельса, в его рецензии на «Критику политической экономии», есть то же историческое исследование, только лишенное его исторической формы и нарушающих его синтетическое движение случайностей. Конечно, было бы совершенно неправильно представлять себе дело так, что историческое и логическое развитие совпадают целиком и полностью. Если бы они совпадали целиком, то был бы правительственный эмпиризм. Совершенно неправильно, конечно, было бы представлять себе структуру «Капитала» таким образом, что все те категории, которые, скажем, развиваются в III томе «Капитала», исторически возникают позже, чем те категории, которые рассматриваются в I томе. Развитие категорий в «Капитале» представляет собой, с одной стороны, отражение исторического развития производственных отношений товарно-капиталистического общества, а, с другой стороны, оно представляет собой синтетическое движение мышления, воспроизводящего конкретное многообразие явлений развитого капиталистического общества, начиная от его простейших, составных элементов и кончая мировым рынком. Однако, если, с одной стороны, не имеется точного соответствия между историческим и логическим развитием, то все же с того же, чем начинается история, должна начинаться и система науки, и дальнейший ход мысли в основном является не чем иным, как зеркальным отображением хода исторического развития в его зрелой, классической форме.

Благодаря тому, что логическое и историческое в «Капитале» не исключают друг друга, развитие его категорий есть не только логическая дедукция, в «Капитале» дается не саморазвитие пустых и абстрактных форм, а воспроизводится и осознается диалектика реальных процессов. Если таким образом понимать задачу, которую ставит себе Маркс в «Капитале», если все основные категории политической экономии историчны, т.-е. связаны с определенной общественно-экономической формацией, с определенным способом производства, — а различные общественно-экономические формации, по Марксу, различаются тем особым способом, каким достигается в них соединение непосредственных производителей со средствами производства, различаются различными типами производственных отношений, — то мы не можем не считать политическую экономию «в широком смысле слова» наукой о производственных отношениях различных общественно-экономических формаций, а систему категорий политической экономии, развитую Марксом в «Капитале» — наукой о производственных отношениях капиталистического общества. Что это значит? Я должен оговориться, что я держусь на предмет политической экономии той же точки зрения, какую правильно развивал Энгельс с благословения Маркса в «Анти-Дюринге» и которую целиком принял Ленин в его рецензии на «Курс» А. Богданова. Ошибка политической экономии Богданова и Степанова заключается не в том, что они признавали возможным изучение политической экономией различных типов производственных отношений и их перехода одного в другой, а в том, что законы и категории политической экономии они понимали внеисторически, считали возможным переносить их с одной общественно-экономической формации на другую, не понимали исторической ограниченности, своеобразия, специфич-

ности этих законов. Историчность они понимали не в смысле исторической смены законов, а в смысле существования таких законов, которые общи всем историческим периодам, в то время как на самом деле каждая общественная формация имеет свои законы развития, для нее характерные. Системы законов — категорий политической экономии, охватывающей все общественно-экономические формации, не может быть, если не считать системы самых банальных общих мест, но это не значит, что невозможна изучение законов движения смены производственных отношений различных общественно-экономических формаций с точки зрения одного и того же метода. Раз предмет политической экономии представляет собой изучение развития и смены производственных отношений различных общественно-экономических формаций, прежде всего, производственных отношений капиталистического общества, то это означает, что предмет политической экономии включает в себя и классовые отношения, непосредственно вырастающие из производственных отношений. Политическая экономия ни в малой степени не может абстрагироваться от классового деления общества, а непосредственно включает рассмотрение его в свой предмет.

Однако, в связи с этим, возникает вопрос, — в каком же отношении находятся производственные отношения к производительным силам общества и в каком отношении политическая экономия должна находиться к изучению взаимозависимости, которая существует между производственными отношениями и производительными силами. Можно сказать, в известном смысле, что производительные силы и производственные отношения представляют собой содержание и общественную форму определенного способа производства. Я говорю: в известном смысле, — потому, что если вы возьмете изолированно производительные силы или производственные отношения, то они сами по себе представляют в свою очередь единство, также распадающееся на форму и содержание. Производственные отношения, напр., сами являются содержанием по отношению к политическим, государственным и всяким иным формам, которые возникают на их основе. Известно, что Маркс полагал, что основанием общественной жизни, базисом общественной жизни является совокупность производственных отношений, которая соответствует определенной ступени развития производительных сил и на основе которой возникают различные надстройки и формы общественного сознания. Однако, в известном смысле, повторяю, если мы берем данный способ производства в целом, мы можем рассматривать в нем взаимоотношение между производительными силами и производственными отношениями, как взаимоотношение между содержанием и общественной формой. Каково же должно быть понимание соотношения между содержанием и формой с точки зрения диалектического метода? Диалектический материализм в одинаковой степени отрицает и такое представление, согласно которому, содержание и форма тождественны друг другу и которое неизбежно ведет к механистическому миропониманию, и такое их понимание, которое рассматривает содержание и форму, как абсолютно оторванные друг от друга и которое ведет к кантовскому априоризму. Содержание и форма не могут рассматриваться ни как абсолютно оторванные друг от друга, ни как абсолютно тождественные друг другу. Как же мы должны их рассматривать? Диалектический материализм рассматривает соотношение между формой и содержанием таким образом, что содержание есть то, что полагает смену различных форм, но, с другой стороны, сама форма не есть что-то внешнее и пассивное по отношению к содержанию. Сама форма есть содержательная форма. Плеханов, напр., в своей полемике с Богдановым, определял форму, как закон, строение предмета. Диалектическое взаимоотношение между формой и содержанием заключается в том, что,

с одной стороны, содержание имеет некоторый приоритет по отношению к форме в том смысле, что полагает и предполагает определенную форму, а с другой стороны, форма, раз возникнув, не представляет собою чего-то пассивного, внешнего по отношению к содержанию, а имеет некоторую имманентную логику развития, предполагает диалектическое взаимодействие с содержанием и, наконец, вступает в противоречие с содержанием, развивающимся в пределах данной формы. Если так понимать соотношение между содержанием и формой с точки зрения диалектического материализма, — а мне кажется, что это единственно правильное их понимание, так как всякое другое неизбежно ведет к механистическому материализму или идеализму, — если так понимать соотношение между ними, то как нужно мыслить соотношение между производительными силами и производственными отношениями в условиях определенного способа производства, поскольку мы будем его рассматривать, с одной стороны, как содержание, с другой стороны, как определенную общественную форму, которую это содержание принимает на данной ступени своего развития? Как известно, ход общественно-исторического процесса, с точки зрения марксизма, определяется развитием материальных производительных сил и различных систем производственных отношений, возникающих на их основе. Вместе с этим для материалистического понимания истории возникает одна, чрезвычайно важная проблема: что же обуславливает собой развитие самих производительных сил общества? Каково взаимоотношение между определенным типом развития производительных сил и обусловленной им общественно-экономической формой? Можно ли непосредственно сводить все многообразие этой формы к данному уровню развития производительных сил в условиях определенного способа общественного производства? Что этот вопрос имеет фундаментальное значение, явствует из всех споров, которые велись у нас вокруг Богданова и его понимания исторического материализма. Как ответить на этот вопрос? Если механически мыслить взаимоотношение между производственными отношениями и производительными силами, если мыслить их, положим, так, как они рассматриваются в конструкции Богданова, где экономика оказывается лишь пограничной областью между идеологией и техникой, если мы непосредственно отождествим движение производственных отношений с движением и развитием производительных сил, то мы получим тогда как бы два параллельных друг другу ряда, наслаивающихся друг над другом, при чем производительные силы выступают в качестве независимой переменной, а производственные отношения — в качестве ее функции.

К чему приведет такое понимание отношения между производительными силами и производственными отношениями? К тому, что мы забудем о диалектичности их связи, отмеченной Марксом во «Введении» к «Zur Kritik etc.», за единством забудем о их реальном различии. А следствием этого будет безвыходное положение в вопросе о том, что же определяет собой развитие самих производительных сил. Попытка выйти из затруднения ссылкой на то, что движение производительных сил определяется соотношением между системой, обществом, и средой, природой, насколько не помогает, так как общество за сравнительно короткий период времени пробегает целый ряд исторически сменяющихся друг друга форм, в то время как природная среда остается относительно неизменной.

Очевидно, мы должны искать разрешения проблемы по другому пути, мы должны искать имманентное движение внутри определенного способа производства, которое предполагало бы, конечно, взаимодействие с природной средой и которое вне этой среды невозможно, но которое вместе с тем являлось бы некоей внутренней пружиной развития производительных сил общества. Чем же объясняется и обуславливается имманентное движение обще-

ственных производительных сил, связывающих между собой различные исторические эпохи? На основании того рассмотрения взаимозависимости содержания и формы, которое мы дали ранее, мы можем сказать, что содержание и форма связаны в процессе развития таким образом, что, раз возникнув, определенная общественная форма дает форму для развития того содержания, которое обусловило появление самой этой формы. Раз возникнув, определенная форма производственных отношений не представляет пассивное отражение производительных сил, а дает форму, дает закон их дальнейшего движения. Диалектика взаимоотношения между производительными силами и производственными отношениями такова, что движение содержания, обусловив появление определенной формы, совершается затем в пределах этой формы и под ее влиянием. В III томе «Теории прибавочной стоимости» Маркс пишет: «*Differentia specifica*,—следовательно, также специфическая ограниченность,—которая составляет предел буржуазного распределения, входит и в само производство, определяет его, господствует над ним. Но оно вынуждено в силу своих собственных имманентных законов, с одной стороны, так развить свои производительные силы, как будто оно не является производством на ограниченной общественной основе; с другой стороны, оно может их опять-таки развить лишь в пределах этой ограниченности; в этом состоит самая глубокая, внутренняя, таинственная причина кризисов, выступающих в нем противоречий, внутри которых оно движется, и благодаря которым даже грубому наблюдателю оно представляется лишь исторически преходящей формой».

В другом месте, в III томе «Капитала», Маркс говорит: «Поскольку процесс труда есть только процесс между человеком и природой, его составные элементы общи всем формам общественного развития. Но каждая исторически определенная форма этого процесса развивает далее его материальные основы и его общественные формы. Достигнув известной ступени зрелости, данная историческая форма устраняется и уступает место более высокой. Момент наступления такого кризиса обнаруживается в том, что приобретает особую широту и глубину противоречие и противоположность между формами распределения, а следовательно, и исторически-определенной формой соответствующих им отношений производства,—с одной стороны, и производительными силами, производительной способностью и развитием ее факторов,—с другой стороны. Тогда разражается конфликт между материальным развитием производства и его общественной формой».

Значит форма здесь мыслится не как нечто внешнее, не как нечто такое, что мы должны непосредственно выводить из соответствующего уровня развития производительных сил, а она находится в диалектическом взаимодействии со своим содержанием. Это не значит, что производительные силы не имеют никакой общественной логики развития. Они не только полагают определенную общественную форму, но и на известной ступени развития необходимо перерастают ее. Однако само это перерастание происходит в определенной общественной форме и не может быть понято вне ее; включается в закон ее движения. Если мы будем мыслить конкретно исторически те процессы, которые мы хотим изучить, если мы возьмем капиталистический способ производства, то, как мы указали уже ранее, задача науки, политической экономии будет заключаться в том, чтобы установить закон его движения. Что движет вперед развитие капиталистического способа производства? С одной стороны, та система производственных отношений, которая его характеризует, может возникнуть лишь на определенном уровне развития производительных сил, обусловлена эти уровнем развития производительных сил. Но, с другой стороны, раз возникнув, капиталистический способ производства имеет свой

имманентный закон развития. Маркс, во II томе «Теории прибавочной стоимости», говорит на эту тему следующее: «Мы никогда не должны забывать, что при капиталистическом производстве речь идет не непосредственно о потребительной ценности¹⁾, а о меновой ценности, и специально об увеличении прибавочной ценности. Это служит движущим стимулом капиталистического производства, и великолепно то объяснение, которое, желая путем резонирования устранить противоречия капиталистического производства, отлекается от его основы и превращает его в производство, рассчитанное на непосредственное потребление производителей». Говоря в письме к Анненкову о развитии машин, Маркс пишет: «Можно сказать, что до 1825 года — эпоха первого всеобщего кризиса — потребности потребления росли быстрее производства и развитие машин было неизбежным последствием потребностей рынка. Начиная с 1825 года изобретение и применение машин были только результатом войны между рабочими и предпринимателями».

Таким образом, Маркс полагает, что движущий стимул развития производительных сил капитализма не может рассматриваться вне системы его производственных отношений, а именно в них находит себе основание реализуясь в борьбе классов. Только следуя этому указанию Маркса можно объяснить классовый антагонизм. С изложенной мною точки зрения Маркса вам легко будет увидеть, как развитие содержания в пределах определенной формы создает противоречие между ними, как капиталистический способ производства вызывает духов, с которыми он не может уже справиться, как отсюда возникают кризисы и необходимость смены капиталистической формы производства. Поэтому, если мы хотим определить предмет политической экономии, то можно сказать, что так как политическая экономия «в узком смысле слова», говоря словами Энгельса, изучает законы движения капиталистического способа производства, то поэтому политическая экономия имеет своим предметом изучение тех социальных форм, которые способствуют развитию производительных сил при капитализме и в то же время вступают в противоречие с ними. Она изучает, каким образом совершается смена тех производственных отношений, которые мы имеем при капитализме, и как подготавливается переход к новой общественной формации.

Можно ли сказать, что если мы даем такое определение предмету политической экономии, если мы выдвигаем момент социальной формы, то мы приходим к идеалистической точке зрения и устраняем совершенно материальный момент, подрываем основания материалистического понимания истории? Мне кажется, что сказать это было бы абсолютно неправильно. Производственные отношения, конечно, не представляют собой материального в смысле чего-то вещественного, подобного веществу природы, но производственные отношения и не есть нечто идеальное, они — производственные отношения людей, определенным образом связанных в процессе производства. Если вы возьмете в общей постановке вопрос о том, что такое материя общественной жизни, то ни в какой степени ее нельзя свести только к вещественным элементам. Общественная материя для Маркса, — совокупность производственных отношений людей, связанная с определенной ступенью развития производительных сил и, поэтому, когда

¹⁾ Это, конечно, не значит, что определение потребительной стоимости не имеет вообще никакого значения для экономических форм, но оно представляет интерес для политической экономии лишь как момент диалектики этих форм.

мы исходим из системы производственных отношений, мы ни в какой степени не можем погрешить против материализма.

Однако против нашего понимания предмета политической экономии можно высказать еще одно возражение, которое заключается в том, что существуют законы, общие различным общественно-экономическим формациям, формулируя которые мы должны исходить уже не из системы производственных отношений, а непосредственно от производительных сил общества. В прениях указывалось на то, что такими законами являются закон трудовых затрат или закон равновесия системы общественного производства, которые обязательны для различных общественно-экономических формаций. А раз они обязательны по отношению ко всем общественно-экономическим формациям, в том числе и по отношению к капитализму, то именно от них должна отправляться политическая экономия как наука о капиталистическом способе производства. Можно ли стать на эту точку зрения? Я не имею возможности здесь подробно подвергать критике теорию равновесия, которая критиковалась уже неоднократно в связи со взглядами Богданова, являющегося ее основоположником, тем более, что именно у Богданова она составляет органический составной элемент всей его философской системы. Однако мне кажется, что если бы мы захотели формулировать в двух словах, чем отличается метод Маркса от метода Богданова, то мы можем сказать, что Маркс ищет закон движения предмета, а Богданов—закон его равновесия, что Маркс рассматривает равновесие, как момент движения, а Богданов—движение, как момент равновесия. Первое—есть точка зрения материалистической диалектики, второе—есть точка зрения «Тектологии», хотя бы и несколько материализованной. Поэтому Маркс и говорил не о законе равновесия, а о законе функционирования и равновесия, а затем движения, развития и гибели общественных форм. То же можно найти и у Энгельса в его «Диалектике природы». Что же касается закона трудовых затрат, известного всякому ребенку, по словам Маркса в его письме к Кугельману, то здесь нужно различать две вещи. С одной стороны, как известно всякому ребенку, для всякого общества обязательно производить, и для того, чтобы удовлетворить определенную массу потребностей, необходимо, чтобы было налицо разделение общественного труда в определенных пропорциях. Однако самый тип пропорциональности ни в малой степени не может считаться чем-то независимым от социальной формы для различных общественных формаций. Если мы будем исходить из того, что для каждого данного момента исторического развития данный тип пропорциональности не зависит от специальной формы и сама форма есть только чисто-внешняя форма проявления этой пропорциональности, тогда невозможно будет объяснить процесс перехода от одной формации к другой, их движение, противоречивость процесса, находящего себе разрешение в классовой борьбе. Пропорциональность распределения труда достигается в историческом движении в борьбе классов, как носителей различных социальных систем, представляющих принципы разного рода пропорциональностей. Поэтому, если мы будем, исходя из принципа трудовых затрат, считать, что для каждого общества данная социальная форма есть не что иное, как лишь чисто-внешняя форма его проявления, не приходящая в диалектическое взаимодействие с ним, то вы не поймете, как же происходит борьба между различными общественными классами за разный тип постановки и разный вид пропорциональности. Последнее, в практической постановке вопроса, может вести к самым плачевным последствиям. Мне кажется, что в той общей форме, в какой говорит о законе трудовых затрат Маркс, этот закон представляет лишь констатирование относившихся ко всем способам производства, поэтому абстрактных и малосодержательных, положений,—

не в том смысле, чтобы они были вообще безразличны, а в том смысле, что политическая экономия, как наука об исторически определенном способе производств, должна видеть свою задачу в отыскании закона движения своего предмета, а не в том, что имеет значение вообще по отношению ко всякому обществу. Если вы возьмете абстрактно закон трудовых затрат, независимо от той социальной формы, в которой он проявляется, то вы придете к выводам, которые не дадут вам возможности понять реальную динамику борьбы классов, как носителей различных типов социально-экономического развития. Поэтому указание на закон трудовых затрат, в том виде, в каком оно было сделано, ведет нас к внеисторическому пониманию категорий политической экономии, очень близкому к Богданову, но совершенно чуждому марксизму.

Мне кажется, что, присматриваясь к тем спорам, которые сейчас ведутся в области политической экономии, мы не можем сказать, чтобы у нас были налицо готовые, до конца продуманные точки зрения. Мы можем говорить, как мне кажется, пока только о тенденциях. Конечно, с одной стороны, было бы совершенно неправильно думать, что в наших условиях невозможно появление такой тенденции, которая бы чисто-формалистически стала понимать и диалектику развития категорий, и диалектику развития экономических отношений. Вообще говоря, такая тенденция не исключена. Она отчасти заносится к нам с Запада, отчасти может возникнуть и в наших условиях. Однако, если присмотреться к тому, что у нас в советских условиях за последнее время выступает против марксистской точки зрения во всех областях знания, то мы увидим, что прежде всего нам приходится сталкиваться с механистическим извращением марксизма. Оно коренится, совершенно независимо от воли тех, кто воззвует с этой точкой зрения и подчас совершенно независимо от этих воззрений по другим вопросам,—я не хочу в данный момент переводить дискуссию с теоретических рельс на другие,—оно коренится в особых условиях классовой борьбы при диктатуре пролетариата. Если продумать до конца, что заложено в обстановке нашего времени, каковы у нас тенденции теоретической борьбы за марксизм, то я думаю, что никто не будет отрицать, что в нашей обстановке заложена возможность такого понимания экономических явлений, когда социальная форма непосредственно отождествляется с материально-техническим ее содержанием. В то время, как в условиях диктатуры пролетариата успешное социалистическое строительство возможно лишь при совершенно ясном понимании того, с какими общественными укладами, с какими социально-классовыми типами мы имеем дело, противоположная тенденция заинтересована в выпячивании лишь чисто-технического момента и в смазывании его социальной формы. Такова тенденция, проповедующая абстрактное развитие производительных сил. Если, например, пишется, что «каждой социальной форме, каждой общественной форме соответствует специфическое, только этой общественной форме присущее, сочетание орудий труда и технических приемов, и, наоборот», или, что трактор есть база коллективистических отношений деревни, а «индивидуальное хозяйство не связано с сохой и лошадыю», то я считаю, что это неправильно, так как приводит к тому, что технический факт сам по себе рассматривается уже как носитель определенной социальной формы, а не как момент взаимоотношения между развитием производительных сил и социальной формой всей общественной системы. Несомненно, что цитированное рассуждение отчасти есть, вероятно, просто продукт некоторого увлечения нашей грандиозной и важнейшей для социалистического строительства работой по поднятию уровня производительных сил страны, но отчасти оно следует из самой логики механистической точки зрения. А эта логика может привести к тому, что нельзя уже будет объяснить, как возникает

противоречие между производительными силами и производственными отношениями при капитализме, как возможно противоречие между высоко-развитой техникой, высокими формами обобществления труда, с одной стороны, и частным характером присвоения при капитализме,—с другой стороны. Если вы будете непосредственно сводить производственные отношения к производительным силам, то вы придете к тому, что невозможно будет понять самый процесс социальной революции, потому что более высоко-развитую технически страну вам придется рассматривать, как наиболее высоко-развитую и в социальном отношении. (Реплика Бессонова не слышна).

Тов. Бессонов, я не только не говорил, что производственные отношения не находятся в противоречии с развитием производительных сил при капитализме, но я именно все время говорю, что если вы станете на путь непосредственного сведения социального к техническому, то вы не сможете объяснить этого противоречия. Вы возражаете, ссылаясь на советское хозяйство, но я боюсь, что если вы заговорите о советском хозяйстве, то попадете в то положение, о котором в евангелии сказано: «Поднявший меч от меча и погибнет».

Поэтому я и думаю, что, конечно, мы ни в малой степени не можем сказать, что те проблемы, которые перед нами стоят, уже в достаточной мере осознаны и разработаны. Несомненно, что к изучению диалектики категорий «Капитала» мы только еще приступаем, и что в этой труднейшей работе, особенно на первых порах, возможно громадное количество ошибок. Я не хочу сказать, что все то, что по этой линии говорил И. И. Рубин, верно. Но из тех задач, которые стоят сейчас перед марксизмом-ленинизмом, мне кажется, вытекает необходимость в первую голову приложения к изучению политической экономии метода материалистической диалектики, вытекает борьба против механистического ее понимания. Если мы не будем исходить из этих задач, то мы не двинемся вперед, и, только следуя по этому пути, мы сможем прийти к пониманию тех процессов, которые происходят у нас в процессе перехода от капитализма к социализму.

Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса

(Продолжение ¹⁾).

И. Рубин.

4. Функции денег.

Образование стоимости Маркс рассматривает, как процесс, в котором производственные отношения людей как товаропроизводителей находят свое выражение в форме стоимости, — свойства, присущего как будто самому продукту труда. Образование денег Маркс рассматривает как процесс, в котором взаимное отношение товаров как стоимостей друг к другу выражается в форме отношения их к одному выделенному товару, играющему роль всеобщего эквивалента или денег. Неразрывную связь обоих этих процессов Маркс выразил в следующих словах: «То обстоятельство, что товарладельцы взаимно относятся к своему труду, как к всеобщему общественному труду, представляется таким образом, что они относятся к своим товарам, как к меновым стоимостям; взаимное отношение товаров друг к другу как к меновым стоимостям в меновом процессе представляется, как их всестороннее отношение к одному особому товару, как к адекватному выражению их меновой стоимости; а это, обратно, в свою очередь проявляется, как специфическое отношение этого особенного товара ко всем другим товарам и, следовательно, как определенный общественный характер вещи, присущий ей как будто от природы» (Kritik, стр. 28).

В этих словах Маркса ясно показан процесс постепенной фетишизации или овеществления производственных отношений людей. Производственные отношения людей принимают форму социальных свойств вещей. По мере усложнения производственных отношений людей усложняются и социальные формы вещей. Процесс фетишизации общественных отношений людей носит, таким образом, многоступенчатый характер. В рассматриваемом нами случае движение производственных отношений людей принимает форму движения товаров, а движение товаров отражается в движении цен. Стоимость, будучи выражением производственных отношений людей, в свою очередь представляет собою основу, на которой вырастают деньги,—эта более сложная и фетишизированная социальная форма вещей.

Задача диалектического исследования и заключается в том, чтобы показать необходимое возникновение более сложных социальных форм вещей из более простых. Исследователь должен воссоздать картину развития производственных отношений людей и соответствующих им социальных

¹⁾ См. «Под Знаменем Марксизма» 1929 г., № 4. Дальнейшие части значительно расширены и дополнены по сравнению с устным докладом.

свойств вещей от более простых форм к более сложным. Именно такой синтетический путь исследования от производственных отношений людей к товару, а от товара к деньгам и намечает Маркс в цитированной выше фразе.

Само собою понятно, что синтетический путь исследования от более простых форм к более сложным не исключает аналитического пути, а предполагает его. Каждое исследование начинается с анализа сложной формы, с целью вскрыть те более простые формы, из которых она развилась. При помощи анализа мы под движением денег вскрываем движение товаров, а последнее рассматриваем, как выражение производственных отношений людей, — определяемых в свою очередь потребностями материально-технического процесса производства или «обмена вещев». «На деле различные определенности формы, которые деньги получают в процессе обращения, суть лишь кристаллизованная перемена форм самих товаров, которая в свою очередь является лишь вещным выражением изменяющихся общественных отношений, в которых товаровладельцы совершают свой обмен вещев» (Kritik, стр. 138. Курсив наш). Здесь Марксом намечен аналитический путь исследования от более сложных форм к простым: от денег к товару, а от товара к производственным отношениям людей.

На обоих путях исследования, аналитическом и синтетическом, деньги выступают перед нами, как вещное выражение производственных отношений людей. Однако свести деньги непосредственно к производственным отношениям людей (или вывести их непосредственно из последних) мы не можем. Деньги являются продуктом очень сложного процесса овеществления производственных отношений людей, — процесса, который должен быть рассмотрен нами во всех его промежуточных звеньях. Промежуточным звеном между производственными отношениями людей и категорией денег является категория товара или стоимости. Поэтому наше исследование естественно распадается на две ступени. На первой ступени, в теории стоимости, мы изучаем процесс овеществления производственных отношений людей в стоимости товаров. На второй ступени, в теории денег, мы должны показать, каким образом движение товаров выражается в движении денег. Связь между товаром и деньгами составляет главную тему марксовской теории денег. При этом, верный своему основному методологическому принципу, Маркс указывает, что наша главная задача заключается в исследовании генезиса сложной формы из более простой. «Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами» (Капитал, I, 1928, стр. 48).

Учение о генезисе денег из товара было уже изложено выше. Мы предполагаем, что раздвоение товара на простой товар и деньги уже совершилось, и друг другу противостоят две отдельные, хотя и тесно связанные сферы: товарного обращения и денежного обращения. Теперь нам предстоит рассмотреть движение денег, поскольку оно, с одной стороны, носит специфический характер, отличный от движения товаров, а, с другой стороны, отражает движение последних. Мы должны показать, каким образом различные формы движения товаров находят свое выражение в различных формах, приобретаемых деньгами. Именно эта связь формы движения товаров и формы денег постоянно подчеркивается Марксом. «Движущиеся отношения товаров друг к другу кристаллизуются, как различные определения всеобщего эквивалента, и таким образом процесс обмена есть одновременно процесс обращения денег» (Kritik, 32). «От определенного способа, каким товары представляют друг для друга свою собственную меновую стоимость, зависит каждый раз та определенность формы, в которой золото кристаллизуется как деньги» (там же, 52). «Перемена форм самих товаров однове-

менно кристаллизуется в определенных формах денег» (Там же, 74). См. там же, стр. 138—139, 202).

В применении к данному процессу Маркс часто употребляет выражение «кристаллизоваться». Критики Маркса думали, что, когда Маркс говорит о «кристаллизации» труда в стоимости товара, он имеет в виду материально-технический процесс «оседания» или «застывания» труда в продукте. Как видим, на деле термин «кристаллизоваться» употребляется Марксом в другом смысле. Этим термином Маркс характеризует социальные, а не технические процессы. Когда Маркс говорит, что «перемена форм товаров кристаллизуется в определенных формах денег», он имеет в виду процесс постепенного усложнения и «застывания» социальных форм вещей, — процесс, в котором развитие более простых форм приводит к образованию более сложных форм. Это образование из простой формы более сложной, отличающейся по своему характеру от первой, Маркс и называет процессом «кристаллизации», т. е. процессом выделения сложных форм. Так как основная задача диалектического исследования заключается в объяснении необходимости образования все более и более сложных форм явлений, то легко понять, почему Маркс так часто говорит о процессе «кристаллизации».

При изучении генезиса сложных форм явлений из простых задача исследователя двойная. С одной стороны, исследователь должен показать, каким образом развитие самой простой формы приводит к образованию сложной формы. Здесь исследователь должен подчеркивать неразрывную связь между обоими формами, то общее, что есть между ними и что делает более сложную форму дальнейшим развитием или выражением более простой формы. Но, с другой стороны, исследователь должен также показать, что сложная форма выросшая из простой, вместе с тем по своему характеру от нее отличается, т. е. представляет собою не только дальнейшее развитие, но и отрицание свойств, характеризовавших первую форму. Он должен показать, что сложная форма хотя и выросла из простой, но вместе с тем ей противоположна.

Применяя этот общий принцип к теории денег, мы и здесь ставим перед исследователем двойную задачу. Он должен не только показать, что деньги имеют свою основу в товаре, но должен также показать, что деньги в процессе своего развития обособились от товара и противостоят ему (а тем самым товар вообще превратился уже в простой товар, т. е. противопоставленный деньгам). Если в цитированных выше фразах Маркс показывал внутреннюю связь товара и денег, то в других местах он подчеркивает, что они противопоставлены друг к другу. «Деньги суть особенный, специфический товар, «выделенный» из среды других товаров, часто говорит Маркс. Золото и серебро «противостоят другим товарам, как воплощение всеобщего труда» (Kritik, стр. 72). «Золото и серебро, как непосредственное воплощение общественного труда, противостоят другим простым товарам» (там же, стр. 164). Деньги, следовательно, не только развились из товара, но вместе с тем противоположны товару, «отчуждены» от него. Процесс образования денег из товара есть вместе с тем процесс постепенного «отчуждения» денег от мира товаров, процесс постепенной поляризации характера товаров и характера денег. Различные формы денег выражают различные ступени этого постепенно усиливающегося «отчуждения» денег от товаров. Это положение мы докажем на примере отдельных форм денег, которые мы рассмотрим в том самом порядке, в каком они следуют у Маркса.

Поскольку деньги выполняют функцию меры стоимости, отчужденные деньги от товара носят еще первичный, недостаточно развитый характер. Эта тесная связь между деньгами, как мерою стоимости, и товарами проявляется как в происхождении, так и в характере меры стоимости.

Что касается происхождения меры стоимости, то Маркс не устает повторять, что мера стоимости вызвана к жизни движением и всесторонним действием самих товаров. Сами товары «создают себе сначала форму, в которой они идеально проявляются друг для друга, как меновые стоимости» (Kritik, стр. 47). «В то время, как товары сами придают себе друг для друга форму меновой стоимости, они придают золоту форму всеобщего эквивалента или денег» (Там же, стр. 48), т.-е. форму меры стоимости. Маркс хочет показать, что генезис меры стоимости находит свое объяснение в движении самих товаров.

Не только генезис меры стоимости, но и ее характер обнаруживает тесную связь денег с товарами. Когда мы говорим, что стоимость стола равна десяти рублям, превращение товара в деньги носит еще только теоретический, мысленно представляемый характер, а сами деньги еще являются «идеальными» деньгами. Деньги не существуют еще как реальный предмет, обособленный от товара, деньги выступают здесь только как идеальная денежная форма, которая присуща самому товару и составляет свойство последнего. Можно даже сказать, что деньги представляют здесь не более, как особое свойство самого товара, его денежное бытие или денежную форму. «Денежное бытие товаров еще не отделено действительно от их реального бытия» (Там же, стр. 51). Отсюда следует, что и стоимость товара здесь не обособлена на деле от натуральной формы последнего и не имеет формы реальной вещи, противопоставленной товару. «Меновая стоимость товара получает лишь идеальное существование, отличное от товара» (Там же, стр. 53).

Конечно, сказанное не значит, что не существует еще никакой разницы между товарами и деньгами. Если деньги выполняют функцию меры стоимости, то предполагается, что выделение денег из среды всего товарного мира уже произошло. Но в своей функции меры стоимости деньги сохраняют еще самую тесную связь с товарами и выступают, как одно из свойств товара, противопоставленное другим его свойствам. Когда мы определяем стоимость товара в десять рублей, мы противопоставляем одно свойство стола (т.-е. его стоимость, равную десяти рублям) другим свойствам, которыми он отличается как определенный материальный предмет. Стоимость выступает как одно из свойств самого товара, идеально противопоставляемое его потребительной стоимости. Отчуждение денег от товара носит еще первоначальный, идеальный характер, «золото противостоит действительному товару еще лишь как мысленно представляемая мера стоимости» (Там же, стр. 53). Раз деньги рассматриваются лишь как денежная форма самого товара, то последний выступает теперь как «двойное существование», реально как потребительная стоимость, идеально — как стоимость (Там же стр. 52). Стоимость товара еще не обособилась реально от самого продукта в природе, а тем самым и абстрактный труд еще не обособился и не нашел своего выражения в виде особого реального предмета, противопоставленного данному предмету, являющемуся продуктом конкретного труда.

Итак, деньги в своей форме меры стоимости сохраняют еще самую тесную связь с товарами, деньги выступают как денежная форма самого товара, а не как реальный предмет, противопоставленный товару. Это и имел в виду Маркс, когда говорил, что деньги, как мера стоимости, имеют «газообразную и прозрачную форму» (Там же, стр. 53, 147). Эта форма денег, как увидим ниже, противопоставляется «текучим» и «твердым» формам денег, в которых процесс отчуждения денег от товаров находит свое дальнейшее развитие.

Ставя себе целью всегда проследить тонкие диалектические переходы от одной формы явлений к другой, Маркс уже в параграфе о мере стоимости

указывает необходимость превращения денег из описанной газообразной и прозрачной формы в более устойчивую и фиксированную форму. Отчасти деньги приобретают более фиксированный характер уже при переходе от меры стоимости к масштабу цен. Когда мы выражаем стоимость стола в определенном количестве весовых единиц золота (например, унций), а в определенном количестве денежных единиц (например, рублей), здесь имеет место большая «прочность и определенность отношений меры» (Там же, стр. 55). Золото выступает здесь как «фиксированный масштаб цен» (Там же, стр. 55).

Однако в форме масштаба цен фиксация денег носит еще исключительно технический характер. Десять рублей выполняют здесь ту же роль, какую выполнял определенное количество унций золота, счетные деньги не перестают быть идеальными деньгами. Чтобы открыть необходимость дальнейшего отчуждения денег от товара, мы должны открыть необходимость превращения идеальных денег в реальные. Эта необходимость вытекает из самого характера идеальных денег. Хотя идеальные деньги выступают лишь как денежная форма самого товара, но нельзя забывать, что товар здесь идеально приравнивается к другому товару (золоту), отличному от него. Золото есть товар, отличный от пшеницы, и, следовательно, идеальное уравнение пшеницы с золотом есть «уравнение с золотом, которое еще должно быть реализовано» (Там же, стр. 51). Таким образом, уже в идеальной форме денег, как меры стоимости, «скрыто содержится необходимость отчуждения товара на звонкое золото и возможность того, что он не будет отчужден» (Там же, стр. 53). Отсюда вытекает необходимость перехода от меры стоимости к средству обращения, от менее отчужденной формы денег к более отчужденной.

Средство обращения является более отчужденной формой денег, чем мера стоимости. Отчуждение денег от товара находит здесь свое дальнейшее развитие. Это проявляется в превращении идеальных денег в реальные или действительные деньги. «Золото, которое в качестве меры стоимости было лишь идеальными деньгами и на деле фигурировало лишь как денежное название самих товаров, превращается в действительные деньги» (Kritik, стр. 76). Из денежной формы самого товара деньги превращаются в реальный предмет, существующий на ряду с товаром и ему противопоставленный. Если в мере стоимости «денежное бытие товара еще не было на деле отделено от его реального бытия», то товар, который обменивается на деньги как средство обращения, уже «приобретает существование, освобожденное от всякой связи с его натуральным существованием» (Там же, стр. 75). Движение самих товаров приобретает форму внешнего для них и чуждого им движения особой вещи, золота. «Движение форм товара, превращение его в деньги и обратное превращение из денег, или движение совокупного метаморфоза товара представляется как внешнее движение одной и той же денежной монеты» (Там же, стр. 89). «Движение форм товаров — движение, происходящее в виде процесса, — проявляется как собственное движение» денег (Там же, стр. 91). Нам кажется, что деньги приводят в движение товары, которые представляются сами по себе неподвижными. Деньги не только отчуждены от товаров, противопоставлены им, но и само движение товаров представляется нам как результат внешнего для них движения денег. А так как само движение товаров есть не более как выражение действий самих товаропроизводителей, то не удивительно, что «собственное всестороннее движение (самых товароладельцев), посредством которого они совершают обмен веществ своего труда, противостоит им как собственное движение вещи, как обращение золота» (Там же, стр. 91).

Однако эта отчужденная форма денег от товаров не должна закрывать от глаз исследователя неразрывную внутреннюю связь между ними.

Эта тесная связь проявляется и в данном случае как в происхождении и, так и в характере движения денег, как средства обращения. Если золото стало мерою стоимости только потому, что все товары измеряли в нем свои стоимости, то теперь оно становится реальными деньгами лишь благодаря всестороннему отчуждению товаров на золото (Там же, стр. 77). Как мера стоимости, так и средство обращения в своем генезисе обнаруживают свою зависимость от движения самих товаров.

Эта зависимость обнаруживается и в характере движения денег, как средства обращения. Уже из приведенных выше цитат мы видели, что движение денег, как-будто чуждое и внешнее движению товаров, является на деле лишь отражением последнего. «Обращение денег есть лишь проявление общественного обмена вещью» (Там же, стр. 135). Средство обращения есть лишь «метаморфозированный» товар, и «движение метаморфоз золота есть движение метаморфозированного товара» (Там же, стр. 89). «Процесс обращения (денег) есть движение метаморфоз товарного мира и должен поэтому отражать последнее также в своем общем движении» (Там же, стр. 83). Движение товаров рефлектируется или отражается в движении денег как средства обращения (Там же, стр. 83). Именно поэтому количество средств обращения зависит от суммы цен товаров, находящихся в обращении; поэтому же деньги в своей функции средства обращения, являющегося лишь мимолетным выражением стоимости самого товара, могут быть заменены символическими деньгами.

Таким образом, хотя деньги в качестве средства обращения приобретают форму особого предмета, существующего на ряду с товаром, но деньги в этой функции выполняют лишь роль посредника движения товаров. Деньги, как средство обращения, являются лишь «посредником движущегося единства $T-D-T$, или лишь мимолетною формою меновой стоимости» (Там же, стр. 152). Деньги служат лишь посредником для превращения одного товара в другой товар, золото в этой функции является «лишь мимолетным денежным бытием самого товара» (Там же, стр. 81).

До сих пор мы рассматривали деньги в их функции или форме средства обращения. В этой форме деньги являлись лишь средством для обращения товаров и в своем движении отражали, «рефлектировали» движение самих товаров. На этом, однако, процесс обособления, «отчуждения» денег от товаров не останавливается. В своем дальнейшем развитии деньги принимают еще более отчужденную форму и еще более резко противопоставляются товару. В таком случае мы имеем уже деньги в собственном смысле слова, «деньги как таковые» (сокровище, платежное средство и мировые деньги). Мы начинаем анализ с сокровища.

В данном случае, как и в других, Маркс старается прежде всего показать происхождение новой, более сложной формы из более простой, вскрыть тончайшие диалектические переходы между ними. Для этой цели он, прежде всего, доказывает, что деньги как средство обращения уже заключали в себе «возможность» возникновения более сложной формы денег в качестве сокровища. Функция денег как средства обращения предполагала, что кругооборот $T-D-T$ представляет собою «движущееся единство», в котором за продажей непосредственно следует покупка. Но уже само распадение процесса обмена на два акта (акт продажи и акт покупки) скрывает в себе «возможность» приостановки метаморфоза товара после совершения первого акта (Kritik, стр. 139). Возможность такой приостановки покоится на том, что в результате акта продажи товар принял форму денег, «золотой куколки», и в этой форме «обладает своим собственным прочным существованием» (Там же, стр. 80). «Существование товара в виде

золотой куколки образует самостоятельный отрезок в его жизни, в котором он может оставаться более короткое или более долгое время» (Там же, стр. 80).

Для того, чтобы эта возможность превратилась в действительность, необходимо указать причины, действующие в сфере самого товарного производства и обращения и вызывающие приостановку или перерыв метаморфоза товара. Одной из таких причин является то обстоятельство, что процесс производства продолжается более или менее долгое время, между тем как покупки товаров для удовлетворения личных потребностей производителя и его семьи должны совершаться более часто. Поэтому товаропроизводитель после продажи изготовленного им товара должен часть денег удержать у себя, чтобы расходовать их постепенно на покупку предметов личного потребления. Эта «задержанная монета» представляет собою переходную форму от монеты или средства обращения к сокровищу. Пока она остается «в руках продавца, получившего ее за свой товар, она представляет собою деньги, а не монету; как только она выходит из его рук, она становится опять монетою» (Там же, стр. 122). Или, как выражается Маркс в «Капитале», деньги на короткое время появляются как «кристалл стоимости», чтобы вскоре после этого «расплываться в мимолетную эквивалентную форму товара» (Капитал, I, стр. 63).

В форме задержанной монеты уже появляются признаки превращения денег из текущего средства обращения, выражающего собою текучее единство обоих актов продажи и покупки, в застывший «кристалл стоимости», свидетельствующий о приостановке или «застывании» процесса обращения самих товаров. При этом производитель задерживает деньги у себя именно для того, чтобы иметь возможность тратить их в любой нужный момент. «Для того, чтобы деньги постоянно текли в виде монеты, монета должна постоянно застыть в деньги» (Там же, стр. 123). В этой фразе Марксом ярко подчеркивается и противоположность обеих форм денег, «текучей» и «застывшей», и вместе с тем происхождение последней формы из первой.

Форма задержанной монеты, в которой появляются первые признаки «застывания» денег, еще не рассматривается Марксом как форма сокровища. Задержка монеты является лишь необходимым «техническим моментом самого денежного обращения»; поэтому задержанная монета рассматривается не как сокровище, а как часть общего фонда средств обращения, временно ожидающаяся своей очереди вступления в действительное обращение (Kritik, стр. 123).

Маркс отказывается рассматривать задержанную монету как сокровище по той причине, что временная приостановка метаморфоза товара, рассмотренная нами выше, ни в малейшей мере не изменяет характера действительного товаропроизводителя. Товаропроизводитель попрежнему продает свой товар для того, чтобы на вырученные деньги купить необходимые средства существования. Именно для того, чтобы иметь возможность покупать эти средства существования, он временно сохраняет у себя задержанную монету.

Для того, чтобы деньги приобрели новую форму сокровища, необходимо, чтобы изменился самый характер действия товаропроизводителя. Такое изменение уже вполне подготовлено предшествующим развитием товарного и денежного обращения и с внутренней необходимостью вытекает из него. Товар, превратившись путем продажи в деньги, приобретает тем самым форму, способную в любой момент быть превращенной в любую потребительную стоимость. Он приобретает «всегда отчуждаемую» форму, т. е. форму, всегда способную к отчуждению. Уже одно это обстоятельство, что товаропроизводитель может задержать товар в этой денежной форме, всегда пригодной к отчуждению, способно вызвать изменение в характере действий товаропроизводителя. «Продажа товаров для того, чтобы задерж-

жать их в превращенной форме золота, становится способом самого обращения. Метаморфоз товара Т—Д имеет место ради самого этого метаморфоза, для того, чтобы превратить товар из особого натурального богатства во всеобщее общественное богатство. Самоцелью становится не обмен вещью, а перемена формы. Меновая стоимость из простой формы движения превращается в его содержание» (Там же, стр. 125).

Теперь мы наблюдаем уже качественное изменение характера действий и мотивов товаропроизводителя. Он продает теперь товар уже не для того, чтобы купить потребительные стоимости, а для того, чтобы сохранить в своих руках самую стоимость в ее денежной форме, всегда способной к отчуждению. Только с этого момента деньги приобретают новую форму сокровища.

Маркс с разных сторон освещает диалектическую связь между новой формой денег как сокровища и их прежней формой средства обращения. С одной стороны, он тщательно вскрывает их внутреннюю связь. Эта связь, как мы видели, проявилась уже в происхождении новой формы денег как сокровища. Возникновение этой формы было подготовлено развитием предшествующей формы и необходимо из нее вытекало. Эта же связь отражается на всем характере функционирования денег как сокровища. На первый взгляд изъятие денег из обращения в качестве сокровища является прямою противоположностью функционированию денег как средства обращения. Но эта противоположность является абсолютно лишь до тех пор, пока мы ограничиваем наше исследование сферой самих денег и оставляем без внимания скрытую за нею сферу товарного обращения. Когда мы вовлечем и последнюю в круг нашего исследования, мы убедимся, что изъятие денег из обращения делается именно для того, чтобы сохранить товар в его денежной форме, всегда пригодной для обращения. «Товар сохраняет свой характер богатства, товара лишь постольку, поскольку он удерживается внутри сферы обращения, а он удерживается в этом текущем состоянии лишь постольку, поскольку он окостеневает (*verknöchert*) в серебро и золото. Он остается в потоке движения как кристалл процесса обращения. Но сами-то золото и серебро утверждают в качестве денег лишь постольку, поскольку они не суть средство обращения. Как не-средства обращения они суть деньги. Таким образом изъятие товара из обращения в форме золота является единственным средством постоянно удерживать его внутри обращения» (Там же, стр. 125. Курсив наш. И. Р.). В этих словах Маркс мастерски вскрывает единство и связь явлений, отличающаяся на внешний взгляд противоположным характером. Именно потому, что движение товаров принимает форму отчужденного от него движения денег, стремление удержать товар в виде, постоянно пригодном для обращения, принимает форму изъятия денег из обращения в качестве сокровища. Необходимая внутренняя связь между средством обращения и сокровищем проявляется также в том, что товаропроизводитель, накопляющий сокровище, стремится к постоянному его умножению и для этой цели должен бросать в обращение все новые и новые массы товаров. Сокровище, хотя бы и зарытое в землю, находится «в постоянном напряженном стремлении к обращению» (Там же, стр. 129). Сокровище может быть зарыто в землю, но «его денежная душа, его постоянное стремление к обращению переходит к самому собирателю сокровищ» (Там же, стр. 131).

Далее, сокровище сохраняет тесную связь со сферой обращения, так как оно представляет собою тот резервный фонд, из которого деньги постоянно приливают в сферу обращения и куда они постоянно отливают из последнего. Необходимость этих постоянных приливов и отливов денег

вызывается самым характером денег как средства обращения. Деньги как средство обращения функционируют в количестве, определяемом потребностями самого товарного обращения. А так как потребности товарного обращения в деньгах постоянно колеблются (в зависимости от изменения количества товаров, их цен, быстроты оборота монеты и т. п.), то и возникает постоянная необходимость увеличения или уменьшения количества денег, функционирующих как средство обращения. Это увеличение или уменьшение достигается благодаря постоянным переливам денег из резервного фонда сокровищ в сферу обращения и обратно. Происходит «застывание и выливание обрабатываемых денег в сокровище и выливание сокровищ в обращение» (Там же, стр. 135. Курсив наш. И. Р.). Это застывание и выливание денег в свою очередь отражает движение самих товаров. Переход денег из формы сокровища в форму средства обращения имеет место тогда, когда в товарном мире преобладает «текущее единство покупок и продаж». Наоборот, в том случае, когда движение товаров замедляется, «средства обращения застывают в деньги в необычайно больших размерах, и резервуары сокровищ наполняются выше своего среднего уровня» (Там же, стр. 136).

До сих пор мы рассматривали связь сокровища со сферой обращения. Однако эта связь ни в малейшей мере не мешала Марксу подчеркивать и противоположный характер денег как сокровища и денег как средства обращения. Это изменение формы денег Маркс часто характеризует как переход денег из текущего состояния в застывшее. «Деньги окаменевают в виде сокровища, и продавец товаров становится собирателем сокровищ» (Капитал, I, стр. 79). Возникает противоположность «текущей формы богатства и его окаменелой формы» (Kritik, стр. 132). Исследователь должен изучить обе эти формы денег как в их единстве, так и в их противоположности. Ошибка различных экономических школ заключалась в том, что они односторонне рассматривали деньги лишь в одной из этих двух противоположных форм. Так, меркантилисты рассматривали деньги только как сокровище, классики же — только как средство обращения. «В противоположность к монетарной и меркантильной системе, которой деньги были известны только в их определенности формы, как кристаллический продукт обращения, было вполне в порядке вещей, что классическая экономия рассматривала деньги, прежде всего, в их текущей форме» (Там же, стр. 164. Курсив наш. И. Р.). Рикардо рассматривал «деньги изолированно в их текущей форме как средство обращения» (Там же, стр. 199. Курсив наш. И. Р.).

Это превращение денег из текущей формы в застывшую Маркс часто называет также превращением денег в «кристалл процесса обращения», в кристаллический продукт обращения. Этот процесс застывания или кристаллизации денег свидетельствует о том, что движение денег приобрело большую независимость и самостоятельность по отношению к движению товаров, чем это имело место при функционировании денег как средства обращения. В последнем случае деньги являлись лишь «мимолетною денежною формой товара». Деньги же как сокровище уже не являются такою мимолетною формой товара (Там же, стр. 127). Если деньги как средство обращения лишь выражали стоимость самого товара, то в лице денег как сокровища стоимость товара приобрела уже самостоятельную внешнюю форму и обособилась от самого товара. Деньги как сокровище представляют собою «первое самостоятельное обособление (*Verselbständigung*) меновой стоимости» (Там же, стр. 133), это — «получившая самостоятельное существование (*verselbständigt*) меновая стоимость» (Там же, стр. 129—130).

Если мера стоимости рассматривалась Марксом как «газообразная» форма денег, а средство обращения, — как «текучая», то сокровище высту-

пает уже как «застывшая», «твердая», «кристаллическая» форма денег. Этот процесс постепенного «уплотнения» денег означает, что движение денег все более обособляется и приобретает самостоятельный характер по отношению к движению товаров. Деньги как мера стоимости только в идее противостояли товару. С развитием новых форм денег противоположность между товарами и деньгами все усиливается. Деньги как средство обращения уже в реальной действительности противостояли товарам, но лишь для того, чтобы превратиться в мимолетную денежную форму самого товара в круговороте $T-D-T$. Деньги же как сокровище приобретают гораздо более самостоятельный характер. Подобно тому, как католики признают непогрешимым только одного папу, так всем простым товарам противопоставляется теперь золото и серебро, «как непосредственное воплощение общественного труда» (Там же, стр. 164). Если деньги как средство обращения играли лишь роль «представителя» товаров, то, поскольку речь идет о сокровище, все товары выступают лишь как «представители золота» (Там же, стр. 120). Если раньше товаропроизводитель смотрел на деньги, как на средство для приобретения товаров, то теперь он смотрит на товары, как на средство для приобретения денег.

В этом проявляется процесс постепенного обособления, отчуждения денег от товаров. Несмотря на то, что деньги возникли из товара и в своем движении подчинены движению мира товаров, они приобретают все большую самостоятельность по отношению к последнему. Переходя от меры стоимости к средствам обращения, а от последнего к сокровищу, Маркс показывает нам процесс постепенного отчуждения, застывания, кристаллизации денег.

Так как мы уже подробно рассмотрели процесс застывания или отчуждения денег в форме сокровища, то мы можем лишь кратко остановиться на платежном средстве. Прежде всего Маркс считает нужным доказать, что появление новой, более сложной формы денег вызвано развитием и потребностями самого товарного обращения и лежащими в основе последнего условиями производства. Так как для производства различных товаров требуется различное время, то моменты начала и конца производства для различных товаров не совпадают. Товаропроизводитель часто вынужден выступать в качестве покупателя раньше, чем он продал свой собственный товар. Покупка или $D-T$ должна быть совершена раньше, чем совершена продажа или $T-D$. Так как товаропроизводитель еще не продал своего товара и, следовательно, еще не имеет денег, то покупка может быть совершена им лишь в кредит. Продавец становится кредитором, а покупатель должником. После того, как товаропроизводитель совершил акт покупки или $D-T$ в кредит, он должен в срок, обусловленный в договоре, погасить свой долг. Для этого ему нужно теперь совершить отсроченный им раньше первый акт метаморфоза товара, т.е. продажу $T-D$. Но, благодаря тому, что $T-D$ совершается здесь уже после того, как совершен акт $D-T$, характер первого акта совершенно меняется. Теперь товаропроизводитель продает свой товар уже не для того, чтобы на вырученные деньги купить для себя средства существования. Он продает свой товар, чтобы при помощи вырученных денег погасить свой долг. Он хочет теперь «получить деньги не как покупательное средство, но как платежное средство, как абсолютную форму меновой стоимости» (Там же, стр. 142). Деньги приобретают новую форму платежного средства.

Если деньги как сокровище были изъяты из обращения, то деньги как платежное средство вступают снова в обращение, однако уже «не как мимолетное средство обращения, а как покоящееся бытие всеобщего эквивалента, как абсолютный товар» (Там же, стр. 147). «Платежное средство

вступает в процесс обращения, но лишь после того, как товар уже выступил из него. Деньги уже не обслуживают процесс. Они самостоятельно завершают его как абсолютное бытие меновой стоимости или как всеобщий товар» (Капитал, I, стр. 84).

Благодаря тому, что деньги из посредствующего момента процесса обращения превратились в его завершительное звено, их противоположность товарам выступает в более резкой форме. «Деньги вступают в обращение как единственный адекватный эквивалент товара, как абсолютное бытие меновой стоимости, как последнее слово процесса обмена» (Kritik, стр. 141). В лице денег как платежного средства мы имеем уже не мимолетную денежную форму стоимости товара, а приобретшую «самостоятельное существование (verselbständigter) меновую стоимость» (Там же, стр. 150).

Так как продажа товара служит теперь для товаропроизводителя только средством для получения денег, необходимых ему для уплаты долга, то все товары выступают для него уже в скромной роли «представителей» денег. Деньги же из скромного представителя товаров превратились в абсолютное бытие стоимости. Противоположность между товарами и деньгами достигает здесь наиболее резкой и острой формы, особенно в периоды денежных кризисов. Правда, и собиратель сокровищ рассматривал деньги как единственное богатство, товары же в их натуральной форме — как нечто, лишенное истинной стоимости. Но там речь шла лишь о воображаемом аннулировании стоимости всех товаров перед лицом золота, этого единственного воплощения стоимости и истинного богатства. Поскольку же речь идет о деньгах как платежном средстве, то в моменты кризисов мы наблюдаем уже не только мысленно представляемое, но и «действительное обесценение и аннулирование стоимости всякого материального богатства» (Kritik, стр. 148). «Теперь они (деньги) уже не могут быть замещены обыденным товаром. Потребительная стоимость товара теряет свою стоимость и стоимость товара исчезает перед лицом его собственной формы стоимости. Только вчера буржуа, опыненный расцетом промышленности, рассматривал деньги сквозь дымку просветительной философии и объявлял их пустой видимостью: «Только товар деньги». «Только деньги товар!» вопял сегодня те же самые буржуа во всех концах мирового рынка. Как олень жаждет свежей воды, так буржуазная душа жаждет теперь денег, этого единственного богатства. Во время кризиса противоположность между товаром и воплощением его стоимости, деньгами, воздвигается на степень абсолютного противоречия» (Капитал, I, стр. 86). Отчуждение денег от товара приобрело здесь наиболее резкий характер по сравнению с формами денег, рассмотренными нами до сих пор.

Мы проследили постепенное усиление противоположности между товаром и деньгами. Но вместе с тем мы убеждались, что различные функции денег неразрывно связаны одна с другой, и что денежное обращение в целом отражает движение мира товаров. Более того. Можно даже сказать, что параллельно с усилением противоположности между товаром и деньгами усиливается и связывающее их единство. Функцию меры стоимости деньги выполняют для каждого товара в отдельности, функция же средства обращения предполагает «обращение товаров», в котором «кругооборот, описываемый рядом метаморфоз каждого данного товара, неразрывно сплетается с кругооборотами других товаров» (Капитал, т. I, стр. 63). Распространение функции сокровища свидетельствует о том, что целью процесса производства становится уже не потребительная, а меновая стоимость (Kritik, стр. 131). Наконец, «степень, в которой деньги развиваются как исключительное платежное средство, показывает степень, в которой меновая стоимость овладела производством во всем его объеме» (Там же, стр. 144).

Описанное усложнение форм денег отражает усложнение производственных отношений товаропроизводителей. «Процесс метаморфоза товаров, порождающий различные определенности формы денег, метаморфозирует также и товаровладельцев или изменяет общественные характеры, в которых они являются друг для друга. В процессе метаморфоза товара товаровладелец столько же раз меняет свою природу, сколько раз товар меняет свой характер, или сколько раз деньги принимают новые формы. Так, первоначально товаровладельцы противостояли друг другу лишь как товаровладельцы, затем один стал продавцом и другой покупателем, далее каждый становился попеременно покупателем и продавцом, впоследствии они стали собирателями сокровищ и, наконец, богатыми людьми. Таким образом, товаровладельцы выходят из процесса обращения не такими, какими они вступили в него» (Там же, стр. 138).

5. Капитал.

До сих пор мы рассмотрели категории простого товарного хозяйства. В виду обширности темы, дальнейшие категории будут нами рассмотрены в более кратком виде.

Яркий пример применения закона единства противоположностей мы видим уже при переходе от простого товарного хозяйства к капиталистическому. С внешней стороны разница между ними обнаруживается в различии двух формул обращения: $T-D-T$ и $D-T-D$. Обе эти формулы противоположны друг другу; акты покупки и продажи расположены во второй формуле в обратном порядке, чем в первой. В простом товарном хозяйстве обращение включает в себя продажу ради покупки. В капиталистическом хозяйстве обращение включает в себя покупку ради продажи. В первой формуле роль крайних членов исполняет товар; во второй формуле — деньги. В простом товарном хозяйстве обращение совершается для того, чтобы обменять одну потребительную стоимость на другую. В капиталистическом хозяйстве обращение имеет своей целью возрастание стоимости, т.е. получение прибавочной стоимости.

Несмотря на эту противоположность обеих формул обращения, они составляют единство, которое проявляется как в их историческом происхождении, так и в их одновременном действии. Исторически вторая формула $D-T-D$ возникла из развития первой формулы $T-D-T$. Только в результате длительного развития простого товарного обращения появилось капиталистическое хозяйство со свойственной ему формулой обращения $D-T-D$. Но после того, как появилась эта формула обращения, характерная для капиталистического хозяйства, формула простого товарного обращения $T-D-T$ не исчезла; наоборот, именно с этого времени она получила широкое развитие, так как только в период капитализма товарное производство и обращение охватило все народное хозяйство. Поэтому обращение в форме $D-T-D$, будучи по своей природе противоположным обращению в форме $T-D-T$, вместе с тем действует одновременно с последним и на его основе. «Поскольку две фазы $D-T$ и $T-D$ являются актами обращения, постольку обращение капитала составляет часть товарного обращения вообще. Но поскольку они представляют функционально определенные отделы, стадии в кругообороте капитала... постольку капитал внутри общего товарного обращения совершает свой собственный кругооборот» (К., т. II, стр. 25)¹⁾.

¹⁾ Буква К. обозначает «Капитал», цитируемый по русскому изданию 1928 г. (II том по изд. 1927 г.)

Единство обеих форм обращения обнаруживается и в их взаимобусловленности. Обращение капитала не может совершаться при отсутствии товарного обращения вообще. С другой стороны, товарное обращение происходит в формах, присущих капитализму. Обращение капитала $D-T-D$ может совершаться только при том условии, если имеется на рынке товар — рабочая сила, совершающая свое обращение в форме $T-D-T$ (ибо рабочий продает свою рабочую силу за деньги, чтобы на эти же деньги купить необходимые средства потребления). С другой стороны, обращение рабочей силы в форме $T-D-T$ невозможно при отсутствии обращения капитала в форме $D-T-D$. На ряду с этой взаимобусловленностью обеих форм обращения, мы замечаем и их взаимопроникновение. Обращение капитала включает в себя обращение рабочей силы, так как капиталист покупает рабочую силу; обратно — продажа рабочим рабочей силы, т.е. акт, входящий с точки зрения рабочего в обращение $T-D-T$, обозначает вместе с тем покупку рабочей силы капиталистом, т.е. акт, входящий в обращение $D-T-D$.

Единство и противоположность обеих форм обращения $T-D-T$ и $D-T-D$ являются только отражением того факта, что капиталистическое хозяйство представляет собою одновременно и дальнейшее развитие простого товарного хозяйства и его отрицание. Оно представляет собою дальнейшее развитие простого товарного хозяйства, так как оно исторически возникло из простого товарного хозяйства и, вместе с тем, действует на основе товарного и денежного обращения. Но, с другой стороны, законы товарного обращения в условиях капиталистического хозяйства приобретают форму, противоположную тем формам, которыми они отличались в простом товарном хозяйстве. Если простое товарное хозяйство было основано на обмене эквивалентов, то в капиталистическом хозяйстве мы имеем дело с присвоением капиталистом неоплаченного труда рабочих: «Обмен эквивалентов, представлявший нам основной первоначальной операцией, претерпел такие изменения, что в результате обмен оказывается лишь внешней видимостью... Меновое отношение между капиталистом и рабочим становится простой видимостью процесса обращения, простой формой, которая чужда своему собственному содержанию и лишь затемняет его действительный смысл» (К., т. I, стр. 459). Но эта противоположность законов простого товарного хозяйства и законов капиталистического хозяйства не устраняет их единства, так как «первоначальное превращение денег в капитал совершается в самом точном согласии с экономическими законами товарного производства и возникающим из них правом собственности» (Там же, стр. 460). Иначе говоря, капиталистическое хозяйство представляет собою одновременно и дальнейшее развитие и отрицание простого товарного хозяйства. «Закон присвоения или закон частной собственности, покоящийся на производстве и обращении товаров, превращается путем собственной, внутренней, неустранимой диалектики в свою прямую противоположность» (Там же, стр. 459). Связь между простым товарным хозяйством и капиталистическим хозяйством носит, таким образом, характер единства противоположностей.

Переходим теперь к характеристике самого капитала. Уже из формулы $D-T-D$ мы видим две основные черты капитала: во-первых, капитал есть самовозрастающая стоимость, т.е. стоимость, которая приносит прибавочную стоимость, во-вторых, капитал находится в постоянном движении, принимая попеременно то форму денег, то форму товара. Эти две черты капитала связаны именно с тем, что капитализм, с одной стороны, представляет собою отрицание простого товарного хозяйства, с другой стороны, — его дальнейшее развитие. Поскольку капитал есть

самовозрастающая стоимость, он отличается специфическими чертами, отсутствовавшими в простом товарном хозяйстве. Эти специфические черты суть классовые отношения между капиталистом и рабочим, заключающиеся в присвоении первым неоплаченного труда последнего. Но, с другой стороны, капиталистические отношения не устраняют товарного производства, а развиваются на его основе. Поскольку в товарном производстве мы имеем постоянное движение товаров и денег, постольку и капитал должен попеременно принимать форму товара и денег. Необходимость изучения капитала с обеих этих сторон подчеркнута Марксом во II томе «Капитала» (стр. 60): «Представление о капитале как самовозрастающей стоимости охватывает не только представление о классовых отношениях, об определенном характере общества, вытекающем из того, что труд существует как наемный труд. Капитал есть, кроме того, движение, процесс кругооборота, проходящий различные стадии и сам, в свою очередь, заключающий в себе три различные формы процесса кругооборота». Иначе говоря, мы должны изучать капитал как в сфере производства, так и в сфере обращения. Первому исследованию посвящен первый том «Капитала» Маркса, последнему — второй том.

Рассмотрим капитал в сфере непосредственного производства. С этой точки зрения капитал представляется нам как классовое отношение между капиталистами и рабочими. Возникновение этих классовых отношений знаменуется появлением резких классовых противоположностей в обществе товаропроизводителей, которое мы до сих пор представляли себе как однородную среду совершенно одинаковых товаропроизводителей. Мы знаем, что в данном случае расслоение общества однородных товаропроизводителей на два противоположных класса представляло собою длительный исторический процесс, сопровождавшийся насильственным отнятием земли у крестьянства, разорением мелких товаропроизводителей, ограблением колоний. Это был процесс первоначального капиталистического накопления. Только в результате этого длительного и насильственного исторического процесса произошло «отделение» средств производства от рабочего, и появился капитал. Не нужно поэтому думать, что к категории капитала Маркс пришел путем простого логического имманентного развития категорий простого товарного хозяйства, т. е. товара и денег. Категория капитала является у Маркса отражением реальной действительности, так как реальные явления, соответствовавшие категориям простого товарного хозяйства, в результате исторических переворотов переросли в другие реальные явления, соответствующие категории капитала. Именно потому, что в реальной действительности появились новые производственные отношения между классом капиталистов и классом рабочих, Маркс вводит в свою систему новую категорию капитала. Но, с другой стороны, так как новые производственные отношения между капиталистами и рабочими действуют на основе и в форме производственных отношений между товаропроизводителями, категория капитала не уничтожает категорий товара и денег, а является дальнейшим развитием этих же категорий.

Появление капитала означало появление противоположностей в прежде однородной социальной среде. Произошла, по словам Маркса, «поляризация товарного рынка», появление «двух сортов товаровладельцев», а именно владельцев средств производства и продавцов рабочей силы (Kapital, т. I, 1922, стр. 680). Произошло дальнейшее развитие того процесса «отчуждения», который мы наблюдали в простом товарном хозяйстве. Но, если в простом товарном хозяйстве товар и деньги были «отчуждены» от труда после того, как процесс труда уже завершился, то в капиталистическом хозяйстве еще до начала процесса непосредствен-

ного производства имеет место отчуждение рабочей силы от средств производства. «Средства производства противостоят владельцу рабочей силы как чужая собственность. С другой стороны, продавец труда противостоит покупателю как чужая рабочая сила» (К., т. II, стр. 6). Этот процесс «отчуждения» и «обособления» средств производства от рабочей силы подчеркивается Марксом в самых различных его сочинениях. Маркс говорит, что средства производства противостоят рабочему как «чужие и самостоятельные», как «самостоятельно противостоящие и отчужденные условия» труда (Teorien, т. III, стр. 314, 547 и др.). Средства производства приобретают «отчужденную форму», «обособленную» форму, «противоречивую» форму, т. е. форму, в которой они противопоставляются рабочему и именно благодаря этому приобретают общественный характер капитала (Там же, стр. 308, 324, 354 и др.). Происходит процесс отчуждения и обособления (Entfremdung, Verselbständigung) средств производства от рабочих.

Итак, появление капитала знаменовало собою появление противоположностей в прежде однородной социальной среде. Здесь происходит величайший в мировой истории процесс появления классовых противоположностей и противоречий. Это появление противоречий между классами имеет решающее значение, так как оно подготавливает тот субъективный фактор классовой борьбы, который на фоне всех противоположностей и противоречий, порождаемых капиталистическим хозяйством, создает возможность перехода этого хозяйства в новую, высшую стадию. Поэтому именно здесь, в сфере обрисованной нами поляризации классов, завязывается центральный узел противоречий капиталистического хозяйства, который должен дать разрешение всех противоречий, присущих последнему. Весь грандиозный узел различных противоположностей и противоречий, завязанных в капиталистическом хозяйстве, может получить свое разрешение только благодаря тому мощному классовому противоречию между капиталом и трудом, которое имеет место в сфере непосредственного производства.

Противоречие между капиталом и трудом не устраняет их взаимодействия. Средства производства, составляющие капитал, созданы человеческим трудом и, с этой точки зрения, представляют собой овеществленный труд, в отличие от живого труда. Но в условиях капиталистического хозяйства этот овеществленный труд приобрел господство над живым трудом: капитал подчинил себе труд и включает его в себя. Это включение труда в капитал происходит таким образом, что сама рабочая сила обменивается на переделанный капитал и в процессе непосредственного производства является уже частью капитала.

Указанное взаимодействие между капиталом и трудом накладывает особые черты на каждый из них и вызывает известное «разделение» как капитала, так и труда. Благодаря тому, что капитал должен быть обменен на рабочую силу, он делится на две части. Та часть капитала, которая затрачивается непосредственно на покупку рабочей силы, называется переменным капиталом. Та часть капитала, которая затрачивается на приобретение вещественных средств производства, называется постоянным капиталом. Эта необходимость раздвоения капитала объясняется двойственным характером труда как абстрактного и конкретного. Поскольку капиталист заинтересован в присвоении неоплаченного труда, он затрачивает капитал на наем рабочей силы. Но, поскольку труд рабочего является не только абстрактным, но и конкретным трудом, он требует для своего приложения наличия определенных средств производства. Чтобы пустить рабочую силу в движение, капиталист должен купить не только эту

рабочую силу, но и известные средства производства. Следовательно, часть капитала должна превратиться в постоянный капитал.

«Раздвоение» мы замечаем также и в сфере труда. Благодаря тому, что труд покупается капиталом, он разделяется на две части: оплаченный труд и неоплаченный труд. Стоимость, созданная трудом рабочего, делится на две части: стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость. Прибавочная стоимость в свою очередь «раздваивается» и принимает две формы: абсолютной и относительной прибавочной стоимости. И в данном случае Маркс не только отмечает различие между этими двумя формами прибавочной стоимости, но и их взаимобусловленность и переход одной формы в другую (К., т. I, стр. 396).

До сих пор мы получили два деления. Капитал разделился на постоянный и переменный; стоимость, созданная трудом рабочего, разделилась на стоимость рабочей силы и прибавочную стоимость. Но не забудем, что стоимость рабочей силы представляет собою то же самое, что и переменный капитал. Ведь именно переменный капитал оплачивает стоимость рабочей силы. Если мы включим поэтому стоимость рабочей силы в самый капитал, то мы получим новое противопоставление: капитал и прибавочная стоимость. Мы получили, таким образом, три пары противоположностей: 1) постоянный и переменный капитал; 2) стоимость рабочей силы и прибавочная стоимость; 3) капитал и прибавочная стоимость. Отношение между постоянным и переменным капиталом определяет органический состав капитала $\left(\frac{c}{v}\right)$; отношение между прибавочной стоимостью и стоимостью рабочей силы определяет норму прибавочной стоимости $\left(\frac{m}{v}\right)$; наконец, отношение между прибавочной стоимостью и капиталом определяет норму прибыли $\left(\frac{m}{c+v}\right)$. Каждой из этих величин свой-

ственна особая тенденция движения, зависящая в конечном счете от развития производительных сил труда. По мере роста производительных сил труда и успехов техники, увеличивается относительный размер постоянного капитала по сравнению с переменным и, следовательно, повышается органический состав капитала и создается основа для мощной концентрации капитала. Это же развитие производительности труда, удешевляя средства потребления рабочих и стоимость рабочей силы, действует в сторону повышения нормы прибавочной стоимости. Наконец, повышение органического состава капитала вызывает тенденцию к понижению нормы прибыли.

От капитала в сфере производства обратимся к капиталу в сфере обращения. До сих пор мы рассматривали капитал как классовое отношение между капиталистами и рабочими, т. е. рассматривали те специфические черты капитала, которые отличают его от простого товарного хозяйства. Но, как мы уже знаем, капиталистическое хозяйство представляет собою дальнейшее развитие того же товарного хозяйства. С появлением капитала не исчезают товар и деньги; они становятся подчиненными моментами движения самого капитала. Капитал попеременно принимает форму товара и денег, проходя через различные стадии. «В обращении D—T—D товар и деньги функционируют лишь как различные способы существования одной стоимости... Стоимость постоянно переходит из одной формы в другую» (К., т. I, стр. 99). Если в простом товарном хозяйстве мы наблюдали процесс раздвоения товара на простой товар и деньги (и тем самым раздвоение стоимости на товарную форму и денежную форму), то теперь мы как будто возвращаемся обратно к стоимости вообще. Капитал есть самовозрастающая стоимость. Эта стоимость попеременно принимает то одну, то другую форму.

«Те, кто полагает, будто стоимость приобретает самостоятельное существование (Verselbständigung) лишь в абстракции, забывают, что движение промышленного капитала есть эта абстракция in actu. Стоимость проходит тут через различные формы, совершает различные движения, в которых она сохраняется и в то же время возрастает, увеличивается» (К., т. II, стр. 60). Процесс «самостоятельного обособления» стоимости достигает теперь своего более высокого развития. «В капитале самостоятельное обособление (Verselbständigung) стоимости достигает более высокой степени, чем в деньгах» (Theorien, т. III, стр. 155). Капитал в обращении представляет собою единство противоположностей—товара и денег.

Мы видели, что капитал в сфере непосредственного производства представляет собою единство противоположностей, а именно вещественных и личных факторов производства, «отчужденных» и «обособленных» друг от друга, имеющих противоречивую классовую форму. Точно так же и капитал в сфере обращения представляет собою единство противоположностей—товара и денег, иначе говоря, товарного и денежного капитала. Наконец, капитал в целом также представляет собою единство противоположностей, а именно единство капитала в производстве и капитала в обращении. «Совокупный процесс воспроизводства капитала есть единство его фазы производства и его фазы обращения. Это один процесс, который проходит через оба процесса как свои фазы... Если бы они были разделены, не будучи едиными, то невозможно было бы никакое насильственное восстановление их единства, никакой кризис. Если бы они были только едины, не будучи разделены, то невозможно было бы никакое насильственное их разделение, которое также является кризисом» (Theorien, т. II, ч. 2, стр. 287).

Мы можем подвести итоги. Появление капитала мы можем рассматривать, как процесс, в котором одновременно осуществляются: 1) социологический закон дифференциации общественных групп и классов, 2) экономический закон овеществления производственных отношений людей и 3) обще-диалектический закон единства противоположностей. Уже в простом товарном хозяйстве мы наблюдали процесс дифференциации функций товаропроизводителей. Мы видели, что товаропроизводитель становился то продавцом, то покупателем. Мы наблюдали появление новых «общественных характеров» товаропроизводителя: собирателя сокровищ, кредитора и должника. Но все это были такие функции, которые попеременно выполнял то один товаропроизводитель, то другой, эти функции не были «кристаллизованы» за определенными лицами. Правда, Маркс отмечал, что уже функция кредитора обнаруживает способность «к более прочной кристаллизации» (К., т. I, стр. 83), т. е. способность закрепляться навсегда или на долгое время за определенным лицом. Но в виде общего правила в простом товарном хозяйстве кредитор и должник это не члены двух разных классов, а две функции, выполняемые попеременно различными товаропроизводителями. Только с появлением капиталистов и рабочих появилось деление товарного общества на классы; только с этого времени появилась резкая классовая противоположность между лицами, владеющими средствами производства, и лицами, обреченными всю жизнь продавать свою рабочую силу. Это появление классовых противоположностей знаменовало собой целый исторический переворот, скачек от общества однородных товаропроизводителей к обществу товаропроизводителей, раздираемому классовыми противоречиями.

Параллельно с этим усложнением производственных отношений людей, усложнялись и экономические формы вещей; если раньше продукт труда принимал форму товара или денег, то теперь появилась новая социальная форма—капитал. Фетишизация произ-

водственных отношений приобретает в капитале более скрытую и запутанную форму, чем в товаре и деньгах. Уже в процессе непосредственного производства «капитал становится очень таинственной сущностью, так как все общественные производительные силы труда представляются таким способом, как будто они принадлежат капиталу, а не труду как таковому, и порождаются в его собственных недрах» (К., т. III, ч. 2, стр. 297). Уже в процессе непосредственного производства производительные силы труда принимают вид производительных сил капитала. Капитал выступает как стоимость, способная к самовозрастанию. Дальнейшая фетишизация производственных отношений людей происходит в сфере обращения капитала. Эта сфера обращения порождает новые «определения формы» (К., т. III, ч. 2, стр. 297), «новые формы, происходящие из процесса обращения» (Письма Маркса и Энгельса, 1923 г., стр. 170), например, формы основного и оборотного капитала и т. п. Благодаря этому появляется иллюзия, будто стоимость и прибавочная стоимость возникают в процессе обращения.

Описанные нами процессы дифференциации социальных групп и овеществления производственных отношений людей происходят на основе обще-диалектического закона единства противоположностей. Появление капитала обозначает появление классовых противоположностей в прежде однородной социальной среде товаропроизводителей. Единство противоположностей капитала и наемного труда в сфере производства, единство противоположностей товара и денег в сфере обращения, единство капитала в производстве и капитала в обращении, — во всех этих явлениях мы видим осуществление обще-диалектического закона единства противоположностей.

6. Кругооборот капитала.

Из учения о единстве капитала в производстве и капитала в обращении вытекает учение Маркса о кругообороте капитала. Действительно, капитал в обращении должен принять две различные формы: денежного капитала и товарного капитала. Таким образом, капитал в обращении раздваивается, и вместо прежнего двухчленного деления капитала мы получаем трехчленное деление: денежный капитал, производительный капитал и товарный капитал. Это — учение о различных функциях или фазах движения капитала.

В реальной действительности эти различные фазы движения капитала обособляются друг от друга и принимают форму трех обособленных друг от друга и противостоящих друг другу форм капитала. На поверхности явлений мы видим: 1) капитал промышленный, занятый непосредственно в процессе производства; 2) капитал товарно-торговый или купеческий, занятый обслуживанием сферы обращения, и 3) капитал денежно-торговый, находящийся в руках денежных капиталистов, которые скупают им капиталистов производительных. Перед нами три совершенно обособившиеся формы капитала, принадлежащие трем различным группам класса капиталистов, движущиеся на основе как будто совершенно различных законов и противостоящие друг другу как самостоятельные сферы вложения капитала.

В чем заключался переворот, произведенный Марксом в учении о кругообороте капитала? Переворот этот заключался в том же, в чем заключался и переворот, произведенный им в учении о деньгах. Противоположность между товаром и деньгами, противостоящими друг другу в пространстве, Маркс превратил в последовательность движения товара через две противоположные фазы. Предметы, расположенные рядом друг с другом в пространстве, Маркс рассматривает как различные фазы движения

одного и того же процесса во времени. Этот же прием Маркс применил и в учении о кругообороте капитала. Он указал, что все три сферы капитала, находящиеся рядом друг с другом в пространстве, нужно рассматривать как различные фазы и ли стадии движения одного и того же капитала, т. е. как части единого целого процесса, а не как самостоятельные и изолированные явления. Необходимо лишить денежный и товарный капиталы их обособленности и рассматривать их как обособившиеся части единого процесса движения капитала. «Денежный капитал и товарный капитал, поскольку они со своими функциями выступают наряду с промышленным капиталом как носители особых отраслей предприятий, суть лишь достигшие самостоятельности (verselbständigte) вследствие общественного разделения труда и односторонне развитые виды существования различных функциональных форм, которые промышленный капитал то принимает, то сбрасывает в сфере обращения» (К., т. II, стр. 22).

Итак, во внешнюю противоположность трех обособленных форм капитала Маркс сводит к последовательности фаз движения одного и того же капитала. Каждый капитал должен пройти через три фазы: первая — денежный капитал, вторая — производительный капитал и третья — товарный капитал. От противоположности явлений в пространстве перейдем к развитию явлений во времени. Внешние противоположности трех обособленных форм капитала превратим во внутренние противоположности капитала, как единого процесса, необходимо проходящего через различные стадии движения. С этой точки зрения нам становится ясна структура II и III томов «Капитала» Маркса. В третьем томе «Капитала» товарно-торговый и денежно-торговый капиталы выступают как обособленные и самостоятельные сферы приложения капитала. Но понять законы их движения нельзя, пока мы рассматриваем их как обособленные и изолированные формы капитала; вскрыть законы их движения можно только в том случае, если мы рассмотрим эти формы капитала, как части и моменты процесса движения капитала в целом. И именно во II томе «Капитала» Маркс превращает товарно-торговый капитал в товарную форму промышленного капитала, а денежно-торговый капитал — в денежную форму промышленного капитала. «Денежный капитал, товарный капитал, производительный капитал обозначают здесь отнюдь не самостоятельные сорта капитала, функции которых составляют содержание тоже самостоятельных и отделенных друг от друга отраслей предприятий. Они обозначают здесь лишь особые функциональные формы промышленного капитала, который последовательно принимает их все три одну за другой» (К., т. II, стр. 20).

После того, как мы свели три противостоящие друг другу формы капитала к трем фазам движения одного и того же капитала, мы рассмотрим эти три фазы как обнаружение внутренних противоположностей, скрытых в природе капитала. Из самой природы капитала, который представляет собою самовозрастающую стоимость, принимающую попеременно формы товара и денег, вытекает необходимость различения в капитале трех различных фаз, или стадий движения. В этом движении обнаруживается внутренняя противоположность, скрытая в капитале; капитал «как капитал обращения в этой своей функции отличается от самого себя, как производительного капитала. Это две особых, отличных формы существования одного и того же капитала» (К., т. III, ч. 1, стр. 205). Появляются «различные формы, в которые на различных своих стадиях облачается капитал» (К., т. II, стр. 1).

Раз капитал попеременно проходит через три различные фазы (денежный, производительный и товарный капиталы), то в данный момент времени одна часть капитала находится в одной фазе, другая часть — в другой,

а третья—в третьей. Сама последовательность фаз движения капитала во времени приводит к одновременному существованию трех различных форм капитала в пространстве. «Сама последовательность в пространстве есть лишь результат последовательности во времени» (К., т. II, стр. 59). «Формы суть текущие формы, одновременность которых достигается их последовательностью» (К., т. II, стр. 60).

Итак, для понимания законов движения капитала мы должны рассматривать капитал как единство противоположностей, или как единство трех различных фаз. Но этого, однако, мало. Предположим, что мы рассматриваем капитал как единство трех фаз (денежный, производительный и товарный капитал), т.-е. в форме кругооборота $D—T... P... T—D$. Хотя мы рассмотрели все три фазы капитала, но все же наше исследование является односторонним, так как мы начали с денежной формы капитала и закончили денежную же формой. С этой односторонней точки зрения кругооборот капитала представляется нам, как кругооборот денежного капитала; с иной точки зрения представится нам кругооборот капитала, если мы начнем свое исследование с фазы производительного капитала и ею же закончим. В таком случае мы получим кругооборот производительного капитала ($P... T—D—T... P$). Наконец, если мы возьмем за начало исследования фазу товарного капитала, мы получим кругооборот товарного капитала ($T^1—D^1—T... P... T^1$). Меркантилисты рассматривали весь кругооборот капитала с первой точки зрения, классики—со второй точки зрения, а физиократы—с третьей точки зрения. Благодаря этому, исследование капитала у экономистов всех перечисленных школ имело односторонний характер. Полное представление о кругообороте капитала мы получаем только в том случае, когда мы рассматриваем его со всех трех указанных точек зрения, т.-е. и как кругооборот денежного капитала, и как кругооборот производительного капитала, и как кругооборот товарного капитала. «Если мы все три формы соединим вместе, то все предпосылки процесса оказываются его результатом, предпосылкой, произведенной им самим. Каждый момент является исходным пунктом, переходным пунктом и пунктом возвращения. Процесс, взятый в целом, изображается как единство процесса производства и процесса обращения; процесс производства становится посредствующим звеном в процессе обращения, и наоборот» (К., т. II, стр. 56—57).

Мы видим, в какой мере применение закона единства противоположностей необходимо для понимания движения капитала. Процесс движения капитала мы должны рассматривать не только как единство трех противоположных фаз, но и как единство трех кругооборотов капитала. «Процесс как целое представляет единство трех кругооборотов, являющихся различными формами, в которых непрерывность процесса находит себе выражение» (К., т. II, стр. 59).

Маркс не ограничивается тем, что сводит противоположные формы капитала к единству движения капитала через три различные фазы. Аналитически сводя весь процесс к его единству, он после этого показывает нам, каким образом из единого капитала выделились три самостоятельных и обособленных формы капитала. Он прослеживает процесс «обособления» и «отчуждения» друг от друга различных форм капитала. Это отчуждение заключается в том, что различные функции капитала, например, торговые операции, становятся теперь уже не побочными операциями самого промышленного капиталиста, а выделяются и становятся специальными операциями особой группы, торговцев; происходит «выделение» из класса капиталистов особой группы, посвящающей себя обслуживанию товарного или денежного обращения.

Разумеется, это распадение класса капиталистов на отдельные группы объясняется в последнем счете развитием материального процесса производства, расширением рынка, увеличением размеров производства. Эти перемены в процессе производства и обмена товаров делают невозможным для промышленного капиталиста совмещать в своем лице функции руководителя производства, купца, банкира и т. д. Происходит «обособление» и «отчуждение» этих функций друг от друга; появляются, например, особые группы купцов. С этого момента «функция (торговли) является не побочной операцией производителя, а исключительной операцией особого рода капиталистов, торговцев товарами, приобретает самостоятельность (verselbständig), как операция особого капитала» (К., т. III, ч. I, стр. 207). Точно таким же образом происходит выделение и обособление денежно-торгового капитала. «От всего капитала отделяется и обособляется (verselbständig) в форме денежного капитала определенная часть, капиталистическая функция которой заключается исключительно в том, чтобы исполнять эти операции для всего класса промышленных и торговых капиталистов» (Там же, стр. 242).

Это выделение особой группы капиталистов представляет собою яркую иллюстрацию дальнейшей дифференциации социальных групп, дальнейшего углубления общественного разделения труда. «Это—особая форма общественного разделения труда» (Там же, стр. 208),—пишет Маркс в применении к выделению торговых капиталистов.

Как видим, товарно-торговый капитал и денежно-торговый капитал представляют собою лишь обособившиеся части единого процесса движения капитала. Отсюда вытекает, во-первых, что законы их движения могут быть поняты только на фоне общего движения промышленного капитала в целом; во-вторых, эти обособившиеся формы капитала приобретают известную относительную самостоятельность, которая проявляется в специфических законах их движения; иначе говоря, движение этих обособившихся частей капитала может быть понято лишь на основе закона единства противоположностей.

Маркс нередко подчеркивает эту двойственную природу обособившихся частей капитала. С одной стороны, он подчеркивает их связь с движением промышленного капитала в целом: «Движения этого денежного капитала суть лишь движения обособившейся (verselbständigter) части промышленного капитала, находящегося в процессе своего воспроизводства» (Там же, стр. 243). Но, с другой стороны, раз эта часть капитала обособилась, она приобрела уже известную относительную самостоятельность и подчиняется особым законам. «В товарно-торговом и денежно-торговом капитале различия между промышленным капиталом как производительным, с одной стороны, и тем же самым капиталом в сфере обращения, с другой,—приобретают самостоятельное существование (verselbständig) вследствие того, что определенные формы и функции, которые временно принадежат на себя в этом случае капитал, являются самостоятельными формами и функциями отделившейся части капитала и связаны исключительно с нею» (Там же, стр. 249).

Эту относительную самостоятельность обособившейся части капитала подчеркивает и Энгельс. Процесс обособления разных форм капитала Энгельс рассматривает на широком фоне общественного разделения труда. «Там, где имеется разделение труда в общественном масштабе, отдельные работники становятся самостоятельными друг от друга. Производство является в последнем счете решающим. Но, как только торговля продуктами обособляется от производства в собственном смысле, она следует своему собственному движению, над которым в целом господствует производство, но в отдельных частностях и внутри этой общей зависимости

торговля все же следует своим собственным законам, которые присущи природе этого нового фактора. У этого движения (торговли) есть свои собственные фазы, и в свою очередь оно оказывает обратное действие на движение производства». Точно так же и торговля деньгами «имеет особые законы, определяемые его собственной природой, и имеет особые фазы» (Письма Маркса и Энгельса, 1923 г., стр. 307—308).

Именно эта относительная самостоятельность товарно-торгового и денежно-торгового капитала скрывает от наших глаз их единство и связь с процессом движения промышленного капитала в целом. Если бы торговые операции производились не особым купцом, а приказчиком, находящимся на службе у самого фабриканта, «эта связь ни одного мгновения не оставалась бы скрытой» (К., т. III, ч. 1, стр. 207). Но после того, как произошло выделение особой группы торговцев, товарно-торговый капитал внешне обособился от промышленного, и именно это его «самостоятельное обособление» «затушевывает различные моменты движения» (К., т. II, стр. 65). Денежный, производительный и товарный капиталы, представляющие собою на деле лишь моменты единого процесса движения капитала, обособляются, приобретают известную самостоятельность и, как кажется на внешний взгляд, действуют самостоятельно и независимо друг от друга. Именно поэтому экономисты, наблюдавшие внешнюю поверхность явлений и рассматривавшие товарно-торговый и денежно-торговый капиталы в их «обособленном» виде, не могли понять внутренних законов движения капитала; они приходили к самым нелепым выводам о возникновении торговой прибыли в сфере самого обращения. Только Марксу удалось выяснить проблему торговой прибыли благодаря тому, что он разрушил внешнюю иллюзию независимости движения товарно-торгового капитала и рассматривал его в неразрывной связи с движением промышленного капитала в целом. Только применение закона единства противоположностей дало Марксу возможность разрешить эту трудную проблему.

Как видим, и в учении о кругообороте капитала Маркс показал нам осуществление трех указанных выше законов. С одной стороны, мы наблюдаем картину постепенного усложнения классовой структуры общества. В учении о простом товарном хозяйстве мы имели дело только с простыми товаропроизводителями; в учении о капитале мы имеем дело с производственными отношениями двух классов общества, капиталистов и рабочих; наконец, в учении о кругообороте капитала мы видим дальнейшее усложнение структуры общества; мы видим распадении класса капиталистов на несколько особых и самостоятельных групп (капиталисты промышленные, торговые и денежные).

По мере усложнения производственных отношений людей усложняются и социальные формы вещей, развивается процесс овеществления и фетишизации производственных отношений людей. Товарно-торговый и денежно-торговый капиталы приобретают самостоятельную форму, отрываются и обособляются от процесса непосредственного производства; благодаря этому возникает иллюзия образования прибавочной стоимости в процессе обращения, и производственные отношения членов общества приобретают более запутанный и фетишизированный характер.

Описанные процессы усложнения и овеществления производственных отношений людей происходят в согласии с общедиалектическим законом единства противоположностей. Движение капитала, которое мы раньше рассматривали как единый процесс, распадается на ряд обособленных и относительно-самостоятельных сфер, в каждой из которых мы обнаруживаем особые специфические формы движения. Появляются противоположности в группе явлений, образующих единство, но, с другой стороны,

между этими противоположными явлениями сохраняется единство. Обособившиеся части капитала (товарно-торговый, денежно-торговый и производительный капиталы), хотя и обладают относительной самостоятельностью, все же в общем подчинены в своем движении законам движения промышленного капитала в его целом. Движение процесса производства продолжает господствовать и над теми частями капитала, которые от него обособились и приобрели внешне самостоятельную, отчужденную форму.

7. Распадение прибавочной стоимости на доходы.

Как мы видели выше, в капиталистическом обществе стоимость годового продукта (включая и стоимость затраченных средств производства) распадается на капитал и прибавочную стоимость. Мы уже проследили процесс усложнения и обособления отдельных частей капитала. Теперь нам предстоит рассмотреть процесс постепенного усложнения и обособления различных частей прибавочной стоимости, иначе говоря, процесс распада прибавочной стоимости на отдельные виды нетрудовых доходов (предпринимательская прибыль, процент, торговая прибыль и земельная рента). Этому вопросу посвящена большая часть третьего тома «Капитала» Маркса. В письме к Энгельсу Маркс писал: «В III книге мы доходим до превращения прибавочной стоимости в различные формы и до распада ее на отдельные разобщенные, друг от друга составные части» (Письма, 1923 г., стр. 170).

Распадение прибавочной стоимости на различные формы дохода является процессом, параллельным описанному выше процессу распада промышленного капитала на отдельные и самостоятельные формы. Действительно, раз произошло распадение капитала на товарно-торговый, денежно-торговый и производительный, принадлежащие различным группам капиталистов и составляющие особые отрасли, то вполне понятно, что и прибавочная стоимость распалась на отдельные части, достоящиеся различным группам капиталистов и имеющие различные формы. На поверхности явлений мы встречаем уже эти различные виды нетрудового дохода в готовой, самостоятельной или, как выражается Маркс, «твердой» форме. Мы встречаем уже отдельные друг от друга формы дохода (предпринимательская прибыль, торговая прибыль, процент), которые внешне обособлены друг от друга и движутся как будто независимо друг от друга, каждая на основании присущей ей особых законов. И в данном случае первая задача, стоявшая перед Марксом, заключалась в том, чтобы вскрыть единство, лежащее в основе этих различных форм нетрудовых доходов, чтобы лишить их кажущейся самостоятельности и представить их, как обособившиеся части единой массы прибавочной стоимости. Уже классики в своей теории стоимости наметили путь для решения этого вопроса, но они еще не знали прибавочной стоимости в ее общей форме. Только Маркс в I томе «Капитала», в своем учении о прибавочной стоимости, действительно вскрыл единство, лежащее в основе всех нетрудовых доходов. Недаром Маркс считал самым лучшим в «Капитале», на ряду с учением о двойственном характере труда, учение о прибавочной стоимости. «Прибавочная стоимость рассматривается независимо от обособленных форм, как-то: прибыль, процент, земельная рента и т. д.» (Письма, стр. 168). Еще ярче Маркс выразил особенность своего учения о прибавочной стоимости в другом письме: «В противоположность всей прежней политической экономии, исследовавшей прежде всего особые части прибавочной стоимости в их твердых формах,—как рента, прибыль, процент, считая их данными, я стал впервые изучать общую форму прибавочной стоимости, в которой все особые части еще, так сказать, находятся в растворенном состоянии» (Там же, стр. 169. Курсив

наш. И. Р.). Здесь Марксом ярко выражена центральная идея, руководившая им на протяжении всего его исследования, идея превращения застывших и обособленных социальных форм вещей, внешне противостоящих и противоположных друг другу, в части единого текучего процесса, в части единой массы общественного труда, находящегося в распоряжении общества.

Но Маркс, как мы знаем, никогда не ограничивался аналитическим сведением обособленных социальных форм к единому процессу, части которого они составляют; он всегда идет и обратным, синтетическим путем и показывает нам процесс постепенного обособления и отчуждения этих различных социальных форм, процесс «генезиса форм». Причины этого обособления отдельных форм прибавочной стоимости выяснены были в учении о кругообороте капитала. По мере расширения процесса материального производства и обмена произошло обособление отдельных сфер приложения капитала; одновременно с этим произошло распадение класса капиталистов на отдельные группы и распадение прибавочной стоимости на отдельные виды нетрудового дохода. Подобно тому, как отдельные формы капитала движутся как будто независимо друг от друга, точно так же и различные части прибавочной стоимости обособляются друг от друга, приобретают форму отдельных и самостоятельных доходов и движутся как будто на основе различных законов. «Различные составные части прибавочной стоимости выступают в форме самостоятельных один по отношению к другому доходов» (К., т. III, ч. 2, стр. 311). «Распадение прибыли на предпринимательский доход и процент... завершает обособление (Vonselbständigung) формы прибавочной стоимости, фиксирование (Verknöcherung) ее формы по отношению к ее субстанции, ее сущности» (Там же, стр. 298—299).

На ряду с прибылью появляется особая форма дохода—процент, который движется на основании особых законов. Появление процента означает дальнейшее обособление и отчуждение прибавочной стоимости от ее источника—общественного труда. Если в прибыли все еще сохраняется воспоминание о ее происхождении из труда, то в проценте связь между доходом и прибавочным трудом рабочих совершенно порвана (Там же, стр. 299). Поэтому судный капитал, приносящий процент, представляет собою, как часто выражается Маркс, «наиболее отчужденную» форму капитала. Это—«автоматический фетиш», совершенно оторванный от непосредственного процесса производства, приобревший самостоятельное существование и составляющий как будто самостоятельный источник нетрудового дохода. Процесс фетишизации общественных отношений достигает наивысшей точки.

Ту же высокую степень обособления и фетишизации общественных отношений людей мы найдем в земельной ренте. «Так как здесь часть прибавочной стоимости, как представляется, связана непосредственно не с общественными отношениями, а с природным элементом, землей, то этим завершается форма обособления и фиксирования (Entfremdung und Verknöcherung) различных частей прибавочной стоимости одна по отношению к другой, внутренняя связь окончательно разрывается, и ее источники совершенно закрываются именно взаимным обособлением (Vonselbständigung) отношений производства, которые теперь связываются с различными материальными элементами процесса производства» (К., т. III, ч. 2, стр. 299). Различные части прибавочной стоимости, которые на деле служат выражением общественных отношений людей, привязываются к отдельным материальным элементам производства и кажутся происходящими из последних; земля как будто порождает ренту, капитал—процент, а труд—заработную плату. «Агентам производства капитал, земельная собственность и труд представляются тремя различными независимыми источниками, из которых как таковых происходят три различных составных части ежегодно производимой стоимости» (Там же, стр. 293). Вульгарные экономисты обобщают

эти представления капиталистов в виде триединой формулы, критическому разбору которой Маркс посвятил 48 главу III тома «Капитала». Вместо того, чтобы свести различные виды нетрудового дохода к их единственному источнику—прибавочной стоимости и прибавочному труду, вульгарные экономисты в своей формуле только отражают то внешнее обособление и отчуждение различных форм нетрудового дохода, которое бросается в глаза на поверхности капиталистического общества.

Обособление различных форм нетрудового дохода объясняет нам иллюзию, возникающую в капиталистическом обществе. Стоимость продуктов (если вычесть стоимость затраченных средств производства) распадается «на три составные части, которые принимают затем в качестве заработной платы, прибыли и земельной ренты самостоятельный вид независимых друг от друга форм дохода» (Там же, стр. 329). Но эти формы дохода, будучи результатом процесса производства, вместе с тем являются и его предпосылкой. Капиталист, приступая к процессу производства, уже заранее предвосхищает необходимость получения в результате этого процесса определенной суммы прибыли, процента и земельной ренты. Ему кажется, что стоимость продукта составляется из этих доходов; доходы представляются ему как нечто первичное, стоимость же продукта как нечто вторичное, полученное в результате сложения доходов. Весь процесс воспринимается им «не как разложение заранее данной величины стоимости на три части, принимающие форму независимых друг от друга доходов, но, наоборот, как образование этой стоимости из суммы независимых, самостоятельно определяемых каждый сам по себе составляющих ее элементов, заработной платы, прибыли и земельной ренты. Эта иллюзия возникла бы неизбежно, так как в действительном движении отдельных капиталов и их продуктов не стоимость товара предполагается как данное при распадении ее на составные части, а, наоборот, составные части, на которые она распадается, выступают как предпосылка стоимости товаров» (Там же, стр. 332). Изложенной иллюзией объясняется спор, который до сих пор ведется в буржуазной политической экономии, спор о том, является ли первичным элементом стоимость или доходы. Двойственное решение этого вопроса мы находим уже у Адама Смита, который то правильно утверждал, что стоимость продукта распадается на доходы, то ошибочно думал, что стоимость продукта составляется из доходов. Первую точку зрения воспринял и развил дальше Рикардо; вторая точка зрения легла в основу построений вульгарных экономистов. Маркс продолжил дальше дело Рикардо, он взял за исходный пункт своих исследований стоимость продукта, определяемую количеством товара, вскрыл происхождение прибавочной стоимости и процесс ее распада на отдельные нетрудовые доходы. Но этим Маркс не ограничился: он указал, что доходы, являясь результатом процесса производства, становятся вместе с тем его предпосылкой. В частности, средняя прибыль, прибавляясь к издержкам производства, образует цену производства товара. Таким образом, доход (а именно средняя норма прибыли), будучи вторичным по отношению к стоимости товара, в свою очередь определяет цену производства товара.

Кажущаяся самостоятельность отдельных видов нетрудового дохода не устраняет того обстоятельства, что все они составляют части единой массы прибавочной стоимости и движутся в рамках, определяемых величиной последней. А так как прибавочная стоимость, вместе со стоимостью рабочей силы, составляют лишь части общей суммы стоимости, вновь произведенной трудом рабочих, то понятно, что существует самая тесная связь и взаимодействие между движением нетрудовых—доходов и движением заработной платы. Своим учением

о доходах Маркс заложил научную основу для понимания классовой борьбы, и это обстоятельство он подчеркнул в письме к Энгельсу, в котором излагает ему содержание III тома «Капитала»: «Так как эти три [заработная плата, рента, прибыль (процент)] являются источниками дохода трех классов—земельных собственников, капиталистов и наемных рабочих—классовая борьба, как заключение, где, наконец, находит свое завершение вся эта история» (Письма, стр. 175).

8 Кризисы.

Мы проследили грандиозный процесс обособления и отчуждения друг от друга различных производственных отношений людей и различных частей общественного труда, принимающих особые и самостоятельные формы (товар, деньги, капитал и прибавочная стоимость, различные формы капитала, различные нетрудовые доходы). Этот процесс обособления и отчуждения производственных отношений людей и соответствующих им социальных форм вещей возникает благодаря неорганизованности и анархии капиталистического производства. Но, с другой стороны, развитие капиталистического хозяйства сопровождается грандиозным ростом производительных сил и все большим объединением процесса материального производства, который охватывает самые различные части земного шара и делает их все частями единой системы общественного разделения труда. Этот рост единства системы материального производства идет параллельно с умножением социальных форм вещей, застывших и отчужденных, внешне противоположных друг другу, действующих с относительной самостоятельностью. Это обособление производственных отношений людей и социальных форм вещей является одним из главных моментов, на которые Маркс указывает в своей теории кризисов. Кризис Маркс рассматривает как такой момент, когда внешнее обособление отдельных процессов достигло большой силы, когда их относительная самостоятельность и движение их по своим относительно различным законам приводит к нарушению единства общественного процесса производства, единства, которое лежит в основе всех этих обособившихся форм. «Когда внешнее обособление (Verselbständigung) внутренне несамостоятельных, т.е. дополняющих друг друга, актов достигает определенного пункта, то единство их обнаруживается насильственно в форме кризиса» (К., т. I, стр. 65).

В нашу задачу не входит изложение марксовой теории кризисов. Основную причину кризисов Маркс видит в неизбежном для капиталистического хозяйства противоречии между стремлением к безграничному росту производительных сил и ограниченным базисом производственных отношений людей. «Безусловное развитие производительных сил, и, следовательно, массовое производство,—на основе массы производителей, ограниченных кругом необходимых средств существования, с одной стороны, ограничение развития прибылью капиталистов, с другой стороны,—такова основа современного перепроизводства» (Theorien, т. II, ч. 2, стр. 310). Здесь Марксом в краткой форме указана основная причина кризисов. С одной стороны, мощное развитие производительных сил на основе кооперации, машин и других успехов техники приводит к колоссальному росту производства; но этому колоссальному росту производительных сил не соответствуют присущие капитализму ограниченные «условия распределения и потребления» (К., т. III, ч. 1, стр. 196), представляющие собою другую сторону производственных отношений людей. Ограничение, которое развитие производительных сил встречает в условиях распределения и потребления, заключается, во-первых, в том, что производство может вестись

лишь до тех пор, пока оно доставляет капиталисту среднюю норму прибыли, и, во-вторых, на основе антагонистических отношений распределения потребление огромной массы общества сводится к минимуму, изменяющемуся лишь в узких границах (Там же, стр. 184). Противоречие между производительными силами и производственными отношениями выражается, таким образом, в противоречии между производством и распределением, производством и потреблением. Непосредственно кризис выражается в невозможности реализации товаров по ценам, доставляющим среднюю норму прибыли, т.е. в противоречии между процессом непосредственного производства капитала и процессом обращения капитала. Таким образом, в кризисах проявляется противоречие между всеми обособившимися друг от друга сторонами единого процесса общественного производства: между производством и обращением, производством и распределением, производством и потреблением.

Кризисы имманентно присущи только капиталистическому, а не простому товарному хозяйству. Но так как уже в простом товарном хозяйстве происходит разделение товара на товар и деньги и, следовательно, распадение единого акта обмена на два самостоятельных акта продажи и покупки, то уже здесь заложена возможность (но не необходимость) кризисов. Интересно показать, что все рассмотренные нами выше формы обособления различных производственных отношений людей и социальных форм вещей рассматриваются Марксом, как условия или моменты кризиса.

Мы начали изложение с распада товара на товар и деньги; уже этот метаморфоз товара, в котором проявляется противоречие между стоимостью и потребительной стоимостью, является «наиболее абстрактной формой кризиса и потому формальной возможностью кризиса (Theorien, т. II, ч. 2, стр. 282). «Так как они (продажа и покупка) взаимно связаны друг с другом, то обособление (Verselbständigung) этих взаимно связанных между собою моментов может проявиться только насильственно, как разрушительный процесс. Именно в кризисе обнаруживается их единство, единство различного. Самостоятельность, которую эти взаимно связанные и дополняющие друг друга моменты приобрели по отношению друг к другу, насильственно уничтожается. Кризис, следовательно, обнаруживает единство обособившихся (verselbständigt) друг от друга моментов» (Там же стр. 274).

Итак, распадение товара на товар и деньги создает первую и наиболее абстрактную возможность кризиса. В учении о функциях денег мы проследили постепенное отчуждение денег от товара; это отчуждение достигло большой силы в функции платежных средств. И действительно, появление этой функции платежных средств порождает второе условие возможности кризисов, так как при связанности целого ряда товаропроизводителей цепью долговых требований, невозможность продажи товара одним из них сразу отражается на целом ряде других лиц. «Можно поэтому сказать: кризис в своей первой форме есть метаморфоз самого товара,—распадение на покупку и продажу. Кризис в своей второй форме возникает из функции денег как платежного средства... Обе эти формы еще вполне абстрактны, но вторая более конкретна, чем первая» (Там же, стр. 282, 283). В капиталистическом хозяйстве, с его широко разветвленной цепью взаимных долговых требований и обязательств товаропроизводителей, развитие платежной функции денег, как условие возможности появления кризисов, играет особенно большую роль (Там же, стр. 285).

До сих пор мы имели дело с категориями простого товарного хозяйства, из которых вытекает лишь возможность кризиса, но не его необходимость. Необходимость кризисов кроется не в условиях простого товарного

хозяйства, а в условиях капиталистического хозяйства, к которому мы сейчас переходим. «Противоречия, обнаруженные в товарном, а затем и в денежном обращении, а вместе с ними и возможности кризисов воспроизводятся сами собою в капитале, так как действительно только на основе капитала имеет место развитое товарное и денежное обращение» (Там же, стр. 286). Поскольку мы исследуем сферу непосредственного производства капитала, мы не находим никаких новых элементов, которые объяснили бы нам возможность и необходимость кризисов. Правда, поскольку процесс производства есть процесс производства прибавочной стоимости, в нем уже заложены те противоречия, которые находят свое выражение в кризисах, но эта возможность кризисов может обнаружиться только благодаря распадению процесса производства капитала на процесс непосредственного производства и процесс обращения (Там же, стр. 286). В этом распадении мы находим воспроизведенным в новой форме и на новой основе распадение товара на товар и деньги, которое, как мы уже видели выше, представляло собою первую и наиболее абстрактную возможность кризисов. «Совокупный процесс воспроизводства капитала есть единство его фазы производства и его фазы обращения; это один процесс, который проходит через оба процесса как свои фазы. В этом заключается более развитая возможность или абстрактная форма кризиса... Кризис есть насильственное восстановление единства между обособившимися моментами и насильственное обособление моментов, которые по существу едины» (Там же, стр. 287). Кризис вырастает на основе обособления сферы обращения капитала от сферы непосредственного производства. Но мы видели, что и в сфере обращения капитал принимает различные и обособленные формы товарно-торгового и денежно-торгового капитала; каждый из них обладает относительной самостоятельностью от процесса производства и движется на основе специфических особых законов. Это обособление различных частей капитала также составляет одно из важных условий кризиса. Обособление сферы торговли от сферы производства, распадение торговли на оптовую, розничную и т. д., самостоятельное и своеобразное движение ссудного капитала и процента, — все эти явления, как известно, играют большую роль для объяснения хода кризисов.

Вслед за обособлением различных форм капитала, мы рассмотрели обособление различных частей прибавочной стоимости в форме особых нетрудовых доходов (прибыль, процент, торговая прибыль, рента). Мы вступили в сферу распределения, в которой производственные отношения людей выступают одновременно как отношения распределительные. У Маркса относительная самостоятельность движения, приобретаемая отдельными доходами, также является одним из существенных моментов, влияющих на кризис. Мы знаем, что отдельные виды дохода являются не только результатом, но и предпосылкой процесса производства, и прежде всего такую роль выполняет средняя норма прибыли, являющаяся регулятором расширения и сокращения производства. Средняя норма прибыли заранее предвосхищается капиталистом, который в зависимости от возможности получения большей или меньшей нормы прибыли расширяет или сокращает производство. Эта самостоятельная роль средней нормы прибыли, предвосхищаемой заранее капиталистом, имеет большое значение для понимания кризисов. В сущности говоря, кризис наступает именно тогда, когда исчезают условия для получения капиталистом средней нормы прибыли. «Периодически средств труда и средств существования производится слишком много для того, чтобы они могли функционировать как средства эксплуатации рабочих, дающей известную норму прибыли» (К., т. III, ч. 1, стр. 195). В связи с этим Маркс придавал огромное значение в своем учении о кризисах закону тенденции нормы прибыли к понижению.

Однако предпосылками процесса производства являются не только средняя норма прибыли, но и другие нетрудовые доходы. Размер их принимается заранее данным, и участники производства заранее ожидают получение этих нетрудовых доходов в определенном размере. «Часть средней прибыли, принимающая форму процента, становится в глазах функционирующего капиталиста самостоятельным элементом, предпосылкой производства товаров и их стоимости... Такую же роль в глазах земледельческого капиталиста играет земельная рента» (К., т. III, ч. 2, стр. 333). Пока производство продолжается при прежних условиях, эти доходы действительно получаются в обычном размере, и ожидание участников производства на деле оправдывается. Но при изменении условий производства, сопровождающем наступление кризиса, исчезает возможность получения этих доходов в обычном размере. При наступлении кризиса ярко проявляется непригодность обособившихся социальных форм вещей и в частности различных форм нетрудовых доходов к общим условиям процесса производства. В условиях кризиса «фиксированные расходы, — процент, рента, — рассчитанные на одинаковую норму прибыли и на одинаковую норму эксплуатации труда, остаются прежними и частью не могут быть уплачены» (Theorien, т. II, ч. 2, стр. 290). Кризис кладет конец видимой самостоятельности различных форм нетрудового дохода. Пока процесс производства движется в неизменяющихся и постоянно повторяющихся условиях, может показаться, что отдельные доходы действительно независимы друг от друга и своей суммой образуют стоимость товара, но на самом деле, как мы знаем, эти различные и противоположные формы дохода связаны единством всей массы общественного труда и создаваемой им массы стоимости. В обычных условиях связь различных доходов с самой стоимостью товаров и ограничение их этой стоимостью не обнаруживается на поверхности явлений (К., т. III, ч. 2, стр. 333). Но кризис, изменяя общие условия производства и тем самым условия образования стоимости и прибавочной стоимости, обнаруживает взаимную связанность всех доходов и подчинение их закону стоимости. «Кризисы кладут конец этой видимости самостоятельности различных элементов, на которые цена производства постоянно распадается и которые она постоянно воспроизводит» (Theorien, т. III, стр. 580).

Распределительные отношения капиталистического общества, составляющие, по словам Маркса, лишь другую сторону производственных отношений, образуют основу для появления противоречия между производством и потреблением. Антагонистические отношения распределения «сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах». Поэтому, «чем больше развивается производительная сила, тем более впадает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление» (К., т. III, ч. 1, стр. 184). С одной стороны, характерную черту капиталистического общества составляет именно отделение производства от потребления и противоположность между ними; с другой стороны, в кризисе насильственно осуществляется единство обоих этих моментов (Theorien, т. II, ч. 2, стр. 293).

Кризисы особенно ярко обнаруживают характер капиталистического общества как единства противоположностей. Если бы капиталистическое общество не представляло собою систему обособившихся и относительно самостоятельных производственных отношений людей и социальных форм вещей, — систему, исполненную величайших противоречий, — кризисы не могли бы иметь место. Но, с другой стороны, эти же кризисы обнаруживают характер этой системы, как единства, и обнаруживают подчинение всех обособившихся частей ее единому регулиющему закону стоимости. Кризисы временно восстанавливают равновесие, но лишь для того,

чтобы создать почву для более широкого развития и углубления объективных капитализму противоречий. Тем самым все больше готовятся условия для наступления грандиозного кризиса, разрушающего самую систему производственных отношений капиталистического общества и делающего необходимым переход от капиталистической формы хозяйства к социалистической.

9. Заключение.

Развитие теории Маркса на протяжении всех трех томов «Капитала» можно рассматривать, как яркий пример применения в политической экономии диалектического закона единства противоположностей. Маркс, переходя от одной формы производственных отношений к другой, показывает процесс постепенного их усложнения, постепенного появления качественно новых форм, противоположных предыдущим формам, процесс их постепенного обособления и отчуждения. Параллельно с появлением противоположностей в группе явлений, образующих единство, эти обособившиеся друг от друга формы все теснее связываются друг с другом в силу материального единства всего процесса производства. Противоположные друг другу и обособившиеся друг от друга формы сохраняют свое единство. Основное понятие, на котором Маркс строит всю свою систему, есть понятие определенной массы общественного труда и создаваемой им стоимости; эта масса стоимости образует ту общую раму, в пределах которой движется вся система капиталистического хозяйства. Внутри этой массы стоимости обособляется масса прибавочной стоимости, в свою очередь образующая ту раму, в пределах которой движутся все формы нетрудовых доходов. Рассматривая все социальные формы вещей как видоизмененные формы единой массы стоимости или единой массы общественного труда, Маркс вскрывает объединяющий их внутренний закон; он уничтожает внешнюю самостоятельность и изолированность отдельных экономических явлений, рассматривая их как подчиненные части и формы единого процесса движения общественного труда.

Внешняя самостоятельность и «отчужденность» всех экономических явлений в капиталистическом обществе имеет своей основной причиной анархический и неорганизованный характер последнего, распадение общества на ряд частных «независимых» хозяйств, находящихся друг с другом в «отношении взаимной отчужденности» (К., т. I, стр. 44). Это отношение взаимной отчужденности людей находит свое выражение во всей хозяйственной жизни, в которой господствует «видимость чуждость» (Kapital, 1922, т. I, стр. 57; в русск. пер. на стр. 47 эти слова переведены как «непонятный характер»). Производственные отношения людей овеществляются, прикрепляются к материальным элементам производства, отчуждаются от самого человеческого труда и друг от друга, принимают иррациональную и отчужденную форму. Именно в этой внешней форме их воспринимают как сами капиталисты, так и вульгарные экономисты.

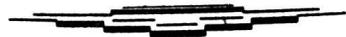
Классическая школа уже подготовила путь для того, чтобы за изолированными социальными формами вещей вскрыть единый диалектический, текучий процесс развития производственных отношений людей. «Великая заслуга классической экономии заключается в том, что она разрушила эту ложную внешнюю видимость и иллюзию, это обособление и фиксирование (Verselbständigung und Verknöcherung) различных общественных элементов богатства один от другого, эту персонализацию вещей и овеществление отношений производства, эту религию повседневной жизни,—разрушила тем, что она свела процент к части прибыли и ренты к избытку над средней прибылью, так что обе сливаются в прибавочную

стоимость; тем, что она представила процесс обращения, как простой метаморфоз форм, и, наконец, в непосредственном процессе производства свела стоимость и прибавочную стоимость товаров к труду» (К., т. III, ч. 2, стр. 299—300). По словам Маркса, классики уничтожили обособленность различных форм нетрудового дохода и различных форм капитала и открыли в труде источник стоимости и прибавочной стоимости. Однако, не говоря уже о том, что классики не разрешили полностью эту задачу, а лишь наметили путь для ее разрешения, метод их страдал следующим существенным недостатком: классики пытались при помощи анализа свести обособленные и отчужденные друг от друга формы богатства к их внутреннему единству,— в последнем счете к труду. Но классическая школа ограничивается этим аналитическим сведением и не прорывает обратного синтетического пути; она не показывает, каким образом из единства возникают различные, постепенно обособляющиеся и внешне независимые друг от друга формы; она не показывает нам процесса постепенного развития и образования форм, процесса «генезиса форм» (Theorien, том III, стр. 571—572). Так как классики от единства не могут притти к различию форм, имеющих на поверхности явлений, то они при объяснении последних нередко сами впадают в вульгарной, фетишистические представления; отсюда смешение трудовой и вульгарной точек зрения в системе классиков.

Маркс сумел не только вскрыть единство, лежащее в основе противоположных явлений, но и сумел проследить весь процесс генезиса форм, который приводит к дифференциации внутри единства и появлению в нем противоположных форм. Социальные формы вещей, которые кажутся внешне самостоятельными и чуждыми друг другу, Маркс рассматривает как отчужденную форму проявления экономических отношений» (Kapital, т. III, ч. 2, стр. 352). Маркс прослеживает процесс постепенно усложняющегося овеществления производственных отношений людей. «Отношения производства объективируются и приобретают самостоятельное (Verselbständigung) по отношению к агентам производства существование» (К., т. III, ч. 2, стр. 300). Происходит взаимное обособление отношений производства, которые теперь связываются с различными материальными элементами процесса производства (Там же, стр. 299). Чем больше развивается дифференциация общества и расхождение его на различные классы и группы, чем больше усложняются производственные отношения между ними, чем больше обособляются друг от друга различные сферы процесса общественного производства, тем больше фетишизируются общественные отношения, и скрывается внутренний закон, на основе которого они движутся. «Действительный процесс производства, как единство непосредственного процесса производства и процесса обращения, порождает все новые и новые образования, в которых все более утрачивается нить внутренней связи, отношения производства все более приобретают взаимно самостоятельное существование (sich verselbständigen), и составные части стоимости фиксируются (verknöchern) в самостоятельных одна по отношению к другой формах» (Там же, стр. 298).

Вульгарные экономисты ограничиваются рассмотрением экономических явлений в их вещной, обособленной, изолированной форме; это и значит, что они ограничиваются рассмотрением поверхности явлений, исследованием «видимости» явлений. В противоположность им, Маркс хочет вскрыть «внутренний закон» явлений. Для этого он лишает экономические явления их кажущейся внешней самостоятельности, рассматривает их в их внутренней связи друг с другом, как части единого процесса общественного производства. С этой точки зрения, взаимодействие между ними имеет уже характер не взаимодействия между обособленными и чуждыми друг другу явлениями; речь идет уже о взаимодействии их в пределах единого процесса, по отношению к которому они представляют собою лишь внешне обособив-

шиеся части и формы. Они выступают уже не как «обособленные» друг от друга, а как «обособившиеся» части единого процесса производства, не как «чуждые» друг другу, а как «отчужденные» друг от друга производственные отношения людей и социальные формы вещей. И именно поэтому они выступают уже не как безразличные друг к другу, а как связанные друг с другом одновременно и отношением единства и отношением противоположности. По словам Маркса, вульгарные экономисты рассматривают «различные формы прибавочной стоимости и формы капиталистического производства не как отчужденные, а как чуждые и безразличные, как просто различные, а не противоположные друг другу» (Theorien, т. III, стр. 575, 576)¹). Именно потому, что экономические явления выступают как обособившиеся и отчужденные части единого процесса, они не безразличны друг к другу, а находятся друг с другом в состоянии противоречий и борьбы. Эта борьба различных противоположных и противоречивых элементов капиталистического хозяйства, находящая свое высшее выражение в борьбе между классами капиталистов и рабочих, подготавливает почву для действительного «снятия» отчужденных и обособленных форм общественной жизни и для действительного обнаружения того единства, которое лежит в их основе. Чем больше возрастает власть «отчужденного» труда (т.-е. капитала) над живым трудом, тем больше создаются условия для уничтожения этого отчуждения. Именно в силу того, что капитал развивает мощные производительные силы труда, которые не могут уже действовать в рамках капиталистических производственных отношений, он подготавливает свой собственный конец. «Капитал все более проявляет себя, как общественная сила, которая действует через капиталиста и не находится уже решительно ни в каком отношении к тому, что может создать труд отдельного индивидуума, как чуждая, получившая самостоятельное существование—(entfremdete, verselbständigte) общественная сила, которая противостоит обществу, как вещь и как власть капиталиста, осуществляемая посредством этой вещи. Противоречие между общей общественной силой, в которую превращается капитал, и частной властью отдельных капиталистов над этими общественными условиями производства все более развивается в кричащее противоречие и носит в себе разрешение этого отношения, так как оно вместе с тем предполагает выработку условий производства во всеобщие, коллективные, общественные условия производства» (К., т. III, ч. I, стр. 201). Социальная революция мыслится Марксом, как уничтожение «отчужденной» и «обособленной» формы производственных отношений людей.

¹ Интересно, что эта мысль о различии между «чуждым» и «отчужденным» встречается у Маркса уже в самых ранних его работах. Так, например, в одной ранней работе 1844 года Маркс писал о «снятии предметности под категорией отчуждения, которое должно развиваться от безразличной чуждости до действительного враждебного отчуждения» (Архив Маркса и Энгельса, т. III, стр. 268).

Механистический метод и обоснование теории стоимости.

(К характеристике новой разновидности богдановщины).

Е. Ланде.

Современная дискуссия, присходящая в среде экономистов, поднялась на новую ступень. Начавшись несколько лет тому назад с вопросов об абстрактном труде, она концентрируется сейчас вокруг основных проблем политической экономии и прежде всего проблем методологических.

Коренная основа разногласий, выявляющихся в современной дискуссии, это различие методологического подхода к проблемам теоретической экономии.

Два основных методологических направления, выкристаллизовавшиеся в философской дискуссии, эти два направления воспроизводятся в современной теоретико-экономической дискуссии. Показать лицо механистизма и является задачей настоящей статьи. Мы ограничиваемся только основными проблемами теории стоимости, так как именно здесь завязан сложный узел методологических основ теоретической экономии.

1. Механистический и диалектический подход к теории стоимости.

Мы начнем несколько «издалека», с одного высказывания по адресующему нас вопросу, которое «обронил» признанный лидер механистизма И. И. Степанов. И в общественных науках,—говорит И. И. Степанов,—«работа научного познания начинается не качественным подходом, а сведением непосредственно данных качества к чему-то общему, что впервые делает возможным количественное соизмерение и соизмерение различных количеств. Например, политическая экономия прежде всего отвлекается от конкретных видов труда: труд сапожника, труд углекопа, труд наборщика и т. д. и приходит к понятию абстрактного труда. Затем она рассматривает квалифицированный труд, как умноженный простой труд. «Простой абстрактный труд» для нее то же, что энергия, как таковая, для естествознания. Количественно объяснив таким образом основную экономическую категорию, стоимость, политическая экономия «на путях мышления» воспроизводит затем все «качества», сложные соотношения которых составляют общественную экономику» (Диалектический материализм и деборинская школа, стр. 152).

Основные мысли степановского понимания подхода к политической экономии, высказанные им в приведенной цитате, можно сформулировать в следующих тезисах:

1) «Работа научного познания» в политической экономии начинается не как качественным, а количественным подходом. Мысль исследователя должна свести все качества к чему-то количественно соизмеримому.

2) Исходным понятием в политической экономии является поэтому категория абстрактного труда, как затраты физиологической энергии, которая является тем же, что и «энергия, как таковая, для естествознания», т.-е. бескачественным субстратом, имеющим только количественную характеристику.

3) Из этого исходного понятия конструируется категория стоимости, как количественной определенности затраченной энергии.

4) Все «сложные соотношения», составляющие общественную экономику, воспроизводимые «на путях мышления», представляют отношения количеств той физиологической энергии, которые объективированы в стоимости. Все «качества» существуют только как количественные соотношения.

Центральная мысль И. И. Степанова, это—количественный подход и отсюда исходное понятие политической экономии—абстрактный труд, как логическая категория, выражающая количество «энергии, как таковой».

«На путях» количественного подхода, исходная категория политической экономии, — категории абстрактного труда, — превращается в логическую категорию. Вслед за тем и стоимость превращается в такую же логическую категорию.

Эти категории становятся не абстракциями реальных отношений изучаемого объекта (буржуазного общества), они становятся мыслительными и абстракциями, ибо выражают процессы, происходящие в голове исследователя.

«Качества», которые по И. Степанову воспроизводятся потом «на путях мышления», превращаются не во что иное, как в предмет исследования. Они становятся результатом процесса объединения в голове исследователя хаоса явлений реального мира, но не исходным пунктом процесса познания.

Абстрактный труд и стоимость есть качества труда и продукта труда, объективно им присущие в условиях товарного хозяйства. В голове исследователя эти понятия выступают как результат процесса объединения наглядного созерцания процессов, происходящих в товарном хозяйстве. Но в действительности эти качества и исходный пункт процесса познания.

При качественном (диалектическом) подходе абстрактный труд и стоимость (как и другие экономические категории) выступают прежде всего как объективно вещные формы общественных отношений, имеющие вместе с тем количественную определенность. При количественном (механистическом) подходе абстрактный труд и стоимость по свидетельству И. И. Степанова выступают только с количественной характеристикой—бескачественного бытия «энергии, как таковой».

И. И. Степанов начинает «работу научного познания» с мысленного абстрагирования внеисторических особенностей труда, как затраты физиологической энергии человека. Маркс идет по другому пути. Исходной абстракцией в его экономической системе является понятие противоположности частного и общественного труда, которая является основной характеристикой структуры неорганизованного менового общества, конститутивным признаком его производственных отношений. Противоположность частного и общественного труда характеризует общественный труд менового общества как специфическую качественную определенность организации общественного труда.

Как же определяет Маркс эту специфическую особенность организации труда менового хозяйства?

Частный труд, который всегда есть непосредственно конкретный труд, труд в его конкретной особенности, получает свою общественную характеристику, как всеобщий абстрактный труд.

«Отдельный труд должен быть представлен как абстрактно-всеобщий и в этом виде как общественный (курсив Маркса. Е. М.) труд» («Теория прибавочной стоимости», т. III, стр. 117).

Противоположность частного и общественного труда находит свое выражение в двойственном характере труда. Частная работа товаропроизводителя приобретает сама благодаря двойственному характеру труда двойственный общественный характер.

«Частные работы производителей... получают двойственный общественный характер. С одной стороны, как определенные полезные работы они должны удовлетворять определенной общественной потребности и таким образом должны оправдать свое назначение в качестве подразделений совокупного труда, естественно выросшего в систему общественного разделения труда. С другой стороны, они удовлетворяют лишь разнообразные потребности своих собственных производителей, поскольку каждый особый вид полезного частного труда может быть обменян на всякий иной особый вид полезной частной работы и, следовательно, равнозначен последнему» (Капитал, т. I, стр. 41—42).

Двойственный характер частной работы получает свое внешнее вещное выражение в двойственном характере товара, как единства потребительной стоимости и стоимости. Исходя из противоположности непосредственно частного и общественного труда, через понятие двойственного характера труда, Маркс выводит понятие стоимости как объективированного вещного выражения общественного характера труда товарного хозяйства. «Она (т.-е. стоимость. Е. Л.) есть выражение в вещи, вещественное выражение отношения людей к их совместной деятельности» (Маркс, «Теория прибавочной стоимости», т. III, стр. 125). Теория стоимости Маркса объясняет, каким образом непосредственно частный труд обособленных товаропроизводителей становится общественным трудом, звеном совокупной системы раздельного и распределенного общественного труда.

Совершенно очевидно, что «работа научного познания» у Маркса начинается не количественным подходом, а качественным, представляя собою единство качественного и количественного. Она начинается с того, что производственные отношения товарно-капиталистического хозяйства берутся в их качественной определенности, т.-е. противоположности непосредственно частного и общественного труда. Поэтому исходные категории Маркса—абстрактный труд и стоимость конкретны, а не «мыслительны» (т.-е. прежде всего «качественны»), ибо выражают формы общественных связей товарного капиталистического хозяйства, но вместе с тем количественно определенны.

Совершенно иначе представляют себе дело, вслед за Степановым, механисты в политической экономии.

2. Построение теории стоимости на путях «мысленной абстракции».

Метод анализа стоимости, при котором работа научного познания начинается количественным подходом, и при котором исходным пунктом в политической экономии становится «энергия как таковая», механисты, в лице тов. Кона, и попытались обосновать.

Кон представляет себе путь построения теории стоимости так:

1) Маркс «строит свою теорию стоимости, исходя не непосредственно из объективно происходящего сведения конкретного труда к абстрактному и частного к общественному, понять который можно только на основе познания стоимости и ее форм, а из мысленного (курсив Кона) сведения различных видов труда к одинаковому труду»; «абстрактно-простой труд «выступает как продукт мысленной абстракции».

2) «Установив таким образом то общее свойство, которым обладают все товары, Маркс... осложняет понятие абстрактного труда путем включения в него понятия общественно необходимого и непосредственно переходя к стоимости, которая пока выступает лишь как сгусток, кристалл общественно необходимого количества абстрактного простого труда».

3) После установления понятия стоимости («независимо от формы»), Маркс переходит к характеристике формы стоимости (меновая стоимость).

4) «Только на основе анализа форм стоимости Маркс дает теорию общественного труда в меновом обществе» (Ст. Кона в «Вестнике Комм. Академии» № 25, стр. 267—268).

Три идеи выдвигает Кон в цитированном отрывке:

1) Маркс «строит свою теорию стоимости не абстрагированием от объективных процессов («объективно происходящего сведения конкретного труда к абстрактному и частного к общественному»), а мысленным абстрагированием.

2) Понятие стоимости «первоначально» (т.е., очевидно, до «теории общественного труда») выступает только с количественной характеристикой.

3) «Теория общественного труда» является результатом теории стоимости. «Сведение конкретного труда к абстрактному и частного к общественному»¹⁾ (т.е. составные элементы теории общественного труда), можно понять «только на основании познания стоимости и ее формы».

Начнем с «мысленного абстрагирования».

Поставим прежде всего общий вопрос: допустимо ли приписывать творцу диалектического материализма путь мысленной абстракции, не адекватной объективно происходящим процессам. Утверждать это — значит, выхолостывать материалистическое основание абстрактного метода.

Отличительную особенность абстрактного метода марксисты (вслед за Марксом) всегда видели в том, что в изучении конкретного путь мышления должен отражать объективные процессы, происходящие вне сознания людей.

Согласимся на минуту с Коном, что Маркс начинает строить теорию стоимости с мысленного абстрагирования, не выражающего объективно происходящего процесса «сведения конкретного труда к абстрактному». Но законно спросить, почему Маркс пришел к необходимости такого чисто-мысленного абстрагирования? Случайно? Произвольно? Утверждать последнее значило бы превратить объективный метод Маркса в субъективный. Но если Маркс начинает процесс абстрагирования не произвольно, не случайно, то этот процесс мышления выражает объективно происходящие процессы, происходящие вне сознания людей в товарном хозяйстве.

Все дело в том, «что при теоретическом методе (политической экономии) субъект, т.е. общество, должно постоянно витать в голове как предмет мысли» («К критике», стр. 21). А этим субъектом, «витающим в голове», является, как известно, буржуазное общество. Следовательно, «мыслен-

¹⁾ У Маркса кстати нет речи о сведении: эти категории берутся Марксом в единстве их противоположностей.

ное абстрагирование» Маркс является абстрагированием не «вне, наглядного созерцания и представления» (Маркс, там же), а «переработкой созерцания и представления» о буржуазном, а не каком-либо другом обществе. И, следовательно, при абстрагировании от конкретных видов труда «субъект» (т.е. буржуазное общество. Е. Л.) постоянно витает в голове как предпосылка, следовательно, предпосылкой выведения в сферу категории является понятие об общественном труде буржуазного общества, состоящее в том, что труд общественный существует как непосредственно частный и что только в приравнивании разнородных частных работ обнаруживается всеобщий абстрактный характер труда, как определения общественной сущности частных работ.

Путь чисто-мысленного абстрагирования, на который становится Кон, есть путь, ведущий к субъективному методу. В самом деле: полюбуйтесь таким, например, перлом: «Стоит лишь отвлечься от той потребительской стоимости, на создание которой труд направлен, и всякий труд выступит в качестве целесообразной затраты физиологической энергии, и только» («Курс», изд. 1-е, стр. 23).

По Бем-Баверку и иже с ним, «не стоит», например, отвлекаться от потребительной стоимости, а лучше отвлечься от труда, по Кону стоит отвлечься от потребительной стоимости, а не от труда. Разница лишь в субъективной оценке того, от чего следует абстрагироваться. Где же здесь объективный критерий того, от чего следует абстрагироваться? При мыслительном абстрагировании его нет. Он может быть только тогда, когда абстракция конкретна, т.е. когда абстракция результат объективных конкретных процессов.

Какой же результат получает Кон в результате такого «мысленного абстрагирования»? Он получает понятие об абстрактном труде, как простой затрата энергии. «С этой точки зрения всякий труд предстанет перед нами в качестве процесса целесообразной затраты физиологической энергии и только» («Курс», изд. 2-е, стр. 19).

Эта логическая категория затраты физиологической энергии (или «энергии как таковой», как выражается И. И. Степанов) превращается у Кона в исходный пункт политической экономии.

Итак, мы видим, что исходный пункт у Богданова, Степанова и Кона один и тот же.

При этом один и тот же методологический подход, а именно: так как энергия, как таковая, не имеет никакой качественной характеристики, то анализ может быть только количественным. Вспомним тезис И. И. Степанова, что работа научного познания начинается не качественным, а количественным подходом. То же у Кона. «Понятие абстрактного труда,—говорит он,—возникает с неизбежностью, раз появляется необходимость количественного сравнения различных видов труда» (Там же, стр. 22; см. также, стр. 20).

На второй ступени анализа Кон переходит к понятию стоимости. Но так как категория абстрактного труда, как физиологической затраты энергии, имеет только количественную характеристику, то вполне понятно, что и стоимость на этой второй ступени анализа должна выступить как количественная категория. И в самом деле в «Курсе», в том месте, которое соответствует 2-й ступени анализа, мы находим следующую характеристику стоимости: «В стоимости... находит отражение следующий факт, что на производство товара затрачен труд, что производство стоило определенной массы затрат физиологической энергии» («Курс», изд. 2-е, стр. 20).

Нелишне, кстати, обратить внимание, что не только по существу, а и по форме постановка богдановская: производство товара стоит за-

траты трудовой энергии, поэтому товар стоимость. Предмет этот представляет стоимость, потому что он стоит затраты труда!

Нетрудно вместе с тем заметить, что в формулировке Кона стоимость выступает первоначально как внеисторическая категория. И если Кон все же доказывает далее, что стоимость—историческая категория, то свой подход к обоснованию стоимости от внеисторического количественного подхода ему все же не оправдать; ведь стоимость, как чисто-количественная категория, не перестает все же быть внеисторической.

Задача Кона, который хочет все же в отличие от Богданова—Степанова развить историческое понимание стоимости, состоит дальше в том, чтобы переключиться с количественного на качественный анализ. Но при этом мы вспомним, что Кон вытравил в качестве исходного пункта политической экономии понятие общественного труда менового общества. «Теория общественного труда менового общества может быть дана только после познания стоимости и ее формы». Скачок, который должен совершить Кон при такой исходной позиции к качественной характеристике стоимости, как исторической категории, должен представлять собой отчаянное salto mortale.

Посмотрим, как он этот скачок прodelывает.

Дальнейший путь анализа Кон рисует так:

«Перейдя к категории абстрактного труда путем мысленного абстрагирования от конкретных качеств товара и труда, Маркс (собственно не Маркс, а Кон. Е. Л.) осложняет понятие абстрактного труда путем включения в него (Курсив мой. Е. Л.) понятия труда общественно-необходимого и непосредственно переходит к стоимости, которая пока выступает лишь как ступок общественно-необходимого количества абстрактного простого труда» («Вестник Комм. Академии» № 25, стр. 268).

Нетрудно заметить, что с «включением» общественно-необходимого труда Кон попадает в безвыходное противоречие со своими исходными предпосылками. Ведь понятие общественно-необходимого труда можно построить только на основе представления о противоположности частного и общественного труда, которое Кон вытравил из предпосылок теории стоимости. Либо надо признать, что и общественно-необходимый труд—логическая категория. Последнее Кон отрицает. Но тогда непонятно, как конструируется категория общественно-необходимого труда без понятия противоречий частного и общественного труда. Разница между диалектической постановкой вопроса у Маркса и механистической у Кона заключается в том, что у Маркса категория абстрактного носит качественный синтетический характер, как определение общественного труда менового общества, поэтому Маркс выводит категорию общественно-необходимого труда; Кон начинает анализ с категории абстрактного труда как мыслительной логической категории, лишенной специфически общественных качеств. Он не в состоянии вывести дедуктивно следующие категории, поэтому он механически наславает категорию общественно-необходимого труда или, как он выражается, «включает» ее в простую категорию. При этом он делает это в противоречии со своими исходными предпосылками. «Гони природу в дверь, а она лезет в окно». Кон начал с изгнания из обоснования теории стоимости понятия общественного труда менового общества как исходного пункта, но, пытаясь оттородиться от Богданова в вопросе об историчности категории стоимости, достигает этого, владея в противоречие с самим собой.

Комизм положения Кона состоит в том, что во 2-м изд. своего «Курса», написанном после цитируемой статьи, у Кона появляется в главе о теории стоимости раздел «общественный труд менового общества», за которым идет раздел об общественно-необходимом труде. Чем же объясняется это бессильное метание от одной конструкции к другой? Почему Кон выступает

против Кона? Потому, что нельзя безнаказанно болтаться между Богдановым и Марксом, между механистическим и диалектическим методами.

Диалектический метод базируется на том, что более сложные категории выводятся из более простых, но таких простых категорий, которые имеют качественную характеристику, которые представляют конкретные понятия.

Механистический метод способен только на сведение сложного к бескачественному простому. Генетическое выведение сложного для него является чисто-мыслительной операцией наслаивания определений, ибо он в качестве исходного пункта берет бескачественную субстанцию, «энергию как таковую».

Кон в исходных пунктах стоит на позициях механистического метода. Последовательное применение этого метода представляет собой Богданово—Степановская политическая экономия. Невполно последовательное—политическая экономия Кона.

Только тем обстоятельством, что Кон путается между Богдановым и Марксом, можно объяснить такой, например, факт, что только в течение одного года Кон трижды меняет методологическую конструкцию теории стоимости (Первый этап: «Курс пол. эк.», 1-е изд. Второй этап: цитируемая выше статья в «ВКА» № 25. Третий этап: 2-е изд. «Курса»). В целях объективности надо, однако, отметить, что по существу он взглядов своих не меняет, пытается только их по-разному обосновать.

3. Субстанция и форма стоимости.

Выше мы установили, что понятие стоимости «независимо от формы» имеет чисто-количественную и, таким образом, внеисторическую характеристику. Это позволяет нам быть уверенными, что проблема субстанции стоимости разрешается Коном в духе Богданова.

Рассмотрим три ответа, которые дает Кон. В первом издании его «Курса» мы находим следующий ряд формулировок по этому вопросу:

«Труд, затраченный на производство товара, называется стоимостью товара. Он является основой меновой стоимости и образует ее субстанцию» (стр. 37).

Как видно из этой формулировки, Кон отождествляет труд со стоимостью (труд... называется стоимостью). Этот же самый труд является ее субстанцией. Субстанция стоимости есть стоимость! На следующей странице Кон углубляет свое понимание субстанции стоимости: «Меновая стоимость... является формой проявления стоимости, как основы (субстанции) меновой стоимости» (стр. 38). Стоимость, следовательно, является субстанцией меновой стоимости. Первая формулировка, значит, не случайна: стоимость есть субстанция стоимости и стоимость есть субстанция меновой стоимости. Что сохраняется за этим субстанциональным словоблудием?

Вспомним, что Кон определяет абстрактный простой труд, который одновременно является и субстанцией стоимости и стоимостью, как «целесообразную затрату физиологической энергии».

Следовательно, субстанцией стоимости является «целесообразная затрата физиологической энергии», т.-е. логическая внеисторическая категория. Одновременно этот труд... называется стоимостью. Следовательно, и стоимость есть просто «целесообразная затрата физиологической энергии», что утверждает и Богданов. А так как стоимость является субстанцией меновой стоимости, то оказывается, что основой (субстанцией) меновой стоимости является все та же «целесообразная затрата физиологической энергии», которая имеет внеисторический характер.

В статье в «ВКА» Кон «разъяснил» свою позицию подробнее: надо различать, — говорит он, — абстрактный живой труд как процесс труда и абстрактный овеществленный труд. Первый представляет собой логическую категорию, второй — специфически меновую категорию. Стоимостью является абстрактный овеществленный труд» (см. «ВКА» № 25, стр. 270).

Но как после этих разъяснений Кон разрешает проблему субстанции стоимости? Является ли ею абстрактный живой труд (логическая категория) или абстрактный овеществленный труд (историческая категория)?

В той же статье Кон определяет субстанцию стоимости так: «Субстанция стоимости — общественный (и общественно-необходимый) абстрактный простой труд в его специфически меновой форме» (Там же, стр. 264).

Следовательно, субстанцией стоимости является абстрактный овеществленный труд, т. е. историческая меновая категория. Для того, чтобы отгородиться от Богданова, Кон должен признать исторический характер труда, лежащего в основе стоимости. Но при этом он попадает в тот же порочный круг, который мы отметили выше: с одной стороны, абстрактный овеществленный труд есть стоимость (см. там же, стр. 270), с другой стороны, абстрактный овеществленный труд в приведенной выше цитате является субстанцией стоимости. Получается тот же круг: субстанция стоимости есть стоимость.

И, наконец, последний нам известный ответ мы находим в 2-м издании его «Курса»:

«Субстанцией стоимости является не материя, из которой состоит товар как вещь, но общественный абстрактный простой труд, затрачиваемый на производстве товара. Этот труд представляет собой живой (курсив наш. Е. Л.) процесс» (2-е изд. «Курса», стр. 28).

В другом месте там же (стр. 41) он опять подчеркивает, что субстанцией стоимости является абстрактный труд как живой процесс, создающий стоимости, но сам стоимости не представляющий. Но ведь абстрактный труд, как живой процесс, — это логическая внеисторическая категория. Итак, конечный результат: труд, создающий стоимости — внеисторическая категория.

Кону очень хочется отмежеваться от богдановщины (очень уж одиозна богдановщина, чтобы с ней солидаризоваться), но этого ему не удается, ибо исходные основы позиции у Кона те же, что у Богданова и Степанова. Ибо у Кона «работа научного познания» начинается количественным внеисторическим подходом.

Как Маркс разрешает проблему субстанции стоимости? В том месте I т. «Капитала», где он впервые употребляет слово субстанция, он говорит: «Все эти вещи представляют теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной (курсив наш. Е. Л.) субстанции, они являются стоимостями, товарными стоимостями» (Капитал, т. I, стр. 5, изд. 1920 г.).

Абстрактный труд, затраченный на производство товара, это есть общественный труд менового общества. Это — труд, создающий стоимость и являющийся ее субстанцией. У Кона субстанцией стоимости является логическая категория. Труд, создающий стоимости, — внеисторическая категория. Чем же Кон отличается от Богданова?

Количественный подход в обосновании теории стоимости приводит Кона к отождествлению стоимости и меновой стоимости, формы стоимости и формы проявления стоимости.

В I издании «Курса» Кон пишет: «Стоимость и меновая стоимость — это одна и та же категория, только рассматриваемая с различных точек зрения» (стр. 38).

Та же мысль выражена им и в определении товара: «Товар представляет собой единство потребительной стоимости и меновой стоимости» (стр. 36). Давая это определение в конце изложения теории стоимости, отождествляя стоимость и меновую стоимость, Кон игнорирует совершенно определенное заявление Маркса: «Когда мы в начале этой главы, следуя ходячему обозначению, говорили: товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительная стоимость или предмет потребления и «стоимость». Он обнаруживает эту свою двойственную природу, когда его стоимость получает собственную, отличную от его натуральной формы, форму проявления и именно форму меновой стоимости, при чем товар, рассматриваемый изолированно, никогда не обладает этой формой, но обладает ею всегда лишь в отношении стоимости, или в меновом отношении к другому неоднородному с ним товару. Раз мы это помним, указанное выше неточное словупотребление не приводит к ошибкам, но служит только для сокращения» (Капитал, т. I, стр. 28).

Маркс ясно указывает, что меновая стоимость — это форма проявления стоимости, в меновой стоимости товар «обнаруживает» свое бытие как стоимости. Маркс указывает, что товар, рассматриваемый изолированно, никогда не обладает этой формой меновой стоимости, ибо меновая стоимость — это только «отличная от натуральной формы» товара форма проявления стоимости.

Что же представляет собою «товар, рассматриваемый изолированно»? У Маркса есть на это ясный ответ: «Когда мы говорим, как стоимость, товары суть простые сгустки человеческого труда, то наш анализ сводит товары к абстрактной стоимости, но не выражает их ни в какой форме стоимости, отличной от их натуральной формы» (Капитал, т. I, стр. 18).

Товар, рассматриваемый изолированно, обладает «абстрактной стоимостью» или имманентной формой стоимости.

Товар, рассматриваемый в отношении к другому товару или «в отношении стоимости» (Wertverhältnis), обладает «формой стоимости, отличной от его натуральной формы», ибо натуральное тело товара Б выражает (обнаруживает) стоимость товара А. В предисловии к I изданию «Капитала» Маркс писал, что «для непосвященного анализ ее (формы стоимости товара. Е. Л.) покажется просто рядом хитросплетений и мелочей. И это действительно мелочи, но мелочи такого рода, с какими имеет дело, например, микроскопическая анатомия» (стр. XLII).

В чем заключаются эти «мелочи»? — А в том, что форма стоимости («абстрактная стоимость») — это форма общественного труда менового общества. Это — качественная характеристика продукта частного труда, товара.

«Форма стоимости, отличная от натуральной формы товара» (меновая стоимость) — это обнаружение, внешнее проявление этой качественной характеристики, единство качественной и количественной характеристики товара.

Для Кона с его количественным подходом к теории стоимости, «товар, рассматриваемый изолированно, — это простой сгусток затраченной на его производство физиологической энергии» (ср., например, «Курс», 2-е изд., стр. 20), и, как затрата физиологического труда, этот «кристалл труда»

определяется им чисто-количественно. Это—кристалл бескачественной субстанции.

Почему же этот кристалл становится стоимостью? Потому,—отвечает Кон,—что он является меновой стоимостью. «Меновая стоимость... придают труду, затраченному на производство товара, форму, превращающую его из труда в стоимость» («Курс», 2-е изд., стр. 30).

Или иначе: продукт труда обладает стоимостью, потому что является меновой стоимостью.

Но почему не наоборот: по Марксу, продукт труда обладает меновой стоимостью потому, что он является стоимостью? Потому что Кон форму проявления стоимости отождествляет с формой стоимости. Форма стоимости как таковая должна естественно быть для Кона простым «хитросплетением». Поэтому для него «стоимость и меновая стоимость—это одна и та же категория».

Итак, мы можем констатировать, что количественный подход к построению теории стоимости ведет к извращению учения Маркса о субстанции и форме стоимости, извращению в духе богдановщины.

Субстанцией стоимости оказывается абстрактный труд, как логическая категория. Труд, лежащий в основе стоимости, имеет внешнеисторический характер. Этот результат совершенно неизбежен, поскольку исходной категорией политической экономии становится абстрактный труд, как логическая категория, как «целесообразная затрата физиологической энергии, и только. Кон попытался переключиться на качественную характеристику труда, образующего стоимость. Но попал при этом в логический круг: субстанция стоимости есть стоимость. Когда же он попытался выйти из этого порочного круга, субстанцией стоимости у него оказался абстрактный живой труд, т.е. логическая категория. Кон в цепких объятиях Богданова.

На путях количественного, механистического подхода неизбежно извращается учение Маркса о форме стоимости. Имманентная форма стоимости («Wertgegenständlichkeit») отождествляется с формой проявления стоимости, меновой стоимостью. Здесь мы видим столь характерное для механистов понимание качества, отождествление понятия качества и свойства. Качество у механистов дано только как отношение количества, т.е. как свойство, обнаруживаемое предметом в его внешней жизни.

4. „Постулат равновесия“, закон пропорционального распределения труда и теория стоимости.

Как мы видели выше, механисты, в лице их представителя Кона, считают, что при построении теории стоимости нельзя исходить из «теории общественного труда менового общества» и тем самым из понятия противоречия непосредственно частного и общественного труда.

Но если исходным пунктом теории трудовой стоимости не берется общественный труд менового общества, то совершенно очевидно, что в качестве предпосылки принимается понятие общественного труда вне его исторических форм: общественный труд как логическая категория.

Из различия этих исходных предпосылок вытекают два метода построения теории стоимости:

Первый метод. Исходным пунктом берется специфический характер организации общественного труда товарного хозяйства—непосредственно-частный труд, рассматривается способ превращения его в непосредственно-общественный и противоречия этого процесса.

Непосредственно-частный труд противопоставляется совокупному общественному труду (системе разделенного и распределенного труда).

Тогда анализ, исходя из двойственного характера труда, выводит товарную форму продукта труда или форму стоимости товара», как «форму экономической клеточки буржуазного общества» (Капитал, т. I, стр. XLII). Анализ констатирует, что «товар, рассматриваемый изолированно», обладает формой стоимости («абстрактной стоимостью»). Это—«предметное бытие» стоимости (Wertgegenständlichkeit). Это—качество «клеточки». Но клеточка существует в своем противопоставлении всем остальным клеточкам. В этой внешней жизни она имеет и качественную, и проявленную количественную определенность, форму меновой стоимости. Частный труд превращается в общественный в движении отдельных клеточек, как меновых стоимостей, не только качественно, но и количественно определяемых.

Второй путь построения теории стоимости. Исходным пунктом берется общественный труд вне его специфической формы в меновом хозяйстве. Общественный труд как логическая абстракция и, след., как уже распределенный труд. В этом случае анализ выделяет логическую категорию абстрактного труда, как целесообразной затраты физиологической энергии, имеющей место во всех общественных формациях. И затем его интересует та форма, в которой проявляется общественная связь в товарном хозяйстве,—непосредственном объекте анализа,—т.е. меновая стоимость, как количественная определенность затраты труда, противостоящая другим затратам. Ибо, если предположить, что труд уже распределен, тогда нас интересует только одно, как внешне обнаруживается это распределение. Анализ начинается с поисков количественной основы меновых пропорций. Отыскание закона меновых пропорций превращается в основную задачу теории стоимости.

В первом случае центр тяжести анализа сосредоточивается на выявлении внутренних противоречий процесса превращения непосредственно частного труда в непосредственно общественный.

Во втором случае это существо теории стоимости выхолщивается и превращается в изыскания о меновых пропорциях. Первый путь обоснования теории стоимости принадлежит Марксу, второй—Богданову и от Богданова перенят с некоторыми изменениями Коном.

Чтобы показать, что Кон и Богданов—только различия в тождестве; остановимся на той схеме теории стоимости, которую Кон дал в I издании «Курса».

Существо взглядов Кона здесь дано в незауалированной форме. Она особенно интересна с точки зрения последовательного применения механистического количественного подхода, начисто выхолостившего существо марксовской теории стоимости.

Представленная им здесь схема теории стоимости строится таким образом:

1) Меновое хозяйство, как и всякое общественное хозяйство, основанное на разделении труда, является системой распределенного труда. В меновом хозяйстве это распределение совершается через обмен товаров.

2) Исходя из этой предпосылки, Кон начинает собственно теорию стоимости с вопроса «о трудовых затратах, как основы меновых пропорций», т.е. начинает с количественного подхода.

3) Далее следует характеристика труда, образующего стоимость. При этом она начинается с общественно-необходимого труда. Это вполне понятно, ибо единственное, что ищет Кон,—это закон меновых пропорций. Качественной, т.е. исторической, характеристики труда, создающего стоимость, нет и в помине. Абстрактный труд—простая затрата физиологической энергии.

4) Затем Кон переходит к проблеме регулятора, которым является колебание цен вокруг своей «трудовой основы». Все время излагая теорию

стоимости, Кон ни разу не употребляет слова «стоимость». И регулятор именуется им не стоимостью, а «трудовой основой меновых пропорций». Вся проблема стоимости свелась пока к меновым пропорциям.

5) Наконец, в заключение появляется раздел «стоимость и ее форма». При чем понятие стоимости преподносится здесь в следующем виде: «Труд, затраченный на производство товара, называется стоимостью товара» (как «прекрасно» сказано: труд называется стоимостью! Е. Л.). «Он является основой меновой стоимости и образует ее субстанцию. Стоимость товара представляет собой основу меновой стоимости».

Труд (позже Кон раз'яснил, что овеществленный труд) есть стоимость. Этим представление о стоимости Кон исчерпывает, так как оно нужно было только для того, чтобы показать, что труд есть основа меновой стоимости.

И даже закон стоимости интерпретируется таким образом, что он есть только овеществление меновых пропорций (стр. 36).

Через весь анализ стоимости проведен последовательный количественный подход. Труд, создающий стоимость, лишен качественной характеристики («целесообразная затрата физиологической энергии»). Закон стоимости—это овеществление меновых пропорций и ничего более.

В этой схеме теории стоимости нет ни звука о противоречии частного и общественного труда.

Центральное противоречие товарного хозяйства выхолощено из обоснования теории стоимости. Кон от него «мысленно» абстрагировался.

Но ведь это все по Богданову? Совершенно точно. Различие заключается только в том, что Кон суб'ективно мыслит о стоимости, как исторической категории, Богданов мыслит о стоимости как внесторонней категории.

В чем порок этого количественного обоснования теории стоимости?

Его легко увидеть из того, как Кон доказывает, что трудовые затраты являются основой меновых пропорций. Он пишет, начиная излагать теорию стоимости:

«Если равновесие производства в меновом обществе так или иначе поддерживается, то это само по себе является доказательством (курсив наш. Е. Л.), что средняя цена товаров не может установиться независимо от трудовых затрат на товары, что пропорции, в которых один товар обменивается на другие, строго соответствуют в среднем соотношению трудовых затрат на обмениваемые товары» («Курс», изд. 1-е, стр. 21).

Итак, существование равновесия доказывает, что трудовые затраты являются основой меновых пропорций, основой цен, или иначе стоимость обосновывается из «равновесия производства».

Несколькими страницами дальше, при анализе проблемы регулятора, мы читаем: «Цена постоянно тяготеет к своей трудовой основе. И благодаря этому ее тяготению поддерживается равновесие общественного производства» (там же, стр. 31).

Итак, здесь тяготение меновых пропорций цены к трудовым затратам обуславливает равновесие.

Беспомощное вращение в порочном кругу! Существование равновесия обуславливает трудовые затраты как основу меновых пропорций. Наличие трудовых затрат, как основы меновых пропорций обуславливает существование равновесия!

И этот порочный круг неизбежен при количественном подходе к теории стоимости, механистическом подходе «от равновесия».

Исходным пунктом для Богданова и Кона является «равновесие производства» («Равновесие производства... само по себе является доказательством и т. д.»).

Но «равновесие производства» предполагает уровень равновесия уже данным, количественно определенным. Меновые пропорции уже предположены существующими, когда говорят, что производство находится в состоянии равновесия. Поэтому в ответе на вопрос, чем же регулируется равновесие производства, логический круг неизбежен: равновесие производства является доказательством обмена по трудовым затратам, и обмен по трудовым затратам является доказательством существования равновесия.

Исходным пунктом в проиллюстрированном выше методе построения теории стоимости является понятие равновесия («Равновесие производства... само по себе является доказательством и т. д.»). Этот взгляд на предпосылку теории стоимости разделяется целиком и другим соратником Кона в современной дискуссии—тов. Бессоновым, который заявляет, что будто бы у Маркса «постулат равновесия является предпосылкой всей теории» (ст. Бессонова в «Проблемах Экономики» № 1, стр. 126).

Прежде чем перейти к рассмотрению этого взгляда по существу, напомним, что в вопросе о «постулате равновесия» и Кон и Бессонов идут только по путям, проложенным А. А. Богдановым.

В предисловии ко 2-му изданию своего «Курса» Богданов писал:

«С удовольствием могу констатировать, что некоторые теоретические идеи, проводившиеся еще в моих прежних работах и зафиксированные в этой книге, находят в нашей экономической литературе возрастающее распространение и применение. Особенно это относится к принципу равновесия в учении о трудовой стоимости, как регуляторе производства, в теории воспроизводства и теории рынков» (Богданов и Степанов, «Курс полит. эк.», изд. 2-е, т. II, вып. 4, стр. 6).

«Постулат равновесия» является предпосылкой всей философско-экономической системы Богданова, и одно это уже делает подозрительным заявление, что будто и у Маркса «постулат равновесия» является предпосылкой его экономической теории, тем более что А. А. Богданов отнюдь не отождествлял своей системы с марксовой.

Что же представляет собой «постулат равновесия» по существу? И Богданов и Кон, выдвигая понятие равновесия как предпосылку теории стоимости, имеют в виду равновесие в распределении общественного труда между отраслями производства. Что пропорциональное распределение общественного труда является общесоциологическим законом, знает, выражаясь словами Маркса, «всякий ребенок».

Но далеко не всякий ребенок понимает, как Маркс переключает этот, имеющий силу для всех общественных формаций, закон в специфические закономерности товарно-капиталистического хозяйства.

А в этом вся суть. Вся суть в том, переключается ли он на основе диалектического или механистического метода.

Как устанавливается диалектическая связь между этим общесоциологическим законом пропорционального распределения труда и специфическими закономерностями товарно-капиталистического общества. Только через ряд опосредствующих моментов. Вот как представляет себе дело Маркс:

«Прихотливая игра случая и произвола определяет распределение товаропроизводителей и средств их производства между различными отраслями общественного труда. Правда, различные

сферы производства постоянно стремятся к равновесию, потому что, с одной стороны, каждый товарпроизводитель должен производить потребительную стоимость, т. е. удовлетворять определенной общественной потребности,—при чем размеры этих потребностей количественно различны и различные потребности внутренне связаны между собой в одну естественную систему,—с другой стороны, закон стоимости товаров определяет, какую часть находящегося в распоряжении общества рабочего времени оно в состоянии затратить на производство данного товарного вида. Однако, эта постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию обнаруживается лишь как реакция против постоянного нарушения этого равновесия» (Капитал, т. I, стр. 347).

В чем состоит диалектический переход от логического к историческому закону распределения труда? Как совершенно очевидно, Маркс «переключается» в понятие общественного труда товарного хозяйства. Он устанавливает основное противоречие этой системы. С одной стороны, как и во всяком обществе, потребности «внутренне связаны между собой в одну естественную систему». С другой стороны, «прихотливая игра случая и произвола» распределяет труд и средства производства между отраслями общественного труда. Противоречие разрешается законом стоимости.

Понятие закона стоимости «снимает» (в диалектическом смысле этого термина) распределение труда как исходную предпосылку анализа товарного хозяйства.

Вся суть марксовой постановки вопроса и состоит в установлении того обстоятельства, что конкретное осуществление пропорциональности трудовых затрат является результатом стихийного иррационального общественного процесса. Задача теории стоимости и состоит в том, чтобы показать через сложную систему категорий, как при посредстве движения вещей связывается атомистически организованное производство в систему совокупного общественного труда, каковы те имманентные противоречия, которые развиваются в этом стихийном общественном процессе.

Теория товарного фетишизма и теория стоимости — цен производства—вехи конкретного познания процесса распределения труда в товарно-капиталистическом хозяйстве.

Во-вторых. При прочих равных условиях, возможны различные типы пропорционального распределения труда.

Тип «равновесия производства», в последнем счете зависящий от уровня развития производительных сил, непосредственно определяется классовой структурой о-ва. Поэтому, когда понятие «равновесия производства» берется в качестве непосредственной предпосылки анализа, то тем самым исследователь абстрагируется от такого весьма существенного обстоятельства, как тип равновесия производства, который сам требует предварительного объяснения. Формула равновесия сама по себе ничего не объясняет. Применять формулу: «равновесие производства само по себе является доказательством» и т. д. значит механистически сводить сложное содержание процесса установления «равновесия» к его бессодержательной форме, значит превращать конкретное понятие в пустую форму.

В-третьих: Равновесие неотделимо от отрицающего его движения. «В движении небесных тел,—говорит Энгельс,—движение находится в равновесии и равновесие—в движении» («Архив М. и Э.», т. II, стр. 23), поэтому выяснение условий равновесия предполагает установление закона движения. Тем более методологически опасно неправильное применение принципа равновесия к изучению товарно-капиталистического хозяйства. В иррациональном обще-

ственном процессе, управляемом законом стоимости, при наличии сложного комплекса противоречивых, взаимопересекающихся и переплетающихся действующих сил «равновесие производства... само является случайностью» (Маркс, «Теория», т. II). Исходить «просто» из постулата равновесия значит абстрагироваться от иррациональности общественного процесса.

Именно поэтому Кон в построении теории стоимости «мысленно» абстрагировался от основного противоречия товарного хозяйства, противоречия частного и общественного труда, правда, только повторяя в этой методологии Богданова.

Из этих методологических истоков происходит с неизбежностью неправильная характеристика товарного хозяйства.

Кон пишет следующее:

«Особенностью менового общества является то обстоятельство, что... в качестве субъекта труда формально (только формально! Е. Л.) выступает не все общество, как организованный коллектив, а...» и т. д. («Курс», изд. 2-е, стр. 41).

Только формально в товарно-капиталистическом обществе нет субъекта хозяйства. Оно, следов., по существу является организованным.

В этой проблеме есть одна диалектическая «тонкость», которую не хотят и не могут видеть механисты.

Товарно-капиталистическое хозяйство можно действительно рассматривать и как «организованное», и как неорганизованное.

«Мысленно» «абстрагируясь» (а этот прием мысленного абстрагирования весьма по душе Кону и составляет особенность «абстрактного» метода механистов), от основного структурного противоречия товарного хозяйства,—его анархичности,—мы получим в голове исследователя представление о нем как о реально организованной системе.

«Стоит лишь отвлечься» (мы употребляем другое любимое выражение Коня) от особенностей товарного хозяйства, и мы увидим в нем нечто общее с системой организованного хозяйства. Это общее в том, что в обоих случаях производство является общественно обусловленным. Кон поэтому и решил, что только формально товарное хозяйство бессубъектно; а раз так, то можно утверждать, что «равновесие производства само по себе является доказательством и т. д.»; Кон берет в этом случае распределение труда в товарном хозяйстве не как результат иррационального процесса, результат, сам требующий объяснения), а как факт априорный. В этом случае закон пропорционального распределения труда превращается в «постулат равновесия» с основной, вытекающей отсюда установкой в теории стоимости. Анализ противоречий, в которых осуществляется общественное единство, подменяется анализом формы, в которой проявляется распределение труда—меновая стоимость. Мы выше иллюстрировали, что именно так строит теорию стоимости Кон.

Вся эта методология типично механистическая. Механист сводит все явления к чему-то общему, бескачественному. Этим общим для всех общественных формаций является «постулат равновесия» общественного производства.

В дальнейших поисках «общего» мы придем к категории абстрактного труда как целесообразной затраты физиологической энергии. Затем перед нами в качестве «общей» категории выступит трудовая стоимость, в которой, как уверяет вслед за Богдановым Кон, «находит отражение... что производством стоило определенной массы затрат физиологической энергии» («Курс», изд. 2-е, стр. 20).

Затем «на путях мышления» воспроизводятся «качества». А так как механист понимает качества как внешние определения как отношение, то он

считает свою задачу выполненной анализом меновой стоимости, анализом закона меновых пропорций.

Итак, «постулат равновесия» есть необходимое звено в системе механистического построения теории стоимости.

Но это звено еще не конечная основа. К ней мы сейчас перейдем.

5. Энергетическая теория общества как основа механистического метода.

Мы дали выше характеристику применения механистического метода к теории стоимости. Но совершенно бесспорно, что тот или иной метод обоснования теории стоимости покоится на том или ином понимании законов общественного развития.

Совершенно бесспорным для марксистов является положение об объективной закономерности общественного развития. Но эту закономерность можно понимать двояко. Диалектическое понимание выводит законы общественного развития из имманентных противоречий, заложенных в данной общественной системе. Отсюда понимание общественных законов как специфических исторических, присущих только данной общественной формации.

Иначе представляют себе дело механисты. Применяя тот же метод «сведения», они сводят движущие силы общественного развития к внешним противоречиям между обществом и природой и во всех специфических исторических законах видят только проявление этих внешних противоречий. Решающими в деле развития общества являются для них естественные законы борьбы общества с природой; и специфические исторические законы они сводят к этим всеобщим естественным законам, ибо первые для них — это только форма проявления вторых.

Такую последовательно механистическую концепцию общественного процесса мы встречаем у А. А. Богданова, который развил энергетическую теорию общества, сделав попытку свести законы развития капиталистического хозяйства к законам общественного приспособления на основе баланса трудовой энергии.

В самом деле: чем характеризуется богдановщина в политической экономии? Не только признанием внеисторичности политической экономии. Это производный результат общей установки. А последняя состоит в сведении специфических законов развития отдельных общественных формаций ко всеобщим внеисторическим естественным законам.

Из этой общей установки вытекает и метод подхода к построению базиса экономической теории — теории стоимости. Что является исходным пунктом для Богданова? Этим исходным пунктом является внеисторический закон жизненного равновесия.

«Весь наш анализ будет исходить, — пишет Богданов, — из одной руководящей точки зрения, которую можно обозначить как принцип жизненного равновесия социального целого.

Первичное и основное условие жизни всякой общественной системы есть ее успешная борьба с внешней природой за свое существование, а следовательно, первичная и основная тенденция, какую мы здесь неизбежно находим, это тенденция приспособления. Другими словами, всякая общественная система в своем целом и в своих жизненно-необходимых частях должна достигать практически достаточного удовлетворения своих потребностей, иначе происходит ее полное или частичное разрушение: т. е. тогда перед нами нет того, что мы называем системой, и что обязательно предполагает реальную организованность, устойчивость (Курс. нащ. Е. А.), сохранение в равновесии...» («Курс пол. эк.», т. II, вып. 4, изд. 2-е, стр. 21).

Приспособление общества в его борьбе за существование есть «социально-трудовое приспособление». Суть его в необходимости известного баланса трудовой энергии.

«Труд есть определенная форма затраты человеческой энергии. Но затрата энергии может непрерывно осуществляться лишь под условием усвоения энергии организмом». «Но что такое усвоение общественно-трудовой энергии? Это — потребление общественного продукта. В продукте воплощен, «кристаллизован» общественный труд, и личность, потребляя продукт, усваивает, следовательно, трудовую энергию, вложенную в него другими людьми. Этим усвоением общественно-трудовой энергии создается работоспособность «рабочая сила» производителей, которая затем тратится в их собственном труде» (сб. «Очерки реалистического мировоззр.», ст. Богданова, «Обмен и техника», стр. 286—287). Соответствие между усвоением и тратой трудовой энергии и составляет принцип жизненного равновесия. Распределение труда в обществе, общественное равновесие управляется этой «нормой жизненного равновесия», которую является трудовая стоимость.

Богданов подменил специфические общественные законы законами общественного приспособления, он «свел» исторические законы к природно-естественным законам.

Поэтому-то и капиталистическое хозяйство оказалось у него «реально организованной» системой. Поэтому и стоимость оказалась в его концепции не вещным выражением специфических общественных отношений, а «нормой жизненного равновесия», объективированием баланса трудовой энергии общества.

Кон следует по тому же пути. Есть у него такой «труд», который называется «Лекции по методологии политической экономии».

§ 22 рассматривает «равновесие между обществом и средой». Он начинает с рассмотрения «энергетического баланса человека» (а понятие человека объединяет, как известно, и папу римского, и короля английского, и банкира с Уолл-Стрита и т. д.). Так вот Кон нам сообщает, что «процесс существования человека требует постоянной затраты его животной энергии. Эта затрата производится не только во время совершаемой человеком работы, но даже и тогда, когда человек находится в состоянии покоя. Мышечная работа сердца и дыхательных органов, процесс пищеварения и пр., — все это требует утки энергии из организма».

Какое отношение это все имеет к методологии полит. экономии? — спросит читатель. Терпение! Предоставим Кону слово для развития его мысли:

«Человек возмещает эту утечку энергии путем потребления. Потребляя пищу и питье, он воспроизводит внутри организма израсходованные запасы энергии» и т. д.

«Однако для того, чтобы потреблять, нужно прежде всего производить». Читатель обрадовался, несомненно! Очевидно, Кон просто, хотя и многогорчиво хотел «доказать», что основой общественной жизни является труд. Читатель ошибся. Речь раньше идет все о том же возмещении энергии. «А производство (труд), — продолжает Кон вслед за цитированной фразой, — требует от человека дополнительной затраты энергии». И в примечании разъясняется, сколько калорий требуется на движение мышц в состоянии покоя, во время работы и т. д.

Итак: «Процесс производства представляет собой процесс расходования человеческой энергии. Однако в результате производства создаются продукты, потребление которых возмещает израсходованную энергию частично, полностью или с избытком».

Выводы? Выводы? Вот они:

«Нетрудно видеть, что энергетический баланс между обществом и природой является решающим в деле развития общества» (Курсив наш. Е. Л.).

Значит Кон ведет речь о законах развития общества. Принимая во внимание, что этот вопрос действительно имеет отношение к методологии политической экономии, предоставляем Кону слово для продолжения. Следует раздел «Энергетический баланс и развитие общества». «В самом деле, если количество энергии, затрачиваемой в процессе существования общества и его борьбы за существование (включая, след., борьбу за существование папы римского, банкиров Уолл-Стрита, китайских кули и членов английских тред-юнионов и т. д. Е. Л.), оказывается больше того количества энергии, которое общество получает в результате производства, общество просто физически не сможет существовать» («Лекц. по методол.», стр. 73—74).

Итак, найден единый закон, управляющий экономикой Огненной Земли, капиталистической Америки и советского хозяйства: закон возмещения энергии!

Мы, однако, не можем себе отказать в удовольствии заслушать Кона и дальше. «В деле развития производственных сил и производственных отношений происходит своеобразный «естественный отбор». (слушайте! слушайте! Е. Л.), подобно тому, как в борьбе за существование погибают те виды животных, которые к этой борьбе не приспособлены в достаточной степени, а выживают наиболее приспособленные, так же точно (внимание! Е. Л.) в борьбе с природой погибают те общества, которые не могут достаточно хорошо приспособить свой производственный аппарат к нуждам этой борьбы и (внимание!) расходуют вследствие этого на производство больше энергии, чем получают в результате потребления добытых предметов» (75).

Итак, решающим в развитии общества является его энергетический баланс.

Прежде, чем рассматривать по существу эти старые Богдановские напевы, мы отметим лишь то внутреннее логическое единство, которое представляют собой теория энергетического баланса и обоснование теории стоимости.

Во-первых. Решающим в деле развития общества является его энергетический баланс с природой, то вполне понятно, что изучение товарно-капиталистического общества, как и всякого другого, надо начинать с «энергии как таковой». Поэтому исходной категорией в политической экономии становится как целостная физиологическая затрата энергии и только, имеющая поэтому количественную определенность.

Во-вторых. Отсюда вытекает, что и стоимость прежде всего материальная конденсация этой физиологической энергии, или, как говорит Кон, «в стоимости отражается... самый факт... что производство стоило определенной массы затрат физиологической энергии человека». В стоимости, очевидно, и объективируется «энергетический баланс общества», или, иначе, стоимость по Кону должна выражать (поскольку он признает в отличие от Богданова историчность этой категории), специфическую общественную форму энергетического баланса менового общества. Субстанция стоимости—это затрата физиологической энергии. Закон стоимости—это, очевидно, общественное выражение «своеобразного естественного отбора».

В-третьих. Отсюда дальше вытекает игнорирование имманентной формы стоимости, и отождествление ее с формой проявления стоимости. Имманентной сущностью общества является, ведь, «энергия как таковая». Нужно только

установить форму, в которой проявляется движение кристаллов этой энергии, т. е. форму меновой стоимости.

В-четвертых. С точки зрения энергетической концепции общественного развития становится также понятным, почему неорганизованное общество является только формально бессубъектным.

Закон возмещения энергии уже очевидно «забылся» о том, «чтобы борьба с природой оказалась наиболее эффективной... чтобы как вещественные, так и общественные элементы были возможно лучше приспособлены к нуждам этой борьбы» («Лекц. по метод.», стр. 75).

Борьба общества с природой сама по себе «организовала» его энергетический баланс. «Если общество существует, то это само по себе является доказательством, что здесь между обществом и средой устанавливается известное равновесие» (Там же, стр. 77).

Раз общество существует, значит его энергетический баланс «организован», обществу-трудовой аппарат приспособлен к борьбе с природой, т. е. можно исходить из уже распределенного труда, отсюда же вытекает и идея равновесия как предпосылка теории стоимости.

В-пятых. Становится понятным и количественный подход к теории стоимости, и метод «мысленного абстрагирования». Ибо нужно свести специфические общественные явления к их внеисторическому содержанию: борьбе общества с природой.

Теперь несколько замечаний по существу теории энергетического баланса:

Во-первых. Если основой и условием жизни общества является его энергетический баланс, очевидно и в стоимости должен объектироваться этот энергетический баланс. Но почему величина стоимости определяется не энергетическими единицами, а общественно-рабочим временем? Почему стоимость выражается в часах труда, а не в единицах физиологической энергии? Да потому, что стоимость выражает общественное отношение и специфические общественные закономерности общества. Потому, что стоимость является определением общественного труда, но не общественным определением—энергии, как таковой, и не может быть сведена к ней.

Весьма интересны замечания Энгельса по этому вопросу, высказанные им в письме к Марксу по поводу одной попытки энергетической трактовки экономических явлений.

Энгельс отмечает, что «физический труд еще далеко не является экономическим трудом»; ибо «сколько будет закреплено новых тепловых единиц, благодаря приложению 10.000 Т. Е. (тепловых единиц)—5.000; 10.000, 20.000 или миллион, это зависит только от степени развития производительных сил». Далее Энгельс указывает, что «соотношение затраченной и закрепленной энергии вообще можно выразить «только на самых первобытных образцах производства, как охота, рыбная ловля, скотоводство, земледелие», и продолжает: «В промышленности всякий расчет окончательно прекращается. Труд, присоединенный к продукту, по большей части совершенно невозможно выразить в количестве тепловых единиц. Пожалуй, это еще возможно сделать, поскольку дело идет о фунте пряжи, так как ее прочность и сопротивляемость кое-как еще укладывается в механическую форму, хотя здесь это уже кажется совершенно бесполезной мелочью. Если же иметь в виду штуку материи, да еще беленой, крашеной, с рисунком, то такой расчет чистая бессмыслица. Стоимость энергии сообразно издержкам производства, хлопота, вынута, швейной иглы, является величиной совершенно невозможной». «Я думаю, что выразить экономические отношения в физических мерах прямо невозможно» (Маркс и Энгельс, «Письма», изд. 1928 г., стр. 371).

Ответ Энгельса, как видим, достаточно недвусмыслен.

Во-вторых. Если «энергетический баланс между обществом и природой является решающим в деле развития общества», то имманентные противоречия общественного развития являются проявлением внешних противоречий между обществом и природой, и могут быть сведены к ним. Но можно ли законы классовой борьбы «свести» к противоречиям между обществом и природой, к энергетическим законам. Пусть Кон попробует это сделать. Но если этого сделать нельзя, тогда решающими в деле развития общества не является состояние энергетического баланса; решающим является развитие имманентных противоречий данной общественной формации.

Центральная ошибка Кона состоит в подмене имманентного развития, развитием движущегося внешними противоречиями. Это и есть механистическое понимание движения.

Одна небольшая иллюстрация к отношению Кона к имманентному движению. В статье в защиту «Истмата» Бухарина он писал между прочим: «Как видит тов. Гоникман, мы благополучно обошлись без чертовщины, а вот обойдетесь ли вы без чертовщины со своим развитием, имманентным явлению?» (Под Знам. Марксизма» 1922 г., № 5—6, стр. 121).

Итак, развитие, имманентное явлению,—чертовщина. Развитие общества на основе имманентных противоречий по Кону, стало быть, чертовщина.

Что общего здесь с марксизмом?

В-третьих. Когда Кон пишет, «что выживают лишь те общества, производственный аппарат которых построен таким образом, что общество извлекает из природной среды не меньше энергии, чем затрачивает на борьбу с природой» («Лекции», стр. 75), то он совершает отход от марксистского взгляда на общественное развитие, выхланивает историческую классовую точку зрения, ибо каждая общественная формация имеет свои специфические законы развития, и поэтому выживает она или погибает, определяется не общими законами борьбы общества с природой, а законами, специфически присутствующими данной общественной формации.

Ведь нельзя же в самом деле с точки зрения энергетического баланса объяснить законы возникновения развития и гибели капиталистического общества. С точки зрения идеи энергетического баланса гибель капиталистического общества вообще немислима. В самом деле: Кон уверяет нас, «что для того, чтобы стало возможным не только существование общества, но и его развитие, требуется, чтобы в результате потребления общество получало из природной среды больше энергии, чем оно расходует на отправление его членами физиологических функций, так и на процесс производства» («Лекции», стр. 74).

По этому великому закону Кона нет положительно никаких препятствий для безграничного развития капиталистического общества, которое получает из природной среды гораздо большее количество энергии, чем то, которое оно расходует на «отправление его членами физиологических функций и процесс производства».

Или Кон с точки зрения этой механистической энергетической пошлятины попытается обосновать законы развития и гибели капиталистического общества?

Пусть попробует! Это будет несомненно картина «для богов».

В заключение мы не можем не привести той яркой характеристики, которую дал Ленин «социальной энергетике», подводя итоги богдановщине.

Приведа цитату из Богданова: «Всякий акт общественного подбора представляет из себя возрастание или уменьшение энергии того общественного комплекса, к которому он относится и т. д.» (т.-е. мысль, которую буквально повторяет Кон в приведенной выше выдержке). Ленин пишет:

«И подобный несказанный вздор выдается за марксизм. Можно ли себе представить что-нибудь более бесплодное, мертвое, схоластичное, чем подобное наисывание биологических и энергетических словечек, ровно ничего не дающих и не могущих дать в области общественных наук». — «Богданов занимается вовсе не марксистским исследованием, а переодеванием уже раньше добытых этим исследованием результатов в наряд биологической и энергетической терминологии. Вся эта попытка от начала до конца никуда не годится, ибо применение понятий, «подбора», «ассимиляции и дезассимиляции» энергии, энергетического баланса слушайте, тов. Кон! Е. Л.) и проч. и т. п., в применении к области общественных наук есть пустая фраза. На деле никакого исследования общественных явлений, никакого уяснения метода общественных наук нельзя дать при помощи этих понятий» (Ленин, т. XIII, изд. 3-е, стр. 267—268).

Может ли быть более суровый приговор теории общественного энергетического баланса?—Вряд ли.

6. О „сведении“ в политической экономии.

Система взглядов, которую развивает Кон, является выражением специфического методологического подхода к анализу экономических явлений.

«Весьма яркую формулировку этого подхода дал единомышленник Кона в той дискуссии, которая развернулась вокруг проблем теории стоимости,— Дашковский. В своей статье «Абстрактный труд и экономические категории Маркса» он пишет следующее: «Задача экономической науки должна состоять в том, чтобы свести (курс. наш. Е. Л.) специфические капиталистические формы проявления законов общественного «производства жизни» к самим этим законам, чтобы «проявить» путем отвлеченного анализа внутреннее строение экономической ткани, затуманенное, замаскированное противоречивыми формами капиталистического хозяйства. Исследователь... должен в своем отвлеченном анализе поставить себя вне категорий буржуазного хозяйства» (Последний курсив Дашковского. «Под Знаменем Марксизма» 1926 г., № 6, стр. 218—219).

Ту же мысль сформулировал и Бессонов в статье против Рубина. Мы находим в ней следующее место: «Рубин до смерти боится (следует цитата из Рубина) «ограничить задачу политической экономии аналитическим сведением исторически обусловленных социальных форм капиталистического хозяйства к внеисторическим материально-техническим (курсив Бессонова) основам производственного процесса» («Проблемы Экономии» № 1, стр. 136).

Суть, коренная суть этого подхода состоит в выведении объяснения специфических социальных явлений «за пределы категорий буржуазного хозяйства», сведения их к внеисторическим основам производственного процесса.

Мы имеем перед собою иную формулировку центрального пункта разногласий между «механистами» и «диалектиками», обнаружившихся в современной философской дискуссии. Можно ли высшие формы жизни с их специфическими закономерностями (напр., биологический закон) «свести» к простым физико-химическим закономерностям. «Механисты» отвечают на этот вопрос положительно. Диалектики отрицательно. Диалектики считают, что высшие формы связаны с простыми формами, но в то же время к ним не сводимы, так как обладают специфически новыми качествами и закономерностями. Этот же ответ должен быть дан и по сформулированной выше проблеме о «сведении» экономических явлений. Ограничить задачу политической экономии «сведением» специфически исторических социальных форм

и закономерностей к внеисторическим основам «производства вообще», значит выхолащивать исторически классовый подход в изучении капиталистического общества.

«Сводить» сложные социальные формы к внеисторическим основам производственного процесса, значит вместе с тем стать на путь вульгарно-механического понимания связи общественных явлений и развития производительных сил.

Мы приведем только одну иллюстрацию применения этого метода сведения. Исходя из этого метода, Бессонов пишет: «Различие экономических эпох сводится к различию в степени развития материальных орудий труда». И далее дает такую алгебраическую формулу для познания общественных форм: «Каждой общественной форме соответствует специфическое, только этой общественной форме присущее сочетание орудий труда и технических приемов, и наоборот!» («Проблемы Экономики» № 1, стр. 142). Мы поставим два простых вопроса: является ли советская система особой общественной формой? Безусловно. Но разве различие советской и капиталистической систем хозяйства может быть сведено к различию в орудиях труда? Обладает ли советская система особым сочетанием орудий труда и технических приемов по сравнению с капиталистическим обществом? Напротив, она пока что заимствует орудия труда и технические приемы от капиталистических соседей. Но раз она не обладает ими, то она по «теории» Бессонова не имеет права называться особой общественной формой. Нужно ли комментировать эту бессоновскую вульгарно-механистическую премудрость?

Наши механисты обещают во всяком случае далеко зайти на путях сведения общественных явлений к «энергии как таковой», общественных форм к орудиям труда.

Идеология „бешеных“¹⁾.

Я. Захер.

1. Историко-философские и религиозные взгляды.

Отличительные и наиболее характерные черты идеологии «бешеных» целиком и полностью определяются особенностями того класса, рабочих и ремесленников, интересы которых они в своем лице выражали. Рабочий класс Франции конца XVIII века, по удачному выражению Энгельса, «еще не выдлившийся из общей массы немущих людей»²⁾ и носивший поэтому ярко выраженный мелкобуржуазный характер, не мог, само собой разумеется, выработать при этих условиях самостоятельной пролетарской идеологии и оказался вынужденным питаться доходившими до него обрывками теорий «великих просветителей», т. е. выразителей интересов крупной и мелкой буржуазии второй половины XVIII века. Вот почему является само собой понятным, что идеология «бешеных» не могла, в общем и целом, сколько-нибудь существенно отличаться от идеологии монтаньяров. Лишь отдельные моменты этой идеологии, в которых «бешеные», исходя из тех же самых положений, что и монтаньяры, придают им однако несравненно большую глубину, показывают нам, что в их лице мы имеем дело с представителями иного класса, хотя и едва лишь только начинающего выходить из своих младенческих пеленок. Но моменты эти встречаются лишь в виде исключения; в общем и целом, повторяем, идеология «бешеных» чрезвычайно близка к идеологии монтаньяров.

Зависимость идеологии «бешеных» от «просветительной» философии XVIII века особенно заметна в вопросах историко-философского порядка. Как известно, все французские просветители, не исключая из их числа и так называемых материалистов³⁾, полагали, что мир управляется идеями, и «бешеные» в этом отношении целиком верны точке зрения своих учителей. Так, по мнению Жака Ру, подчинение людей королям и аристократам объясняется их невежеством⁴⁾, а успехам революции триумф разума⁵⁾ способствовал в такой же мере, как и победы оружия⁶⁾. Неудивительно поэтому, что «коронованные тираны и более мелкие деспоты, страшась декларации прав человека более, нежели силы оружия, не останавливаются перед использованием железа и золота и пролитием крови для того, чтобы помешать распро-

¹⁾ Отдельная глава из настоящей статьи была напечатана в № 9—10 «Под знаменем Марксизма» за 1928 г. под названием «Социальные взгляды «бешеных». Теперь мы печатаем остальные главы.

²⁾ Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, изд. 1906 г., стр. 8.

³⁾ Это блестяще доказано Г. В. Плехановым в его книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», гл. I.

⁴⁾ Discours sur les causes des malheurs de la République Française, p. 10. Arch. Nat. W²⁰.

⁵⁾ Discours sur les moyens de sauver la France et la liberté, p. 21. Bibl. Nat., L²⁰ 10782.

странению вечных принципов равенства¹⁾. И, с другой стороны, «едва только луч света освещает потемки рабства, как тирания оказывается низвергнутой, а народы—свободными»²⁾.

В аналогичном духе высказываются также Варле и Леклер. По мнению первого, «французская революция является благотворительным результатом прогресса человеческих знаний»³⁾; что касается до второго, то «именно предрассудки,—полагает он,—породили цепи человеческого рода; удивительно ли, что первые же люди, вознамерившиеся подчинить себе своих ближних, постарались плотнее окутать их таковыми?»⁴⁾.

При таком понимании движущих сил развития человеческого общества, «бешеные» в полном согласии с «просветителями» должны были придавать просвещению значение основной панацеи от всех бед и даже поверхностное ознакомление с их идеологией показывает, что дело обстоит именно так. «Так как свобода рождается только при свете просвещения, так как забвение обязанностей вытекает из незнания прав»,—говорит Жак Ру в своей «Речи о средствах спасения Франции и свободы»,—«будем распространять просвещение, помогающее человеку познать его достоинство, его могущество, добродетели и чудеса свободы»⁵⁾. Еще яснее выражается он в своей «Речи о причинах несчастий Французской республики»:

«Поскольку деспотизм злоупотреблений, трона и алтаря обязан, во все времена, своим существованием лишь господству предрассудков и злоупотреблений; поскольку приведшие к такому множеству печальных последствий системы дезорганизации, убийства и грабежа обязаны своим существованием лишь подавлению индивидуальных способностей и отупению народов,—последим дать общественному духу прочную основу, поощряя развитие знаний и основывая повсюду школы, содействующие воспитанию человека и гражданина... Образование для членов великой семьи человечества является тем же, чем солнце для земли...»

«Хотите, чтобы религия не опиралась больше на рабство, а рабство—на религию? Хотите погасить навсегда факел, порождающий гражданскую войну? Просвещайте народ! Хотите, чтобы солдат строго соблюдал дисциплину, чтобы он доблестно сражался под знаменем отечества и чтобы он всегда шел навстречу победе? просвещайте народ!»⁶⁾.

В полном согласии с Жаком Ру и Варле полагает, что «для того, чтобы повергнуть в прах кровавых деспотов... следует распространять среди народа светоч просвещения. Книгопечатание нанесло врагам народа лишь первый удар, остальные удары должны быть нанесены образованием»⁷⁾.

Но просвещение, по мнению Варле, является средством не только для политического переустройства общества, но равным образом и для его переустройства социального. «Почтенные немущие,—говорит Варле в предисловии к своему «Плану новой организации центрального клуба Друзей Конституции»,—при режиме несправедливостей, когда вы не имели понятия о своих правах, политика попов, королей, знати, финансистов и судебных заключалась в том, чтобы держать вас в цепях невежества... Но гений, попирающий все преграды, сделал все их усилия тщетными: появился Руссо, и принципы и разум победили. Немущие, несшие до сих пор на себе всю тя-

¹⁾ „Discours sur les causes des malheurs de la République Française“, p. 11.

²⁾ „Le Publiciste de la République Française par l'Ombre de Marat“, № 246, p. 2. Bibl. Nat., Lc^o 227.

³⁾ „Plan d'une nouvelle organisation de la Société-mère des Amis de la Constitution“, p. 46. Bibl. Nat., Lb^o 2278.

⁴⁾ „L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon“, № XIII, p. 6. Bibl. Nat., Lc^o 704.

⁵⁾ „Discours sur les moyens de sauver la France et la liberté“, p. 38.

⁶⁾ „Discours sur les causes des malheurs de la République Française“, p. 12—13.

⁷⁾ „Plan d'une nouvelle organisation de la Société-mère des Amis de la Constitution“, p. 18.

жесть общественных бедствий, изучайте законы вашей родины, и вы сможете пользоваться всеми благами конституции; вы сможете возвышать голос в собраниях, и тогда все увидят, что приобретённые знания стирают все грани. Бедные, но образованные, вы превзойдете богатых неучей» (Курсив наш. Я. З.)¹⁾.

Неудивительно, что при таком понимании значения просвещения Варле, вслед за Жаком Ру, придает его распространению совершенно исключительное значение. В своем «Проекте специального и императивного мандата» он, обращаясь к вновь избранным членам Национального Конвента, предлагает им «обратить внимание на до сих пор игнорировавшуюся базу социального счастья; она заключается в системе народного образования, строящимся образом продуманной и во всем построенной на принципах свободы и равенства»²⁾. А ст. 5 составленной Варле «Торжественной декларации прав человека в общественном состоянии» прямо гласит, что «просвещение и проповедь общественной морали, являющиеся священным долгом государства в отношении всех граждан, одни только могут сделать реальным пользование представленными и м правами»³⁾.

Но Варле вполне сознает, что действие проектируемой им новой системы народного образования будет крайне медленным⁴⁾ и, главное, что его непосредственное влияние скажется на одни только состоятельные классы общества⁵⁾. Поскольку же, как мы только что видели, просвещение «неумящих» является, по мнению Варле, основной предпосылкой их политического освобождения, совершенно ясно, что он должен был выработать меры, ускоряющие действие государственной системы народного образования и особенно распространяющие ее влияние и на низшие классы общества. Поэтому нас не может удивить, что основной задачей всех народных обществ и в частности якобинского клуба Варле считает содействие просвещению народа и распространению в его среде того, что мы теперь назвали бы политической грамотой⁶⁾. «Что может быть выше счастья быть добровольными учителями немущих масс (du peuple indigent)... Творец создал одинаково способными как богатых, так и бедных; дадим же этим последним средства, недостающие им для развития их способностей»⁷⁾.

Такое же значение, как Жак Ру и Варле, придает делу народного образования и Леклер. «Да будет воздана хвала тому, кто внес предложение дать всем детям одинаковое воспитание. Он хорошо понял, что это единственный способ возродить человеческий род и сделать людей достойными свободы»⁸⁾.

Таковы взгляды «бешеных» на движущие силы общественного развития и на роль образования, как фактора прогресса, и вряд ли требует особых доказательств та мысль, что взгляды эти не только не представляли человеку оригинального, но, напротив того, были самыми ходовыми взглядами того времени. В самом деле—не говоря уже, конечно, о том, насколько общепризнанной была в то время мысль, что революция есть результат распространения просветительных идей (исключением в этом отношении были только Барнав и Марат), и взгляды «бешеных» на исключительно важное

¹⁾ Ibidem, p. 3.

²⁾ „Projet d'un mandat spécial et impératif aux représentants du peuple à la Convention Nationale“, „Archives Parlementaires“, t. LIV, p. 721.

³⁾ „Déclaration solennelle des droits de l'homme dans l'état social“, p. 12. Bibl. Nat., Lb^o 2279.

⁴⁾ „Plan d'une nouvelle organisation de la Société-mère des Amis de la Constitution“, p. 22.

⁵⁾ Ibidem, p. 22.

⁶⁾ Ibidem, p. 22.

⁷⁾ Ibidem, p. 22, 27.

⁸⁾ „L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon“, № 12, p. 6.

значение дела народного образования и воспитания, как две капли воды похожи на все то, что говорилось в это время по данному вопросу, как в заседаниях Национального Конвента, так и вне его стен. При этом особенно любопытно подчеркнуть, что сходство это можно отметить, не только сравнивая «бешеных» с монтаньярами¹⁾, но даже и сопоставляя их взгляды с педагогическими воззрениями жирондистов. Так, например, цитированная выше фраза Варле, что одно только образование может сделать реальным пользование гражданами предоставленными им правами, есть не что иное, как перефразировка мысли Кондорсе из его доклада 20 и 21 апреля 1792 года²⁾, что «ближайшей целью образования» является «сделать реальным политическое равенство, провозглашенное законом»³⁾. А, с другой стороны, предложенная Варле в его «Французском Пантеоне» программа празднества в честь детей и стариков⁴⁾, долженствующая, по его мысли, иметь большое педагогическое значение, очень близко напоминает не только мысли Сен-Жюста в его «Fragments d'institutions républicaines»⁵⁾, но и положения речи Рабо Сент-Этьенна в заседании Национального Конвента 21 декабря 1792 года⁶⁾. Таким образом есть все основания утверждать, что в только что рассмотренных вопросах «бешеные» повторяли лишь ходячие воззрения своей эпохи и что эта часть идеологии изучаемых нами представителей интеллигентских рабочих и ремесленников Франции конца XVIII века решительно ничем не отличалась от идеологии не только мелкой, но и крупной буржуазии Франции этого времени.

Совершенно то же самое можно сказать и о религиозных воззрениях «бешеных», которые подобно религиозным взглядам других деятелей революции складывались под преимущественным влиянием Вольтера и Руссо.

Влияние Вольтера особенно заметно в той части религиозных воззрений «бешеных», которая посвящена критике существующих религий и, в частности, религии католической. Проследить это можно в равной степени у Жака Ру, Варле и Леклера.

«Из всех постигающих человечество бедствий,—говорит Жак Ру в своей «Речи о средствах спасения Франции и свободы»,—нет более тяжелых, нежели те, что порождаются религиозным фанатизмом. Неправильный в своей морали, варварский в своих действиях, нет того, чего бы он не принес в жертву своей священной,—ненависти. Нетерпимость и преследования являются еще наименьшими из его преступлений. Отъявленный враг прав человека, он извращает все общественные добродетели. Ненависть получает название благородства, тщеславие—героизма, бесстыдство—чувства, а самые подлые страсти украшаются обликом добродетели»⁷⁾.

Подтвердив это положение рядом примеров, взятых как из истории, так и из современной ему революционной действительности⁸⁾, Жак Ру приходит к выводу, что «в течение ряда веков невежества, мрачных феодальных и священническим деспотизмом», духовенство «ради удовлетворения

¹⁾ Громадное значение, которое монтаньяры придавали правильной постановке дела народного воспитания и образования, общеизвестно. Как пример, отметим хотя бы то, что в найденных после казни Сен-Жюста его бумагах мы, между прочим, находим фразу: «заставить исполнять законы о воспитании, вот в чем весь секрет» (Oeuvres complètes de Saint-Just avec une introduction et des notes par Charles Vellay, t. II, p. 536).

²⁾ Текст этого доклада дан в русском переводе в книге «Педагогические идеи Великой Французской революции», стр. 168—203.

³⁾ Ibidem, p. 168.

⁴⁾ „Le Panthéon Français“. Arch. Nat., F⁷ 477540.

⁵⁾ „Oeuvres de Saint-Just“, t. II, p. 516—519.

⁶⁾ „Archives parlementaires“, t. LV, p. 345—347.

⁷⁾ „Discours sur les moyens de sauver la France et la liberté“, p. 4—5.

⁸⁾ Ibidem, p. 5—7.

своей гордости и корыстолюбия, залило кровью оба полушария и, повинуюсь колоссальной нетерпимости и лицемерия, отравило в преисподнюю тысячи семейств, все преступления которых заключалось в желании быть свободными»¹⁾. Но теперь песенка этого фанатичного духовенства уже спета. Все ваши старания останутся тщетными, о апостолы рабства, живые толкатели воли божества и природы, лицемеры, проповедывающие презрение к богатствам и наслаждениям и вместе с тем погрязающие в разврате, роскоши и изобилии. Римский колосс покоится лишь на глиняных ногах; мощный голос природы прозвучал; факел вечной мудрости озарил всю вселенную; чудесное сошествие общественного духа открыло человеческому разуму глаза на ужасы деспотизма, природу и пределы человеческих обязанностей, могущество и силу свободы! О, фанатичные священники, прошли уже те дни вашего детства, когда вы пользовались глупой доверчивостью народов! Вы не больше не верите, что первой обязанностью человека является не быть страждущим, что любовь к отечеству не составляет культа, что религия может иметь другие основания, нежели послушание закону, любовь к ближним и слава и процветание государств. Вы не будете больше развращать земной шар вашей убойственной теорией, что скипетр переходит по праву рождения, что небо создало Неронов, чтобы повелевать Сенеками, что народы обязаны исполнять все повинности, что нации, подобно стадам, составляют собственность королей, и что нужно воздавать кесарю вплоть до свободы, принадлежавшей самой природе человечества. Вы не будете больше оскорблять разум и гуманность, разворачивая повсюду, вплоть до самых священных мест, знамя феодализма; выставляя, как предмет общественного почитания, униженные эмблемы рабства, трофеи гордости, и преступления, бюсты лицемерия; воздавая святотатственные почести некоторым людям, прозванным «великими» за то, что они обогащали церкви, разоряли целые провинции и приносили гибель миллионам граждан... Наконец, в кодексе природы и евангелии общественного спасения сказано, что вы не будете больше окутывать людей предрассудками, начиная с их рождения и кончая смертью. Вы не будете больше убивать легковерных граждан, чтобы предаваться варварскому удовольствию поскорее погубить их души; вы не будете больше заставлять их устремлять взоры на небо, дабы тем легче похищать их блага на земле»²⁾.

Это длинное рассуждение Жака Ру почти целиком повторяется у Варле и Леклера. Так, в своем «Плане новой организации центрального клуба Друзей Конституции», Варле, обращаясь к «двум третям и даже более духовенства», восклицает: «Распорядители боины народов, кровавые лицедеи, слащавые лицемеры, властолюбивые мошенники, вы все, которые, именем бога мира, за посланных которого вы себя выдаете, во все времена доставляли себе варварское удовольствие опустошать землю, ссоря между собой королей! Чужовища, ниспосланные людям небом в наказание за их злодеяния, вы бы задрожали от ужаса, если бы собрать перед вашими глазами пролитые вами реки крови»³⁾. Что касается до Леклера, то, по его мнению, религия была специально создана для того, чтобы держать людей в рабстве⁴⁾. Перейдя из

¹⁾ Ibidem, p. 7.

²⁾ Ibidem, p. 7—9.

³⁾ „Plan d'une nouvelle organisation de la société-mère des Amis de la Constitution“, p. 33.

⁴⁾ „Les préjugés ont forgé les fers du genre humain; aussi les premiers hommes, qui conçurent le dessein d'asservir leurs semblables, eurent-ils soin de les en entourer. Les opinions religieuses sur tout ont été le frein le plus fort, que d'adroits politiques aient opposé à l'instinct est-à-dire au bon sens naturel des hommes: ils considèrent la religion comme un bâton nécessaire pour occuper et retenir les peuples dans la servitude“. „L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon“, № XIII, p. 6—7.

естественного состояния в состоянии общественное¹⁾, человек, по мнению Леклера, сохранил бы свою первоначальную свободу, «поскольку она может быть сохранена при господстве законов, если бы не удалось привить ему заботу, которая его волнует, поглощает часть его времени и посредством надежды на другой мир заставляет его забыть муки, которые он переживает в мире настоящем»²⁾. Неудивительно, что священнослужители являются для Леклера олицетворением всяческого зла. «Шарлатаны и мошенники по привычке, нетерпимые по принципу религии, они всегда будут бичом человечества, и если бы дух мести и преследований был бы изгнан из остального света, он наверно сохранился бы в среде духовного класса»³⁾.

Если, таким образом, в критике существующих религий, «бешеные» находятся под несомненным влиянием Вольтера (что, кстати сказать, отмечено у Варле⁴⁾), то в положительной части их религиозной программы заметно также влияние Руссо.

В то время как для прочих «бешеных» религиозные воззрения составляли лишь часть (и при том, — что особенно заметно у Леклера, — довольно второстепенную) их общей идеологической системы, Жак Ру, бывший по профессии священником, уже по одному этому не мог легко отмахнуться от вопросов религиозного порядка и должен был уделить им более или менее значительное внимание. К тому же, если полное отсутствие данных не дает нам возможности выяснить, были ли остальные «бешеные» подлинно верующими людьми, или же их религиозные взгляды вытекали лишь из их общей программы, в отношении Жака Ру факт его религиозности может считаться твердо установленным. Доказательством этому могут служить не только рассыпанные по его произведениям выпады против «кровожадных атеистов»⁵⁾, но и раньше и прежде всего, конечно, сказанные им в момент самоубийства слова, из коих ясно видно, что он верил в загробную жизнь⁶⁾. Поэтому совершенно ясно, что, разбив вдребезги традиционную католическую религию, Жак Ру не мог на этом остановиться и неизбежно должен был противопоставить ей иную религиозную систему. Это и было сделано им как в «Речи о средствах спасения Франции и свободы», так равным образом и в «Речи о причинах несчастий Французской республики».

Расписав все злодеяния католического духовенства (эта цитата приводилась нами выше), Жак Ру в своей «Речи о средствах спасения Франции и свободы» далее продолжает:

«Что касается нас, стремящихся следовать примеру апостолов, а не друидов; нас, гордящихся своей евангельской бедностью и своим стремлением воздвигнуть на развалинах римской тирании храм свободы и увидеть возвращенными обществу богатства, до сих пор составлявшие позор служителей культа, — мы, незвизрая на громы Ватикана, будем проповедывать всемирную свободу, равенство и братство. Отечество, совесть и Бог — такова наша религия. Религия святая, ибо она заставляет гордость алтаря, равно как и гордость диадемы, склониться перед скипетром народа. Религия благодатная, ибо в то время как жаждущий крови фанатизм устремляется по ту и другую

¹⁾ Хотя «бешеные» нигде специально не останавливаются на доказательстве правильности естественно-правовой теории происхождения общества, они были ее несомненными сторонниками, что видно из ряда мест в их произведениях.

²⁾ L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon, N XIII, p. 7.

³⁾ Ibidem, p. 8.

⁴⁾ Plan d'une nouvelle organisation de la société-mère des Amis de la Constitution, p. 32 — 33.

⁵⁾ См., напр., «Discours sur les causes des malheurs de la République Française», p. 18.

⁶⁾ См. нашу статью «Конец Жака Ру» — «Под Знаменем Марксизма» 1929 г., № 2—3.

сторону Рейна в погоне за кровавым венком победы, — она несет всем народам тоже венок, но венок мира»¹⁾.

Эта формулировка идеальной, — с точки зрения Жака Ру, — религии значительно уточняется в «Речи о причинах несчастий Французской республики».

«В свободном государстве культ должен покоиться на признании основ общественного договора. Человек не должен быть больше во власти лжи, суеверий, лицемерия, страха, насилия и невежества. Простые добродетели и знаки братства — вот ее таинства; уважение к законам и ненависть к тирании — вот ее догматы; братство и равенство — вот ее бог»²⁾.

Совершенно ясно, что эта полу-пантеистическая, полу-деистическая система должна была, при всем том, что Жак Ру говорил об отрицательной роли католического духовенства, привести его к полному одобрению той политики преследований этого духовенства, которая началась во Франции осенью 1793 г. Но, с другой стороны, понятно, что священнический сан самого Жака Ру делал такую позицию для него крайне затруднительной, и поэтому не следует особенно удивляться той защите духовенства, которую мы находим в № 264 его «Публициста Французской Республики»:

«Священнослужительский сан является профессией, и в силу этого нельзя обвинять человека в ношении такового. Если священник громко проповедует принципы правды и добродетели; если он учит тому, что основой религии являются любовь к ближним, самоотверженная преданность делу народа и стремление к славе и процветанию государства; если он говорит, что одна только свобода достойна поклонения людей, — такой священник не может быть ненавистен обществу. Это тем более верно, что 25 миллионов людей не могут в одно мгновение стать философами; во всех странах мира мы видим алтари, жертвоприношения и церемонии и во всех профессиях имеется доля шарлатанства...

«...Нужно также с полной искренностью признать, что среди священников встречаются подлинно добродетельные и демократичные люди. Если бы во всех сорока четырех тысячах муниципалитетов священники были мерзавцами; если бы они пользовались тем преимуществом, которое дает им легковерие и необразованность народа для введения его в заблуждение, — вся Франция представляла бы в настоящее время огромный костер, ужасы гражданской войны разорили бы нашу несчастную родину и свобода и республика была бы давно в развалинах...»³⁾.

Само собой разумеется, что только что приведенная цитата решительно противоречит всему тому, что Жак Ру говорил раньше, но, как мы уже отмечали, противоречие это являлось в его положении более чем понятным. Выход из этого противоречия был найден Жаком Ру в том дехристианизаторском движении, которое широкой волной прокатилось во Франции в брюмере II года (октябрь — ноябрь 1793 г.) и которое его, повидному, захватило целиком.

В самом деле, в № 271 «Публициста Французской Республики», вышедшем в свет около 20 брюмера, т.-е. в самый разгар дехристианизаторской кампании, Жак Ру не только отрекается от своего сана⁴⁾, но и в самых недвусмысленных выражениях солидаризируется с преследованием католического духовенства.

«После уничтожения в лице монархии источника всех наших бедствий, для полного торжества республики недоставало только низвергнуть трон

¹⁾ «Discours sur les moyens de sauver la France et la liberté», p. 7.

²⁾ «Discours sur les causes des malheurs de la République Française», p. 12.

³⁾ Le Publiciste de la République Française, № 264, p. 5 — 6.

⁴⁾ Le Publiciste de la République Française, № 271, p. 7.

священных узурпаторов, стремившихся укрепить на небе цепи, связывающие людей на земле. Нужно было нанести смертельный удар духовенству, увековечивающему позор и порабощение наций. Нужно было попать ногами конституционных священников, этих служителей гордости, преступления и глупости, этих злонамеренных агентов федерализма, разврата и насилия дворов, этих непримиримых преследователей морали, талантов и добродетели¹⁾.

Но решительно одобряя отказ от всех условностей и мистерий католической религии²⁾, Жак Ру вместе с тем отнюдь не отказывается от своих религиозных убеждений. Напротив того, именно на них пытается он обосновать теперь свою новую позицию в отношении церкви. «Узнайте же, лицемеры,—говорит он, обращаясь к католическому духовенству,—что религия является связью между богом и людьми, и что между творцом и его творением не должно быть никаких посредников. Никто не имеет права ставить себя между небом и землей; поэтому духовная власть является узурпацией, преступлением против свободы и оскорблением природы и божества»³⁾.

Таким образом, переворот, происшедший в идеологии Жака Ру в связи с дехристианизаторским движением, решительно изменив его отношение к церкви, не отразился на существе его религиозных верований. До самой смерти своей (еще раз напоминаем его слова в момент самоубийства!) Жак Ру оставался верующим человеком, и это обстоятельство, думается нам, заставляет отвергнуть возможное вообще говоря⁴⁾ предположение, что № 271 «Публициста Французской Республики» является не столько плодом подлинного изменения его взглядов, сколько сознательным тактическим маневром его автора. Совершенно ясно, что если бы это было так, Жаку Ру при царивших в эти дни настроениях было бы гораздо выгоднее отречься не только от своего сана и связанных с ним условностей, но и от всякого деизма, чего он, однако, как мы только что видели, не сделал.

Переходим теперь к религиозным воззрениям Варле, представляющим, как в этом легко убедиться, лишь дальнейшее развитие мыслей, уже встреченных нами у Жака Ру, с той только разницей, что на Варле влияние Руссо сказывается несравненно яснее.

«Все абсурдные и противоречащие друг другу религии,—говорит Варле в своем «Плане новой организации центрального клуба Друзей Конституции»,—уже самым своим несовершенством доказывают, что все они являются делом людей. Единственным действительно священным является добродетель, и только в ней заключается смысл всей великой загадки. Единственный посредник во все времена, существовавший между нами и небом, это простое дыхание—мысль (c'est un souffle—la pensée). Кто проникает через пространство и угадывает существование Творца? Мысль. Кто, ради его почитания, изобрел различные системы? Мысль. Кто спускается в сердца атеистов, чтобы повергнуть их в смущение? Мысль...

«...Добрые нравы создают добрые законы; для существования же у свободных народов добрых нравов необходимо чистое, простое и лишенное какой бы то ни было примеси суеверия основание... Святая философия... вернет людям их первоначальное достоинство; их религией будет природа, а их богом—свобода... Таинством этой религии будут только окружающие нас чудеса природы... Наиболее прав тот, кто меньше всего рассуждает»⁵⁾.

¹⁾ Ibid., p. 1—2.

²⁾ Ibid., p. 6.

³⁾ Ibid., p. 3—4.

⁴⁾ Это предположение могло бы быть подкреплено тем соображением, что, как известно, № 271 газеты Жака Ру являлся запоздалой попыткой его примирения с монотейстами. Ср. нашу статью «Конец Жака Ру».

⁵⁾ «Plan d'une nouvelle organisation de la société-mère des Amis de la Constitution», p. 35—47.

Логическим следствием из этого чисто-руссоистского понимания религии является предлагаемая Варле организация религиозного культа. В том же самом «Плане новой организации центрального клуба Друзей Конституции» Варле, исходя из того, что «давно пора заменить их (т.-е. священников. Я. З.) миссионерами-моралистами, избранными из среды известных патриотов... которые отныне должны будут учить катехизису всех граждан»¹⁾ и что «народу необходимы внешние обряды»²⁾, предлагает низжедеющую религиозную систему:

1. «Я хотел бы, чтобы установилась простая и вместе с тем величественная религия, внушающая гражданам любовь к добродетели и стремление к образованию, которое одно только может дать родине нужных ей людей.

2. «В честь Творца будут воздвигнуты достойные его храмы, на ограде которых будут выгравированы слова: Верховному Существо, давшему нам свободу и равенство»³⁾.

Таковы, — в основных чертах, — религиозные воззрения «бешеных», и, подводя теперь итог, следует прежде всего отметить, что, сложившись под преимущественным влиянием Вольтера и Руссо (Варле в числе своих учителей упоминает еще и Гельвеция)⁴⁾, они уж по одному этому не могли отличаться особой оригинальностью. И, действительно, религиозные воззрения «бешеных» весьма близки к взглядам монотейстов,—для убеждения в этом достаточно бросить лишь беглый взгляд на знаменитый доклад Робеспьера 18 флореаля⁵⁾. Более того, можно сказать, что только что рассмотренная программа Варле есть не что иное, как предвкушение за полтора года до его осуществления робеспьеровского «культа Верховного Существа». Это положение становится особенно ясным при сравнении предлагаемой Варле системы празднеств в честь Верховного Существа⁶⁾ с соответствующими местами из указанной речи Робеспьера. Но, вместе с тем, на ряду с этими чертами сходства, есть и моменты отличия—в то время, как робеспьеристы считают исповедывание религии Верховного Существа морально обязательным⁷⁾, Варле не только высказывается за свободу культов⁸⁾, что признавалось и робеспьеристами⁹⁾, но и идет значительно дальше этого, требуя отделения церкви от государства¹⁰⁾.

Однако было бы совершенно ошибочным предполагать, что это последнее предложение Варле составляет нечто принципиально новое, не встречающееся у других деятелей эпохи Революции. Не говоря уже о дехристианизаторском движении осени 1793 г., подобное предложение было внесено

¹⁾ Ibidem, p. 38.

²⁾ Ibidem, p. 38.

³⁾ Ibidem, p. 53.

⁴⁾ Ibidem, p. 36.

⁵⁾ Buchez et Roux, Histoire parlementaire de la Révolution Française, t. XXXII, p. 353—381.

⁶⁾ «Plan d'une nouvelle organisation de la société-mère des Amis de la Constitution», p. 53—58.

⁷⁾ Это видно из слов декрета 18 флореаля: «французский народ признает существование Верховного Существа и бессмертные души». Buchez et Roux, op. cit., t. XXXII, p. 379.

⁸⁾ «Les partisans de ce nouveau culte porteront tolérance, respect et insouciance à toutes opinions religieuses, quel'qu'erronnés, qu'elles soient». «Plan d'une nouvelle organisation», p. 53.

⁹⁾ Это было сформулировано в известном декрете 18 фримера II года. Buchez et Roux, op. cit., t. XXX, p. 324—325.

¹⁰⁾ Vous feriez reconnaître que la nation ayant proclamé la liberté des cultes, ne peut plus, sans contrarier ce principe, salarier une secte particulière, ni même lui livrer gratuitement des édifices. «Projet d'un mandat spécial et impératif», «Archives parlementaires», t. LIV, p. 721.

Камбоном в заседании Национального Конвента еще 13 ноября 1792 г.) и хотя оно, в конце концов, было отвергнуто, но во время посвященных этому вопросу прений в якобинском клубе 16 и 17 ноября Шабо и Манюэль высказывались за предложение Камбона¹⁾. Таким образом мы можем утверждать, что и в области религиозных вопросов «бешеные» не внесли ничего, по сравнению с ходовыми взглядами своего времени, принципиально нового, и нам остается таким образом только констатировать, что и в этом вопросе идеологи рабочих и ремесленников эпохи Великой Французской революции целиком восприняли мировоззрение современной им мелкой и крупной буржуазии.

II. Экономические воззрения «бешеных».

Об огромном большинстве экономических взглядов «бешеных» можно сказать то же самое, что об их историко-философских и религиозных воззрениях—они не выходят за пределы современных им буржуазных теорий. Впрочем, здесь нужно сразу же оговориться. В то время как в области вопросов отвлеченного мышления все ходячие философские теории XVIII века, невзирая на ряд существенных расхождений по отдельным пунктам, могут все же быть в основном и главном сведены к одному общему знаменателю, позволяющему нам говорить о «просветителях», как таковых,—в области вопросов политической экономии и, в особенности, экономической политики дело обстоит совершенно иначе. И это совершенно понятно. Те противоречия классовых интересов между различными прослойками французской буржуазии второй половины XVIII в., которые в сравнительно отдаленных от практической жизни областях мышления могли выражаться лишь в виде сущности несущественных на первый взгляд мелких разногласий, должны были несравненно явственнее и грубее сказываться там, где дело шло не об абстрактных теориях, а о реальных экономических интересах. Вот почему, в то время как при изучении философии XVIII века грань между крупно- и мелкобуржуазными теориями может быть проведена лишь в результате долгого и взвешивающего анализа, отличие между крупно- и мелкобуржуазными экономическими теориями прямо бросается в глаза, и спутать их между собой может лишь человек, сознательно закрывающий глаза на классовую природу общества.

При таком положении вещей само собой разумеется, что говорить об отсутствии оригинальности в экономических воззрениях «бешеных» можно только в том случае, если сравнивать их со взглядами не буржуазии вообще, а только буржуазии мелкой. Вряд ли требует особых доказательств, насколько та борьба «бешеных» за самое энергичное преследование «спекулянтов» и «барышников», которая составляет квинт-эссенцию всей их деятельности, противоречила фритредерским устремлениям жирондистской крупной буржуазии, и мы знаем, что именно вокруг этого вопроса и разгорелась та ожесточенная классовая борьба, которая составляет основное содержание всей истории Франции в 1793 г. Таким образом, само собой разумеется, что, оценивая экономические воззрения «бешеных», мы заранее освобождены от необходимости сравнивать их с взглядами жирондистов и сопоставление может идти только между взглядами «бешеных» и монтаньяров.

Само собой разумеется, что мы не можем давать здесь подробного анализа экономических воззрений монтаньяров и вынуждены ограничиться лишь самой грубой схемой. И схема эта может быть сформулирована таким образом, что, как бы ни были отличны друг от друга взгляды различных предста-

¹⁾ «Archives parlementaires», t. LIII, p. 384.

²⁾ A. Aulard, La Société des Jacobins, t. IV, p. 479—480; Buchez Roux, op cit., t. XX, p. 449.

вителей монтаньяров в один и тот же отрезок времени¹⁾ и как не расходятся между собой взгляды тех же самих монтаньяров в различные периоды²⁾, но само совершенно несомненно. В то время как жирондисты, защищая классовые интересы торговой буржуазии, были склонны объяснять причины переживавшейся Францией в 1792—1794 гг. экономического характера и, в частности, продовольственного кризиса причинами объективного характера³⁾, монтаньяры, не отрицая этих причин, подчеркивали, однако, на ряду с ними и причины субъективные—хорошество и злую волю отдельных лиц, пользующихся общей ситуацией для своего собственного обогащения⁴⁾. По этому же пути идут в своих экономических воззрениях и «бешеные».

Наиболее прямолинейную точку зрения мы находим у Леклера, уделяющего продовольственному вопросу весьма значительное внимание и останавливающегося на нем уже во втором номере издававшегося им «Друга Народа».

Богатые контрреволюционеры,—говорит в этом номере Леклер,—«сдаются вызвать контрреволюцию посредством дороговизны с'естных припасов и вздорования звонкой монеты. При помощи своих огромных богатств они накапливают продукты и предметы первой необходимости и устраивают таким образом искусственный голод. Затем они говорят народу, что в голоде этом виновата революция. Этим путем они надеются заставить народ потребовать себе господина, перед которым давно уже жаждут склониться их головы, разращенные рабством и созданные для повиновения...»

«...Аристократия все время повторяет нам, что причиной чудовищного вздорожания с'естных припасов является большое количество находящихся в обращении ассигнатов. Это, в самом деле, прекрасный предлог, чтобы заставить умирать с голоду бедный и трудящийся класс населения»⁵⁾.

В совершенно таком же смысле высказывается Леклер в № 10 своей газеты. «Искусственный недостаток муки и продуктов питания заметен сейчас более, чем когда бы то ни было. Мерзавцы поклялись произвести контрреволюцию посредством голода, и нет таких средств, которых бы они только не применяли, лишь бы утомить народ и вызвать всеобщее недовольство»⁶⁾.

Дальнейшее развитие и углубление этих мыслей мы находим в № 13 «Друга Народа»:

«Не может быть никаких сомнений, что переживаемый нами сейчас голод является чисто-искусственным. Во Франции сейчас зерна раз в то больше, нежели необходимо, чтобы прокормить ее жителей вплоть до ближайшего урожая. Из этого ясно, что голод, совпавший как раз со временем,

¹⁾ Так, в то время как в конце ноября—начале декабря 1792 г. Сен-Жюст, Лекленно и Левассер высказываются за свободу хлебной торговли («Archives parlementaires», t. LIII, p. 657—659, 662—666, t. LIV, p. 40—42), Робеспьер, не говоря уже о Марате, требует ограничения этой свободы («Archives parlementaires», t. LIV, p. 45—48).

²⁾ Известно, что если еще осенью 1792 г. большинство монтаньяров являлись сторонниками свободы хлебной торговли, то уже к апрелю—маю 1793 г. точка зрения их решительно изменилась. Типично в этом смысле поведение Левассера, который в своей речи 30-апреля 1793 года высказывается в смысле, прямо-противоположном своей прежней точке зрения («Archives parlementaires», t. LXIII, p. 315—316). А с осени 1793 г. принцип жесточайшей регламентации хлебной торговли становится, как известно, официальным credo монтаньяров.

³⁾ Чрезвычайно типична в этом смысле речь Барбару 8 декабря 1792 года («Archives parlementaires», t. LIV, p. 671).

⁴⁾ Не говоря уже о писаниях Марата и Эбера, подобная мысль очень сильно подчеркнута в речи Робеспьера 2 декабря 1792 г. («Archives parlementaires», t. LIV, p. 45—48). Ср. также доклад Колло д'Эрбуа 26 июля 1793 г. («Archives parlementaires», t. LXIX, p. 550—551).

⁵⁾ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», № II, p. 3.

⁶⁾ Ibidem, № X, p. 2.

когда нашей свободе угрожают вступающие на нашу территорию враги, объясняется злостными махинациями соединившихся с деспотами наших внутренних врагов. С одной стороны, их эмиссары сеют в департаментах недоверие и страх и добиваются приостановки исполнения существующих законов, почва к чему в некоторых департаментах давно уже подготовлена действиями проклятого Ролана. С другой стороны, они в самом Париже всечески обрабатывают народ, дабы вызвать с его стороны эксцессы, которыми им было легко воспользоваться, чтобы привести общественное дело к погибели»¹⁾.

Итак, объяснение дороговизны продуктов слишком большой эмиссией ассигнатов есть измышление аристократов и переживаемый Францией продовольственный кризис является чисто-искусственным. Виновники его—контрреволюционеры, стремящиеся разочаровать народ в революции и этим сплоском перетянуть его на свою, контрреволюционеров, сторону. С этим мнением Леклера целиком солидаризируется и Жак Ру, когда он в № 250 своего «Публициста Французской Республики» останавливается на причинах фактического неприменения закона 4 мая 1793 г. о продовольствии:

«Едва лишь этот закон был издан, как все те, которые стремятся произвести контрреволюцию посредством недостатка и дороговизны естественных припасов, сделали все, что было в их силах, чтобы парализовать и устранить благотворные последствия этого закона. Нужно было прежде всего ввести граждан в заблуждение—и вот злонамеренные люди начинают им доказывать, что нынешний год будет неурожайным и что каждый кантон должен стремиться удержать все имеющиеся у него хлебные запасы»²⁾.

Наблюдающийся в настоящее время недостаток хлеба и является,—полагает Жак Ру,—результатом этой злонамеренной контрреволюционной пропаганды³⁾, а инициаторы ее суть те самые люди, «которые в обоих предыдущих собраниях предавали дело народа, которые покрывали оскорблениями жителей этого энергичного города, в гибели которого они поклялись..., которые провоцировали внешнюю войну, пытались оправдать тирана и постоянно стремились препятствовать осуществлению народной воли»⁴⁾, т. е., короче говоря, жирондисты⁵⁾.

Если таким образом в только что рассмотренных рассуждениях Леклера и Жака Ру основной причиной голода и дороговизны выступают злонамеренные махинации контрреволюционеров, то не меньшую, а, пожалуй, даже и большую роль в этом деле придавали «бешеные» другому фактору—корыстолюбию производителей хлеба, а равно и хлеботорговцев—«спекулянтов» и «барышников».

На выяснении роли этого второго фактора Жак Ру подробнее образом останавливается в своей «Речи о причинах несчастий Французской Республики»:

«Роковой декрет, разрешивший торговлю звонкой монетой и приведший этим путем к обесценению ассигнатов, предоставил ростовщикам и контрреволюционерам возможность жиреть за счет народных бедствий. Крупные собственники, руководствуясь термометром своей жадности, по своему произволу закрывают и открывают продовольственные склады»⁶⁾.

Но не меньшую роль, чем корыстолюбие землевладельцев, играет, по мнению Жака Ру, и спекуляция хлеботорговцев, и именно на это обращает он внимание в своей конвентской речи 25 июня:

¹⁾ Ibidem, № XIII, p. 3.

²⁾ „Le Publiciste de la République Française“, № 250, p. 3.

³⁾ Ibidem, p. 3—4.

⁴⁾ Ibidem, p. 5.

⁵⁾ Ibidem, p. 5—6.

⁶⁾ „Discours sur les causes des malheurs de la République Française“, p. 14.

«Торговая аристократия, еще более ужасная, чем аристократия знати и сана, предается жестокой забаве грабить имущества частных лиц и богатства республики,—и мы еще не знаем предела их лихоимства, ибо с утра до вечера цены на товары растут с ужасающей быстротой»¹⁾.

Но, кроме торговцев по профессии, начавшаяся со всех сторон неслыханная вакханалия спекуляции захватила также и людей, по своей специальности, казалось бы, достаточно далеко стоящих от торговли, и Жак Ру обращает также внимание и на это обстоятельство. «Военные и судейские,—говорит он в своей «Речи о причинах несчастий Французской Республики»,—накапливают полезные произрастания земли и захватывают в свои руки все отрасли торговли»²⁾.

Но если шаши контрреволюционеров и корыстолюбие землевладельцев и спекулянтов составляют основные причины продовольственного кризиса, то наряду с ними Жак Ру отмечает и ряд дополнительных причин, облегчивших возможность действия причин основных. К числу таковых он относит допущение торговли звонкой монетой³⁾, разрешение (правда, лишь в порядке исключения) вывоза продуктов питания за границу⁴⁾, неумеренный выпуск бумажных денег⁵⁾, производство в оккупированных областях платежей звонкой монетой⁶⁾, заграничные закупки оружия и мануфактуры⁷⁾ и т. д. и т. д.

Жак Ру не ограничивается выяснением того, что он считает основными и дополнительными причинами продовольственного кризиса, но и полемизирует с теми, кто указывает на наличие иных, им не предусмотренных причин. Высказанные им в «Речи о причинах несчастий Французской Республики» на этот счет соображения дословно повторяются им затем в его речи 25 июня.

В своем рассуждении Жак Ру по очереди рассматривает различные теории, выставляемые обыкновенно для объяснения продовольственного кризиса, и разбивает их одну за другой. Война—но «почему же, когда при жестоком Людовике XIV Франция воевала с целой лигой тиранов, ажиотаж не вызывал в ней восстаний, голода и разрушений?»⁸⁾. Падение ценности ассигнатов,—но почему же тогда «наши и иностранные банкиры, купцы и контрреволюционеры наполняют ими свои сундуки?»⁹⁾. Да и в Англии, «долг которой, может быть, в двадцать раз больше ценности всей страны», нет, несмотря на это, решительно никакой дороговизны¹⁰⁾.

«Иногда еще говорят, что приходится платить звонкой монетой за привозимые из-за границы товары. Это неверно: торговля почти всегда происходит посредством обмена товаров на товары и бумажек на бумажки; часто даже предпочитают товары деньгам. Обращающейся в Европе звонкой монеты не хватило бы на покрытие одной стотысячной выпущенных бумажных денег. Таким образом, ясно как день, что спекулянты и банкиры дискредитируют ассигнаты лишь для того, чтобы дороже продавать свою звонкую монету, безнаказанно пользоваться своим монопольным положением и наживаться за счет крови патриотов, которую они жаждут желанием пролить»¹¹⁾.

¹⁾ Речь 25 июня 1793 г. «Annales Révolutionnaires», 1914, p. 549.

²⁾ „Discours sur les causes des malheurs de la République Française“, p. 14.

³⁾ Ibidem, p. 14.

⁴⁾ Ibidem, p. 14.

⁵⁾ Ibidem, p. 14.

⁶⁾ Ibidem, p. 14.

⁷⁾ Ibidem, p. 14.

⁸⁾ Речь 25 июня 1793 г. «Annales Révolutionnaires», 1914, p. 552.

⁹⁾ Ibidem, p. 553.

¹⁰⁾ Ibidem, p. 553.

¹¹⁾ Ibidem, p. 553—554.

Чрезвычайно близко к положениям Жака Ру и Леклера подходил и находившийся под влиянием «бешеных» клуб революционных республиканок. Так, в заявлении этого клуба, сделанном (совместно с кордельерами) 19 мая 1793 г. якобинцами, между прочим, говорилось:

«Существует страшный заговор, ставящий себе целью посредством неимоверного повышения цен на продукты уморить народ голодом. Во главе этого заговора стоит торгашеская аристократия наглой касты, стремящаяся поставить себя на место короля и посредством регулируемого ее жадностью под'ема цен на продукты первой необходимости захватить в свои руки все богатства»¹⁾.

Теоретические воззрения «бешеных» на причины продовольственного кризиса уже в очень значительной степени предопределяли их взгляды на способы борьбы с этим бедствием. В самом деле—поскольку основной причиной отсутствия и дороговизны продуктов является спекуляция, совершенно ясно, что и основная линия борьбы с продовольственным кризисом должна заключаться в преследовании и искоренении этой спекуляции.

И действительно, уже начиная с 1792 г., «бешеные» не только выдвигают борьбу со спекуляцией и ажиотажем на первое место своей практической программы, но и придают этому требованию значение того основного и центрального узла, вокруг которого сосредоточивается вся их агитация и пропаганда. Больше того,—в то время как,—в чем мы дальше убедимся,—многие другие предлагавшиеся «бешеными» способы борьбы с продовольственным кризисом носили в их программе переходящий характер и зачастую довольно быстро сменялись совершенно новыми предложениями, требование борьбы со спекуляцией оставалось в тактическом арсенале «бешеных» всегда и неизменно, и именно оно является поэтому одним из характернейших пунктов их идеологии и программы.

У Жака Ру требование решительной и ни перед чем не останавливающейся борьбы со спекуляцией мы находим уже в его «Речи о средствах спасения Франции и свободы»:

«Подверните страху постыдного наказания спекулянтов и барышников. Нет большего преступления, чем наживаться за счет народных бедствий и производить ростовщические сделки над слезами и разорением народа. Нация, сбросившая с себя иго тирании, должна обрушиться на жестокие происки аристократии богатства. Она не должна терпеть, чтобы глубоко развращенные люди пожирали имущество, мануфактуры, торговлю, свободу; она не может терпеть, чтобы они, капля за каплей, высасывали кровь граждан и путем недостойных сделок готовили возвращение рабства... Так как нельзя пользоваться всеми благами свободы в то время, когда приходится бороться с голодом, нуждой и тираническими законами; так как торговля не должна заключаться в действиях, вредных трем четвертям человечества,—требуется установления смертной казни в отношении спекулянтов с естественными припасами и в отношении тех, кто, торгуя деньгами и выпуская монеты по нарицательной цене, превышающей их действительную стоимость, дискредитируют наши ассигнаты, повышают цены товаров и быстрыми шагами приводят нас на край контрреволюции (Курсив наш. Я. З.)»²⁾.

Аналогичную программу выставляет Жак Ру в своих «Речи о суде над Людовиком последним»³⁾ и «Речи о причинах несчастий Французской Респуб-

¹⁾ „La Société des Jacobins“, t. V, p. 199.

²⁾ „Discours sur les moyens de sauver la France et la liberté“, p. 36—37, 43.

³⁾ „Discours sur le jugement de Louis le dernier“, p. 8. Bibl. Nat., Lb^o 2014.

(блики⁴⁾). А в его конвентской речи 25 июня 1793 года требование установления смертной казни за спекуляцию и барышничество и составляет, как известно, всю ее квинт-эссенцию и смысл. «Во имя спасения Республики,—говорит в этой речи Жак Ру, обращаясь к депутатам Национального Конвента,—заклинаем вас предать конституционной анафеме спекуляцию и ажиотаж и декретировать общий принцип, что торговля не состоит в том, чтобы разорять, доводить до отчаяния и изнурять голодом граждан...»⁵⁾.

Такую же точно программу выставляет и Леклер в № 2 своего «Друга Народа»:

«Пусть будет установлена смертная казнь в отношении всех тех, кто посредством преступных махинаций попытался бы избежать обысков и накоплять у себя предметы первой необходимости. Такой человек должен быть рассматриваем как убийца, да он и на самом деле является таковым, поскольку накапливает продукты лишь для того, чтобы обирать в свою пользу потребителей»⁶⁾.

А в № 14 «Друга Народа» Леклер требует заключения в тюрьму до окончания войны всех тех, кто накоплял продукты до издания закона 26 июля о барышничестве и немедленной отправки на гильотину всех тех, кто совершал это после издания названного закона⁷⁾. Гильотины же требуют он и для тех, кто спекулирует на курсе ассигнатов⁸⁾.

В полном согласии с Жаком Ру и Леклером выступали и руководимые Кларой Лакомб и Полиной Леон революционные республиканки. «Законодатели,—говорилось в их выступлении 19 мая 1793 года,—ударьте по спекулянтам, барышникам и купцам-эгоистам! Уничтожьте всех этих мерзавцев; родина будет достаточно богатой, если на ее долю останутся санкюлоты и их добродетели»⁹⁾.

Но было бы глубоко неверно думать, что вся экономическая программа «бешеных» исчерпывается одним требованием ожесточенной борьбы со спекуляцией. На ряду с ним, «бешеные» выставляли также ряд других требований; но в то время, как первое оставалось все время без изменений и постоянно входило в состав программы «бешеных», остальные пункты их экономической политики терпели в своем постепенном развитии ряд изменений, вполне соответствовавших, впрочем, тем изменениям, которые происходили в это время и в экономической программе широких масс революционной демократии¹⁰⁾.

Так, экономическая программа, выставленная Жаком Ру в его «Речи о средствах спасения Франции и свободы», весьма сильно напоминает те мероприятия, которые в аналогичных случаях принимались правительством старого режима и о возвращении к которым мечтала в это время вся городская и сельская беднота:

«Требуйте строгих законов в отношении хлебной торговли, требуйте запрещения вывоза за пределы государства предметов первой необходимости. Заставьте крупных землевладельцев продавать их урожай только на особо установленных в пределах их дистриктов, рынках. Установите во всех городах и значительных поселениях общественные магазины, цены которых окажут заметное влияние. Если богатые фермеры будут вынуждены нести свои то-

¹⁾ „Discours sur les causes des maheurs de la République Française“, p. 19.

²⁾ Речь 25 июня. „Annales Révolutionnaires“ 1914, p. 549.

³⁾ „L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon“, № II, p. 6.

⁴⁾ Ibidem, № XIV, p. 3—4.

⁵⁾ Ibidem, p. 4.

⁶⁾ „La Société des Jacobins“, t. V, p. 199.

⁷⁾ Об эволюции этой программы см. Mathiez, „La vie chère et le mouvement social sous la terreur“, аоssim.

вары на общие склады и вся Франция обратится как бы в единое хранилище, золотой век сменит, наконец, век железный»¹⁾).

Однако, как известно, продовольственная политика старого режима далеко не ограничивалась еще системой общественных магазинов и регламентации торговли. В случае необходимости дореволюционное правительство не останавливалось в своей практике перед таксацией и реквизицией хлеба, и поэтому неудивительно, что по мере роста продовольственного кризиса воспитанные на этой практике широкие массы городской и сельской бедноты требуют принятия и этих, хорошо им знакомых, мер борьбы с дороговизной. Эта эволюция целиком коснулась и Жака Ру, и уже в своей речи 25 июня он делает значительный шаг вперед по сравнению с «Речью о средствах спасения Франции и свободы»: «Неужели же собственность мошенника более священна, чем жизнь человека? Административные органы имеют в своем распоряжении войска,—как же могут они не обладать правом реквизиции сестрых припасов? Законодатель имеет право объявлять войну, т. е. осуждать людей на смерть, как же ему могло бы не принадлежать право помещать угнетению и изнурению голодом тех, кто остался у домашнего очага? Свобода торговли есть право пользования и предоставления пользования, но отнюдь не право препятствовать пользоваться и тиранить. Все необходимые сестрые припасы должны быть приведены к доступной для всех цене»²⁾).

Но самое интересное в речи 25 июня, это не столько новая экономическая программа Жака Ру, сколько ее обоснование. Подобно тому, как требования широких масс о таксации и реквизиции исходили из реминесценций старого порядка, и Жак Ру усиленно подчеркивает в своей речи, что он обеими ногами стоит на почве не будущего, а прошлого.

«О, возмущение, о позор XVIII века! Кто мог бы поверить, что представители французского народа, объявившие войну чужеземным тиранам, были так трусливы, что не раздавили тиранов внутренних? Во время Сартин и Флесселей правительство не допустило бы брать втридцатого за припасы первой необходимости; более того, тогда фиксировали цены на снаряжение и мясо для солдат, а Национальный Конвент, облеченный силой 25-миллионного населения, терпит, чтобы торговец и богатый эгоист, произвольно устанавливая цены на наиболее полезные для жизни предметы, сделали своим обыкновением доводить этим население до голодной смерти»³⁾).

Позднее—в июле—августе 1793 г.—Жак Ру, не ограничиваясь требованием таксации и реквизиции⁴⁾, предлагает ряд дополнительных мер борьбы с экономическим кризисом. Важнейшими из них являются: уничтожение привилегированных компаний⁵⁾ и устранение, таким образом, посредников между производителем и потребителем зерна⁶⁾; организация специальных экспедиций для доставки в Париже закупленного муниципалитетом хлеба⁷⁾; запрещение какого бы то ни было экспорта за границу⁸⁾ и импорта оттуда⁹⁾ и т. д.

За таксацию предметов первой необходимости высказывается в № 2 издававшейся им газеты и Теофиль Леклер:

1) „Discours sur les moyens de sauver la France et la liberté“, p. 43—44.

2) Речь 25 июня. „Annales Révolutionnaires“, 1914, p. 550.

3) Ibidem, p. 552.

4) Это требование повторяется в его „Publiciste de la République Française“, № 260, p. 5.

5) Ibidem, № 247, p. 8; № 254, p. 7.

6) Ibidem, № 247, p. 8.

7) Ibidem, № 250, p. 7.

8) Ibidem, № 254, p. 7.

9) Ibidem, p. 254, p. 7.

«Разве Франция не имеет достаточно или, вернее, даже более того, что ей необходимо в отношении зерна, дров, льна, конопли и шерсти, чтобы накормить, осветить, согреть и одеть всех своих многочисленных граждан? Ответ на этот вопрос должен быть дан безусловно положительный...»

«Что же должны сделать законодатели при переживаемых трудных обстоятельствах? Таксировать все предметы первой необходимости по доступной для всех цене...»

«...После того, как этот благотворительный закон будет издан, какое нам дело до могущего иметь место вздорожания предметов роскоши? Какое дело санюлоту до дороговизны тех тонких суков, которых он никогда не носит, той драгоценной мебели, которой он никогда не пользуется, того сахара и кофе, без которых он может легко обойтись, и тех бесчисленных других предметов, которые, подобно им, являются продуктом развращения и порождении роскоши? После этого наши об'единившиеся между собой враги могут сколько им заблагорассудится припрятывать остатки нашей звонкой монеты,—чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало! Ведь они не смогут захватить нашей территории, а ее произрастания более чем достаточно для нужд всех французсов. У нас будет хлеб, вино, одежда, чтобы защититься от непогоды, и железо, чтобы защищать свободу и равенство. Оставаясь санюлотами, мы будем все же достаточно богатыми»¹⁾).

Мы рассмотрели,—в основном и главном,—как воззрения «бешеных» на причины постигнутого Францию экономического кризиса, так и предложенные ими способы его ликвидации. Переходя теперь к оценке этих взглядов, мы должны прежде всего констатировать, что, своя все причины продовольственного кризиса к злонамеренной спекуляции контрреволюционеров и барышников и соответственно этому намечая способы борьбы со злом, «бешеные» повторяли лишь мысли, целиком господствовавшие в широких кругах французской революционной демократии, начиная уже с сахарного кризиса начала 1792 г.²⁾ И если анализ «бешеных» не вполне соответствовал действительному положению вещей (ибо как ни велико было на самом деле значение спекуляции,—а то, что оно было велико, это неопровержимо доказано Матьезом,—было бы, конечно, неверно сводить все причины кризиса к одной только спекуляции и совершенно игнорировать значение инфляции, войны, блокады и т. д.), то объективно «бешеные» были все же совершенно правы, когда требовали от правительства борьбы со спекуляцией и проведения закона о максимуме, ибо эти меры целиком вытекали из всей обстановки момента. Но вместе с тем, идя во главе движения, требовавшего решительного государственного вмешательства в свободную игру экономических сил, «бешеные» в своей аргументации приводили доводы, ничем не отличающиеся от доводов большинства монтаньяров, и вряд ли требуется доказывать, что почти у всех монтаньярских вождей мы можем найти мысли, чрезвычайно близко подходящие к приведенным выше цитатам из Жака Ру и Леклера. Но, вместе с тем, на ряду с этими чертами сходства мы находим и некоторые пункты отличия. И это, конечно, совершенно понятно, ибо, как ни мало был развит французский рабочий класс эпохи революции и как ни сильно было на него влияние мелкобуржуазных идей, но является совершенно очевидным, что в области столь близкой к повседневным практическим потребностям, как область экономики, идеологи этого класса не могли, конечно, ограничиться одним только повторением чужих мыслей и на ряду с таковыми должны были выставить и собственные теории, отражающие, хотя бы и в зачаточной форме, самостоятельные интересы своего класса. Именно такое значение,

1) „L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon“, № II, p. 4—7.

2) См. Mathiez, op. cit. p. 29—49.

думается нам, имеет проект Леклера о национализации торговли предметами первой необходимости.

Этот проект возник в голове Леклера, как развитие и углубление уже известного нам его предложения о таксации предметов первой необходимости; изложение его дано в № 10 его газеты, вышедшем в свет 10 августа 1793 г., т.-е. всего лишь через две с половиной недели после № 2. Сущность этой теории заключается в следующем:

«Национальный Конвент должен издать нижеследующий закон: «Французская Республика объявляется покупателем всего зерна, произрастающего на его территории. Отныне никто не сможет продавать эти предметы первой необходимости никому, кроме государства.

«Исполнение этого закона не является столь трудным, как это может показаться; возможно даже, что каждый департамент, каждый округ, каждый муниципалитет смогут, в силу декрета законодательной власти, осуществить его в пределах своего округа. Части республики, производящие больше того, что необходимо для прокормления их жителей, будут снабжать те места, где своего произрастания не хватает. Излишки будут сохраняться в особых складах, устроенных в еще непроданных национальных домах.

«Покупные цены будут фиксированы Национальным Конвентом; государство же будет продавать продукты потребителям по доступным для всех ценам. Неимущие будут получать продукты бесплатно. Государство обязано обеспечить им существование; для того же, чтобы не брать на себя слишком больших расходов, оно урежет из роскоши богатых средства для обеспечения жизненных потребностей несчастных»¹⁾.

Дальнейшее развитие мыслей Леклера мы находим в следующем, одиннадцатом, номере «Друга Народа», где говорится о национализации уже не только зерна, но и всех вообще продуктов первой необходимости.

«Национальный Конвент должен начать с декретирования, что зерно и вообще продукты первой необходимости принадлежат Республике, с тем, однако, условием, что земледельцы должны получить за них справедливое вознаграждение, оплачивающее как произведенные ими расходы, так и затраченный ими труд»²⁾.

Таков тот план Леклера, который, как мы уже говорили, является по существу своему не чем иным, как проектом национализации торговли предметами первой необходимости. Само собой разумеется, что в экономических условиях эпохи Великой Французской революции план этот являлся насквозь утопическим, но это, однако, отнюдь не уменьшает его ценности.

Экономический план Леклера показывает нам, каким образом, исходя в общем и целом из тех же самых посылок, что и монтаньяры, «бешеные» по отдельным вопросам делали несравненно далее идущие выводы, чем огромное большинство этих последних. Таким образом, сквозь плотно облегающую «бешеных» одежду мелкобуржуазных настроений и теорий мы все же явно чувствуем дыхание иного класса, и дыхание это мы улавливаем не только в экономических воззрениях «бешеных», но равным образом и в их воззрениях политических и социальных.

III. Политические взгляды «бешеных».

Вся политическая программа «бешеных» так же, как и политическая идеология монтаньяров, построена на следующем известном месте из «Общественного договора» Руссо:

1) «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», № X, p. 4.

2) Ibidem, № XI, p. 3.

«Суверенитет не может быть представляем по той же самой причине, по которой он не может быть отчужден. Он по существу своему заключается в общей воле, а воля не может быть представляема: она та или не та, а середины быть не может. Поэтому депутаты народа не являются и не могут явиться его представителями; они только его уполномоченные и не могут ничего решить окончательно» (Курсив наш. Я. З.)¹⁾.

Сделав из этой посылки в отношении маленьких государств вывод в пользу прямого народовластия²⁾, да и то с оговоркой, что нельзя собирать народ по каждому мелкому поводу³⁾, Руссо в отношении больших государств высказывается в пользу того, что он называет «избирательной аристократией»⁴⁾, и полагает, что «благонамеренные правители» всегда смогут и не собирая народ определить общую волю, так как она всегда «за то мнение, которое наиболее благоприятно для общественных интересов... Таким образом, чтобы определить общую волю, достаточно быть справедливым»⁵⁾. Это означало, что высказавшись в теории против представительной системы, Руссо на практике ее все же расценивал, как наилучшую для обширного государства.

Как известно, монтаньяры вполне восприняли это противоречие своего учителя. В этом отношении ярчайшим примером может послужить их главный теоретик — Сен-Жюст, который в теоретической части своей речи о конституции 24 апреля 1793 г. утверждал, что, «когда я говорю о народном представительстве, я не имею в виду представительства суверенитета»⁶⁾, что не помешало ему, однако, в предложенном им проекте конституции утверждать что конституция Франции должна быть представительной, и рассматривать Национальное Собрание как народное представительство, ничем не ограничивая при этом понятия представительства⁷⁾.

Линия рассуждений «бешеных» была совершенно иной. Исходя из того же самого, приведенного нами выше, теоретического рассуждения Руссо, они и на практике не отходят от него, а, напротив того, строят всю свою политическую программу на строгом соблюдении принятого ими принципиального положения. Неудивительно, что полученные ими выводы сильно отличаются от выводов монтаньяров.

Эта характерная черта политической программы «бешеных» заметна уже у Леклера, вообще говоря довольно мало интересующегося вопросами теории. «Прежде всего помни, — говорит, обращаясь к народу, Леклер, — что представляемый народ не является свободным, и поэтому не расточай слишком щедро титул представителей, которым ты всегда украшаешь начала твоих петиций. Воля не может быть представляема; те, кого ты выбрал, могут издавать законы, только согласные с твоей волей»⁸⁾.

В совершенно аналогичном с Леклером духе высказывается и Жак Ру: «В самом деле — деспотизм, существующий при управлении нескольких, т.-е. сенаторский деспотизм, столь же страшен как и скипетр королей, так как он стремится заковать в цепи ничего не подозревающий народ и так как

1) Jean Jacques Rousseau, «Du contrat social», livre III, chap. XV; «Oeuvres complètes de J. J. Rousseau», изд. 1839 г., т. IV, p. 385.

2) Ibidem, p. 387; livre III, chap. IV; «Oeuvres», т. IV, p. 363.

3) «De l'économie politique», «Oeuvres», т. IV, p. 229; «Du contrat social», livre III, chap. IV; «Oeuvres», т. IV, p. 363.

4) «Du contrat social», livre III, chap. V; «Oeuvres», т. IV, p. 364 — 365.

5) «De l'économie politique», «Oeuvres», т. IV, p. 230 — 231.

6) «Archives parlementaires», т. LXIII, p. 204.

7) 1 partie, chap. 1, art. 1: «La France est une République, sa Constitution est représentative». Ibidem, art. 4: «Le peuple français est représenté par une Assemblée nationale qui fait les lois», «Archives parlementaires», т. LXIII, p. 205.

8) «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», № XIII, p. 4.

в этих случаях народ оказывается унижен и угнетен законами, которые якобы издал он сам... Так как осуществление суверенитета делегируется лишь в интересах того, кто его делегирует, нельзя потерпеть, чтобы глубоко развращенные законодатели... хоть на минуту забывали, что их долгом является справляться с волей народа, оставаться ему верными и привести его к спасению» (Курсив наш. Я. З.)¹⁾.

Идеи, которые у Леклера и Жака Ру только намечены, находят себе дальнейшее развитие у Варле, не ограничивающегося общей формулировкой тех же самых, свойственных всем «бешеным», принципов, но и рисуящего полную и подробную картину предлагаемого им политического строя Франции.

В своем «Проекте специального и императивного мандата представителям народа в Национальном Конвенте», написанном осенью 1792 г., Варле прежде всего останавливается на доказательстве того, что избираемые в Конвент депутаты должны быть снабжены специальными мандатами, следование которым должно быть для них обязательным.

«В государстве, в котором народ является всем, первым актом его суверенитета является избрать депутатов, а вторым—определить их полномочия и мандаты... Не может быть депутатов без полномочий и мандатов—этот принцип обезопасит нас от тирании законодателей; этот принцип настолько важен, что он должен быть внесен в Декларацию прав человека и гражданина...»²⁾.

Можно было бы подумать, что, устанавливая обязательность императивного мандата, Варле имеет в виду только депутатов Национального Конвента, т. е. собрания, наделенного не только законодательными, но и учредительными функциями. Но дальнейшие абзацы «Проекта специального и императивного мандата» совершенно устраняют возможность подобного толкования:

«Вы прибавите,—говорит Варле, обращаясь к депутатам Национального Конвента,— к Декларации прав человека следующий важный пункт: народный суверенитет заключается в том естественном праве, которые имеют граждане, объединенные в собрания, избирать без всяких посредников всех без исключения должностных лиц, обсуждать свои интересы и определять мандаты депутатов, которых они избирают для издания законов» (Курсив наш. Я. З.)³⁾.

В полном соответствии с этими принципами находится и следующее место составленной Варле «Торжественной декларации прав человека в общественном состоянии»:

«Раньше, во время монархии, признавали существование депутатов, наделенных неограниченными полномочиями и все время подменявших общую и безошибочную волю своей собственной системой и своей индивидуальной волей. Это и понятно, так как под управлением короля народ является поданным. Но в республике дело меняется: здесь депутаты являются ничем иным, как подчиненными делегатами, полномочия которых отражают волю и намерения их избирателей. Когда территория очень обширна, а население многочисленно, суверен, не имеющий возможности непосредственно выразить свою волю, сообщает свои намерения своим уполномоченным. Собравшись вместе, эти уполномоченные, в задачу которых входит выяснить намерения их доверителей, расшифровывают

1) «Discours sur le jugement de Louis le dernier», p. 5—6.

2) «Projet d'un mandat spécial et impératif». „Archives parlementaires“, t. LIV, p. 719.

3) Ibid., p. 721.

их желания (recensent leurs vœux), и таким образом создается общая воля» (Курсив наш. Я. З.)¹⁾.

Подчеркнутые нами слова показывают, каким образом «бешеные» (ибо мы видели, что Варле только более подробно расшифровывает мысли, высказываемые также Леклером и Жаком Ру), вышли из того противоречия, жертвой которого сделались и сам Руссо, и его ортодоксальные последователи—монтаньяры: при невозможности непосредственного изъяснения общей воли суверенного народа они также признают представительную систему, но лишь при том условии, чтобы народные представители были наделены специальными и императивными мандатами, в духе которых они обязаны действовать. Нет надобности говорить, что это общее положение «бешеных» не только придает намеченному ими проекту конституции характер, принципиально отличный от конституции монтаньяров, но и приводит их к ряду практических предложений, оставляющих далеко позади прославленный демократизм конституции 1793 года.

Рассмотрение конкретных политических требований «бешеных» мы начнем с той части их, которые не отличаются от политической программы монтаньяров и в общем и целом предугадывают то, что было затем осуществлено в виде конституции 1793 года. Это, прежде всего, относится к общей характеристике политического строя и организации законодательной власти.

«Вы пересмотрите конституцию (подразумевается 1791 г. Я. З.) во всех тех частях ее, которые ограничивают свободное осуществление нашего суверенитета,—говорит Варле в своем «Проекте специального и императивного мандата», обращаясь к будущим членам Национального Конвента.—Мы требуем демократической конституции, которая могла бы смело выдержать сравнение с Декларацией прав человека. Это означает не только конституцию без королевской власти, но и без диктаторов, сенаторов, триумвиров или каких бы то ни было правителей, под именем наименованием обещенных теми же самыми полномочиями. Вы не измените тех статей конституции (1791 г. Я. З.), которые устанавливают непрерывность заседаний и нераздельность Палаты, двухлетний срок²⁾ полномочий депутатов и их общее число. Вы сохраните разделение Франции на 83 департамента»³⁾.

Довольно близко к программе монтаньяров, осуществленной впоследствии в виде конституции 1793 года, подходит и предлагаемая Варле организация исполнительной власти.

«Исполнение законов будет отныне поручено исполнительной комиссии, составленной из сменяемых должностных лиц, немногочисленных и обязанных в определенное время отчетностью⁴⁾. Должность представителя исполнительной комиссии будут исполнять все ее члены по очереди»⁵⁾.

«Вы установите, что министры будут смещаться по требованию общественного мнения народа⁶⁾ и будут подлежать переизбранию каждые два

1) «Déclaration solennelle des droits de l'homme dans l'état social», p. 5. В этом же духе составлен и § 24 декларации (Ibidem, p. 21).

2) По конституции 1793 г. (ст. 40) Избирательный Корпус должен был избираться на один год.

3) «Projet d'un mandat spécial et impératif». „Archives parlementaires“, t. LIV, p. 721.

4) Конституция 1793 г. фиксировала число членов Исполнительного Совета в 24 (ст. 62) и не предусматривала их отчетности.

5) Вопрос о председателе Исполнит. Совета конституцией 1793 г. не предусматривался.

6) По конституции 1793 г. (ст. 71) члены Исполн. Совета были ответственны только за преступления по должности и только перед Законод. Корпусом.

года. К этому времени Исполнительный Корпус будет обязан рассылать по всем первичным собраниям список кандидатов»¹⁾.

Если оставить в стороне отдельные частности, в которых проект Варле был более демократичен, нежели то, что было впоследствии осуществлено монтаньярами, то можно констатировать, что, в общем и целом, особенно крупных разногласий здесь не имеется. Но на ряду с этим нельзя обойти молчанием те моменты, в которых предложения Варле решительно разнятся от политической программы монтаньяров.

Это прежде всего относится к вопросу об ответственности депутатов. В то время как конституция 1793 г. предусматривает иммунитет депутатов в отношении высказываемых ими в стенах Законодательного Корпуса мнений (ст. 43) и допускает их предание суду только за преступления, да и то лишь с согласия Законодательного Корпуса (ст. 44), Варле требует установления смертной казни для депутатов, «предавших интересы их избирателей»²⁾, что, само собой разумеется, несравненно шире понятия преступления. Кроме того, Варле предусматривает наказание депутатов, «вышедших за пределы предоставленных им полномочий»³⁾, и, что самое главное, допускает возможность их отзыва избирателями⁴⁾. Все это естественно вытекает из ранее рассмотренной нами концепции Варле о взаимоотношениях депутатов и их избирателей и представляет не что иное, как практические выводы из этой концепции.

Другое важное отличие политического идеала «бешеных» от политической программы монтаньяров заключается в том, что в то время, как конституция 1796 г. строит Францию как государство строго-централизованное⁵⁾, «бешеные» мыслили себе организацию республики на началах более близких к тому, что мы теперь называем демократическим централизмом. В самом деле, настаивая на сохранении разделения Франции на 83 департамента, Варле мотивирует это тем, что «в этом делении мы найдем наилучшее средство для того, чтобы сохранить в национальном единстве все свободные части Франции и соединить в едином центре активности все мероприятия, оживляющие великое государство»⁶⁾. «Если именно это называют республикой,—продолжает далее Варле,—то я высказываюсь за республику»⁷⁾.

На ряду с этими двумя основными отличиями политических требований «бешеных» от осуществленной в виде конституции 1793 г. программы монтаньяров, чрезвычайно важно отметить еще предлагаемое ими о т д е л е н и е церкви от государства⁸⁾, о чем мы уже говорили, и запрещение совместительства должностей. «Две должности,—говорит по этому поводу Варле,—не могут быть хорошо отправляемы одним и тем же лицом; вы установите, что оно должно будет выбрать какую-нибудь одну»⁹⁾.

Подведем теперь некоторые итоги. Исходя, подобно монтаньярам, из теории Руссо о народном суверенитете, «бешеные» на основе этой теории строят целую систему предложений, в своей совокупности представляющих

¹⁾ «Projet d'un mandat spécial et impératif», «Archives parlementaires», t. LIV, p. 721. По конституции 1793 г. (ст. 63) кандидаты в члены Исполн. Совета назначались первичными собраниями (по одному от департамента). Из этих кандидатов Зак. Корпус должен был выбрать 24 членов Совета.

²⁾ «Projet d'un mandat spécial et impératif», «Archives parlementaires», t. LIV, p. 721

³⁾ Ibidem, p. 721.

⁴⁾ Ibidem, p. 721.

⁵⁾ Ст. 83 конституции 1793 г. гласит: «Законодательный Корпус определяет функции муниципальных должностных лиц и администраторов, а также правила их субординации и те взыскания, каким они могут быть подвергнуты».

⁶⁾ «Projet d'un mandat spécial et impératif», «Archives parlementaires», t. LIV, p. 721.

⁷⁾ Ibidem, p. 721.

⁸⁾ Ibidem, p. 721.

⁹⁾ Ibidem, p. 721.

разработанный план нового государственного устройства Франции. В то время как монтаньяры, идя по стопам своего учителя—Руссо, не смеиваются сделать на практике тех выводов, которые логически вытекают из примененной ими теоретической посылки о непредставляемости народного суверенитета, «бешеные» не останавливаются перед этими выводами и приходят этим путем к своей системе «специального и императивного мандата» для народных представителей. На ряду с этим они вырабатывают целую программу демократических мероприятий (построение Франции на началах, близких к демократическому централизму, право отзыва депутатов, отделение церкви от государства, запрещение совместительства государственных должностей), идущих значительно дальше того, что было осуществлено в виде конституции 1793 года. Таким образом, в этой части своей идеологии «бешеные», оставаясь в общем и целом на почве идеологии монтаньяров, по ряду отдельных пунктов идут, однако, несравненно дальше их и углубляют понятие буржуазной демократии до тех пределов, за которыми начинается уже ее перерастание в демократию пролетарскую. Таким образом, анализ политических взглядов «бешеных» целиком подтверждает тот вывод, который был получен нами уже при анализе их экономических воззрений и сквозь мелкобуржуазную оболочку руссоистских построений Варле мы также естественно чувствуем дыхание зарождающегося рабочего класса, как чувствуем его и в проекте Леклера о национализации торговли предметами первой необходимости.

IV. Заключение.

Мы рассмотрели отдельные стороны идеологии «бешеных»¹⁾ и должны теперь подвести итог, дав ее общую характеристику и выяснив ее историческое значение.

Первое, что следует сделать, характеризуя идеологию «бешеных» в ее целом,—это подчеркнуть, что, поскольку «бешеные» твердо и решительно стояли на точке зрения сохранения права собственности вообще и на средства производства в частности, идеологию их ни в коем случае нельзя определять как идеологию социалистическую или, тем более, коммунистическую. Нельзя точно так же, как это делает Кропоткин²⁾, говорить о наличии у «бешеных» «коммунизма потребления», ибо как проект национализации торговли Леклера, так и принцип Варле, «каждому по его заслугам», предполагают индивидуальное, а отнюдь не обобществленное потребление. Вот почему левенда о минимуме социализме или коммунизме «бешеных» должна быть раз и навсегда выброшена из марксистской историографии Великой Французской революции.

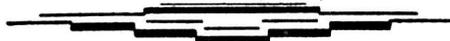
Но можно ли на этом основании впасть в другую крайность и говорить, как это, например, делает Ц. Фридлянд, что «идеи, высказанные Жаком Ру, являющиеся лишь частью якобинской идеологии. В них нет ничего, что было бы им чуждо»³⁾. Рассматривая отдельные стороны идеологии «бешеных», мы все время подчеркивали, что огромное большинство их взглядов совершенно идентично с взглядами монтаньяров, и объясняли это тем, что неуспевший еще экономически отделиться от мелкой буржуазии рабочий класс Франции конца XVIII века тем более не успел отделиться от нее идеологически. Но значит ли это, что взгляды «бешеных» могут быть сведены целиком и без остатка, к взглядам монтаньяров? Отнюдь нет.

¹⁾ О социальных взглядах «бешеных» см. нашу статью, напечатанную в № 9—10 «Под Знаменем Марксизма» за 1928 г.

²⁾ Кропоткин, Великая Французская революция, изд. 1918 г., стр. 486.

³⁾ Ц. Фридлянд, Классовая борьба в июне—июле 1793 г., — «История Марксизма», т. II, стр. 195.

Изучая идеологию «бешеных», мы нашли в ней ряд отдельных моментов (политические взгляды Варле, проект Леклера о национализации торговли, предложение Жака Ру об изгнании богатых из армии, проект Варле об организации «communaute»), которые не только не могут быть сведены к взглядам монтаньяров, но, напротив того, составляют значительный шаг вперед, в направлении такого углубления эгалитаризма, при котором он уже непосредственно граничит с социализмом ¹⁾. И если, как мы только что установили, идеологию «бешеных» ни в каком случае нельзя называть социалистической и, тем более, коммунистической, то, с другой стороны, так же несомненно, что та углубленная степень эгалитаризма, которую мы находим у Жака Ру, Варле и Леклера, составляет ступень, непосредственно предшествующую социализму. И если мы среди различных социальных систем XVIII века встречаем системы, стоящие на гораздо более высокой ступени развития, чем социальная система «бешеных» (взять хотя бы систему Морелли), то нужно помнить, что, как это почти общепризнанно в марксистской историографии ²⁾, системы эти среди социальных низов того времени никакого успеха не имели. Это дает нам право утверждать, что именно учение «бешеных», а не учение Морелли было непосредственным предшественником позднейшей социалистической идеологии рабочего класса, и в этом, думается нам, и заключается то основное историческое значение идеологии «бешеных», на которое еще в 1845 г. намекал Маркс ³⁾.

¹⁾ В нашей статье «Социальные взгляды бешеных» («Под Знаменем Марксизма» 1928 г., № 9—10, стр. 163) мы говорили о наличии в идеологии «бешеных» отдельных элементов социализма». Ныне, еще раз обдумав этот вопрос, мы считаем более правильным говорить не об отдельных элементах социализма, а об углубленном эгалитаризме, непосредственно граничащем с социализмом». О различии между эгалитаризмом и социализмом и о перерастании эгалитаризма в социализм. статью В. П. Волгина «Эгалитаризм и социализм» в кн. 29 (5) «Вестника Коммунистической Академии».

²⁾ Ср. В. П. Волгин, История социалистических идей, т. I, стр. 193.

³⁾ „Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels und F. Lassalle“, В. II, S. 225.

Всесоюзное совещание обществ воинствующих материалистов-диалектиков.

Совещание по поручению правления общества было открыто тов. Н. А. Карыми. В порядке дня—доклад А. М. Деборина о задачах общества и доклады с мест. Президиум был избран в составе тт. Деборина, Карева, Левита, Митина, Юрица, Тьянскокого и Степового. После утверждения регламента слово получил А. М. Деборин.

А. М. Деборин.— Товарищи! В ряду наших организаций Общество воинствующих материалистов-диалектиков занимает особое место. Мы предполагали сначала на этом нашем совещании поставить теоретический доклад о положении на идеологическом фронте вообще и о роли Общества воинствующих материалистов на этом фронте, в частности. Но, при создавшейся в результате конференции марксистско-ленинских учреждений ситуации, необходимость в таком докладе отпадает. Поэтому мы несколько изменили характер настоящего совещания и характер самого моего доклада. Само собой разумеется, что у нас нет сейчас необходимости возвращаться к теоретическим вопросам и спорам, тем более что в нашей собственной среде здесь разногласий вообще никаких по основным вопросам нет. В силу этого мой доклад будет преследовать, главным образом, организационные цели, и только для освещения общего положения вещей в настоящий момент мне придется сделать краткий экскурс в область истории нашего Общества воинствующих материалистов, потому что не все товарищи, вероятно, достаточно осведомлены о различных этапах, которые в своем развитии пришлось проделать нашему Обществу.

Первое Общество воинствующих материалистов организовалось в июне 1924 года. Тогда был выработан соответствующий устав. В уставе, само собой разумеется, говорилось о необходимости борьбы за диалектический материализм. Но мы тогда, быть может, были слишком либеральны в смысле приема членов в Общество воинствующих материалистов, хотя в состав правления входил из внешних механистов, кажется, только один Тимирязев. Но работа Общества протекала в нескольких иных формах и темпах, нежели она протекает сейчас. Тогда считалось необходимым—и это до известной степени было правильно—привлечь в Общество воинствующих материалистов прежде всего всех тех, кто стоит на почве материализма вообще. В особенности эта уступка делалась по отношению к естественникам, и это делалось тогда совершенно правильно, потому что надо прежде всего привлечь во внимание тогдашнее положение у нас на теоретическом фронте: научно-исследовательских учреждений у нас не было или почти не было, отдельных обществ, которые бы объединяли естественников, таких, какие мы в настоящее время имеем, тоже не было. Общество воинствующих материалистов являлось в известном смысле пионером на этом фронте,—в смысле мобилизации ряд, примыкающих к марксизму, даже только к материализму. Мы можем сказать, что в общество тогда входили лица, которых мы за последовательных марксистов считать не можем. Но тогда представлялось ценным иметь в своей среде естественников-материалистов или идущих к материализму. Нам казалось, что нам удастся

толкнуть их в сторону марксизма. Но, через некоторое время, в особенности, в связи с спорами, возникшими вокруг произведений покойного Степанова, у нас, в самом Обществе, возникли разногласия, и надо сказать, что Общество воинствующих материалистов совместно с Институтом философии играло тогда чрезвычайно большую роль в деле борьбы за диалектический материализм. Когда обнаружилось все эти разногласия, в Обществе был поставлен ряд докладов по «Диалектике природы», и тогда выяснилось, что в Обществе имеются элементы, с которыми нам не по дороге. Общество воинствующих материалистов сыграло большую историческую роль в деле отмежевания диалектических материалистов от механических материалистов.

У меня имеются соответствующие материалы. В условиях нынешней обстановки они чрезвычайно красноречивы и чрезвычайно интересны. У меня есть известная переписка Общества воинствующих материалистов со Степановым по поводу проблем диалектического материализма. В этой переписке Степанов не говорит даже о материализме, а по преимуществу выплывает механическое мировоззрение. И, тем не менее, он делал упрек руководящему центру Общества воинствующих материалистов в том, что мы стремимся якобы подменить материализм Маркса и Энгельса идеализмом Гегеля. В связи с этим, мы тогда в Обществе воинствующих материалистов решили, в целях отмежевания, с одной стороны, от механического материализма, с другой стороны—в целях уточнения нашей позиции, принять соответствующую декларацию.

Мы тогда предложили декларацию, в которой говорилось, что—Общество воинствующих материалистов с самого своего возникновения в 1924 году ставило своей задачей неуклонную борьбу за диалектический материализм против религиозного мракобесия, идеализма и ревизионизма всех видов и направлений...

С момента своего возникновения ОВМ считало целью своей деятельности выполнение тех задач, которые были наменены тов. Лениным в его статье «О значении воинствующего материализма»... Важнейшим из указаний Ленина, sintetизировавшим удовлетворение потребностей революционной теории Общества в современном естествознании, было требование организовать систематическое изучение гегелевской диалектики с точки зрения марксизма.

Поэтому перед лицом тех, кто третирует изучение материалистической диалектики как схоластику, а диалектику рассматривает как второстепенную, несущественную часть марксистского мировоззрения, как «прилагательное», вопреки самой сущности диалектического материализма; перед лицом тех, кто возрождает преодоленное Марксом, Энгельсом и Лениным механическое миропонимание, цепляясь за механистические предрассудки современной науки, вопреки диалектическому характеру достижений современного естествознания; перед лицом тех, кто отрицает значение и роль философии марксизма, как мировоззрения и метода для всех областей знания,—ОВМ считает своей задачей основное внимание на ближайший период времени обратить на борьбу за материалистическую диалектику против отвергающего ее ревизионизма»...

Такая невинная, так сказать, по существу декларация вызвала целую бурю в лагере механистов, и отсюда началась знаменитая переписка Степанова с Обществом. Существует целый ряд писем, в которых Степанов категорически протестовал против принятия этой декларации, и надо сказать, что мы никогда не становились на точку зрения какого бы то ни было насильственного отсечения или откола тех или иных товарищей. Мы никого не исключали из Общества воинствующих материалистов, а мы только предложили принять эту декларацию для того, чтобы Общество выявило свое лицо. Этого было вполне достаточно, чтобы нынешние и тогдашние механисты подняли шум, обвинили нас в идеализме, гегельянстве и проч. и категорически отказались принять эту декларацию, чем и поставили себя, разумеется, вне Общества воинствующих материалистов.

Дальнейшее развитие Общества воинствующих материалистов характеризуется следующими этапами. Первый этап развития Общества воинствующих ма-

териалистов заключался, главным образом, в борьбе не столько за диалектический материализм, сколько за материализм вообще. В силу создавшегося тогда положения, молодые товарищи решили в противовес старому Обществу воинствующих материалистов создать новое Общество—это заслуга молодых товарищей,—которое подчеркивало бы характер нашей установки в сторону пропаганды и разработки материалистической диалектики. Поэтому они назвали это новое Общество «Обществом материалистических друзей гегелевской диалектики, следуя заветам Ленина. Таким образом, наряду со старым Обществом воинствующих материалистов, организовалось второе общество—Общество материалистических друзей гегелевской диалектики, которое сразу стало на совершенно правильную позицию марксизма-ленинизма. Молодое Общество казалось до такой степени жизнеспособным, до такой степени активным, что через короткое время встал вопрос о необходимости слияния этих двух обществ, слияния остатков старого Общества воинствующих материалистов с Обществом материалистических друзей гегелевской диалектики. Это Общество было организовано уже в 1928 году под названием Общества воинствующих материалистов-диалектиков. Общество разработало новый устав. Затем оно приняло обращение ко всем товарищам-марксистам: «Уже давно назрела необходимость создания боевого централизованного, единого монолитного, широкого объединения марксистских сил, ставящих своей задачей разработку, пропаганду и защиту диалектического материализма». Затем говорится о мелкобуржуазной, кулацкой и проч. идеологии и говорится так: «Выстраивающемуся против нас идеологическому фронту, всем открыто антимарксистским, ревизионистским выступлениям—мы должны противопоставить сплоченный, боевой воинствующий марксистско-ленинский фронт».

Всяким шатаниям в области теории, всяким ревизионистским поползновениям в каких бы утонченных формах они ни проявлялись, всяким откровенно антимарксистским выступлениями «дипломированных лакеев поповщины», всем тем, кто в разных областях науки выполняет «социальный заказ» кулака, работает на потребу нэпмана, антисоветского буржуазного спеца, обывателя, мещанина—нужно дать отпор с точки зрения боевой подлинно-научной теории марксизма».

Дальше говорится, что—«Общество ставит своей задачей стать боевой организацией в области теории, в области борьбы с религией, за атеизм, за последовательно-материалистическое мирозерцание».

Ближайшая задача Общества состоит в том, чтобы расширить влияние марксизма в рабочих и партийных массах, подготовить в районах на крупных предприятиях, в вузах и т. д. кадры активных борцов за диалектический материализм. Общий культурный и политический рост масс, массовое распространение марксистских знаний, общее усиление активности и энергии пролетариата является основанием для развертывания этой работы».

Вот, собственно говоря, цель нашего Общества, его идейная физиономия и его основные задачи. Ко времени образования Общества у нас вырос целый ряд научных и исследовательских институтов и организаций, скажем Институт философии при РАНИОН'е и Коммунистической Академии и другие организации. С другой стороны, у нас в Москве параллельно и в полном контакте с нами,—потому что те товарищи, которые вступали на путь организации отдельных обществ—это наши испытанные товарищи диалектики-материалисты (я имею в виду естественников, главным образом),—за это время успели организовать очень прочные организации по всем специальностям. Помимо научно-исследовательских институтов, мы имеем такие Общества, как общество биологов-материалистов, общество врачей-материалистов, физиков-материалистов и психоневролог-материалистов.

Каково же теперь положение в ряду всех организаций, обществ и т. д. нашего Общества воинствующих материалистов? Какое место оно занимает и какие задачи это Общество должно себе ставить? И вот, нам казалось, что как раз та

формулировка, которую я привел из обращения нашего Общества воинствующих материалистов, показывает, как мы мыслим себе работу Общества воинствующих материалистов. Мы говорим, что Общество воинствующих материалистов должно быть идейно-монологичным, поэтому мы в это Общество механистов не принимаем. Что же касается наших научно-исследовательских организаций—это совершенно другое дело. Это организации, прежде всего, государственные, и задачи преследуются там совершенно другие. Поэтому, например, в составе Института философии мы имеем представителей механистов, мы имеем также Тимирязева, который, как известно, философом ни в какой степени не является, а является физиком. То же самое, но еще в большей степени, должны допускать Общества биологов и врачей-материалистов, психоневрологов и т. д. Только механисты нам приписывают совершенно нелепую установку, что они, видите ли, работают и хотят работать с механистами-естественниками беспартийными, а мы будто бы с ними не работаем. Факты доказывают прямо-противоположное. Факт, что десятки, а, вероятно, и сотни (Голоса: Правильно!) беспартийных ученых объединяют как раз наши общества, работают с нами.

Таким образом, у нас создались с одной стороны, научные институты, с другой стороны—общества. Общество воинствующих материалистов в ряду всех этих учреждений и исторически и по самому своему положению, которое оно должно занять среди этих учреждений, является монологичной, единой в идейном отношении организацией. Это—первое.

Второе—каковы задачи этого Общества? Мы с самого начала решили, что, по крайней мере, в наших условиях, научно-исследовательская работа не может являться основной задачей Общества, в виду наличия специальных институтов. Конечно, это опять-таки зависит от условий места и времени. Но, во всяком случае, не это является основной задачей, а прежде всего основной задачей является боевое обсуждение проблем, которые выдвигаются ходом нашей борьбы на идеологическом фронте, будет ли эта борьба вообще с антимарксистскими течениями, враждебными марксизму, или течениями ревизионистскими—все равно.

Мы говорим, что Общество воинствующих материалистов, это—боевая организация. Иногда я выражаюсь так, что это—«легкая кавалерия» в отличие от той «артиллерии», из которой приходится стрелять в наших научных институтах и т. д. Это—«легкая кавалерия», которая должна быть подвижной организацией, быстро отзываться и быстро давать ответ на все то, что выдвигается ходом нашей борьбы.

Вот в нескольких словах,—время, как вы знаете, у меня ограничено,—вы знаете, что по этому вопросу можно было бы очень много сказать,—вот основное в задачах нашего Общества. Основную цель, которую мы преследуем, это выдержанность, стопроцентная выдержанность наших Обществ. В этом—основное. Мы хотим иметь хотя бы одну организацию, которая была бы в марксистском смысле выдержанной до конца, как говорится на все 100 проц. Надо решительно подчеркнуть, что, вероятно, в настоящее время в связи с принятой формой может произойти некоторое перекрашивание чуждых нам элементов в защитный цвет; мы стоим поэтому перед необходимостью сугубой осторожности в отношении приема новых членов в Общества на местах и перед необходимостью проверки состава нынешних обществ. Потому что, надо сказать,—в пределах нашей Союзу организован целый ряд отделений на местах, организовываются группы, и вот, в связи с этим колоссальным движением, мы получаем с мест спуска с именами членов Общества, но не знаем, что это за имена, что это за лица. А следует предупредить, что мы должны быть в этом отношении чрезвычайно строгими и осторожными, и это не только в отношении приема новых членов. Кроме того, выдвигается также необходимость проверки состава нынешних обществ. Повидимому, мы стоим перед необходимостью проверки состава. И, если окажется, что в силу тех или иных случайных причин, к нам проникли люди совершенно неподходящие, то, само собой разумеется, мы пойдем по пути их отсеяния. Вот, то

вариант, какой основной вопрос перед нами выдвигается—проверка состава и крайняя осторожность в приеме новых членов.

Затем, товарищи, я должен затронуть вопрос, который касается не столько Москвы, сколько, мне кажется, мест.

Мы должны указать и подчеркнуть чрезвычайно важное и интересное явление: Общество воинствующих материалистов в целом ряде мест становится единственным центром, единственной организацией местных научных сил, с одной стороны, местных сил марксистских, с другой стороны. Поэтому здесь выдвигается серьезная проблема, которую я тоже предлагаю обсудить. Это—проблема чисто-тактическая. Если у нас в центре произошла дифференциация, вполне ясная, определенная, то на местах дело гораздо сложнее и запутаннее. В иных местах существуют так называемые научные общества марксистов, которые подчас не являются настоящими обществами марксистов. Я считаю, что мы должны идти по пути создания отделений Общества воинствующих материалистов-диалектиков, чтобы эти отделения сделать исходными пунктами, центральными, самостоятельными организациями. Но здесь надо соблюдать крайнюю осторожность в том смысле, чтобы не разрушать того, что есть хорошего. Для этого нужно уметь вести умную политику, не просто разрушать, а в иных местах вести политику в смысле завоевания этих обществ, создавая собственную организацию Общества воинствующих материалистов и привлекая туда лучшие силы. Но есть другие места, в которых, быть может, эти научные общества марксистов просто надо игнорировать, если они для нас не представляют никакой ценности. На местах, в особенности в более или менее глухих местах, нам нужна гибкая тактика, ибо Общества воинствующих материалистов на местах должны включать в свою среду, скажем, беспартийных естественников-материалистов. Отталкивать их было бы неправильно. Нужно вести тактику гибкую, умелую, и, конечно, не отталкивать те силы, которые представляют для нас ценность, и, вместе с тем, всегда помнить о том, что мы своего лица, своего знамени ни на столечко не сдадим. Все это вы будете обсуждать. Нам прежде всего интересно выслушать вас, представителей с мест, и представителей национальных республик. Так как организация наша чрезвычайно разрослась, перед нами встают два вопроса. С одной стороны, вопрос о создании всесоюзного центра Общества.

Вместе с тем, выдвигается, конечно, и другой вопрос, о необходимости иметь Обществу воинствующих материалистов свой специальный орган, т. е. не теоретический орган, потому что теоретических органов у нас вполне достаточно, ибо, если, напр., «Под Знаменем Марксизма» не является официальным органом Общества воинствующих материалистов, то он фактически является органом Общества воинствующих материалистов. (М. Левин: То же самое и «Естествознание и Марксизм».)

Да, точно так же и «Естествознание и Марксизм». Так что у нас такие органы имеются. Но нам нужно иметь какой-то специальный орган, в виде бюллетеня, что ли, который прежде всего информировал бы о положении дел, потому что в Харькове не знают, что делается в Иваново-Вознесенске, а в Иваново-Вознесенске не знают, что делается в Харькове и Киеве.

Я не затронул целый ряд вопросов, не затронул и кардинального вопроса. Я не затронул еще вопроса о связи Общества воинствующих материалистов с широкими массами. За последнее время мы развили здесь сравнительно большую работу в смысле постановки кружков, создания групп содействия, в смысле проникновения в рабочие массы, в смысле постановки там докладов, для партактива и т. д.

Стадо быть, Общество воинствующих материалистов является еще специальной организацией, которая ставит себе целью проникновение в массы, соприкосновение с широкими массами, внесения туда идей диалектического материализма. Нет никакого сомнения, что Обществу воинствующих материалистов принадлежит

огромная будущность, товарищи. Я уже говорил, что на местах эти общества являются иногда единственными научно-исследовательскими ячейками, действующими под руководством партийных организаций.

В надежде на то, что мы все эти задачи, если не сегодня, конечно, потому что это вообще задачи не для сегодняшнего только дня,—а вообще в ходе нашей работы,—осуществим, в надежде на осуществление всех поставленных перед нами задач и разрешите закончить мой доклад и просить вас высказаться по всем затронутым вопросам. (Аплодисменты.)

Председатель.—Теперь мы перейдем к содокладу тов. Митина об организационной работе временного правления, а потом откроем прения.

Митин.—Тов. Деборин мне значительно облегчил задачу и я долго вашего внимания задерживать не буду. Я только хочу дополнить те общие соображения о работе и о задачах Общества воинствующих материалистов-диалектиков, которые здесь выдвигал тов. Деборин. В частности, я хочу затронуть вопрос о той практической работе, которую проделало правление Общества за истекший период, за те 3—4 месяца, в течение которых оно вело работу. Должен сказать, что первая задача, которая была перед нами поставлена, когда мы сорганизовались, это была задача определить свое лицо. Как всем вам известно, мы это сделали в виде опубликования обращения Общества и устава. Я должен буду здесь сообщить вам и это, вероятно, будет новостью, хотя вы являетесь представителями мест, что в ответ на это обращение мы получили колоссальное количество откликов. До 60 писем с мест мы получили из разных районов. Особенно много откликов с Украины. Мы получили письма из самых отдаленных мест нашей страны, как, например, с Мурманской жел. дор., Проскуровского округа, Ходжента и т. д. В этих откликах на обращение правления ОВМД высказывалось желание работать, проводить идеи Общества, высказывались желания организоваться как группы содействия и в крупных центрах организоваться как отделения общества. Если взять эти отклики то их можно разбить на три части: отклики индивидуальные. Пишут отдельные товарищи. Они ставят правлению Общества целый ряд вопросов по практическим вопросам, по теоретическим вопросам и т. д. Затем идут коллективные отклики в виде организации местных отделений и организации групп содействия. В связи с опубликованием обращения и устава мы имели организацию общества воинствующего материализма в Иваново-Вознесенске, в Ярославле, в Омске. Организацию групп содействия в Нижнем Новгороде, в Коломне и в целом ряде мест на Украине. Первая задача, которая встает в связи с этим, следующая: поскольку имеются отделения Общества воинствующих материалистов в крупных центрах, нам нужно децентрализовать нашу работу. Нужно всем этим отдельным крупным центрам связаться со своей периферией. Центральное общество, центральное правление в Москве не может непосредственно быть связанным с такими отдаленными местами, не может нести ответственность за то, что происходит в таких местах. Вместе с тем, нужно сказать, что те широкие отклики, целое массовое движение вокруг диалектического материализма, вокруг философии пролетариата, которое возникло, несет в себе известную опасность. Эта опасность состоит в том, что чуждые нам элементы могут, прикрываясь флагом воинствующего материализма, пытаться использовать эти организации для борьбы с нами. Нужна тщательная проверка создающихся организаций.

Правление Общества организовало выезды членов правления на места. Пока мы могли обслуживать только несколько мест, при чем в первую очередь, конечно, брали не особенно крупные пункты и обслужили близ Москвы лежащие районы—Тверь, Ярославль, Иваново-Вознесенск. Все сообщения с мест говорят о том, что доклады, прочитанные на больших собраниях, имели там успех и привлекли внимание местных партийных организаций и партийный актив, а также беспартийных естественников, в Иваново-Вознесенске—инженеров и т. д.

Вот та работа, которая нами была проделана по этой линии. Теперь коротко о работе, которая проводится в Москве. Вообще в Москве задачи Общества значительно облегчаются тем, что здесь существует достаточное количество научно-исследовательских учреждений и институтов, и поэтому центр тяжести у нас должен быть перенесен не на научно-исследовательскую работу, а на широкую пропаганду, на массовую боевую работу.

Прежде всего мы имеем основную базу нашей пропагандистской работы в лице диалектического материализма, это—Воскресный университет при Институте красной профессуры. Там по воскресеньям происходят лекции, которые привлекают тысячную аудиторию. Там происходили две лекции А. М. Деборина, помещенные не вешало тогда того громадного количества лиц, которые приходили слушать. Помимо этого, мы имеем специальный повышенный философский цикл при этом Воскресном университете. Там мы готовим своей кадр активных пропагандистов идей диалектического материализма.

Кроме этой основной нашей базы, мы начали вести работу и в других местах, в частности, в Доме Ученых. Общество воинствующих материалистов организовало большой цикл лекций по основным вопросам диалектического материализма для ученых. Эти лекции тоже проходят с довольно большим успехом. Должен сказать, что мы совершенно не можем справиться с удовлетворением всех запросов. В связи с происходившей дискуссией с механистами отсюда обращались в правление Общества с тем, чтобы оно участвовало в диспуте в дискуссионных местах. Правление считало, что вопросы марксизма вообще не являются дискуссионными, и участвовать в бесконечных диспутах с механистами нет необходимости. Но, поскольку механисты проводили довольно серьезную массовую работу, приходилось на некоторые дискуссии идти. Официально правление Общества участвовало только в одной дискуссии, но во многих диспутах приходилось участвовать отдельным членам Общества.

В отношении нашей дальнейшей работы постановлениями всесоюзной конференции по существу кладется предел тому положению, когда вопросы марксизма были дискуссионными вопросами. Сейчас перед нами встает большая положительная работа. А эта большая положительная работа должна у нас проходить по очень многим направлениям. В частности, основная задача, которая сейчас стоит перед Обществом воинствующих материалистов, это—привлечь внимание к вопросам исторического материализма. На конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений тов. Деборин говорил о героических мероприятиях, которые должны быть сделаны в этом направлении. Действительно, это у нас совершенно запущенный уголок, заброшенный участок нашего фронта. Для характеристики положения можно привести такой факт: за три года на философском отделении ИКП не было ни одного семинара по историческому материализму. Этот факт сам по себе такой, который заставляет задуматься над этим вопросом. Если вопросы общей методологии достаточно разрабатываются, то сейчас нам необходимо действительно привлечь внимание к проблемам исторического материализма. Тут надо наметить целый ряд мероприятий.

Необходимо также указать на ту антирелигиозную работу, которую наше Общество начало проделывать. Мы наметили выпуск двух серий по вопросам антирелигиозной пропаганды. Из этих двух серий одна, по существу, продолжает в более широком масштабе то, что делало старое Общество воинствующих материалистов. Мы наметили большую серию по истории атеизма с изданием работ Риванстов. Мы наметили большую серию по истории атеизма с изданием работ Риванстов, начиная с самой древности. Эта серия, когда она будет закончена, будет являться весьма серьезным пособием для актива союза безбожников, вообще для ведения всей нашей антирелигиозной пропаганды. Эта серия требует большой работы. Подготовительная работа уже началась, уже намечены переводчики по целому ряду материалов, и в ближайшем 3—4 месяца мы, вероятно, будем иметь первые выпуски этой серии. Эту работу мы проводим вместе с Центральным советом Союза безбожников.

Кроме того, мы наметили другую серию, которая рассчитана на более широкие массы. Это серия по вопросам антирелигиозной пропаганды в связи с современным состоянием естествознания. В настоящее время выходит необычайно много литературы по этим вопросам, но когда начинаешь просматривать ее, оказывается, что она не всегда является выдержанной, не всегда дает нужные ответы с точки зрения современного состояния естествознания. Мы, вероятно, в ближайшем будущем будем иметь первые выпуски этой второй серии по нашей антирелигиозной пропаганде. Затем надо отметить наше участие в «Антирелигиознике», сейчас мы подбираем целый кадр товарищей, которые усленно будут проводить эту работу. Должен еще сказать следующее. Здесь, в Москве, примерно, намечалась уже схема нашей организации. Мы являемся выдержанной марксистской организацией и, как выдержанная марксистская организация, мы должны быть массовой организацией.

Вокруг нашего Общества организуются братские группы или общества, например, общество врачей-материалистов, биологов-материалистов. Эти братские общества выполняют работу по осуществлению союза с естествознанием. Помимо этого для того, чтобы запечатлеть еще более широкие кадры лиц, нам необходимо организовать целый ряд групп содействия обществу. Надо сказать, что мы забрали свои щупальцы уже на предприятия, организуем пролетарское студенчество, аспирантов. В Москве за последний месяц стихийно организовался уже целый ряд групп содействия. Уже в первый момент мы имеем группы содействия, которые насчитывают по несколько десятков человек. Мы имеем такую группу содействия в I МГУ, в Плехановском Институте и т. д. Одним словом, мы обрастаем целой серией таких групп содействия, которые позволяют нам связаться с самыми широкими массами, и подготавливать тот кадр активных борцов за диалектический материализм, о котором мы говорили на конференции. В правлении Общества разработано положение о работе групп содействия. Мы указываем на то, что эти группы содействия в данном вузе, в данном районе являются опорным пунктом, той группой, которая организует отпор всем антимарксистским выступлениям на идеологическом фронте. Мы говорим, что эти группы содействия должны также проводить работы по антирелигиозной борьбе, они непосредственно связываются с Союзом безбожников и т. д. К сожалению, за ограниченность времени я не могу указать на все линии нашей работы, которые сейчас перед нами встают. Я скажу только, что после решений второй всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений перед нами открываются широкие перспективы положительной работы, и за эту положительную работу надо будет сейчас приниматься.

Председатель.— Слово предоставляется представителю Украинского Общества воинствующих материалистов тов. Демчуку.

Демчук.— Товарищи, я сделаю краткую информацию о работе Украинского Общества воинствующих материалистов-диалектиков. Работа нашего Общества на Украине гораздо более сложна, чем здесь. Это объясняется прежде всего тем, что нам приходится работать в условиях сложного переплета идеологической борьбы,—вы знаете, конечно, о сложном национальном вопросе на Украине и о росте украинской буржуазной идеологии. Кроме того, в то время, как Москва обладает крупными силами, у нас на Украине чувствуется крайний недостаток в такого рода авторитетных марксистских силах. У нас имеется очень небольшая группа философов-марксистов, и среди них, как вы знаете, видное место занимает тов. Семковский. И вот, товарищи, как раз в 1927 году, когда пришлось начать борьбу с механистами, когда эта борьба приняла особо напряженный характер, тов. Семковский, обладая солидным авторитетом по этим вопросам на Украине, занял неясную путаную позицию. Вы знаете, вероятно, что тов. Семковский сначала выступал, и очень активно выступал, в защиту аксельродовщины. Товарищи, понятно, что молодежи в этих условиях было довольно трудно вести борьбу.

Наше общество существует с 1927 г. В основу его мы положили философские заветы тов. Ленина, об объединении философов и естествоиспытателей. Наше общество насчитывало в 1928 г.—33 философа и 11 естествоиспытателей. 1-я конференция при Ком. Академии в прошлом году отказалась от принятия философской резолюции. Это было для нас убийственно в том смысле, что нам пришлось бороться за каждое выступление, нам пришлось драться за то, что мы должны вообще существовать, но мы все-таки дожили до 2-й конференции, и 2-я конференция показала, что философская молодежь на Украине права. Это видно из выступления тов. Семковского на конференции, где он перешел на позицию «деборинской фракции», которую он раньше шельмовал. Мы считаем, что это большое достижение на философском фронте, ибо это даст большое сплочение фронта диалектического материализма на Украине.

Но все-таки,—и я это говорю от имени Украинской делегации,—мы требуем от тов. Семковского четкого, ясного, точного осуждения своих ошибок, во-первых, осуждения аксельродовщины и всех тех моментов, в которых тов. Семковский с нами расходился; во-вторых, осуждения примиренчества, которым все время тов. Семковский занимался. И тогда мы вместе будем работать над укреплением марксистской философии на Украине.

Интерес к философии сейчас на Украине очень велик. Как-то сразу пошло что-то в роде философского пробуждения, но сил у нас очень и очень мало. У нас все-таки есть экономисты, которые имеют философское образование, ибо без этого и в области экономики можно напутать, а у нас экономистов философски грамотных почти нет. Так же и в искусстве. Например, только на днях появилась на Украине книжка одного из наиболее авторитетных критиков-марксистов—тов. Коряка. Он пишет: Философия—это буржуазное дело, это поповщина. Философией могут заниматься только люди, испорченные буржуазией или те, которых буржуазия, во всяком случае, оплачивает. Таким образом, из этого примера вы видите, что нам вообще приходится еще бороться за философию. Период, так сказать, миничины у нас еще не окончен, еще не ликвидирован окончательно, ибо долгое время философией до этого у нас просто никто не интересовался. Все эти сложные условия определяют нашу работу, и, может быть, она проходит у нас в таких формах, которые у вас уже давно преобладают.

Я хочу сказать несколько слов относительно конкретной работы. Мы очень быстро реагировали на все вопросы, которые здесь возникали. Когда у вас была дискуссия в театре Мейерхольда, у нас в Институте марксизма было то же самое, с теми же самыми атрибутами, можно сказать, почти с одними и теми же выражениями. Скажу даже, что книжки Варьяша, и та, и другая, на Украине нашлись очень быстрый ответ. Как вы знаете, тов. Юринец дал оценку логике Варьяша уже давно в сборнике, который появился на украинском языке.

У нас, например, были такие доклады: 1. В. Юринец—Итоги дискуссии на философском фронте (2 собрания). 2. А. Слуцкий—Проблема качества в физике. 3. Е. Финкельштейн—Диалектика живой природы. 4. В. Юринец—Последнее слово ревизионизма (2 собрания). 5. В. Беркович—Проблема случайности (2 собрания). 6. Т. Степовой—Причинность (2 собрания). 7. Е. Попов—О рефлексологии и психологии (2 собрания). 8. В. Протопопов—Рефлексология, психология, реактология. 9. В. Ришков—Новые течения в менделеевизме. 10. В. Юринец—Логика и диалектика у тов. Варьяша (3 собрания). В порядке плановой постановки в этом году будут заслушаны следующие доклады: 1. В. Юринец—Логика и диалектика у т. Варьяша. 2. Е. Гирчак—Аксельродовщина как форма ревизии марксистской диалектики. 3. В. Беркович—Предмет материалистической диалектики. 4. Т. Степовой—Смысл. 5. В. Юринец—Теория подбора и генетика. 5. В. Юринец—Теория относительности и диалектический материализм. 6. П. Демчук—А. Слуцкий—Проблема пустоты. Кроме того, объявлены еще такие доклады: 1. В. Беркович—Проблема национальной философии. 2. П. Демчук—Категория сути. 3. Д. Нестеренко—Методология «Капитала» Маркса.

4. Ю. Овчаров—Проблема права как идеология. 5. В. Медзинский—К вопросу об отношении между психическим и физическим. 6. И. Ганбов—О взаимной связи в жизни организма. 7. И. Буланкин—Органы и функция. 8. З. Лузина—Интерпретаторы Гегеля, Розенкранц и Гайм. 9. П. Демчук—Философское творчество ВУАна. 10. Игнатюк—Идеология и социальная деятельность современного католицизма. 11. Билерчик—Проблема скачков у Гегеля. Последнее время мы работали довольно усиленно над «Конспектом Логики» Ленина: 1. Юринцев—Диалектика природы Энгельса и конспект Ленина, 2. Степовой—Гегель—Ленин. 3. Беркович—Проблема материализации логики Гегеля. 4. Демчук—Наша философская дискуссия в освещении «Конспекта Логики» Ленина.

Все это доказывает, что мы работаем вместе с естественниками. У нас нет пока отдельных обществ, о которых говорил тов. Деборин—биологов, физиков, химиков и т. д. Мы организуем только отдельные секции, но они—в Обществе. Кроме того, мы имеем кружки стихийных материалистов. Мы имеем, например, 60 врачей-материалистов, они работают отдельно, под нашим влиянием.

Особенно идет к нам студенчество. Мы должны здесь со всей энергией подчеркнуть, что, как это ни странно, но молодое, студенчество, куда больше интересуется вопросами философии и науки, нежели те наши товарищи, которые уже имеют звание профессоров.

У нас на Украине специалисты в области истории, экономики, литературы хотят обходиться своей методологией, диалектический материализм их не интересует. Из этого не следует, что у нас нет вовсе историков-марксистов, экономистов-марксистов. Нет, у нас есть кадры, но они очень малы, и они не могут всей этой работы выполнить.

Я думаю, что мы сможем на этом совещании проработать материал и подготовить почву, чтобы на следующий год нам удалось созвать Первый Всесоюзный Философский Конгресс, действительно наметить пути плановой массовой работы по пропаганде марксистской философии.

Ионов.—Я не смогу сделать сообщения относительно работы Закавказского Общества воинствующих материалистов-диалектиков по той простой причине, что у нас, собственно говоря, Закавказского Общества нет. Тем не менее, мне хочется сказать несколько слов, чтобы дать вам хотя бы приблизительное представление об особой сложности закавказской обстановки.

Далее тов. Ионов подробно излагает положение дела на идеологическом фронте в Закавказье. Кончая, тов. Ионов указывает, что месяца два тому назад было положено начало организации Общества воинствующих материалистов в Эривани и в Тифлисе. В Баку это Общество, очевидно, уже создано, или может быть, в ближайшее время будет создано. Мы поставили перед собою задачу создания Закавказского Общества воинствующих материалистов. Кое-какие силы у нас для этого уже имеются.

Я должен сказать, что большой проблемой для нас является связь с центром, с Москвой. Для нас будет играть громадное значение выезд с циклом лекций или с отдельными докладами московских товарищей, в частности—товарищей членов Общества воинствующих материалистов. Это в значительной мере поможет нашей борьбе на идеологическом фронте.

Выдра (Белоруссия).—Товарищи, я постараюсь быть возможно кратким, так как та организация и та работа, которую я буду представлять, по сравнению с той работой, которая может быть представлена другими отделениями, не особенно значительна. Однако нужно сказать, что у нас уже имеются определенные кадры, правда, чрезвычайно незначительные, которые могут вести борьбу за нашу точку зрения, за точку зрения воинствующих диалектиков-материалистов.

Я говорю исключительно о философях. Я не буду рассматривать фронты историков, литературоведов и т. д. Философов у нас имеется чрезвычайно огра-

ниченное количество, и мы сейчас объединены в так называемое Белорусское Общество марксистов, которое недавно постановило принять платформу Общества воинствующих материалистов-диалектиков и считать себя филиалом этого Общества.

Я должен сказать, что внутри и этого общества на протяжении его «истории» имелись определенные разногласия. Всем, вероятно, известно, что и в пределах Белоруссии, и даже не в пределах Белоруссии происходила дискуссия, которая вскрыла разногласия относительно точки зрения С. Я. Вольфсона по целому ряду вопросов: о диалектике, о классах и по целому ряду других, которые затрагиваются в его книге. Далее, у нас возникли разногласия в связи с взглядами тов. Быковского относительно его трактовки субстанции Спинозы и т. д. Мы не думаем скрывать наличие, или во всяком случае «историческое» наличие, этих разногласий, но, тем не менее,—я это подчеркиваю,—те философы, которые у нас имеются,—они исчисляются, конечно, единицами, а не десятками, считают, что той платформой, на которой мы можем дальше вести борьбу, является платформа борьбы за диалектический материализм против механистического материализма.

Я думаю, что те разногласия, которые были среди нас в Белоруссии в настоящий момент сгладились, в связи с особым направлением работ С. Я. Вольфсона, поскольку он, главным образом, работает сейчас в области социологии, поскольку он открыто заявляет о своем присоединении к точке зрения Общества воинствующих материалистов-диалектиков. Мы можем рассматривать в известной мере то, что имело место несколько лет тому назад, как отошедшее в область истории. Мы считаем, что положение сейчас у нас в Белорусском марксистском обществе может быть охарактеризовано таким образом, что наше Общество может стать опорным пунктом дальнейшей борьбы диалектиков-материалистов против всякого рода идеализма и против механистического воззрения. Так мы все,—белорусские философы,—расцениваем существующее положение вещей.

Нужно сказать, что Общество недавно организовалось, существует всего только полгода. Теми чрезвычайно ограниченными силами, которыми мы располагаем, большой работы мы провести не могли. Мы успели провести ряд докладов на философские темы в нашем Обществе, главным образом касающихся проблем борьбы с идеалистической социологией в Германии. Кроме того, мы издали «Марксистский сборник», который является органом нашего Общества. Мы проводим массовую работу. Та философская дискуссия, которая имела место во всем Союзе, нашла свое отражение и у нас в форме пропаганды взглядов диалектиков-материалистов против механистического мировоззрения в целом ряде лекций, которые мы проводим в нашем рабочем центре, каким является в Белоруссии—Гомель. Следует указать на то, что, благодаря нашим настояниям, при Белорусском государственном университете среди естественников, среди физиков, математиков и биологов сейчас читается курс диалектики природы. В университете есть близкие нам естественники преподаватели нашего университета, открыто заявляющие себя сторонниками материализма, или еще больше—сторонниками диалектического материализма, и принимающие участие в нашей работе. Ставятся ими такие доклады, как, например, доклад «О современных взглядах на природу пространства и времени». Таким образом, нашим философам Белоруссии, несмотря на чрезвычайно сложность работы, чрезвычайно высокую нагрузку их, приходится обслуживать огромное количество учреждений. Надо сказать, что в нашем центре имеется всего три человека, которые должны обслуживать решительно все философские потребности нашей республики, которые должны обслуживать Минск со всеми его учебными заведениями, а у нас имеется университет, Коммунистич. Академия, Академия Наук, имеющая внутри себя Институт марксизма, только организующийся и который уже приходится обслуживать, а также целый ряд других учреждений. Кроме того, приходится обслуживать периферию Белорусской республики, целый ряд городов. Все это

необходимо учесть сейчас, в предстоящей работе и при установлении той связи, которая должна быть между нашим обществом и ОВМД.

То положение, которое сейчас существует в Белоруссии, я формулирую так. Я считал бы, что те кадры, которые существуют сейчас в Обществе марксистов Белоруссии, являются достаточными для того, чтобы можно было сейчас считать это общество опорным пунктом для общества воинствующих материалистов-диалектиков. При поддержке и помощи ОВМД, при напряжении наших собственных сил, мы и в дальнейшем будем успешно проводить нашу борьбу за последовательное материалистически-диалектическое мировоззрение.

Тымянский.—Из докладов с мест мы видели, что основная задача Общества—разработка и пропаганда вопросов диалектического материализма в каждом отдельном месте принимает своеобразные формы. Отсюда Общество ВМД должно отличаться некоторой гибкостью в осуществлении этих задач. Мы в Ленинграде имеем своеобразные условия возникновения и работы Общества воинствующих материалистов-диалектиков. Особенность условий нашей работы заключается в том, что мы должны с самого начала установить границы наших отношений с двумя обществами: Научным Обществом марксистов и Ленинградским Институтом марксизма. Научное Общество марксистов существует в Ленинграде давно, и в первое время оно проводило прогрессивную работу. Ему удалось объединить довольно значительные силы естественников-марксистов, которые проводили довольно успешную работу. Но, после 2—3 лет, Научное Общество марксистов в Ленинграде выродилось, и в настоящее время оно, если можно так выразиться, прозябает. Внутри самого общества начался развал. НОМ превратилось в бюрократическую организацию, для которой критерием приема в члены Общества является не марксистская, а научная квалификация. Кроме того, Научное Общество марксистов в последнее время стало проводить, я бы сказал, далеко не марксистскую работу. Оно представляет, по существу, очаг механистического направления в области естествознания, и члены этого Общества выступают открыто с механистическими заявлениями. Естественно, что мы вынуждены были начать борьбу с Научным Обществом марксистов. Эта борьба приняла довольно острые формы с того времени, как в Ленинграде образовался Ленинградский Институт марксизма, которому удалось объединить, в значительной мере благодаря организационному таланту тов. Гонимана, почти все живые марксистские силы Ленинграда.

Таким образом вопрос об отношении ОВМД к научному Обществу марксистов у нас не может стоять таким образом, как он стоит на Украине или в Белоруссии. Мы стоим перед необходимостью борьбы с Научным Обществом марксистов.

Что касается Ленинградского Ин-та марксизма, то и тут имеется некоторое своеобразие наших отношений с этим Институтом по сравнению с Москвой или с Украиной. Дело в том, что в Москве Общество воинствующих материалистов-диалектиков мыслятся, как штаб диалектической материалистической мысли. Между тем, как Московский Институт философии при Комм. Академии, как сказал А. М. Деборин, включает некоторое количество механистов, у нас в Ленинграде дело обстоит как раз наоборот. Ленинградский Институт марксизма является штабом диалектической материалистической мысли. Ни одного механиста в Ленинградский Институт марксизма мы не допускаем и не допустим. Там мы, действительно, имеем средоточие всех марксистских сил, на которые можно опираться и на которые можно возлагать надежды в смысле работы. У нас Общество воинствующих материалистов-диалектиков представляет собою привольный ремеш, посредством которого Ленинградский Институт марксизма приведет в движение широкие слои научных работников Ленинграда. ЛИМ не может непосредственно распространять свою работу на все области науки. Области естественных наук находятся за пределами Ленинградского Института марксизма.

Для того, чтобы вести пропаганду диалектического материализма среди работников естественных наук, мы создали Общество воинствующих материалистов-диалектиков. Поэтому и самая структура этого Общества у нас имеет несколько своеобразную форму. По самому замыслу воинствующее общество, материалистов сразу должно было быть организовано, как состоящее из секций. Мы организовали следующие секции: Биологическую, Физико-математическую, секцию Поведения и воспитания личности и, наконец, секцию Социологическую, в которую входит ряд подсекций, а именно—подсекция Искусства, в широком смысле слова—там и литература, и живопись, и музыка, подсекция Правоведения и, наконец, Антирелигиозная подсекция.

Все эти секции и подсекции являются зародышевыми ячейками, из которых впоследствии, мы надеемся, вырастут самостоятельные братские общества биологов, физиков, психологов и т. п.

Наша задача—создать в секциях ядра специалистов диалектиков-материалистов, которые впоследствии могли бы стать организаторами братских обществ и идейными их руководителями.

Организовались мы официально только 8 апреля, сравнительно недавно, но это не значит, что мы начали работу 8 апреля. Мы с самого начала обросли несколькими группами содействия.

Каков план нашей дальнейшей работы? Мы в этом году предполагаем поставить несколько общепублицистических докладов для всех секций и, кроме того, ряд научно-исследовательских докладов в каждой из секций и подсекций.

Кроме того, мы считаем необходимым при Обществе воинствующих материалистов-диалектиков организовать постоянные семинары для работы, главным образом, с естественниками и, по всей вероятности, с некоторыми специалистами в области литературы и права. (Левин: А общественники у вас входят?). Большинство общественников, состоящих в Ленинградском Институте марксизма, состоят действительными членами Общества воинствующих материалистов-диалектиков.

Затем мы полагаем поставить ряд общих лекций, не только для нашего Общества, но и для ленинградского актива, и просто общих популярных лекций.

Затем перед нами серьезно стоит вопрос относительно руководства группами содействия. Дело в том, что у нас, также как в Минске,—на Украине, кажется, дело обстоит лучше,—очень мало философов. В Ленинграде, колоссальном центре научной работы, в котором чрезвычайно много научно-исследовательских институтов, имеется всего-навсего 7—8 философов. Естественно, что при таком количестве работников мы вряд ли окажемся в состоянии непосредственно руководить всеми группами содействия. Поэтому организовать руководящие группы содействия мы думаем путем периодических обследований этих групп.

Затем мы ставим перед собой и отчетли уже осуществляем задачу пропаганды идей общества путем выездов на места, а также путем использования музеев, которых в Ленинграде имеется значительное количество. У нас, например, имеется музей живой природы, который официально числится при Всесоюзной Академии Наук. Этот музей пользуется колоссальным успехом среди рабочих масс Ленинграда. Я не преувеличу, если скажу, что в течение этого года через этот музей прошло несколько сот тысяч рабочих. Но в смысле пропаганды идей атеизма и материализма в этом музее до последнего времени дело обстояло довольно печально. Там работали люди, чуждые нам. Сейчас мы этот музей отчетливо завоевали и имеем там людей, которые ведут пропагандистскую работу в нужном для нас направлении. Таких музеев у нас в Ленинграде имеется значительное количество, и мы ставим перед собой задачу завоевать их и превратить в очаги пропаганды идей атеизма и диалектического материализма.

Затем мы ставим перед собой задачу завоевания учительства. К нам уже обращаются учителя с просьбой организовать секцию учителей материалистов-диалектиков. Они не дождались, пока мы их организуем, и создали самостоятельно такое общество. Мы несомненно установим тесные отношения с этим братским обществом.

Задачи, которые ставит Общество воинствующих материалистов-диалектиков относительно печати, мы ставим и в Ленинграде. В Ленинграде мы не имеем еще своего органа—органа Общества воинствующих материалистов. Мы издаем наши научно-исследовательские труды в органе Института марксизма. Так оно и должно быть, ибо научно-исследовательскую работу по существу ведет Ленинградский Институт марксизма. Но зато мы имеем пропагандистский научно-популярный орган, который мы постараемся превратить в орган Общества воинствующих материалистов. Организационно мы его уже взяли в свои руки. (С места: Как он называется?) «Человек и природа». Мы его уже завоевали, в редакцию вхожу я и тов. Ширвиндт. Но в смысле материала дело обстоит неважно, потому что количество естественников-материалистов-диалектиков относительно незначительно. Издает его «Красная Газета».

В отношении устава Общества мне бы хотелось сделать только одно замечание. Мы не должны сделать наш устав настолько жестким, чтобы места не могли его приспособить к своим специфическим задачам. Поэтому устав Общества должен иметь эластическую форму. Затем необходимо в нашей резолюции отметить, что в некоторых местах, где научные общества марксистов не являются самими в деле марксистскими, с этими обществами необходимо вести борьбу. Это не значит, что такую борьбу нужно вести и в Минске или других местах, где НОМ'ы не мешают работать и являются в большей или меньшей степени марксистскими. Но там, где НОМ'ы не являются на самом деле марксистскими, с ними необходимо бороться.

О с и п о в (Иваново-Вознесенск).—Необходимость объединения марксистско-ленинских теоретических кадров и широкой постановки научной марксистской работы у нас в Ив.-Вознесенске чувствовалась очень давно. За последние два года мы имеем,—я могу это утверждать, как работник в области пропаганды,—целое философское движение. Нет ни одной более успешной формы кружков партпросвещения, как кружки исторического материализма. Интерес среди рабочих, среди молодежи к вопросам философским, к проблемам диалектического материализма чрезвычайно велик. Вот почему идея создания Общества воинствующих материалистов-диалектиков встретила у нас горячее сочувствие и отклик среди самых широких слоев нашей советской общественности.

Осуществляя завет Ленина, с самого начала создания Общества мы поставили своей задачей объединить не только теоретические силы партии, но и всех последовательных сторонников диалектического материализма среди интеллигенции—врачей, профессоров, учительства и т. д. Ряд фактов последнего времени—создание отделения ВАРНИТСО, идеологическая борьба между двумя обществами среди врачей (старым «Северо-Русским Медицинским Обществом», объединяющим наиболее реакционную часть врачей, и новым обществом, возникшим недавно, для которого мы сейчас являемся большой идеологической поддержкой—Научной Ассоциацией врачей-материалистов)—свидетельствуют о глубоких идеологических сдвигах наиболее передовой части интеллигенции в сторону марксизма.

Несмотря на короткий срок нашего существования, а существуем мы лишь всего четыре месяца, мы можем считать, что наша организация уже прошла тяжелый путь организационного оформления и прочно стала на ноги. Так как в Иваново-Вознесенске других научных марксистских организаций нет, то наше Общество материалистов-диалектиков стало подлинным, действительным центром научно-исследовательской работы в области марксизма и ленинизма. В то же

время оно стало прекрасным орудием идеологического воздействия на близкие к партии слои советской интеллигенции. Достаточно указать на то, что создание ВАРНИТСО было результатом деятельности нашего Общества материалистов-диалектиков. В пятую годовщину со дня смерти Ленина, спецовская интеллигенция «порывалась» нас декларацией, в которой писала о том, что сейчас не может быть речи «только о лояльном отношении к советской власти», что «и мы не чужды идее социализма». В противовес такому либеральному выступлению группы старой спецовской интеллигенции, которая просто хотела замаскировать свое истинное лицо выпуском такой декларации, члены нашего общества выпустили новую декларацию с совершенно четкой идеологической платформой организации ВАРНИТСО.

В последнее время мы начали большую работу среди учительства. Нам пришлось в последнее время, по предложению самих масс учительства, создать при обществе специальную секцию марксистской педагогики, которая существует две недели, и которая сейчас привлекла к себе наиболее передовую часть учительской массы Иваново-Вознесенска. Другие общественные выступления нашей организации встретили самый широкий отклик среди интеллигенции и нашей общественности. Достаточно сказать, что застрельщиком протеста против реакционной вылазки академиков на научном фронте в Иваново-Вознесенской губернии выступила наша организация.

При участии общества впервые в Иваново-Вознесенске был устроен в 5-ю годовщину смерти Ленина траурный вечер научных организаций, привлечший широкие круги интеллигенции. Это—небывалый случай среди нашей интеллигенции, которая вообще проблемами философии до последнего времени занималась очень мало. Нашему обществу пришлось также быть инициатором целого ряда выступлений, несвязанных непосредственно с его задачами. Например, было чтение в памяти Грибоедова, и нам пришлось дать марксистскую оценку Грибоедова в связи с тем, что некоторые круги интеллигенции пытались его критиковать по-своему и некоторые учителя писали даже такие статьи, в которых указывали, что декабристы и Грибоедов были истинными предшественниками воинствующего большевизма. Сейчас, когда готовится юбилей Чехова, я чувствую, что нам придется принять самое горячее участие и в этом юбилее. Надо также отметить наше выступление на губернском съезде врачей, встреченное очень сочувственно. Мы поставили ряд докладов на тему—«Классовая борьба на научном фронте» среди студенчества. Наше выступление на губернском съезде естественников вывилось чем-то в роде катализатора, вызвавшего реакцию идеологического расслоения. Там была принята резолюция, что они поддерживают наше общество и требуют создания групп содействия обществу «воинствующих материалистов». Эту резолюцию мы расцениваем, как очень большую победу, принимая во внимание то обстоятельство, что на этот съезд Наркомпрос командировал какого-то механиста, профессора из Москвы, с основным докладом «Философия и естествознание».

С самого начала общество поставило своей задачей: 1) объединение всех последовательных сторонников диалектического материализма, 2) неуклонную и решительную борьбу за марксизм против буржуазных теорий, против идеализма, оппортунизма и философской реакции в ее грубом или уточненном виде; 3) широкую пропаганду марксистского мировоззрения и диалектического материализма в массах и применение метода диалектического материализма в разработке отдельных проблем естествознания, философии, истории, экономики, искусства и литературы, а также в практической деятельности своих членов.

В силу провинциальных условий нам пришлось объединить в рядах нашей организации самые различные отряды марксистской мысли—и философов, и естествоиспытателей, и историков, и экономистов.

Задачами общества определяется и его состав. Мы приняли устав Московского общества воинствующих материалистов-диалектиков, применив его к рас-

ширеним задачам нашего общества, и нам пришлось неминуемо встать перед перерегистрацией, так как общество разбухло и достигало 100 человек. После перерегистрации осталось 91 человек. Действительных членов — 63 человека и членов сотрудников — 28. По роду занятий: врачей 14 человек, научных работников 7, инженеров 2, агрономов 3, преподавателей всех звеньев 32, работников партийных, профессиональных и других организаций 26, журналистов 3 и учащихся 3. Членов партии 51, беспартийных 40.

При обществе существуют три секции: философии и естествознания, секция историко-литературная и экономическо-правовая. Недавно организована еще секция марксистской педагогики. Самая большая и значительная — это секция философии и естественных наук. Она насчитывает 40 человек, историко-литературная — 25 и экономическо-правовая — 26. Так как других научно-исследовательских марксистских организаций в Иваново-Вознесенске нет, то наше общество является подлинным центром научной марксистской работы. Должен сказать, что открытые собрания секций, особенно философской, привлекают очень широкую аудиторию. Из докладов, проработанных за истекшее время в обществе, назову следующие доклады: По секции философии и естествознания — блестящий доклад тов. Подволоцкого — «О современных философских разногласиях», привлечший очень большую аудиторию. Пришли такие специалисты, такие профессора, которых мы ни на каких других общественно-политических докладах не видали. Затем доклад товарища Максимова — «Философия и естествознание». Эти доклады были проработаны на общих собраниях. По секциям были проработаны следующие проблемы: доклад проф. П. Г. Борисова — «Камерер и его экспериментальные исследования», затем доклад проф. Сыркина — «Проблема материи и энергии в современном естествознании», доклады двух врачей: Тверитина и Колтунова — «Марксистская теория познания». По секции историко-литературной были проработаны доклады: «Об итогах всесоюзной конференции историков-марксистов» — Голубева и Экземплярского, «Крестьянский вопрос во Франции накануне революции 1789 г.» — тов. Тяхт; «Реакционные элементы в творчестве Всеволода Иванова» — тов. Залесского. По секции экономическо-правовой: «Теория цен производства и прибыли Карла Маркса» — тов. Королева, «Право, его роль и система в переходный период» — тов. Правдина, «Проблема темпа развития СССР» — тов. Родина. Кроме того, большая работа проводится по изучению и разработке архивного материала вместе с истпартаом с первых шагах рабочего движения и марксизма в Иваново-Вознесенском районе. Наконец, последнее время мы вместе с обществом краеведения являемся инициаторами создания научно-исследовательского промышленного института, который будет иметь областное значение. В ближайшее время в обществе будут поставлены следующие доклады по секции философии: «Современное состояние эволюционной теории с точки зрения диалектики», «Диалектика в современной физике» и др. Какие перед нами стоят очередные задачи? Очередной задачей является — закрепить свое идеологическое влияние путем создания групп содействия при учебных заведениях и на предприятиях, и филиалов и отделений в крупных районах. Такие группы содействия возникают стихийно при политехническом институте, рабфаке, на крупных фабриках. Наконец, в последнее время создаются два кружка диалектического материализма при секции научных работников и среди врачей. Из крупных промышленных районов, как Кинешма, Шуя, Родники, Середа, сейчас сыплются заявления, чтобы мы приехали туда с докладом и создали там филиалы. Философские споры, идеологическое размежевание среди интеллигенции идут под флагом нашего общества, и нам приходится весь этот район обслуживать докладами.

Еще две задачи стоят перед нами. Во-первых, положить начало издательской работе. Среди членов Общества есть товарищи, у которых есть уже проработанные научно-исследовательские материалы. И, наконец, стоит задача создать областное объединенное Общество воиствующих материалистов-диалекти-

ков, в связи с превращением Иваново-Вознесенска в центр Ивановской промышленной области. Пока имеется родственная нам организация, правда, более слабая, чем ивановская, в Ярославле. Придется создать такие же организации во Владимире и в Костроме.

Кречетова. — Общество воиствующих материалистов в Саратове организовано было давно, чуть ли не несколько лет тому назад; одним из организаторов этого общества являлся тов. Разумовский. Это общество было довольно аморфным. Там ставились доклады на самые разнообразные темы, почти два года, примерно, общество пробавлялось докладом о Пугачевщине тов. Меерсона, чуть ли не два года велись прения по этому вопросу, затем был доклад о Толстом и еще кое-какие доклады, но чисто-философских вопросов не ставилось. В этом отношении там почва совершенно девственная. Правда, в прошлом году был доклад тов. Познера и доклад тов. Рахманова «О методологии политической экономии». Но вопросы современных философских разногласий совершенно не затрагивались. В обществе имеются врачи, естествовники — их больше всего. Местная профессура, местная ассоциация естествовников, целый ряд партийных организаций, кружков партийных, совершенно несведущи в этой области. Вообще надо сказать, что почва для культурно-просветительной работы, для научной работы в Саратове очень большая, но сил нет. Есть там несколько человек местных философов, люди в смысле философской позиции довольно сомнительные. По их выступлениям трудно судить о том, насколько ясно они понимают задачи теперешней работы в области философии. Если бы у нас был поставлен ряд докладов: по теории относительности, по вопросам философии естествознания, в связи с методологией марксизма, это был бы большой сдвиг. Даже в партийных кругах, на собраниях ячеек медицинского факультета, ставят такие вопросы, как марксизм и дарвинизм, витализм и марксизм, целый ряд специальных вопросов. У естествовников очень большая тяга к изучению методологических вопросов, и там сейчас организовали семинар в ассоциации естествознания по философии естествознания.

Марксистских исследовательских учреждений совершенно нет. Есть всякого рода общества — биологов-материалистов, врачей-материалистов, в этом отношении там сеть довольно большая, но марксистских учреждений ни одного нет. Между тем есть большие запросы. Секция научных работников обращается с просьбой организовать семинар по Гегелю. Гегеля хотя изучать профессора, крупные специалисты в своих областях, но дети в области философии азов философии марксизма не знают. Тут нужно ставить предварительно целый ряд очень популярных простых лекций, не вводя даже дискуссионных проблем, подготовить почву.

В этом году вначале был намечен ряд работ в самом обществе воиствующих материалистов. Намечалась даже работа секционная. Решено было организовать секцию философии естествознания, антирелигиозную секцию, историческую секцию. Историческая секция представляет собою и филиал общества историков-марксистов. Но дело-то в том, что работать некому, и в силу этого ряд докладов, которые были намечены, не были подготовлены. Я думаю, что после конференции, на которой большое место занимали вопросы философии и методологии, и в связи с тем, что даст совещание общества воиствующих материалистов, у нас будет колоссальный материал, который можно будет использовать для оживления деятельности обществ. Сейчас все вопросы ясны, направление, в котором должен развернуться работа, вполне ясно. Мы еще не принимали нового устава общества ВМД. Наше общество воиствующих материалистов проводит ряд докладов в связи со спорными вопросами, стоявшими на конференции, а потом работа будет переброшена на периферию.

Жариков. — Товарищи! Я должен в нескольких словах сказать о положении теоретической марксистской мысли в Свердловске. Силы марксистские по

Под Знаменем Марксизма.

сравнению с другими городами у нас имеются. Когда мы зимой хотели поставить вопрос о создании общества воинствующих материалистов, то мы встретились с препятствиями со стороны экономистов и историков. При таком «вольном» отношении к проблемам материалистической диалектики явно невозможно создать общество ВМД.

Я считаю, что нам нужно создать при посредстве хотя бы нашего настоящего совещания такое общественное мнение, которое обязывало бы всех экономистов и историков принимать участие в этом обществе. Без такой совместной работы мы не можем вести серьезную теоретическую борьбу со всеми враждебными нам течениями. Общество ВМД у нас на Урале может приобрести чрезвычайно большое значение в борьбе с реакционной философией. В Уральском политехническом институте, по преимуществу технологическом, ведется чрезвычайно интенсивная работа со стороны физиков и математиков. Недавно же обнаружилось, что у них имеется настоящий семинар, в котором разрабатывались все философские проблемы в кантовском и неокантианском духе. У них имеется большой актив из аспирантов, научных сотрудников и из студентов старшего курса, и они в эту работу чрезвычайно усиленно вербуют студенческую массу с других курсов. Все это вместе взятое говорит о том, что нам нужно развернуть свою работу по линии философского наступления на реакционные теории. Недавно, в связи со смертью проф. Грум-Гржимайло было открытое контрреволюционное выступление проф. Маковецкого, который заявил, что социализм неосуществим и что наилучший метод поднятия производительности труда и снижения себестоимости — опираться на принцип капиталистической организации производства. Целый ряд профессоров открыто и скрытно выступают против теоретических и политических основ марксизма.

Вторая важнейшая задача, которая у нас стоит, касается того, что у нас, на Урале, чрезвычайно сильно сектантское движение. В прошлом году, когда я объезжал уральские, южные, в особенности, заводы, то оказалось, что некоторые рабочие входят в баптистские и всякие иные сектантские организации, и это только потому, что с нашей стороны, со стороны агитпропа, никакого внимания не было уделено антирелигиозной пропаганде. (С места: А общество безбожников там существует?) Существует, но мало себя проявляет. Без достаточной теоретической работы, без связи его с обществом воинствующих материалистов, оно придерживалось бы тактики ползучего эмпиризма, не поднимая вопроса борьбы с религией на достаточную теоретическую высоту, оно являлось бы тоже узко-сектантским обществом.

Ильюхов. — Товарищи, я буду очень краток. Владивостокское общество воинствующих материалистов-диалектиков организовалось в феврале 1928 года и с первых же дней своего существования называлось обществом воинствующих материалистов-диалектиков. У нас была произведена большая подготовительная работа, которая была рассчитана на пропаганду марксистской философии среди партийного актива и рабочих, на оформление и подготовку людского состава, который смог бы впоследствии представлять собою общество воинствующих материалистов-диалектиков. Я особенно хочу подчеркнуть отличительную черту нашего общества воинствующих материалистов-диалектиков. Оно не только по составу своему представляет в большинстве своем общество партийное, но и по месту, которое оно занимает во всей партийной работе, оно является органом партийной организации.

Владивостокское общество воинствующих материалистов насчитывает 32 действительных члена и 28 сотрудников. В январе общество реорганизовалось в связи с новым уставом общества воинствующих материалистов-диалектиков и произвело проверку своего состава.

Для нас большим вопросом является то обстоятельство, что среди научных работников университета и среди других научных учреждений мало марксистов.

Нет почти ни одного марксиста-литератора, нет ни одного естествознателя-марксиста, за исключением одного коммуниста. Наши силы в области естествознания и в области литературы — чрезвычайно слабы. Общество материалистов-диалектиков за год своего существования провело свыше 25 докладов по разным вопросам. В центре работы общества находились вопросы, связанные с философскими разногласиями. Мы провели большое количество докладов не только среди партийного актива и студенчества университета, но и среди учительства, среди интеллигенции и рабочих. Неменьшее значение в нашей работе имели вопросы, связанные с различными антимарксистскими направлениями в университете: борьба с реакционной профессурой и т. д.

Третья группа вопросов — это вопросы, связанные с антирелигиозной пропагандой. Общество воинствующих материалистов обратило внимание на состояние антирелигиозной пропаганды в школе; оно ставило специальные доклады относительно религии, а также социал-демократии. Последнее время мы уделяем значительное внимание борьбе с кантовскими течениями.

В организационном отношении общество делится на ряд секций: естественно-философскую, историко-методологическую, экономическую и т. д. Общество объединяет 4 группы содействия, организованные за последнее время. Мы применяем две главные формы работы: во-первых, работу внутри секций и, во-вторых, работу массовую, проводимую обществом вне своих пределов, в рабочих клубах, университете, в различных партийных организациях.

В дальнейшем общество материалистов должно наладить организацию научно-исследовательской работы. Проникновение марксистов в различные научные общества, существующие во Владивостоке, совершенно необходимо. В связи с этим я должен отметить особые проблемы, которые стоят перед нашим обществом. Наш край, как вам известно, находится на стыке с Востоком. Мы ежедневно живем вопросами Китая, Кореи, Японии. Поэтому разработка экономических и исторических вопросов, связанных с этими пограничными нам странами, имеет несомненно большое значение. В этой работе обществу материалистов приходится вести борьбу с буржуазной профессурой. Последний вопрос — это подготовка новых кадров. Я должен подчеркнуть, что мы не получаем квалифицированных специалистов из центра. У нас нет литераторов-марксистов. У нас нет естествознателей-марксистов. Поэтому общество воинствующих материалистов должно особенно любовно относиться к молодянку, который выдвигается и который мы, закалив с марксистской точки зрения, должны использовать для широкой теоретической и практической работы.

Бугаев (Пермь). — Товарищи, я не собираюсь долго занимать ваше внимание, потому что вы достаточно устали. Я хочу только коротко сказать о той работе по пропаганде философии диалектического материализма, которую мы провели в Пермском университете.

Административно-хозяйственным центром Урала является Свердловск, но Пермь считается у нас, на Урале, культурной столицей края. С другой стороны Пермский округ является в промышленном отношении самым важным промышленным районом Урала.

В Перми мы сейчас еще не создали отделения общества воинствующих материалистов, но мы находимся на пути к созданию этого общества. У нас организован кружок врачей-биологов-материалистов. Раздельно организовать биологов и врачей, как это делалось в Москве, оказалось у нас нецелесообразным. Кроме этого кружка, у нас работает студенческий кружок по диалектике. До организации этих кружков в Пермском университете диалектический материализм вовсе не преподавался даже на общественных отделениях.

Если рассматривать то окружение, в котором мы ведем работу по пропаганде диалектического материализма, то тут можно выделить три круга людей, с которыми мы имеем там дело. С одной стороны, у нас довольно солидное науч-

ное учреждение, Биологический научно-исследовательский институт. В области философии он стоит совершенно открыто на почве виталистического мировоззрения. Фактически руководящие этим институтом профессора разделяют идеи Берга. Были и такие профессора, которые пытались виталистическое мировоззрение соединить с марксизмом и ленинизмом. Тут, товарищи, кажется, уже говорилось, что в провинциальных университетах очень сильные элементы поповской профессуры. В нашем университете то же самое. Среди профессоров есть много таких, которые преподавали в духовной академии. В частности профессор всеобщей истории раньше читал историю церкви. И таких людей у нас много. Они тоже составляют определенный, идеологический фронт и имеют известное влияние в университете. Это подтверждается тем, что университет сплошь и рядом выпускает религиозных специалистов.

Наконец, третий лагерь, с которым нам пришлось бороться, это богдановщина, которая создала в университете довольно солидное гнездо. До нынешнего года философский курс диалектического материализма не читался, а читался ист. материализм и читался богдановцем. Так как этот богдановец ведет работу в университете на протяжении 5—6 лет, то он создал кадр сочувствующих и содействующих богдановщине людей. С этим лагерем нам пришлось вступить в самую решительную борьбу.

Несколько слов о том, почему нам не удастся создать отделения общества воинствующих материалистов-диалектиков. Мне хочется здесь указать на некоторое сепаратничанье со стороны историков и экономистов. Вопрос о философском влиянии на другие специальные дисциплины марксизма нужно поставить более остро. В университете имеется известный круг марксистов, которые работают в научной области, но объединить, сгруппировать их еще пока не удастся. Они объединились как историки, а тем, что нужно объединиться на философской почве, на общей для всех марксистских дисциплин основе, этим они мало интересуются. Мне кажется, что это вопрос большой не только для нас, но и для ряда других мест.

Председатель.—Товарищи, мы переходим к прениям. Слово имеет тов. Лукачевский.

Лукачевский.—Я, товарищи, хотел сказать несколько слов как раз от имени союза безбожников. Товарищи уже указывали, что Центральный совет безбожников и общество воинствующих материалистов здесь, в Москве, уже приступило к совместной работе; так мы предполагаем совместно выпустить большую серию, состоящую, примерно, из 40 книг по истории атеизма, предполагаем выпустить серию книг по естественно-научным вопросам, затем сейчас вырабатываем программу по вопросам диалектического материализма для антирелигиозных семинаров повышенного типа. Предполагаем далее напечатать ряд статей по вопросам философии в наших антирелигиозных журналах. На этом, конечно, нельзя остановиться. Мы думаем, что общество воинствующих материалистов может широко развернуть свою деятельность в области воинствующего атеизма. В области философии церковь сейчас ведет определенное наступление. Нельзя представлять работу религиозных организаций, как работу чисто-богослужебного характера. Вокруг церковных организаций развертывается экономическая деятельность, кое-где открываются больницы на средства церковных организаций, покупаются койки на курортах. Если мы эту экономическую деятельность можем пресечь в порядке декрета, какой уже вырабатывается, то относительно работы, которую они называют просветительной, но которая по существу является полнейшим извращением и калечением науки, мы путем декретов мало что можем сделать. У религиозных организаций существует ряд духовных академий, где, между прочим, изучают марксизм для того, чтобы критиковать его. Если нет официальных религиозно-философских обществ, то почти при каждой мало-мальски большой церкви существуют религиозно-философские кружки, где пы-

таются прорабатывать и вопросы текущего момента в теоретическом разрезе. Пример. Когда партия выдвинула лозунг культурной революции, то в этих религиозно-философских кружках обсуждался доклад «Может ли быть культура без христианства», и, конечно, вывод следовал тот, что истинная культура может быть только на основе христианства. Недавно сектанты выпустили книжку против дарвинизма под названием «Горе обезьянопоклонника»... (С места: Зачем печатали?) Это—другой вопрос.

Такова картина работы религиозных организаций. Что же делал союз безбожников? Здесь уже товарищи отмечали, что союз безбожников в силу объективных условий не мог поднять антирелигиозную пропаганду на философскую теоретическую высоту. Дело в том, что мы в нашей антирелигиозной пропаганде по преимуществу прорабатывали темы—классовая роль религии, религия, как тор-моз социалистического строительства—темы необходимые, но вопросы мировоззрения, вопросы диалектического материализма ни в кружках, ни во всей нашей системе антирелигиозного образования не ставился. А между тем масса этого требует. Мы имеем целый ряд писем. И поэтому мы считаем, что сейчас это в нашей антирелигиозной пропаганде подошло к такому моменту, когда нужно будет широко пропагандировать идеи диалектического материализма.

Теперь несколько слов по вопросам научно-исследовательского порядка. Если в области вопросов исторического материализма у нас непочтатый край работы, то в области истории религии, методологии истории религии и т. п. дело совсем плохо. Здесь ведется определенное наступление со стороны различных профессорских групп, я не говорю уже о религиозниках, но зачастую это лица, которые занимают кафедры этнологии, истории и т. д. Прежде всего мы должны констатировать, что и в РАНИОН'е довольно сильно сказывается влияние Дюркгейма. Дюркгеймовское определение религии считается классическим, а марксистское определение религии—устаревшим. Если взять такие вопросы, как происхождение религии, эти вопросы с точки зрения марксистской методологии также слабо разработаны. Надо сказать, что сейчас из-за границы к нам начинают просачиваться различные идеалистические поповские теории. Можно указать хотя бы на теорию преанинизма, на теорию прамотеизма, которую недавно в замаскированном виде представлял историк П. Ф. Преображенский.

Все это вместо взятого показывает, что и в области научно-исследовательской работы нам, марксистам, нужно по вопросам истории религии, методологии истории религии серьезно поработать, и думается, что кому-кому, а обществу воинствующих материалистов здесь надлежит проявить максимум энергии, инициативы и сил.

С. Ю. Семковский.—Товарищи, я хотел говорить по докладу тов. Деборина, но постановка вопроса, какую по докладу Украинского общества воинствующих материалистов дал тов. Демчук, как вы поймете, заставляет меня сосредоточиться на этом.

Тов. Демчук читал, собственно говоря, доклад не об Украинском обществе воинствующих материалистов, а о Семковском. Я не возражаю против того, чтобы ставить вопрос и в такой плоскости. Я не вижу ничего зазорного в том, чтобы признать те ошибки, которые у меня были в этой области. Надо, однако, принять во внимание, что у нас, на Украине, дискуссия, как она развернулась, приняла несколько специфический характер; она протекала, если хотите, в несколько отравленной атмосфере. Я думаю, для всех вас ясно, что я никогда не стоял на точке зрения механистического мировоззрения. В чем я сейчас вижу мою ошибку, я скажу дальше. Если хотите, я вижу ее в том, что я в определенные моменты борьбы склонялся к некоторому «центризму»—это я охотно признаю и дальше ясно, в чем дело. Но на Украине мне пришлось столкнуться с такого рода перекручиванием, когда тот же тов. Демчук, который здесь выступал, прямо восхваляя мои заслуги в борьбе с идеализмом и прочее и прочее, там писал, что я,

видите ли, занимаю позиции поповщины. Он писал о том, что я занимаю, извольте ли видеть, позицию, «враждебную на культурном фронте». Словом, кампания велась такими приемами, которые даже квалифицировать не могу на данном собрании. Это — с одной стороны. А, с другой стороны, эти же товарищи упорно отставали целый ряд ошибок, против которых я, как старый марксист, обязан был протестовать.

Я скажу, в чем были мои ошибки. Я не хочу отказываться от них, но я хочу, чтобы была правильная перспектива в понимании нашего спора на Украине. Я голосовал, как вы знаете, за определенную платформу, принятую вчера конференцией. Тов. Деборин был прав, что это — платформа.

Вчера мы слышали в докладе Украинского Института марксизма, что кафедра философии вела все эти годы борьбу с идеализмом, позитивизмом и вульгарно-механистическими тенденциями в науке. Я думаю, что определенные заслуги в этой борьбе у меня имеются. Вот что вынужден был признать сам же тов. Юринец в своих тезисах на последнем съезде общественных наук: «Современное естествознание в лице своих лучших представителей отвергает идеи механистов и объективно (независимо от субъективных взглядов этих представителей) подтверждает позиции диалектики. Это относится... и к принципу относительности Эйнштейна, как в марксистской литературе указано Семковским». Я должен также указать, что на протяжении двух последних лет у нас происходили съезды общественных наук, преподавателей общественных дисциплин в вузах. На обоих съездах по моему докладу принята программа по диалектическому материализму, которая и применяется сейчас в украинских вузах, целиком заостренная против механистического материализма. И, конечно, если меня будут обвинять, как делали Демчук и пр., в том, что не соответствует действительности, что основано на извращениях и того, что я писал, и самих основ марксизма, то никто не вправе требовать от меня, чтобы я против этого не возражал. Напр., отношение философии к науке я рассматриваю, как отношение партии к классу. Эту точку зрения я не раз развивал. И, однако, это не помешало товарищу Столярчу без всяких данных, без всяких цитат, обвинять меня, будто бы я отрицаю активную роль философии, т.е. приписать мне прямую противоположность того, что я писал, говорил и считал правильным. Мне было многое ложно приписано, и никто не может требовать, чтобы я не возражал против того, что мне ложно приписано. То, что я должен признать, это я признаю. И об этом я хочу сказать. Главная моя исследовательская работа за эти годы, как вы знаете, была посвящена философскому диалектико-материалистическому истолкованию теории относительности. Я подчеркивал ту задачу диалектического материализма, которая так выдвинута теперь: смычку с естествознанием. Я считаю, что эта линия моя была правильна. Я считаю, что эта линия вполне подтверждена решением нашей конференции. Вместе с тем, когда я говорил о «схоластике», я всюду имел в виду — и из контекста это вытекает — только отрыв от науки. Я сослался там на статью тов. Гоникмана, ту самую, против которой тов. Карев выступил в свое время с указанием на то, что тенденция эта ведет к «ревизию марксизма на основе гегельянства». Ошибку же мою я вижу в том, — и это я хочу ясно и определенно установить, — что я эти отдельные частные моменты, которые действительно вели в сторону уклона, неправильно отождествлял с основным течением, которое шло по правильному пути, и то, что я направлял удары одновременно направо и налево — вело к позиции своего рода «центризма» в этом споре. Это была ошибка. Смягчающим тут обстоятельством является то, что мне пришлось иметь дело с такими представителями так называемого «деборинского течения», которые возбудили во мне эти опасения уклона, — я привел выше достаточный фактический материал, который вполне подтверждает, что они должны были возбуждать такие опасения. Теперь я должен сказать, что товарищи, знающие меня по моей работе, — я не новый человек в марксизме, — понимают, что платформу по философии я ни при каких условиях не мог принимать из тактических соображе-

ний. Можно спорить как угодно, но есть определенные моральные требования, которые нас всех связывают, и я никому не могу приписывать возможность минимизирования мне такой мысли. Я голосовал за резолюцию, и я показал на конференции, как из моих работ вытекало такое голосование, и я смотрю на это, как на вполне определенный шаг, пред лицом тех задач, которые сейчас стоят на философском фронте нашей революции. Это вытекало также из того, что для меня стало совершенно ясно, что основное русло, по которому идет у нас консолидация революционного диалектического материализма, это это то русло, которое здесь представлено. Из всего этого и вытекает тот факт, что я занял ту позицию, которую проводил на съезде. Я полагаю, что эта позиция не нуждается ни в каких дальнейших «допросах», и тов. Демчук не призван такого рода допросы учинять. Исправлять свои ошибки мы должны соединенными силами. У нас на Украине чрезвычайно сложная обстановка. Надо сплоченными силами бороться против тех уклонов, которые могут быть, не надо обманываться насчет благополучия, которое создано, возможны еще всевозможные дальнейшие отклонения. На все возможные вопросы я со всей определенностью отвечаю: консолидация сил на основе принятой съездом платформы, за линию революционного диалектического материализма.

Больше ничего не имею прибавить.

Беркович.—Я хочу высказаться по поводу той борьбы, которая происходила на Украине. Конечно, мы должны с удовольствием, с удовлетворением констатировать, что тов. Семковский признал свою ошибку, которая выражается в том, что он вел неясную, примирительную линию, даже с определенным сочувствием механистам, в частности Л. Аксельрод.

Но я должен сказать, что тов. Семковский не отметил целый ряд моментов, которые он тоже должен был бы отметить. Во-первых, хотя бы то, что в свое время тов. Семковский говорил о том, что изучение философии Гегеля или, во всяком случае, тот характер, который приняло изучение философии Гегеля, у нас в СССР, есть фактически «схоластика» и работа «на холостом ходу». Конечно, возможно, что в процессе работы кое-какими товарищами действительно совершался перегиб в этом смысле, но я должен сказать, что выступление тов. Семковского на Украине с таким лозунгом, что изучение Гегеля есть схоластика, что работа над Гегелем и вообще над историей философии, в частности, над немецким идеализмом, есть работа на холостом ходу, — конечно, сыграло вредную роль по отношению к нашему философскому развитию. Ведь всем известно, что мы страдаем не столько от того, что мы слишком много работаем над Гегелем, как от того, что мы его недостаточно изучаем. Такой лозунг сыграл отрицательную роль и тактически был неправилен и был не на пользу нашему философскому развитию, не на пользу задачам подъема нашей философской культуры. Вполне понятно, что, исходя из таких соображений, мы считали, что постановка тов. Семковского, его лозунги не соответствуют задачам нашего философского развития. Наконец, тов. Семковский на протяжении всей борьбы с механистами, если не считать его выступления против Тимирязева, по линии теории относительности, не выступил с изложением своего мнения и своего отношения к этой борьбе. Я считаю, что такой серьезный работник, как Семковский, который на Украине руководит кафедрой философии при Институте марксизма, должен был бы выступить с изложением своих взглядов, своего отношения к этой борьбе. Мы такого выступления не имели.

Затем, у нас выяснилось расхождение по конкретным вопросам, относящимся к трактовке отдельных категорий материалистической логики. Я должен указать, в частности — это подтвердит вся украинская делегация, что все-таки у тов. Семковского в смысле трактовки категории случайности не было ясности. Тов. Семковский утверждал сначала, что случайность, это — субъективная категория (Семковский и: Неверно). Тов. Семковский, я излагаю то, что я знаю, если он считает, что это не верно, вы можете протестовать. Так вот тов. Семков-

ский выступал с трактовкой случайности, как субъективной категории, в противовес причинности, будто бы кто-то собирался противопоставить детерминизму случайность. Позже тов. Семковский выступил с такой формулировкой, — у меня есть стенограмма, — что случайность есть объективно-субъективная категория. Конечно, каждая категория есть объективная и, поскольку она есть отражение объективной действительности в голове, она субъективна в этом смысле. Но, товарищи, когда формулируют объективно-субъективное — в противовес определенной постановке, ясное дело, что тут имеется попытка не диалектически, а эклектически объединить два понятия — объективное и субъективное в отношении категории случайности.

Все эти обстоятельства, которые я изложил, заставили нас выступить против тов. Семковского. Это было, конечно, в прошлом. Это не значит, что если тов. Семковский даст ясную постановку по всем пунктам, то мы будем к нему придраться. У нас сил очень мало. Наша задача заключается не в том, чтобы «разделять и властвовать», как тов. Семковский пытается делать. Мы не будем проводить беспрincipиальную борьбу, ибо всякая борьба, которая лишена принципиальной основы, будет не политической, а политиканской. Но пока имеются некоторые моменты, которые требуют выяснения. Мы ждем этого, тем более, что мы считаем положительным явлением то, что тов. Семковский голосовал за резолюцию. Если тов. Семковский желает работать с нами, ему придется занять ясную позицию по всем вопросам и подойти к работе принципиально, и не рассматривать нашу борьбу с ним на Украине, как проявление «специфических» условий.

Познер.—Товарищи, мне кажется, что та программа, которая здесь и в локладе и, в особенности, в прениях предлагается, представляет собою программу-максимум. Это, конечно, необходимо сделать, чтобы знать направление и линию работ. Но мне кажется, что совершенно необходима также и более узкая практическая программа, которая бы определяла определенные центральные узловые вопросы, на которых в первую очередь можно сосредоточить все силы, потому что, если этого не сделать, то может случиться, что при той грандиозности задач, которая развернута в новой программе, просто, особенно у провинциальных работников, будут руки опускаться в бессилие. Следовало бы выделить из программы центральные узловые пункты, как первоочередные, и на них сосредоточить все силы. Таких пунктов я бы предложил три. Первый, это — консолидация марксистско-ленинских сил. Это — центральная задача, которая должна быть поставлена. Вторая задача, это — работа среди всяких существующих в провинции научных обществ. Нам надо обязать всех членов нашего общества входить в существующие общества для того, чтобы завоевать их изнутри, опираясь как на свой штаб, на общество воинствующих материалистов-диалектиков. Наконец, третья задача, это — подготовка кадров, работа над аспирантурой. Мне кажется, что, если на первое время ограничиться этими тремя задачами, мы могли бы достичь заметного результата в работе.

Минувя частности, разрешите остановиться на вопросе о нашей литературном органе. Я хочу обратить ваше внимание на то, что те замечания, которые здесь делались о том, что у нас имеются достаточно солидные органы: «Естественное и Марксизм» и затем «Под Знаменем Марксизма», и поэтому мы общество воинствующих диалектиков-материалистов, будем в достаточной степени обслуживаться этими органами, неправильно учитывают наши запросы. «Естественное и Марксизм» имеет тираж в 2 с половиной тысячи, «Под Знаменем Марксизма» — около 4 тысячи. Если вы примете во внимание размах той работы, которая сейчас развертывается, то ясно станет, что эти органы удовлетворить всех потребностей не могут. Кроме того, надо учесть еще другое обстоятельство, что эти журналы, по своему характеру, не могут заниматься той работой, которой должен заниматься орган «Воинствующего материализма». Они органы чисто научно-исследовательского порядка, а здесь, помимо работы научно-исследовательского характера, будет вестись огромная работа в смысле учебы, которой надо будет руководить и которую надо организовать.

Подолоцкий.—Я думаю, что мы должны обратить внимание на следующее. Мы переживаем некоторый переломный момент. С одной стороны, мы имеем широкую организацию нашего общества. В то время, когда мы сколачивали общество материалистических друзей гегелевской диалектики; мы совершенно не думали, что развернется такая широчайшая работа в провинции. Налицо большие успехи.

Но есть и опасности. Какие же? По-моему опасности следующие. Во-первых, совершенно ясно, что некоторое переукрашивание, вульгарно выражаясь, под диалектический материализм, более завуалированная форма механического материализма, — все это будет продолжаться.

Второе — диалектиками многие будут называть себя без достаточного внутреннего убеждения и без достаточной проработки этих вопросов.

Какой вывод из этого? Во-первых, я думаю, что нам нужно будет больше, во что бы ни стало, сомкнуться нашей когорте, которая вынесла на своих плечах всю эту борьбу. Что это тесное сплочение особенно необходимо, я думаю, показала, в известной мере, и конференция. Мельчайшие разногласия, которые имелись в нашей среде и которые по конкретным и частным вопросам и будут иметься — механисты думали использовать в своих интересах. Следовательно, сплочение, это — во-первых.

Во-вторых, необходимо осторожнее относиться к организации. Это не значит, что мы не должны продолжать распространять наше влияние на широкие массы, не должны создавать организаций в провинции. Нет, это значит, что мы должны выработать такие гибкие формы нашей организации, которые обеспечены бы идейную чистоту нашего общества. Устав, который выработан по отношению к организациям, этот устав необходимо одобрить. К сожалению, о нем очень мало говорили.

Я хотел обратить внимание еще на то, что наши организационные успехи, как я говорил в московском обществе, с нашей стороны в известной мере обусловлены только декларациями. Центральное общество выпустило только декларацию — систематического руководства обществами, низовыми обществами, у нас еще нет. Когда я был в Иваново-Вознесенске, то там требовали именно этого руководства. Там говорили о том, что общество должно давать указания в повседневной работе, пропагандистской работе. Перейти к работе по привлечению всех членов организации к завоеванию широких масс, а также партактива, — это должно стоять в центре нашего внимания.

Было бы неправильно сказать, что с механистами все счета покончены. Теоретически механисты разбиты. Но это вовсе не значит, что в более завуалированных формах нам не придется встретиться с той же механистической конщацией в области физики, истории, естествознания. Эта борьба будет расширяться, будет принимать более серьезную форму, и к этой борьбе мы должны быть готовы. Следовательно, придется вести борьбу с механистами и вместе с тем заняться разработкой вопросов, которые недостаточно выяснены в нашей среде. Вот та основная работа, которая нам предстоит в ближайшее время.

Гонимая.—Тут довольно четко подвели итог борьбы с механистами, но в основном это относится к той борьбе, центром которой была Москва. Я полагаю, что нам не удастся обойти и подведения этих итогов также и на Украине. Конечно, выступление тов. Семковского имеет узко-личный смысл, и если бы оно не было связано с общей опасностью, стоящей сейчас перед нашими философским движением, на нем не надо было бы и останавливаться. Но так как эта увязка есть, то надо будет четко подвести итоги борьбы с механистами и на Украине.

Механисты подали декларацию в президиум конференции. Я не буду излагать подробно всего содержания декларации, я только скажу о заключительном ее лозунге. А лозунг этот таков: «Да здравствует единый фронт марксистско-ленинской философии!». Перед этим идет перечисление грехов деборинской школы, которые синтезируются в выводе, что это — школа, которая делает крен в сторону

идеализма, но в конце—благословение, так сказать, провозглашается лозунг единого фронта. Это говорит о реальной опасности, которая стоит перед нашим философским движением и не только в Москве, но и на Украине и в Ленинграде. Эта опасность заключается в том, что после того, как спор решен и вынесено решение конференцией, которое, конечно, будет трактоваться как решение, выражающее мнение партии, как решение, выражающее определенную линию, после этого мы несомненно столкнемся с опасностью известной минимизации, опасностью того, что назвал тов. Семковский центризмом. Что такое центризм, тов. Семковский? Центризм, это—такое течение, которое в высокой степени обладает приспособляемостью, т.-е. известной легкостью маневрирования то направо, то налево. Сейчас центризм будет приспособляться к той линии, которая получила одобрение окончившейся здесь конференции. Поэтому у нас должна быть совершенно четкая линия не только по отношению к тем, кто явно враждебно выступал против марксистско-ленинской философии, но и по отношению к тем, кто выступал как центрист, как примиренец, ибо как раз эти примиренцы больше всего будут приспособляться, и они больше всего будут препятствовать учету тех ошибок, которые сделали механисты. В Ленинграде тов. Боричевский так же много говорит против механистов, но так же, как и у тов. Семковского, у него дьявольски трудно вырвать признание своих конкретных ошибок, указание своих конкретных промахов, а этого мы должны добиться. Я перехожу теперь к тому, как Украина, на мой взгляд, должна отнестись к наиболее видному представителю центризма, к тов. Семковскому. Я полагаю, что мы были бы чрезвычайно рады, если бы центристы и на Украине, и в Ленинграде пришли к нам, четко признав свои ошибки, тогда никакого деления не было бы. Была бы единая дружная семья. Но обращает на себя внимание, как центризм приспособляется к условиям нашей конференции. Тов. Семковский заявил, что он признает себя центристом, но в чем заключается его центризм?

Вот как у него вышло. «Деборинцы» делали ошибки на Украине, и он должен был бороться не только против механистов, но и против ошибок «деборинцев». Центризм получается, как чистая ортодоксальная линия. С одной стороны, борьба против механистов, а с другой стороны — борьба против ошибок «деборинцев». Это, тов. Семковский, центризм? Если бы в этом заключалась ваша линия, это была бы линия чисто-марксистской ортодоксальной философии. Если вы открыто признаете свой центризм,—будьте любезны признать ваши конкретные центристские ошибки, а вы их отрицаете. Поэтому я считаю необходимым вкратце восстановить здесь ход борьбы. Вы помните, тов. Семковский, на чем наш с вами разрыв произошел. На споре о том, называться ли обществом воиствующих материалистов или просто обществом материалистов. Это было формой, которая скрывала различное содержание, и на этом произошел разрыв. Мы в 1925 г. пытались общество организовать, когда все слушатели Института марксизма выступали, как ваши ученики, когда мы, «деборинцы», только приехали на Украину; организовали общество, были вместе с вами в президиуме общества и порвали с вами, потому что мы настаивали, что должно быть общество воиствующих материалистов, а вы, опираясь на группу специалистов, провели название «общество материалистов». Дальше история шла по линии борьбы против вас как махиста, а не механиста. Не забудьте такой случай, как книжка Руднянского. Вы раньше всего для нас выступали, как махист. Вы не можете никак отрицать и все сидящие здесь из украинской делегации подтвердят, что мы, «деборинцы», организовали всех ваших бывших учеников против вас на платформе марксистской философии, которую вам угодно называть «деборинской» философией, философией «деборинской группы». Вот «откуда есть» пошла борьба на Украине. Сейчас, когда подводятся итоги борьбы в Москве, по всему СССР и, в частности, на Украине, где она шла активно, вы заявляете, что вы центрист. Укажите, перечислите ваши центристские ошибки, откажитесь от них, и тогда работайте вместе со всеми нами. Но если вы не признаете ни одной своей ошибки, из этого добра тов. Семковский, не получится. Один ваш факт голосования за платформу несо-

стоточен, ибо все мы люди, прошедшие большую партийную школу, и знаем, что такое центризм и чего стоит его приспособление; оно стоит чего-нибудь только тогда, когда признаются ошибки, и люди открыто отказываются от них. Поэтому я полагаю, что в резолюции совещания по докладу об обществе воиствующих материалистов на Украине придется вставить пункт о борьбе против примиренчества и в скобках поставить «Семковский».

Розанов.—Товарищи, у нас в Киеве еще нет общества воиствующих материалистов-диалектиков, но из этого не вытекает, что у нас вообще нет воиствующих материалистов-диалектиков. (Голос: Почему они не организовались?) С момента возникновения философской дискуссии,—это является нашей гордостью,—мы заняли самую непримиримую позицию по отношению ко всякого рода идеалистическим тенденциям.

Я хотел бы указать на то, что организация общества воиствующих материалистов-диалектиков тормозится у нас исключительно тем, что та небольшая горсточка товарищей, которая работает на философском фронте, до того перегружена десятками всякого рода партийных, советских, профессиональных, административных и т. д. обязанностей, что просто нет никакой фактической возможности собраться и положить начало этому учреждению. Но это у нас сейчас стоит на повестке. И естественно, что в ближайшие дни борьба за диалектический материализм получит свое организационное оформление в виде общества воиствующих материалистов-диалектиков.

Я хотел бы еще указать на общее состояние фронта марксистской философии у нас. Вы знаете, что Киев является, как теперь принято говорить, «культурным Лондасом». Вопросы марксистской теории, марксистской философии являются у нас достаточно актуальными. Особенно, если принять во внимание, что рядом с нами существует Всеукраинская Академия Наук, имеющая в своем составе нескольких представителей старой буржуазной философии, которые ныне, как это полагается, подтвержены закону минимизации, пишут исследования об историческом материализме, марксизме и т. д. Это общее положение ставит сейчас нашу работу в очень тяжелые условия, именно благодаря малочисленности наших кадров.

Что же можно отметить положительного? Можно отметить то, что теория диалектического материализма привлекает настолько серьезное внимание местных научных работников, что к нашей кафедре непрерывно обращаются руководители различных других исследовательских кафедр, отдельные группы аспирантуры из Академии Наук и из других исследовательских групп, с просьбой организовать для них специальные семинары по материалистической диалектике. Правда, имеется очень много элементов, требующих сугубой осторожности. Но очень показательно, что педагоги, биологи, историки и экономисты необычайно высоко ценят необходимость ознакомления с материалистической диалектикой, как со всеобщей научной методологией. И это чрезвычайно важное идейное достижение, что мы сумели эту среду в достаточной степени ознакомить с методологией для их специальных областей нашей материалистической, диалектической методологии.

Необходимо еще отметить, товарищи, что если совершенно правильно была установка тов. Гонимана о том, что нам, в борьбе за диалектический материализм, которую приходится и приходится вести на Украине, важнее всего была генеральная линия размежевания с механистами, то все же в то же самое время необходимо вести борьбу не только на одном этом фронте. Мы принуждены сложить и рядом обращать внимание на то, что делается в нашем собственном лагере диалектических материалистов. Наш лагерь диалектических материалистов с особой внимательностью должен относиться ко всякого рода промахам в нашей среде, ибо мы не сможем осуществлять идейную гегемонию на марксистском фронте, если мы проявим известного рода слабость в этом отношении. Как на примере такого рода отсутствия бдительности, я хочу указать на попытку создать вокруг известного экономиста Зибера такую атмосферу, что он является чуть ли

не представителем ортодоксального диалектического материализма. В тех или иных вариантах его ставят рядом с Марксом и Энгельсом. Я могу сослаться на некоторые факты. (С места: О ком вы говорите?) Я говорю о выступлении тов. Яворского: «Основоположник марксизма на Украине и в России Зибер». Против этого должны энергично бороться материалисты-диалектики, а в сборнике «Воинствующий материализм» помещен отрывок, искаженный перевод из «Анти-Дюринга» Энгельса, сделанный в свое время Зибером, и там говорится, что этот отрывок и по настоящее время является чуть ли не лучшим изложением материалистической диалектики.

Я хотел бы в заключение указать на то, что у нас работа по пропаганде диалектического материализма протекает не только в стенах нашей кафедры, но и в согласии с партийным активом. У нас был ряд докладов, специально по материалистической диалектике для партийных товарищей активистов. И сейчас, если ставить вопрос о том, каковы перспективы марксистской философии на Украине, то наиболее приемлемой формулой будет: размежевание по генеральной линии, борьба за диалектический материализм и в то же время суровое отношение ко всякого рода частным промахам, даже если бы они касались отдельных проблем.

Левин, М.—Товарищи, в первую очередь я хочу сказать пару слов нашим дорогим товарищам из Ленинграда—Гоникману и Тымянскому. Я обращаю ваше внимание на два конкретных вопроса.

Трое из нас—естественников—Левит, Агол и я—недавно имели возможность ознакомиться с положением дел в Ленинграде. Мы там наблюдали два явления: одно—чрезвычайно отрадное, другое—несколько огорчившее нас. Чувство огорчения не исчезло после того, что сказал сегодня тов. Тымянский. В Ленинграде мы видим такое явление: чрезвычайно сплоченную, прекрасно организованную, исключительно дружно работающую группу марксистов-философов. Помню, что я эту группу сравнил с «Народной Волей», конечно, с теми ее качествами, которые восхвалял Маркс, и, конечно, не с теми, против которых боролась в свое время группа «Освобождение Труда».

Нужно указать еще на один положительный признак: наши ленинградские философы стоят на очень высоком уровне естественно-научного образования. Этим, однако, их плюсы в интересующем нас отношении исчерпываются.

Но ведь перед нами, товарищи, стоит вполне конкретная задача: распространить наше влияние на широкую периферию не-коммунистов-естественников и привлечь как можно больше сторонников. Так вот, мы предложили ленинградцам на основании опыта, проделанного нами здесь, в Москве, с различными обществами при Коммунистической Академии, именно: врачей-материалистов, биологов-материалистов, физиков-математиков-материалистов и психоневрологов-материалистов,—организовать в Ленинграде такие же общества, которые под руководством естественников-марксистов объединили бы и привлекли бы широкую публику беспартийных естественников-материалистов.

Мы всячески старались убедить в необходимости именно такой линии товарищей Тымянского, Гоникмана, Ширвиндта, Куразова и др., но тщетно. Я все же возобновляю нашу тогдашнюю попытку, хотя и предвижу возражения со стороны наших ленинградских товарищей. Тов. Тымянский здесь сообщил, что у них борются два направления: направление Ленинградского Института марксизма с направлением Научного общества марксистов. При этом он указал на то, что Научное общество марксистов находится в состоянии прозябания, вернее, развала. С другой стороны, мы имеем упомянутый Ленинградский Институт марксизма. Тут опять очень интересное явление: в него не входит естествознание. Естествознание остается за пределами этого Института. Для естествознания существует общество воинствующих материалистов с особыми секциями: биологической, физико-математической и т. д. Теперь я спрашиваю: можем ли мы вовлечь в круг нашего влияния и организовать вокруг себя широкие слои естественников при помощи секций, руководимых обществом воинствующих

материалистов, к тому же руководимого исключительно философами? Ведь руководящим учреждением ОВМ является Ленинградский Институт марксизма, а Ленинградский Институт марксизма ведь состоит из философов, как сказал тов. Тымянский. Правда, эти товарищи имеют чрезвычайно почтенные знания в области естествознания, но все-таки для периферии беспартийных ученых, молодежи, аспирантов и т. д.—это философы. Я должен сказать, что нам, москвичам, удалось привлечь и заинтересовать беспартийных естественников, крупных спесов, именно благодаря тому, что у нас созданы общества материалистов для обсуждения чисто-специальных вопросов. Руководство этими обществами находится у нас в руках диалектиков-материалистов, но не философов, а естественников.

Я думаю, что если ленинградские товарищи и дальше будут следовать этой линии, то они, может быть, и завербуют некоторых спесов, некоторых аспирантов, но процес этот будет идти с большими трениями и большими затруднениями. Поэтому нам кажется целесообразнее организовать в Ленинграде общества на манер наших. Главное препятствие, очевидно, то, что наши ленинградские товарищи боятся потерять свою гегемонию над естественниками. Это естественная боязнь. Но это не довод. Быть может, вначале и будет трудно, все же без того, чтобы естественники сами учились диалектическому материализму, вам, товарищи, не обойтись. Наконец, в эти общества ведь и философы ваши войдут. Если бы мне разрешили воспользоваться выражением в порядке дружеского шаржа, то я бы сказал: из этой семейно-самоварной замкнутости, при которой группа философов держит все в своих руках—из этого положения, по-моему, нужно выйти.

Второй вопрос касается выступления товарища из Свердловска. Он указал на один очень интересный и опасный в нашем деле момент.

Оказывается, что в Свердловске историки и экономисты, насколько я вас помню, вы имеете в виду экономистов и историков партийцев, верно? (С места: Да, да). Так вот, они заявляют, что не хотят участвовать в обществе воинствующих материалистов, так как это—де общество философское. Товарищи, для нас, марксистов, разумеется, ясно, что никакого разрыва между экономистами, историками, философами, естественниками в борьбе за материализм быть не может. Общество воинствующих материалистов не может и не должно быть обществом только воинствующих философов материалистов диалектиков, или обществом только воинствующих материалистов естественников. ОВМ безусловно должно охватить также и экономистов, должно охватить и историков, при чем в данном случае ударение будет ставиться на историческом материализме. Я полагаю, что когда Ильич советовал создать общество друзей гегелевской диалектики, он не имел в виду создание такого общества друзей гегелевской диалектики, которое состояло бы исключительно из философов, а такое объединение, которое охватывало бы также и естественников, и экономистов, и историков.

Новиков.—Товарищи, я хочу переключить ваше внимание в несколько другую область, а именно, я выступаю с предложением философской интервенции за границу, через общество воинствующих материалистов-диалектиков.

Дело в том, что на ряд выступлений против «советского» марксизма, имевших место за границей в социал-демократической печати мы до сих пор не имели ответа ни в специально философской, ни в нашей общепартийной, коммунистической печати, ни в СССР, ни за границей. О том, что был целый ряд таких выступлений товарищам известно. Например, известны выступления Вернера о «советском марксизме» и Зигфрида Марка против ленинского «Материализма и империализма». Об этом, кажется, упоминал тов. Карев в своей последней статье о книге Аксельрод. Очень интересна последняя статья неизвестного Отто Иенсена, редактора известного сборника к 70-летию Каутского. Отто Иенсен выступил даже не в журнале, а в газете «Leipzig. Volkszeitung» с передовой статьей

под заглавием «Маркс как человек и философ». Статья посвящена последней книге покойного Форлендера о Марксе.

В этой статье Отто Иенсен дает следующую характеристику диалектического материализма в СССР. Он пишет, что книга Форлендера приобретает актуальный интерес по целому ряду причин, но в частности и потому, что диалектический материализм в Советской России возведен в сан государственной, философской религии. «Философия Маркса, названная диалектическим материализмом, теперь снова выступает на первый план, ибо ее возвели и канонизировали в России, как некую философскую государственную религию». Это—мысль не нова. Это—общее место всякой социал-демократической критики «советского» марксизма. Она встречается также и у Вернера, постольку в ней ничего нового нет. Но у Иенсена дальше следует мысль чрезвычайно интересная. Он говорит: «Но здесь (т.-е. в Советской России) речь идет большей частью не столько о методе, сколько во многих отношениях также (поскольку дело касается Энгельса) об освещении отдельных результатов, в то время как ныне теоретическая физика как раз находится в состоянии переворота, о чем 50-летие со дня рождения Эйнштейна напомнило широкому общественному мнению» («L. V.», 3 апреля 1929 г.). Итак, О. Иенсен в полном согласии с советскими механистами, утверждает, что в Советском Союзе интересуются не столько методом диалектического материализма, сколько освещением отдельных законов и категории гегелевской диалектики и якобы устаревших деталей «Диалектики природы» Энгельса. А это, несомненно, мысль, показывающая родство философского ревизионизма у механистов в Советском Союзе и у соц.-дем. теоретиков в Европе.

Я бы хотел подчеркнуть, что, во-первых, у нас здесь, в Советском Союзе, не было решительно ни одного специального ответа на выступления критиков, в роде Вернера, который, между прочим, высказал такое положение, что методологической основой всей программы Коминтерна является не что иное, как исторический фатализм, особенно в том пункте, где программа Коминтерна признает неизбежность новой империалистической войны. Впрочем, это обвинение ленинизма в историческом фатализме прозвучало особенно громко в брюссельской речи Отто Бауэра.

Во-вторых, не только у нас здесь нет ответа на эти вылазки, но их нет и за границей, в нашей коммунистической прессе. Мне сдается для нашей философской интервенции за границей почва уже подготовлена тяжелой артиллерией в образе работ тов. Деборина «Диалектика у Канта» и «Диалектика у Фихте», вышедших на немецком языке. Я не знаю, какие были отзывы о второй работе, но первая работа была встречена очень почтительными отзывами, например, даже на страницах «Дер Кампф», где человек, далеко не симпатизирующий диалектическому материализму, явный кантианец, должен был признать, что исследование Деборина чрезвычайно ученая, даже учнейшая работа, свидетельствующая об огромной эрудиции автора и составляющая большой вклад в литературу о Канте.

Можно указать еще и на журнал «Unter dem Banner», но этот журнал имеет небольшое распространение. При тираже в две с половиной тысячи экземпляров он имеет чрезвычайно ограниченный круг читателей, а нам нужно мобилизовать партийное мнение секций Коминтерна вокруг глужих проблем философии.

Стало быть речь идет о том, чтобы по линии наших общепартийных, коммунистических журналов за границей активизировать освещение философских вопросов. Но не только об этом. Нам важно и здесь, и за границей показать и доказать идейное, философское, методологическое родство советских механистов и социал-демократических философов, социологов и политиков. Я, разумеется, не могу остановиться сколько-нибудь подробно на этом вопросе, ибо на совещании мы занимаемся, так сказать, вопросами философской политики и организационными проблемами, а не разрешением философских проблем по существу. Я могу только констатировать, что исходные пункты философского ревизионизма и

советских механистов, с одной стороны, и у самых крупных социал-демократических философов и социологов,—с другой, в общем и целом совпадают. Не развильные темы, напомню, хотя бы, только некоторые пункты совпадения. Отождествление материализма с механическим миропониманием встречается, как общее место, у всех соц.-дем. философов (у М. Адлера, у Бауэра, у Каутского). Компромиссация «советского» диалектического материализма и в частности материалистической интерпретации Гегеля, да и всего ленинизма, как схоластики—красной нитью проходит через все написанное и сказанное социал-демократами о «советском» марксизме.

Возьмем такой интересный пункт, как вопрос о соотношении между эмпирическим и диалектическим материализмом, между индуктивизмом и материалистической диалектикой. Крупный австро-марксистский теоретик, ультра-ревизионист Реннер, в полемике с Максом Адлером высказал следующее положение, которое свидетельствует о родстве душ очень видных философов московских и австро-венских. Реннер утверждает, что марксизм является индуктивным, эмпирическим социализмом теории, как лейбуризм эмпирическим, индуктивным социализмом практики. Но ведь всем известно, что в книге Ортодокс «В защиту и т. д.» проводится точка зрения, на 100% или на 99% совпадающая с точкой зрения всеиндуктивистского осла—Реннера. Или, наконец, возьмем вопрос о простых законах справедливости и права. Каутский выступил со специальной статьей, где он берет под защиту эти простые законы и доказывает, что большевики нарушают их на каждом шагу, например, маневрами тактики единого фронта. Стало быть, и в этом пункте мы имеем совпадение. Но совпадение существует и по целому ряду других вопросов и притом не случайное, вплоть до отрицания объективной случайности (например, у того же Каутского). Стало быть, мы имеем дело с единым фронтом философского ревизионизма от Ортодокс до Каутского.

Я бы мог еще указать на один новый философский фронт. Появилась работа Троцкого, оценивающая итоги ноябрьского пленума. Это работа не только политического характера, но и с претензией на философско-идеологическое обоснование «наших разногласий». Троцкий проводит там идею, что методологической основой «сталинизма» является имманентный идеализм и схоластика. Мне кажется, что общество ВМД должно взять на себя защиту диалектического материализма и ленинизма от философского ревизионизма, откуда бы он ни исходил, от механистов, социал-демократов или троцкистов, как в Советском Союзе, так и за границей. Международному фронту ревизионизма от Ортодокс до Каутского и Троцкого нужно противопоставить международный философско-политический фронт диалектического материализма.

Я думаю, что нашему Союзному Обществу ВМД следует принять ряд шагов перед Коминтерном, чтобы поставить эту работу на должную высоту.

Ю р и е ц.—Товарищи, я не буду касаться побочных продуктов дискуссии. Я хочу затронуть несколько вопросов существенного характера, относительно истории спора между механистами и диалектиками на Украине.

Тов. Семковский сказал, что у нас было бесхребетное положение. И, действительно, такое положение существовало, тов. Семковский занимал позицию центристскую. Сначала были только оттенки разногласий. Эти оттенки обнаружались, например, в связи с трактовкой «Диалектики природы» Энгельса, а с другой стороны, в связи с трактовкой Спинозы. Значит, тогда действительно еще количество в качестве не перешло и дискуссии не было. Только полтора года тому назад, когда разгорелся спор в Москве, он разгорелся и у нас, и он разгорелся вокруг вопроса о значении категории случайности. Здесь надо подчеркнуть, что Семковский занял двойственную позицию. В связи с докладом тов. Демчука, когда был поставлен вопрос, какого характера категорией является категория случайности, то было сказано, что она является категорией субъективной. Потом тов. Семковский изменил свое положение и определил категорию случайности, как категорично субъективно-объективную, при чем он сам мотивировал свою прежнюю

позицию тем, что в прежней борьбе дело шло о том, чтобы защищать детерминизм, абсолютный характер закона причинности, что на этот момент нужно было обратить внимание. Это двойственное отношение к категории случайности указывает на центристский характер его позиции. Я бы хотел теперь обратить внимание на другие вопросы, связанные с работой на Украине. На Украине мы имеем специфический переплет, потому что там одновременно с процессом социалистического строительства идет процесс развития новой, интернациональной по существу и национальной по внешней форме, культуры, и эта новая культура, которая рождается, испытывает, особенно в связи с напором, стихийное давление, с одной стороны, давление кулака, а, с другой стороны, — городского эмпана и мелкой буржуазии. У нас очень много врагов, и у нас борьба очень сложная. С другой стороны, надо обратить внимание на то, что делаются попытки философских вылазок со стороны Украинской Академии Наук. Это обнаружилось в работе о Сквороде, работе академика Гилярова. Это обнаруживается в других областях. У нас борьба очень часто принимает не чисто-философский характер. Особенно это обнаруживается в борьбе с различными течениями в литературе. Как и у других наций, которые возраждаются благодаря социалистической революции, так и у нас различные мелкобуржуазные течения прикрываются подчас социалистическими лозунгами. Товарищи помнят ту большую дискуссию, которая имела место год тому назад и которая длилась два года. Здесь диалектике предстоит очень много работы. У нас комплекс этих вопросов очень сложный и очень обширный, поэтому мы стоим на той точке зрения, что функции нашего общества нужно расширить, что надо вовлечь в центр внимания даже такие работы, которые не являются существенной работой для воиствующих материалистов в других республиках, например, вопрос о литературе, вопрос о критике, вопросы социологии искусства вообще и другие такого порядка вопросы. С другой стороны, антирелигиозная пропаганда имеет тоже большое значение и значение специфическое, потому что, как вам известно, религиозное движение, автокефальное движение имеет определенно политический характер и опирается на определенные слои украинского общества. Значит, здесь тоже борьба, с одной стороны, очень сложна, с другой стороны, очень трудна, и на нее не обращали еще до сих пор достаточно внимания.

Общество воиствующих материалистов, кроме этого, имеет на Украине еще большое значение в качестве рассадника философской культуры вообще. Украинцы были нацией, которая, по различным историческим причинам, отстала, у которой не было крупной культуры. Культура выражалась, собственно говоря, в литературном движении. Теперь же это культурное течение дифференцируется все больше и больше, и целью общества воиствующих материалистов является также расширение, углубление философской культуры вообще в связи с культурной революцией на Украине.

Второе — у нас вопросы философии, вопросы культуры очень тесно связаны с политическими; поэтому именно и структура нашего Общества и задачи должны иметь другой характер. В то время, как другие товарищи подчеркивали, что исследовательская работа — научная работа, не должна иметь места в обществе воиствующих материалистов, у нас мы должны посвятить ей очень много места, потому что мы должны сочетать эти две формы культурного движения. Мы должны влиять на широкие слои украинского общества, — не только на украинских рабочих, но и на украинскую интеллигенцию, с которой нам надо, с одной стороны, бороться, с другой стороны, привлекать ее к себе. Поэтому задачи общества воиствующих материалистов на Украине специфичны, и научная работа не должна стоять на втором плане, она имеет большое значение. Это отразилось, например, в нашем сборнике, где многие статьи имеют чисто-научный характер. Например, статья «О причинности», чисто-исследовательская статья, появилась на страницах сборника воиствующих материалистов.

Демчук. — Нам нужно, исходя из конкретной необходимости, укрепить марксистский фронт, особенно у нас на Украине. Но для этого нам нужна чет-

кость, ясность. Без ясности и четкости мы ничего не сделаем, а для этого на совещании нужно четко отмежеваться, тов. Семковский, от тех ошибок, которые мы сами назвали нежно «центризмом» и от которых вы все-таки еще не отмежевались.

В свое время Семковский пытался как-то ругать «деборинскую» школу. Мы должны сказать, что это единственная школа, которая защищала марксистскую партийную философию и диалектический материализм — это наша принципиальная установка. Мы можем ошибаться, ошибки есть. Но принципиальная линия наша заключается в том, что та борьба, которая велась на Украине так называемой «деборинской» школой — единственно правильная принципиальная борьба за диалектический материализм. А потом уже давайте будем разбирать оттенки мнений и ошибки, которые у нас есть, и исправлять их. Но раньше всего мы должны сказать, что без признания этого основного никакая совместная работа не возможна.

Федчишин. — Культурная революция, которую мы переживаем, возбудила широкий интерес к философии в трудящихся массах и вместе с тем — стихийное возникновение обществ и кружков содействия обществу воиствующих материалистов. Это все не случайно, и этим движением нам нужно руководить. Мне кажется, что та эпоха, которую мы переживаем, даст нам возможность в ближайшее время иметь целые сотни кружков и организаций воиствующих материалистов. Здесь возникает вопрос: каким путем нам идти? Если взять буржуазную Германию, в которой интерес к философии вообще широко распространен, там существует так называемое общество Канта — «Kant-Gesellschaft». Это общество имеет целый ряд филиалов во всех окружных, уездных и даже районных городах. Мне кажется, что СССР тоже должен покрыться целой сетью обществ воиствующих материалистов. Здесь возникает целый ряд тактических вопросов. Нужно стремиться к тому, так или иначе, чтобы руководить этими отделениями. Что же касается научных обществ других — и марксистских, и немарксистских, — там воиствующие материалисты должны иметь руководящую роль, должны стремиться завоевать их изнутри.

Дальше возникает вопрос о философском съезде. Философский съезд должен быть обязательно как можно скорее созван, и на этом съезде нужно поставить целый ряд теоретических вопросов. Сейчас нужно поставить себе следующие задачи:

- 1) Разработка новых проблем диалектического материализма.
- 2) Завоевание новых отраслей знания для диалектического материализма.
- 3) Завоевание заграницы, о котором здесь говорилось.

Мне кажется, что за границей имеется широчайший интерес к философии в СССР. Тов. Юринец, который был недавно за границей, говорил с гегельянцем проф. Эмге, и этот профессор, хотя он, конечно, не марксист, сам предлагал, например, издать общими силами «советско-немецкий философский сборник». Конечно, мы не можем организовать общие издания таких сборников с гегельянами-идеалистами. Но, вместе с тем, нужно использовать этот интерес к развитию философии в СССР, который существует даже среди буржуазной интеллигенции в буржуазных странах, и стараться продвинуть нашу философскую литературу и показать состояние философии в СССР и наше отношение к философии, которое, конечно, там понимается крайне превратно; для этого должно использовать все возможности наших коммунистических издательств и коммунистической прессы во всех буржуазных странах. Только таким путем мы выйдем ржавое оружие из рук гг. Вернеров и Иенсенов, которые, как мы слышали из выступления тов. Ноникова, занимаются в с.д. печати распространением живых и клеветнических сведений о философском развитии в СССР.

Тымянский. — Прежде всего считаю обязанностью выразить благодарность т. М. Л. Левину за то лестное мнение, которое у него сложилось о лево-градских философях. Я думаю, однако, что то мнение, которое у него сложилось

относительно нашей работы с естественниками, не совсем правильно. Дело, видите ли, вот в чем: когда тов. Левин был у нас, мы не имели еще достаточно сил в области естествознания, на которые могли бы полагаться. Теперь мы в этом отношении находимся в лучшем положении и потому сможем пойти смелее в смысле организации братских обществ. Я, однако, должен сказать, что мы не можем заняться организацией обществ естественников, в которых не было бы нашего контроля. Это значило бы отдать «на поток и разграбление» дело распространения идей диалектического материализма среди естественников. Мы должны предварительно выработать, воспитать своих естественников диалектиков-материалистов, которые могли бы стать тем ядром, вокруг которого братские общества могли бы организоваться. Мы их воспитываем в наших семинарах, в секциях общества воинствующих материалистов. В этих секциях мы имеем небольшое количество естественников. (С места: Откуда вы их берете?) Мы их берем, главным образом, из коммунистической молодежи, из аспирантуры, к нам идет некоторое количество ассистентов и профессоров. Когда мы сможем быть уверены, что эти товарищи нас не подведут, тогда мы сможем перейти к организации братских обществ. Так как все auspicii пока являются благоприятными, то у нас есть все данные надеяться, что осенью мы сможем перейти к организации братских обществ естественников.

Председатель.—Товарищи, прежде, чем дать заключительное слово, я предоставляю слово по личному вопросу тов. Семковскому.

Семковский.—Со всей краткостью я хотел сказать лишь несколько слов, не касаясь вовсе того, что здесь говорилось. Я должен констатировать, что я подошел к вопросу открыто и прямо. Я точно установил перед вами и то, в чем, по моему мнению, я был прав — в диалектико-материалистической разработке теории относительности, в вопросе о смычке с естествознанием, — и то, что считаю своей ошибкой. Я поставил вопрос прямо и определенно. А со стороны некоторых товарищей я встретил, наоборот, мелочную и мелкую попытку за что-то еще «схватиться». Вот передо мною стенограмма моего выступления, где говорится: «Ошибку же мою я вижу в том, — и это я хочу ясно и определенно установить, — что я отдельные частные моменты, которые действительно вели в сторону уклона, неправильно отождествлял с основным течением, которое шло по правильному пути». Т.-е. я здесь определенно признал, что основное течение, во главе которого стоял тов. Деборин, шло по правильному пути. Иначе, понятно, я не мог бы голосовать и за резолюцию конференции марксистско-ленинских учреждений. Тут, повторяю, со стороны определенных товарищей был проявлен мелочный и медкий подход, например, в таком пункте, что я, якобы, «не отмежевался от взглядов Аксельрод», когда всем хорошо известно, что та резолюция, которую мы вчера приняли, ясно и точно отвечает и на это. Иначе, как мелочный подход, я этого охарактеризовать не могу. Только сознание необходимости консолидации наших сил перед лицом огромных задач, которые стоят сейчас перед философией марксизма, заставило меня взять слово. Я считаю, что нам нужно всюду — и в Украине, и в Советском Союзе, в целом — дружно и сплоченно работать всем тем, кто стоит твердо на принятой платформе и на этой основе хочет и может двигать вперед разработку философии марксизма.

Карев.—Разрешите предоставить заключительное слово А. М. Деборину.

Деборин.—Я буду очень краток, так как все очень устали. Но все-таки кое-какие итоги мы должны сегодня подвести. Мне кажется, что вы со мною все согласитесь; что наше первое совещание общества воинствующих материалистов, которое длилось непрерывно шесть с половиной часов, что это совещание не менее интересно, чем наша конференция марксистско-ленинских учреждений, а в некоторых отношениях, пожалуй, даже более интересна. Я, к сожалению, не имею возможности развернуть ту картину, которая здесь была нарисована товарищами с мест. Выявилась чрезвычайно интересная и прямо захватывающая, в извест-

ном смысле, картина. Оказывается, что общество воинствующих материалистов играет необычайную роль, прямо можно сказать культурно-политическую роль, не только в том смысле, что борется за диалектический материализм, за правильную, выдержанную линию в этой области, нет, оказывается, что роль общества воинствующих материалистов гораздо шире и гораздо значительнее. Мы тут слышали, что, с одной стороны, у нас имеются такие дикие углы, места, в которых широко распространена поповщина. Во главе научных институтов стоят какие-то попы. С другой стороны, мы слышали, что во многих местах нет совершенно никаких других объединений марксистских научных сил, кроме отделений ОВМД.

Итак, выявилась, с одной стороны, чрезвычайно грустная картина. Все эти факты не получили освещения на конференции, и потому их освещение здесь является как бы естественным дополнением к конференции. В нашу задачу входит теперь обратить внимание соответствующих учреждений и инстанций на положение вещей на местах. То, что мы слышали, сигнализирует чрезвычайно опасное положение, и мы должны бить тревогу в этом смысле. Конечно, у нас сил очень мало. Мы не имеем возможности отсюда из Москвы питать в достаточной мере провинцию. С другой стороны, провинция также не дает своих сил, но во всяком случае что-то необходимо сделать. И вот, оказывается, что общество воинствующих материалистов, которое только недавно в сущности сформировалось и недавно начало свою деятельность, это общество воинствующих материалистов, с одной стороны, всколыхнуло, можно сказать, всю провинцию, а говоря о провинции, я имею в виду именно медвежьи углы, — не о крупных центрах здесь приходится говорить, а с другой стороны, оказывается, что общество воинствующих материалистов является не только обществом, несущим в массы идеи диалектического материализма, а что это общество содействует размежеванию и в отношении чисто-политическом. Оно выявляет, так сказать, физиономию, установку, настроение, идеологию элементов, враждебных марксизму, выявляет все это наружу, с одной стороны, а с другой стороны, создает условия, при которых мы должны нанести им сокрушительный удар. Собрать отдельные единицы, которые имеются на местах, из которых можно создать соответствующие боевые организации, которые бы продолжали борьбу со всеми видами поповщины и идеализма, которые прогнали бы попов и прогнали бы всех тех, кто ведет антимарксистскую, антисоветскую политику, — вот в каком свете вырисовывается деятельность общества воинствующих материалистов. При таком положении вы согласитесь, что нам необходимо теперь напрячь все силы на укрепление этого общества, ибо оно играет много-стороннюю роль. Надо сказать, что те товарищи, которые думают, что общество воинствующих материалистов объединяет только философов или должно объединить только философов, грубо ошибаются. Общество воинствующих материалистов, это не философский институт, это не философский кружок, это общество, которое объединяет марксистов, людей занимающих правильную марксистско-ленинскую выдержанную позицию. Вот что представляет собой это общество. И поэтому чрезвычайно странно здесь было слышать от целого ряда товарищей о завлечении наших товарищей историков, экономистов, на местах, которые представляют себе дело так, что общество воинствующих материалистов — это не их дело, это дело философов. Такое положение вещей не может быть терпимо и на эту сторону нужно обратить внимание. Я должен подчеркнуть, что наше общество ведет свою работу в полном контакте с партийными организациями, как на местах, так и в центре. Это должны знать товарищи, и на эту сторону должны обратить внимание товарищи экономисты и историки. Они не должны из себя изображать какую-то эристратию, которой до всего того, что происходит вне их узкой специальности, никакого дела нет. Это положение вещей нетерпимо. Теперь относительно размаха нашей работы.

Само собой разумеется, что прежде всего мы должны принять все меры к укреплению нашего общества. Как оно должно согласовать свою работу с дру-

гими учреждениями, организациями и обществами и т. д. — об этом я говорил в своем вступительном слове и здесь никаких возражений не было. Мы должны укрепить на местах нашу организацию. Это я подчеркиваю. Конкретной программы работ мы здесь не намечаем, потому что, с одной стороны, это зависит от местных условий, а, с другой стороны, генеральная линия наша ясна. Теперь, в связи с укреплением нашего общества на местах, необходимо расширить его деятельность. Мы должны создать такие общества решительно всюду, где это только возможно, во всех городах. Это должно быть основным лозунгом. Не должно быть не только крупных городов, но и вообще не должно быть городов, в которых не было бы отделения общества воинствующего материализма, ибо это общество мобилизует, концентрирует, собирает все силы и является необходимым органом, ведущим в широких размерах пропагандистскую работу вообще. Мы знаем, в каком контакте существующие общества находятся с местными партийными организациями. В этом направлении надо идти дальше и надо стремиться к тому, чтобы на местах были созданы, всюду где это возможно, общества, ибо эти общества являются единственным центром, который собирает научные силы и тем самым создает научно-исследовательскую работу на местах. С другой же стороны, это общество является боевой пропагандистской организацией и даже культурно-политической организацией в довольно широких размерах. Дальше возникает вопрос о наших выступлениях за пределами нашего Союза. Должен сказать, что этот вопрос в нашем правлении поднимался, и мы кое-что наметили, хотя тут ставился вопрос в другой плоскости.

Здесь ставился вопрос о необходимости нашего выступления за границы с нашей литературной продукцией. Это — одно положение, а с другой стороны, мы также намерены протянуть наши шупальцы туда, за границу, с тем чтобы, быть может, там создавать некоторые ячейки общества воинствующих материалистов. Некоторым товарищам это может показаться излишним оптимизмом, но я должен сказать, что мы из-за границы получили даже некоторые предложения такого рода. Мы, например, получили из Берлина предложение, не разрешим ли мы там создать на месте, в Берлине, отделение общества воинствующих материалистов. Стало быть, наше выступление за границей не является чем-то утопическим, это уже назрело, и там, имеется возможность привлечь чисто партийные, коммунистические силы. (Левин, М.: Там много можно собрать. Да, там много можно собрать. Такие обращения мы уже имеем отсюда, и если мы только будем иметь возможность, если физически будем в состоянии, если у нас будут силы, если у нас будут кадры, то мы это сделаем.)

Теперь еще несколько слов относительно того, как нам дальше быть. Я думаю, товарищи, что если я говорю о необходимости прежде всего тесного сплочения, самого тесного сплочения наших сил, то нужно все-таки принять во внимание следующее обстоятельство. Конечно, генеральную линию проводили правильно такие-то товарищи, против этой генеральной линии боролись такие-то товарищи, — это все факты, исторические факты, которые всем известны. Но в настоящее время мы должны держать курс на изживание всевозможных разногласий, которые раньше имели место, на изживание этих разногласий в дружной, товарищеской работе, с тем чтобы возможна была именно совместная работа, и чтобы было возможно дальнейшее ее развитие.

Вот та основная, мне кажется, точка зрения, на которую мы должны встать. Мы никогда, конечно, не должны замазывать никаких разногласий, это было бы совершенно неправильно. Но если товарищи от ошибок отказываются, если официально заявляют о том, что нет сейчас никаких разногласий и т. д., то я думаю, констатируя то, что было, мы должны призвать всех товарищей сплотиться и соединенными силами повести дальнейшую работу на благо и развитие марксизма в СССР. (Аплодисменты.)

После заключительного слова А. М. Деборина принимаются резолюции, прилагаемые к стенограмме.

Карев. — Прежде, чем закрыть конференцию, разрешите сказать несколько слов. Мы предполагаем опубликовать все материалы этого совещания. Я думаю, что стенограммы, с самыми небольшими сокращениями, будут напечатаны в журнале «Под Знаменем Марксизма», то же самое и резолюции. Кроме того, я думаю, что мы резолюции опубликуем в «Революции и Культуре», и попросим товарищей, которые работают на местах и которые располагают соответствующими органами, напечатать эти резолюции в этих органах вместе с резолюцией 2-й Всесоюзной конференции по докладу тов. Деборина, потому что эта резолюция имеет фундаментальное значение.

Мне кажется, что мы можем сказать, что в течение конференции и на этом совещании наше общество достигло блестящих успехов, таких успехов, которых многие из нас в такой короткий срок не ожидали достигнуть. Этим мы обязаны, с одной стороны, общим условиям диктатуры пролетариата, с другой стороны, правильной марксистско-ленинской позиции, которую мы занимали. Однако, для того чтобы эти условия были реализованы, необходимо было вести борьбу со всякого рода ревизионизмом, для этого необходима была сплоченность, для этого необходимо было правильное руководство. Мне кажется, что перед закрытием совещания необходимо сказать несколько слов о нашем руководителе — А. М. Деборине. (Аплодисменты.) Те задачи, которые перед нами стояли, — чрезвычайно сложные задачи. Эти задачи были определены Лениным. В работе по выполнению заданий и указаний Ленина Абраму Моисеевичу удалось создать проникающую до самых отдаленных уголков нашего Союза философскую школу, школу ортодоксального марксизма-ленинизма. Надо сказать, что из старого поколения философов-марксистов Абрам Моисеевич был единственным, кто последовал за указаниями Ленина, приняв ту задачу, которая стоит перед философией марксизма в наших чрезвычайно сложных и трудных условиях, в той обстановке, в которой мы боремся. Большинство из нас является учениками Абрама Моисеевича. Для всех нас он является руководителем и другом, с которым мы шли вместе в работе. Я думаю, что при дружной работе, несмотря на все возможные отдельные разногласия и споры, без которых не обходится ни одно живое течение, мы будем продолжать действовать так же сплоченно, как и до сих пор, и вместе с Абрамом Моисеевичем будем достигать еще больших успехов, чем те, которых мы достигли.

Поле работы, открывающееся перед нами, — огромно, и то, что говорилось на этом совещании, показывает, что стоит только выйти за околицу крупного индустриального центра, в роде Москвы, Ленинграда, Харькова, как повсюду начинается огромное поле для борьбы с идеализмом и поповщиной. Огромно поле работы, которое мы сможем обработать только в том случае, если будем сплочены. На Всесоюзной конференции мы говорили о задачах работы вглубь. Здесь мы говорили о задачах развития работы ширию. При дальнейшей сплоченной работе в нашей организации можно надеяться, что мы сможем эти задачи разрешить, и марксизм-ленинизм будет все больше и больше победоносно продвигаться вперед. (Аплодисменты.)

Позвольте на этом закрыть наше совещание.

Резолюция об очередных задачах ОБМД.

Заслушав доклад о задачах ОБМД, сообщение о работе правления Общества, доклад Украинского, Бедорусского и Закавказского обществ, Ленинградского и других местных отделений, Всесоюзное Совещание постановляет:

1. Происходящая в условиях развивающегося социалистического строительства классовая борьба вызывает известное оживление как открыто враждебных марксизму-ленинизму течений, так и различных ревизионистских отклонений от него, прикрывающихся то марксистским знаменем, то флагом специального знания. Необходимо отметить оживление в лагере церковников, усиление деятельности сектантов и т. п. Борьба за марксизм-ленинизм, за гегемонию его как в общественных, так и в естественных науках необычайно усложняется.

В этих условиях совершенно необходимо создание боевого, централизованного, идейно монолитного, широкого об'единения марксистско-ленинских сил, ставящего своей основной задачей борьбу за диалектический материализм, пропаганду его в самых широких трудовых массах, а также всемерную разработку и применение его.

2. Всесоюзное Совещание одобряет первые шаги по пути такой организации, сплочению и собранию марксистско-ленинских философских сил, проделанные правлением ОВМД.

3. Одобряя обращение правления ОВМД, устав ОВМД, положение о группах содействия и исходя из решений Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений по докладам тт. Деборина и Шмидта о современных проблемах философии марксизма-ленинизма и о задачах марксистов-естественников в области естествознания, Первое Всесоюзное Совещание ОВМД постановляет организовать Всесоюзную Ассоциацию Обществ воинствующих материалистов-диалектиков.

4. Всесоюзное Совещание ОВМД считает вполне назревшим и необходимым созыв в 1930 году Первого Всесоюзного марксистско-ленинского философского съезда. В целях реорганизации общества во всесоюзную организацию, а также для проведения всей подготовительной работы по подготовке съезда, Совещание считает необходимым создание временного всесоюзного центра, в который включить правление ОВМД РСФСР и т.т.: Юринца, Берковича, Демчука, Степового, Гоникмана, Тьямьнского, Ионова и Выдра.

5. Первое Всесоюзное Совещание ОВМД считает необходимым подчеркнуть, что ВА ОВМД должна представлять боевую, сплоченную организацию на идеологическом фронте для распространения влияния материалистической диалектики в широких массах, среди работников различных областей науки, а также для положительной разработки актуальных вопросов марксистской философии, исторического материализма, важнейших методологических проблем естественных, экономических и исторических наук.

6. ВА ОВМД должно быть также обществом воинствующего атеизма, вести неуклонную борьбу со всеми видами религии и поповщины, вести разработку с марксистской точки зрения вопросов религии, а также усилить издательскую деятельность вместе с Союзом безбожников на фронте антирелигиозной пропаганды.

7. Принимая во внимание все громадное своеобразие условий деятельности общества в национальных республиках, в областных и окружных городах, где подчас нет совсем специальных научно-исследовательских учреждений — ОВМД должно проявить особую гибкость своего организационного построения, гибкость в деле сочетания боевых актуальных задач с задачами научно-исследовательской работы, гибкость в деле консолидации марксистских сил, осуществления союза с естествоиспытателями и в деле развертывания тех или иных областей своей деятельности.

8. В связи с решениями Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских учреждений, Всесоюзное Совещание рекомендует республиканским обществам и местным отделениям произвести проверку своего состава, а также проявлять крайнюю осторожность и тщательность в подборе своих действительных членов.

9. В целях массовой организации научных марксистско-ленинских сил Всесоюзное Совещание ОВМД считает необходимым установить следующую свою организационную структуру:

а) ОВМД состоит из действительных членов и членов-сотрудников. Необходимо привлечение широкого кадра лиц в члены-сотрудники. Необходим дифференцированный подход в этом смысле к сознательному механистическим и стихийно механистическим и материалистическим элементам и т. д.

б) В целях расширения влияния Общества на широкие круги беспартийных естествоиспытателей организуются братские общества (например, общества врачей-материалистов, биологов-материалистов, физиков-математиков-материалистов, психоневрологов-материалистов и т. д.), с которыми ОВМД устанавливает тесную организационную связь. В тех местах, где сил для создания таких обществ все же мало, организуется соответствующая секция общества, кружки и т. д. Руководство всеми этими организациями должно быть обеспечено за действительными членами общества.

в) Наконец, в целях охвата еще более широкого кадра товарищей (пролетарского студенчества, пропагандистов, партийного и рабочего актива и т. д.) во круг отделений ОВМД организуются группы содействия ОВМД. Следует обратить особое внимание на обеспечение правильного руководства со стороны отделений ОВМД этим группам содействия. Всесоюзное Совещание обращает внимание правления Общества на необходимость скорейшего опубликования положения о группах содействия.

10. Одним из важных вопросов является вопрос об отношении между ОВМД и существующими на местах научными обществами марксистов. Всесоюзное Совещание считает необходимым установить следующие задачи по отношению к этим обществам:

а) Во всех пунктах, где имеется достаточно сил для организации ОВМД, создается местное его отделение, независимо от существования научных обществ марксистов.

б) Там, где нет достаточного количества сил для организации отделений ОВМД, материалисты-диалектики работают в НОМ'ах, направляя их деятельность по линии выполнения задач ОВМД.

в) Считать возможным немедленное превращение НОМ'ов в ОВМД в тех местах, где для этого созрели соответствующие условия.

11. Всесоюзное Совещание ОВМД считает необходимым усиление издательской деятельности Общества, в первую очередь боевой литературы, осуществленной дозунг «Материалистическую диалектику в массы», а также создание массовых, популярных работ по диалектическому и историческому материализму. Совещание считает необходимым поручить правлению разработать вопрос о создании широких научно-популярных органов ОВМД.

12. Всесоюзное Совещание ОВМД отмечает громадный интерес за границей, в особенности в коммунистических кругах, к разработке философии диалектического материализма, проводящейся в СССР. Всесоюзное Совещание поручает правлению ОВМД проработать вопрос о возможности нашего самостоятельного выступления в духе воинствующего диалектического материализма за границей.

13. Всесоюзное Совещание ОВМД поручает правлению в ближайшем же время, принятый за основу устав Общества проработать в духе настоящей резолюции и возбудить ходатайство перед Совнаркомом об утверждении его, как устава Всесоюзной Ассоциации Обществ.

Резолюция по докладу Украинского ОВМД.

Заслушав доклад о работе Украинского Философского Научного Общества «Воинствующий материалист-диалектик», совещание отмечает, что это Общество начало свою работу в сложных условиях, которые характеризуются сильным напором буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. В этих условиях Общество первое взяло на себя инициативу борьбы против открыто и прикрыто идеалистического и механистического выступлений, против примирчества с последними (Семковский); взяло правильный курс на вовлечение естествоиспытателей-специалистов в круг влияния диалектического материализма, на организацию секций и кружков врачей-материалистов, экономической, литературной и т. д.

Отмечая выход сборника «Воинствующий Материалист», как достижения на фронте культурной революции на Украине, Совещание считает необходимым увеличение издательской работы Общества как по линии научно-исследовательской, так и популярной.

Констатируя, что тов. Семковский в общем признал ошибки, допущенные им в ходе философской дискуссии, Совещание считает первоочередной задачей консолидацию всех марксистских сил на Украине на основе платформы Второй Конференции марксистско-ленинских учреждений.

Положение о работе групп и кружков, примыкающих к Обществу воинствующих материалистов-диалектиков.

Общество воинствующих материалистов-диалектиков открывает в соответствии со своим уставом отделения ОВМД в наиболее крупных городах Союза, имеющих достаточное количество теоретических, марксистских сил. На ряду с этими отделениями ОВМД создают на территории своей деятельности группы содействия ОВМД и первичные кружки по изучению наиболее боевых и актуальных проблем диалектического материализма. Отдельные учреждения, организации и группы лиц могут по своей инициативе создавать группы содействия ОВМД. В последнем случае они называются группами содействия ОВМД, только после получения специального утверждения их таковыми от правления местного отделения или Центрального правления ОВМД. Отделения обязуются оказывать всяческую идейную и организационную поддержку примыкающим к ним группам и несут ответственность за их работу.

1. Группы содействия ОВМД.

Свою работу группы содействия ведут в следующих направлениях:

- а) изучение различных форм и этапов борьбы марксизма с антимарксистскими течениями в теоретической области;
- б) работа по повышению теоретического и культурного уровня партийцев, комсомольцев, рабочих-пропагандистов;
- в) пропаганда марксизма и политико-просветительная работа на предприятиях, среди учащихся, педагогов, врачей и др. представителей пролетарской интеллигенции: борьба с антимарксистскими течениями в вузах, школах и т. д.;
- г) теоретическая и методическая разработка вопросов антирелигиозной пропаганды и массовой антирелигиозной пропаганда совместно с соответствующими организациями союза безбожников.

А. Самообразовательная работа групп содействия.

Группы изучают, примерно, следующие вопросы:

- 1) Текущие проблемы диалектического материализма.
- 2) Важнейшие этапы борьбы марксизма с буржуазными и ревизионистскими течениями в области философии.
- 3) Отношение социал-демократии к вопросам философии. Проблемы связи философии и политики.
- 4) Положения дел на идеологическом фронте. Буржуазные течения в области истории, политической экономии, искусства, литературы и т. п.
- 5) Современное состояние естествознания и направления в нем.

Б. Работа по повышению теоретического и культурного уровня рабочих-пропагандистов.

Отделения ОВМД организуют группы содействия в первую очередь при партийных и комсомольских комитетах из числа рабочих-пропагандистов. В случае невозможности организации таких групп при комитетах, местные отделения или группы содействия устраивают для рабочих-пропагандистов под руководством партийных организаций серию докладов по проблемам марксизма, естествознания и проблемам, связанным с культурной революцией.

В. Пропаганда марксизма и политико-просветительная работа на предприятиях и среди пролетарской интеллигенции.

1. Важнейшими формами работы группы содействия на предприятиях являются: устройство собраний групп содействия на предприятиях, доклады и лекции по важнейшим проблемам марксизма, ленинизма и современного естествознания, организация кружков на предприятиях по отдельным вопросам теории и вопросам, связанным с культурной революцией, и т. п. Вся работа групп содействия на предприятиях должна быть согласована с работой по линии партпросвещения, при чем группы содействия должны взять на себя задачу содействия партпросвещению в деле разработки отдельных проблем и повышения общего культурного уровня рабочих. Вся работа групп содействия и особенно их работа на предприятиях должна происходить под контролем партийных организаций, в целях чего группы содействия об основных планах и результатах своей работы систематически информируют соответствующие парторганы.

Максимальное вовлечение в группы содействия наиболее развитых рабочих должно явиться важнейшим результатом и показателем размаха и качества всей работы групп содействия.

2. Группы содействия ОВМД выносятся на широкое обсуждение (доклады, лекции, диспуты, открытые собрания групп содействия ОВМД) вопросы, наиболее разработанные внутри групп.

3. Члены групп содействия выступают на всех докладах и диспутах, устраиваемых представителями враждебных диалектическому материализму течений.

4. Члены групп содействия там, где представляется возможность, обязаны активно участвовать в обсуждении учебных планов и программ вузов, школ I и II ступени и т. п., содействуя марксистскому построению программ и учебных планов.

5. Группы содействия должны считать своей задачей привлечение в свой состав наиболее передовых педагогов, врачей и др. представителей пролетарской интеллигенции.

Г. Антирелигиозная работа.

Антирелигиозная работа проводится совместно с соответствующими организациями союза безбожников. Если такового нет, то группы содействия способны организации кружков безбожников. Группы содействия совместно с кружком безбожников ведут антирелигиозную работу в следующих направлениях:

1. Изучение научных основ атеизма и его истории.
2. Изучение с марксистской точки зрения различных форм религиозного движения (в частности, на территории деятельности групп содействия).
3. Совместно с организациями безбожников проведение массовой антирелигиозной пропаганды формами и методами союза безбожников (лекции, диспуты, антирелигиозные кружки и т. д.).
4. Совместное издание или распространение антирелигиозной литературы; помощь со стороны групп содействия ОВМД в деле руководства отделом «безбожника» в местной печати и т. п.
5. Участие членов групп содействия ОВМД в работе научных секций при местных советах союза безбожников.

Д. Организация групп содействия.

1. Инициативная группа лиц, согласная с уставом и основными принципами ОВМД, желающая под руководством ОВМД заниматься изучением и пропагандой марксизма, может получить от соответствующего отделения санкцию на право называться группой содействия ОВМД.

2. Членами групп содействия могут быть только лица, стоящие на точке зрения марксизма и ленинизма, показавшие это своей практической работой и желающие углубить свои знания и подготовить себя к выступлению в члены общества ВМД. Перевод членов групп содействия в действительные члены-сотрудники ОВМД производится на общих основаниях при представлении ими двух рекомендаций членов общества ВМД. В тех случаях, когда место пребывания группы содействия не совпадает с местом пребывания отделения, перевод в члены ОВМД производится по рекомендации партийных организаций или по отзыву специальных обследователей от отделений.

3. На общем собрании членов групп содействия избирается для постоянной руководящей работы президиум из 3 или 5 лиц или из числа наиболее подготовленных и марксистски выдержанных товарищей. Президиум намечает план работы, следит за выполнением плана и за выполнением членами групп содействия порученной им работы. Президиум устанавливает связь с отделениями ОВМД, с партийными, комсомольскими, общественными и марксистско-ленинскими организациями и отчитывается в своей работе перед отделениями ОВМД и соответствующими парторганами.

4. Группы содействия работают на началах максимальной самостоятельности своих членов. При отсутствии в том или ином случае квалифицированного руководителя, группа ведет всю свою теоретическо-учебную работу на началах самообразования, получая периодически в устном или письменном виде указания от соответствующего отделения ОВМД.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

„ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА“, №№ I—VIII.

Журнал «Летописи Марксизма», издаваемый Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса, как гласит редакционная заметка № 1, ставит перед собой следующие задачи: 1) изучение, с одной стороны, взаимоотношений между русскими людьми второй половины XIX в. и Марксом и Энгельсом, с другой стороны, исследование взаимодействия между западно-европейской умственной жизнью и русской; 2) опубликование статей и рукописей Маркса и Энгельса, а также опубликование материалов и документов по истории марксизма и революционных движений в различных странах; 3) регистрацию и оценку оригинальной и переводной марксистской литературы; 4) опубликование списков журнальной и книжной литературы, имеющейся в отдельных кабинетах Института К. Маркса и Ф. Энгельса, и 5) сообщения о деятельности различных марксистских обществ. В соответствии с этими задачами находится план построения и содержания «Летописей Марксизма».

* * *

Под рубрикой «Статьи и исследования» помещены, главным образом, доклады и статьи руководителей и научных сотрудников Института К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященные тем или иным актуальным проблемам марксизма. Эти статьи посвящены, с одной стороны, применению марксизма к новым областям (напр., военное дело) и проблемам марксологии, с другой стороны — философским вопросам.

Статья Д. Рязанова «Военное дело и марксизм» («Л. М.» № I) представляет собою доклад, прочитанный на Всесоюзном с'езде военно-научных обществ 9 марта 1926 г. В I части своей статьи Д. Рязанов дает общую характеристику сущности марксизма, одинаково применимого как к природе, так и к обществу. Во II части Д. Рязанов переходит к вопросу о применении марксизма в военном деле в тесном смысле этого слова. Проникновение марксизма в ту или иную отрасль военного дела, указывает Д. Рязанов, зависит от специфических особенностей данной отрасли. Одно — вопросы организации, комплектования, снабжения армии и флота, которые требуют умения пользоваться методом марксизма, другое — чисто технические части военного дела, где, по мнению автора, марксизм, поскольку он является методом общественных явлений, неприменим. Д. Рязанов в кратких чертах останавливается и на целом ряде других проблем: взаимоотношения между тактикой и стратегией, пролетарской военной доктрине, военном воспитании и пропаганде.

Статья Д. Рязанова «Маркс и Энгельс о браке и семье» («Л. М.» № III) ставит вопрос о формах «общения полов» и регламентации брака и семьи в социалистическом и коммунистическом обществе. Для обоснования своей точки зрения автор проследживает развитие взглядов Маркса и Энгельса на эти вопросы, начиная с «до-социалистического периода» (40-е гг.), кончая книгой Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (конец 70-х гг.). По вопросу о формах «общения полов» автор полагает, что только развитая форма индивидуального

брака «претворяет веления природы в один из моментов духовного единения» (К. Маркс). Автор полагает также, что регламентация брака и семьи будет в социалистическом и коммунистическом обществе одной из тех норм, принятых в интересах общественного развития, которые в этих общественных формациях будут покоиться на свободной трудовой дисциплине. Поводом для появления этой статьи, в основу которой был положен доклад, прочитанный в декабре 1926 г., явилось обсуждение на одной из сессий ВЦИК нового проекта закона о браке и семье.

В статье «Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса» («Л. М.» № VI) Д. Рязанов пересматривает вопрос, — с какими именно Толстым Маркс был знаком. В своей работе «Карл Маркс и русские люди сороковых годов» Д. Рязанов писал: «Этим Толстым, по нашему предположению, мог быть... Яков Николаевич Толстой, друг Пушкина и Грибоедова, один из первых русских революционеров и эмигрантов, а затем один из первых русских... ренегатов и шпионов, предшественник Рачковского и Гартинга на дипломатическо-полицейской службе в Париже». В настоящей же статье, на основании нового издания воспоминаний Авдотьи Павловой, Д. Рязанов приходит к выводу, что этим Толстым был Григорий Михайлович, состоятельный казанский помещик, связанный родственными узами с многими декабристами и литераторами. Д. Рязанов вносит поправку в свою работу относительно еще одного знакомого Маркса, Боткина.

Статья Г. Штейна «К. Маркс и мозельские крестьяне» («Л. М.» № 1) представляет собой краткий очерк, посвященный мозельским виноделам, вопрос, сыгравший крупную роль в жизни Маркса. Автор начинает свое изложение с периода Французской революции, когда мозельский винодел стал свободным крестьянином, переходит затем к концу 20-х годов XIX века, когда наступили времена жестокой нужды и лишений, останавливается на 1848 г., когда в мозельской провинции был великий ряд восстаний, и после краткого анализа шультце-делического движения в 70-х гг. останавливается на влиянии империалистической войны и периода стабилизации валюты. В конце 1826 г. виноделы из Бернкастеля подняли открытое восстание. Осенью 1842 г. Маркс, бывший тогда редактором «Рейнской Газеты», выступил в печати в защиту мозельских крестьян. Как известно, Маркс в предисловии к «Критике политической экономии» отмечал, что полемика о положении мозельских крестьян побудила его заняться экономическими вопросами. «С точки зрения марксологии, — говорит Г. Штейн, — интересно отметить, что первой экономической темой Маркса была проблема из области аграрного вопроса Западной Германии. О том, какое сильное влияние оказал на него этот вопрос, можно судить по словам Фр. Энгельса, писавшего однажды в письме к Рихарду Фишеру, что Маркс «пришел к социализму, изучая вопрос о бедственном положении мозельских крестьян».

Философским вопросам посвящены статьи А. Деборина и статья М. Дынника. Статья А. Деборина «Новый поход против марксизма» («Л. М.» № I) направлена против бергского социализма Гендрика де-Мана, бывшего соратника Карла Либкнехта и Розы Люксембург, во время войны ставшего социал-патриотом. В своей книге «Zur Psychologie des Marxismus» де Ман ратует за необходимость поворота от «материалистического цинизма» к религиозно-этическому мировоззрению, от «диалектической схоластики» к методу описания, от интернационализма к радикализму и национализму и социал-патриотизму. Рациональное мышление Маркса при посредстве категорий де-Ман противопоставляет интуитивное познание Бергсона, Фрейда и др., которое покоится на признании психической первичной силы. Де-Ман выступает против реализма понятий у Маркса. Капитализм, буржуазия, пролетариат не являются реально существующими фактами, но представляют собой лишь голые понятия, которым в мире явлений ничто не соответствует. Отсюда естественно и вытекает либеральная политика, ибо пролетариат, классовая борьба являются только понятиями. В фактах современности де-Ман видит «этику будущих времен». А. Деборин шаг за шагом проследживает концепцию де-Мана,

вскрывая ее внутреннюю противоречивость, беспочвенность и реакционность. Из исторического учения де-Мана, — констатирует А. Деборин, — вытекает, что в интересах борьбы за социализм необходимо бороться за укрепление государства, за восстановление капитализма.

Статья А. Деборина «Наши разногласия» («Л. М.» № II) представляет собой заключительное слово на дискуссии в Институте Научной Философии 18 мая 1926 г. В этой широко развернувшейся дискуссии, в которой были затронуты основные вопросы марксизма, выявились два резко обособившихся направления в лагере марксистов: одно, стоящее на позиции революционного, ортодоксального марксизма, возглавляемое А. Дебориным, другое — ревизионистское, возглавляемое Л. Аксельрод.

В противоположность своим противникам, которые считают биологический вид абстрактным понятием, общественный же класс только агрегатом индивидов, А. Деборин устанавливает реальность вида и класса. Вульгарной трактовке механистов случайности, как беспричинности, и необходимости, как фаталистической, механической необходимости, — А. Деборин противопоставляет свой взгляд на случайность, как на реальную категорию, как на специальный случай необходимости. А. Деборин останавливается также и на вопросе целесообразности. «Раз целесообразность снимается тогда, когда мы в этих целесообразных процессах вскрываем их причинную связь, закон причинности, необходимости». По вопросу об единстве субъекта и объекта, которое с точки зрения Л. Аксельрода осуществляется только в представлении, — А. Деборин утверждает, что нет субъекта без объекта, в то время как для эмпириокритиков нет объекта без субъекта. По вопросу о категории качества Л. Аксельрод и А. Тимирязев утверждали, что принцип непрерывности требует отрицания «качества» и сведения всего многообразия вещей к абстрактному количеству. А. Деборин указывает, что точка зрения чистого количества противоречит формуле перехода количества в качество. По вопросу о гегелевской диалектике, которая третируется механистами как схоластика, А. Деборин говорит, что она является основной формой диалектики после ее материалистической обработки. А. Деборин большое внимание уделяет в этой статье разграничению механического материализма и диалектического материализма. Заключительная часть статьи посвящена анализу предстоящих задач в области философских вопросов.

В статье «Спинозизм и марксизм» («Л. М.» № III), посвященной 250-й годовщине смерти Спинозы, А. Деборин останавливается на связи диалектического материализма со спинозизмом. В согласии с Г. Плехановым автор считает, что марксизм является родом спинозизма, так как Спиноза в своем учении о природе, человеке и обществе стоит на материалистической точке зрения. Специфическую же терминологию Спинозы, а также и то, что этот мыслитель в некоторых частях своей системы отступает от материализма, — автор объясняет тем обстоятельством, что система Спинозы является продуктом определенной исторической эпохи.

Статья М. Дынника «От примирения с действительностью к апологии разрушения» («Л. М.» № IV) посвящена развитию гегельянства Михаила Бакунина. Если в предисловии к переводу «Гимназических речей» Гегеля («Московский Наблюдатель» 1838 г.) Бакунин считал великой задачей своего времени примирение с действительностью, то в статье «О философии» («Отечественные Записки» 1840 г.) Бакунин считает «примирение с действительностью» механическим взглядом на действительность. Показателем дальнейшего развития гегельянства Бакунина является его статья «Die Reaction in Deutschland», написанная в 1842 г. в «Deutsche Jahrbücher», где он применяет диалектику Гегеля к политическим противоречиям тогдашней Европы. Эволюция Бакунина от примирения с действительностью к революционной борьбе, — указывает автор, — была одновременно переходом от системы Гегеля к его диалектике.

Несколько статей на страницах «Л. М.» посвящены Н. Г. Чернышевскому, которые представляют собой доклады, прочитанные 13 декабря 1928 г. на юбилейном заседании в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Основной тезис статьи Деборина «Философские взгляды Чернышевского» («Л. М.» № VII-VIII), — Чернышевский был самостоятельным мыслителем, пытавшимся синтезировать материализм Фейербаха с диалектикой Гегеля. Однако для самой системы Чернышевского характерен разрыв между диалектическим методом и материализмом. «Если в области метода, — говорит А. Деборин, — он (Чернышевский. А. Р.) склонен приписывать некое самостоятельное значение логическому развитию понятия, то его материализм носит на себе явные следы механического понимания». Чернышевскому, который различия между органическим и неорганическим миром объяснял чисто-количественно, автор противопоставляет Герцена, взгляды которого на соотношение между качеством и количеством совпадали со взглядами Энгельса. Автор останавливается также в кратких чертах на отношении Чернышевского к Спинозе. Систему Спинозы Чернышевский трактовал материалистически, положив таким образом еще до Плеханова начало материалистической интерпретации спинозизма, хотя в то же время Чернышевский не был свободен от метафизического материализма (взгляд на вещество как на неизменную сущность). Общая оценка автором философских взглядов Чернышевского сводится, в согласии с Лениным, к тому, что путь развития Чернышевского есть путь к марксизму, однако вследствие отсталости русских условий он не сумел подняться до диалектического материализма Маркса-Энгельса.

Основной тезис статьи И. Рубина «Чернышевский как экономист» («Л. М.» № VII-VIII) — Чернышевский, подобно Марксу, шел по пути соединения социализма с политической экономией, однако дать этот синтез ему не удалось. Великой заслугой Чернышевского является его борьба против вульгарной политической экономии. Подобно Марксу, Чернышевский за обманчивыми формами капиталистического хозяйства искал сущность явлений. Но в то время, как Маркс, — устанавливает автор, — под сущностью экономических явлений понимал капиталистические производственные отношения, Чернышевский под ними открывал коренные элементы, присущие всякому производству. Эту методологическую установку Чернышевского автор объясняет его близостью к социалистам-утопистам. Автор отмечает, что в целом ряде вопросов Чернышевскому удалось наметить правильную точку зрения: в проблеме пропорционального распределения труда, в законе концентрации производства как в промышленности, так и в земледелии, в вопросе о классовой природе различных экономических школ.

Статья Ц. Фридлянда «Чернышевский как историк» («Л. М.» № VII-VIII) посвящена, с одной стороны, постановке некоторых проблем по методологии истории у Чернышевского, с другой стороны, — анализу отдельных образцов его исторических работ. По первому вопросу автор останавливается на постановке у Чернышевского следующих проблем: расовая теория, значение языка в формировании народов, роль климата в историческом процессе, значение национального фактора. По второму вопросу — из проблем русской истории автор отмечает: 1) взгляд Чернышевского на параллелизм русского и западно-европейского исторического процесса, 2) роль колонизации в русской истории; из области западно-европейской истории автор отмечает: 1) классовый анализ революции 1848 г., 2) взгляд на градоуничтожающую войну в Америке, как на войну классов. Автор вскрывает также на нескольких примерах как идеалистический характер его отдельных методологических взглядов, так и идеалистическую интерпретацию конкретных фактов. Общая оценка автора: Чернышевский — гениальный предшественник марксизма и революционной пролетарской партии.

В статье «Маркс и Чернышевский» («Л. М.» № VII-VIII) Д. Рязанов указывает, что Чернышевский до 1864 г. не имел случая познакомиться ни с сочинениями, ни с политической деятельностью Маркса. Поэтому, — говорит Д. Рязанов, —

вопрос может стоять в такой плоскости: можно ли сравнивать Чернышевского с Марксом, и в какой степени Чернышевский до 1862 г. был «марксистом»? На основании анализа некоторых исторических, философских и экономических взглядов Чернышевского автор приходит к выводу, что из всех русских мыслителей и публицистов своего времени ближе всех стоял к марксизму Чернышевский. Автор ставит также вопрос о влиянии Чернышевского на русскую историографию (Шапов и Ключевский). В заключение автор отмечает, что в Чернышевском гармонически сочетался революционный мыслитель и революционный деятель, что и было причиной уважения Маркса к этому «великому ученому и критику».

К циклу статей о Чернышевском примыкает также статья Ю. Стеклова — «Западные влияния в мировоззрении Н. Г. Чернышевского» («Л. М.» № VI). На поставленный вопрос автор отвечает, что эти влияния были следующего характера: философия французских материалистов, а также Гегеля и Фейербаха; произведения экономистов-классиков французских и английских; литература утопического социализма; события 1848 года. На вопрос о том, был ли Чернышевский до своего ареста знаком с Марксом, автор отвечает, что на основании имеющихся документальных данных ответить положительно нельзя. Что касается отношения Чернышевского к «Критике политической экономии» и к «Капиталу» (первый том «Капитала» был послан Чернышевскому в Виллюкс в 1872 г.), то об этом, как полагает автор, мы, повидимому, так и не узнаем.

* * *

Другим крайне важным отделом «Летописей Марксизма» являются неопубликованные рукописи К. Маркса и Ф. Энгельса.

Статья Энгельса «К. Маркс о Капитале» («Л. М.» № I) представляет собой неопубликованный отзыв о «Капитале», предназначенный для английского «Fortnightly Review». Как известно, буржуазная пресса встретила работы Маркса, предшествовавшие выходу «Капитала», «заговором молчания». Рассматриваемая нами статья Энгельса, написанная по предложению Маркса в письме от 19 октября 1867 года, должна была служить в качестве «рекламы» «Капитала». Она, однако, не была напечатана в виду «сухости изложения». Статья представляет собой изложение «Капитала», доведенное до абсолютной прибавочной стоимости. Статья снабжена предисловием Д. Рязанова.

Под заголовком «Карл Маркс. Борьба якобинцев с жирондистами» («Л. М.» № I) опубликован конспект Маркса пяти глав 1-го тома мемуаров Левассера. Этот конспект относится к 1844 г., к тому периоду, когда Маркс, будучи в Париже, собирался написать историю Конвента. В конспекте отсутствуют критические замечания самого Маркса. Однако, как говорит Д. Рязанов, самая группировка фактов превращает этот конспект в обвинительный акт против жирондистов. Конспект снабжен кратким предисловием Д. Рязанова.

Под заголовком «Карл Маркс, Бакунин. Государственность и анархия» («Л. М.» № II) мы имеем конспект, сделанный Марксом, указанной книги Бакунина. Этот конспект был найден Д. Рязановым в одной из записных тетрадей Маркса под названием «Russia». Он представляет собой совокупность цитат из Бакунина. Только в некоторых местах мы встречаем полемику с Бакуниным. Напр. по вопросу о политике пролетариата по отношению к крестьянству и по вопросу о диктатуре пролетариата. Предисловие к конспекту написано Д. Рязановым.

«Карл Маркс. Письма об Индии» («Л. М.» № III) представляют собой три статьи, написанные Марксом для «New-York Tribune»: 1. Британское владычество в Индии, 2. Ост-Индская кампания, ее история и результаты ее деятельности; 3. Будущие последствия английского владычества в Индии. В первой статье Маркс изображает как революционный процесс уничтожение Англией индийской домаш-

ней промышленности. «Совершая социальную революцию в Индостане,—пишет Маркс—Англия, правда, руководилась самым грубым интересом и проявила тулопность в способе ее проведения. Но не в этом дело. Вопрос в том, может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальном состоянии Азии? Если нет, то Англия, несмотря на все свои преступления, была бессознательным орудием в совершении этой революции». Маркс в этой статье освещает также влияние искусственного орошения на стационарный характер общественного строя Азии, а также дает описание индийской общины, повторенное позже в «Капитале». Рассматриваемая статья интересна для понимания генезиса идей Маркса, развитых им в главе «Капитала»: «Разделение труда в мануфактуре и разделение труда в обществе». Вторая статья представляет собой исторический очерк деятельности Ост-Индской кампании и, по справедливому указанию Д. Рязанова, представляет собой прекрасный комментарий к главе о «Так называемом первоначальном накоплении». Венцом этих статей является третья, где Маркс говорит о будущем Индии. Эта статья особенно интересна в свете современных событий. В ней Маркс ярко выразил ту мысль, что английская буржуазия объективным ходом событий создает предпосылки для возрождения Индии. Маркс пишет: «Индусы не пожнут плодов новых элементов общества, рассеянных среди них британской буржуазией, пока в самой Великобритании ныне правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом, или пока сами индусы не будут достаточно сильными, чтобы сбросить с себя английское ярмо. Во всяком случае мы можем с уверенностью ожидать, в более или менее отдаленном будущем, возрождения этой великой и интересной страны...».

«Англия» Энгельса («Л. М.» № IV) представляет собою две неопубликованные статьи, предназначенные для немецкого журнала в Нью-Йорке «Революция», который издавался Иосифом Вейдмайером. В первой статье, которая имеет дату 23 января 1852 г., Энгельс разбирает вопрос о возможности вторжения в Англию, в случае войны, континентальной державы, в первую очередь Франции. Конкретному разбору этой возможности вторжения в статье предшествует оценка этого вопроса с общей точки зрения международной политики пролетариата. Вторая статья, датированная 30 января 1852 г., разбирает вопрос об избирательной реформе. Активно пролетариата Энгельс ставит в зависимость от наступления торгового кризиса, «так как пролетариат активно выступает на первый план только в великие решающие моменты, как судьба в древней трагедии». Обе статьи, предназначавшиеся для рабочего журнала, написаны популярным языком. Статьи снабжены предисловием Ф. Шиллера.

«Из черновой тетради К. Маркса» («Л. М.» № IV) представляет собою пометки и выписки Маркса при чтении русских книг. Эти пометки сделаны при чтении январской книги журнала «Знание» за 1874 г. Предисловие написано И. Луполом.

«К. Маркс. Pamфлеты Бруно Бауэра о русском конфликте» («Л. М.» № VI) посвящены вопросам международной политики 50-х гг. XIX в.

К неопубликованным рукописям Маркса и Энгельса следует также отнести их письма, впервые помещенные на страницах «Л. М.» В № I «Л. М.» напечатаны четыре неизвестных до последнего времени письма Энгельса Ламплё, председателю геологического общества в Лондоне. Эти письма относятся к 1893—1894 гг. Мы позволим себе привести цитату из письма от 11 апреля 1893 г., рисующую хотя и кратко, но весьма выразительно, психологический облик Энгельса. Энгельс пишет: «Я никак не мог бы долго обойтись без шума и движения большого города. Природа велика, и часто, чтобы отдохнуть от хода истории, я любовно к ней прибегал, но история кажется мне все же еще более великой, нежели природа. Природе потребовались миллионы лет для того, чтобы создать сознательные существа, и теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы действовать сообща и сознательно, созная свои действия не только в ка-

честве индивидов, но также и в качестве масс, действуя сообща и совместно добывая общей цели, заранее ими себе поставленной. Теперь мы подходим к тому, чтобы достигь подобного порядка действий и наблюдать этот процесс, видеть близящееся осуществление того, что никогда еще не было достигнуто в течение всей истории земли, представляется мне зрелищем, достойным того, чтобы его созерцать, и за все мое прошлое я не мог оторвать от него глаз.

«Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к П. Л. Лаврову» («Л. М.» № V) были найдены Д. Рязановым в архиве Лаврова. Из писем Маркса отметим письма от апреля 1875 г., где Маркс пишет, что при выпуске французского издания «Капитала»—он вынужден был, в силу требований типографии, «пожертвовать предметным указателем, который был уже составлен». Интересные замечания мы встречаем в письме от 18 июня 1875 г. Маркс пишет: «Действительно замечательным является падение периодической цифры общих кризисов. Я всегда рассматривал эту цифру не как постоянную величину, а как падающую; но особенно приятно то, что она обнаруживает такие очевидные признаки своего падения; это дурное предзнаменование для долговечности буржуазного мира».

Из писем Энгельса интересно письмо от 12 ноября 1875 г., где дана критика учения Дарвина. Это письмо представляет значительный теоретический интерес. Как говорит Д. Рязанов,—статьи Каутского о дарвинизме и общественных инстинктах, написанные в 80-х гг., представляют собою развитие взглядов Энгельса, проводимых им в указанном письме.

Под рубрикой «Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским» («Л. М.» № VI) впервые опубликовано письмо Маркса к Ковалевскому от 19 января 1877 г., где он просит помочь в защите мужа одной русской дамы, «которая оказала большие услуги партии». Здесь же приведены два письма М. Ковалевского к Марксу. Первое без даты, второе от 8 декабря 1881 г. В первом письме М. Ковалевский соглашается с взглядом Маркса, развитым последним в «Нищете философии», что мета физика бессильна создать науку из экономических фактов, плохо наблюдаемых. Письма сопровождаются обстоятельным сообщением И. К. Лупола.

В № VII—VIII «Л. М.» опубликованы семь писем Лопатина к Энгельсу, которые относятся к периоду 1874—1878 гг., а также «письмо Энгельса к неизвестному о русских делах», от 22 октября 1883 г. В этом письме Энгельс пишет: «Россия находится накануне своего 1789 года. Нигилисты, с одной стороны, финансовая нужда, с другой, являются симптомами этого положения». Письма снабжены предисловием Д. Рязанова. Заканчивая обзор неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса, следует отметить сообщение Э. Гумбеля «О математических рукописях К. Маркса» («Л. М.» № III).

К материалам, опубликованным в «Л. М.», связанным с Марксом, относятся следующие: 1) письмо Маркса к Франкелю и Варлену, 2) два письма Энгельса к болгарам, 3) Фр. Энгельса «Четыре рецензии на «Капитал» Маркса, 4) переписку Лассалья с Бисмарком и, наконец, 5) Х. Раппопорта «Воспоминания о Фридрихе Энгельсе».

Письмо Маркса Франкелю и Варлену («Л. М.» № I) датировано 13 мая 1871 г. Характерны следующие строки этого письма: «Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счета. Повидимому, на ряду с влиянием рабочих есть и другие влияния. Однако это не имело бы еще значения, если бы вам удалось наверстать потерянное время».

В этом же номере («Л. М.» № I), опубликованы два письма Энгельса болгарам от 9 июня 1893 г. Эти письма были ответом на посланную, по инициативе Х. Г. Раковского, Энгельсу второй книжки «Социал-демократа», толстого журнала, издававшегося в Севлиеве. В одних из этих писем Энгельс пишет: «Мы на Западе от души радуемся этим нашим юго-восточным форпостам на азиатской границе, которые несут до берегов Черного и Эгейского морей поднятое Марксом знамя современного пролетариата... Я очень рад был видеть перевод работ Плеханова

на болгарский язык». Это письмо было напечатано в болгарском «Социал-демократе». Следует отметить сопровождающее это письмо сообщение Г. Бакалова, содержащее целый ряд фактов из истории революционного движения в Болгарии.

«Четыре рецензии на «Капитал» Маркса», написанные Энгельсом («Л. М.» № IV), имели своей задачей «рекламирование» «Капитала». Из этих четырех рецензий три увидели свет. Укажем на содержащиеся в них замечания о низком уровне германской политической экономии и также на отрицательное отношение ко всякого рода утопизму. Рецензии снабжены предисловием Э. Цобеля, сообщающим некоторые данные о приеме, который встретил «Капитал» в Германии.

Большой интерес представляет собой «Переписка Лассалья с Бисмарком» («Л. М.» № VI), содержащая недавно найденные письма Лассалья к «железному канцлеру». Эти письма подтверждают, что прав был Маркс, когда в 1865 г. писал Кугельману, что Лассаль, заключив форменный договор с Бисмарком, «на деле предал партию». Эти письма Лассалья и вводная статья Д. Рязанова дают интересный материал для оценки политической деятельности Лассалья, вокруг которой создавалось немало легенд. В заключение отметим «Воспоминания о Фридрихе Энгельсе» Х. Раппопорта («Л. М.» № V). Любопытно следующее место: «Маркс и я,—говорил Энгельс,—никогда не хотели называть себя социал-демократами, предпочитая название коммунистов. Мы уступили лишь полицейским условиям Германии».

* * *

На страницах «Л. М.» опубликован целый ряд материалов, относящихся к истории марксизма в России. Ленину посвящена справка Б. Николаевского—В. И. Ульянов-Ленин в Берлине в 1895 году» («Л. М.» № I). Автор полагает, что пребывание Ленина в 1895 г. интересно не только с точки зрения биографии Ленина, но и истории выработки программы российской социал-демократии. Автор на основании сопоставления целого ряда фактов приходит к выводу, что Ленин в своей работе над первым проектом аграрной программы стремился учесть опыт германской социал-демократии.

Более богаты «Л. М.» материалами, посвященными Г. В. Плеханову. Опубликованы следующие материалы из литературного наследия Г. В. Плеханова: 1) Речь Г. В. Плеханова на международном социалистическом конгрессе в Париже (14—21 июля 1889 г.), 2) философские и социальные воззрения К. Маркса, 3) о так называемом кризисе в школе Маркса, 4) два слова читателям-рабочим, 5) из писем Г. В. Плеханова к Ж. Гэду.

«Речь Г. В. Плеханова на международном социалистическом конгрессе в Париже (14—21 июля 1889 г.)» («Л. М.» № I) была найдена в архиве Жюля Гэда. Текст этой речи несколько отличается от общеизвестного текста.

«Философские и социальные воззрения К. Маркса» («Л. М.» № IV) представляют собой речь, произнесенную Плехановым, как указывает редакция «Л. М.», не позже 1897 г. В этой речи Плеханов в кратких чертах останавливается на материалистической философии XVIII в. и после краткого анализа идеалистической философии (Гегель) цитатами из Маркса излагает—материалистическую философию истории человечества.

«О так называемом кризисе в школе Маркса» («Л. М.» № IV) представляет собой конспект лекции против Бернштейна и Конрада Шмидта. Редакция «Л. М.» отмечает, что по имеющимся данным нельзя установить, был ли прочитан на эту тему доклад.

«Два слова читателям-рабочим» («Л. М.» № V) является предисловием Плеханова к сборнику стихотворений «Песни труда», предназначавшемуся к изданию группой «Освобождение Труда» в Женеве в 1885 г. В этом предисловии на нескольких примерах Плеханов доказывает в популярной форме классовый характер поэзии.

В № 1 «Л. М.» приведены два письма Плеханова к Ж. Гэду, одно от 17 февраля 1896 г., другое — от 11 октября 1906 г.

Кроме материалов из литературного наследия Г. В. Плеханова в «Л. М.» помещены следующие сообщения и материалы, посвященные Г. В. Плеханову: 1) Г. Бакалов «Г. В. Плеханов в Болгарии», 2) «М. М. Ковалевский о книге Бельтова», Сообщение Б. Н-ского, 3) Доклад гр. Лорис-Меликова Александру III о Плеханове (сообщение Д. Баума).

Статья Г. Бакалова «Г. В. Плеханов в Болгарии» («Л. М.» № V) является по существу воспоминаниями, посвященными влиянию Плеханова на болгарское революционное движение 90-х гг. Автор приводит несколько небольших статей Плеханова, помещенных в органах болгарской рабочей социал-демократической партии. О Плеханове Г. Бакалов пишет: «Еще у колыбели болгарского рабочего движения вырастает его могучая фигура, и все движение развивается под его непосредственным влиянием. С этим влиянием может сравниться только влияние В. И. Ленина, которое, по времени следуя за влиянием Г. В. Плеханова, сейчас уже перерастает его по широте охвата».

«М. М. Ковалевский о книге Бельтова» («Л. М.» № V) представляет собой краткое сообщение Б. Н-ского, в котором помещено письмо М. М. Ковалевского к Плеханову от 23 февраля 1895 г. Письмо это, содержащее отзыв Ковалевского о книге Плеханова, характерно для тех откликов, которые книга встретила в известных кругах русской интеллигенции.

«Доклад гр. Лорис-Меликова Александру III о Плеханове» («Л. М.» № IV) от 16 марта 1881 г. посвящен вопросу о просмотре корреспонденции, получаемой Марией Федоровной Плехановой, с целью выяснения местопребывания Г. В. Плеханова.

Кроме разобранных нами материалов и сообщений, связанных с Лениным и Плехановым, в «Л. М.» помещены следующие материалы, посвященные истории марксизма в России: 1) Е. Гурвич «Из воспоминаний. Мой перевод «Капитала», 2) Б. Николаевский «К истории петербургской социал-демократической группы «стариков»» (сообщение), 3) А. Воден «На заре легального марксизма» (Из воспоминаний), 4) П. Аксельрод. Группа «Освобождение Трудя» («Неопубликованные главы из второго тома «Воспоминаний»).

В своей заметке «Из воспоминаний» («Л. М.» № I) Е. А. Гурвич останавливается преимущественно на некоторых фактах, имеющих непосредственное отношение к ее переводу I тома «Капитала» под редакцией П. Б. Струве.

В своем сообщении «К истории петербургской социал-демократической группы «стариков»» («Л. М.» № III) Б. Николаевский ставит вопрос о первых опытах письменного обращения к рабочим ранних кружков социал-демократов конца 80-х гг. и начала 90-х гг. Под этим углом зрения автор подвергает анализу прокламацию по поводу волнений на Семяниновском заводе 23 декабря 1894 г.

Воспоминания А. Водена «На заре легального марксизма» («Л. М.» №№ III и IV) дают интересный материал о генезисе русского марксизма 90-х гг., о членах группы «Освобождение Трудя» и о встречах с Энгельсом в 1893 г.

Воспоминания П. Аксельрода «Группа «Освобождение Трудя»» («Л. М.» № VI) разбирают, главным образом, вопрос об отношении к этой группе русских революционеров и ее положению в первые годы существования.

К материалам, опубликованным на страницах «Л. М.», не имеющим непосредственного отношения к истории марксизма в России, однако связанным с революционным движением в России и историей русской общественной мысли, относятся следующие: 1) Письмо П. Лафарга Николаю — оному, 2) Переписка М. Бакунина, 3) Незданное стихотворение И. С. Тургенева, 4) Письмо Н. Сазонова к К. Гервегу, 5) два письма Н. Г. Чернышевского к сыновьям, 6) И. Книжник-Ветров «Герония Парижской Коммуны 1871 г. Е. Л. Тумановская» («Елизавета Дмитриева»).

Письма Лафарга к Николаю — оному («Л. М.» № II) дают интересный материал для характеристики взаимоотношений русского народничества классического периода с западными марксистами. Письма снабжены предисловием И. Луппола.

Переписка М. Бакунина представлена следующими письмами: Письма к А. Руте («Л. М.» № II), письма к графине Е. В. Салиас («Л. М.» № III), письма к польским корреспондентам («Л. М.» № IV), письма к Коссиловскому («Л. М.» № V), письма к В. Ф. Лугинину и к И. Демонтовичу («Л. М.» № VII—VIII). Письма снабжены предисловиями Ю. Стеклова. Письма Ж. Занд к М. Бакунину («Л. М.» № VII—VIII) — предисловием Б. Н. и Д. Р. Письма дают новый материал как для биографии Бакунина, так и по истории революционного движения.

«Незданное стихотворение И. С. Тургенева». Сообщение Б. Николаевского («Л. М.» № IV) представляет собой документ, характеризующий взгляды И. С. Тургенева в период, предшествовавший революции 1848 г.

Письмо Сазонова к Гервегу («Л. М.» № VI) представляет значительный интерес с точки зрения взаимоотношений между русскими «людьми 40-х гг.» и радикальными кругами западно-европейской интеллигенции. Письмо снабжено предисловием Б. Николаевского.

«Два письма Н. Г. Чернышевского к сыновьям» («Л. М.» № VII—VIII) от 1811—1878 г. и 6/IV—1878 г. посланы были из Сибири. В этих письмах Чернышевский дает резкую критику идеализма, которому он противопоставляет материалистическое мировоззрение. Большой интерес представляет собой те места из писем, где он подвергает анализу связь новейшего естествознания с идеалистической философией. Письма снабжены предисловием Мих. Дынина.

Сообщение И. Книжника-Ветрова «Герония Парижской Коммуны 1871 г. Е. Л. Тумановская» («Елизавета Дмитриева») («Л. М.» № VII—VIII) представляет собой попытку, исходя из критического сопоставления всех сведений, имеющихся о «Елизавете Дмитриевой», русской женщине, принявшей участие в Парижской Коммуне 1871 г., дать материал для дополнительных сообщений.

* *

Весьма важным отделом журнала «Л. М.» является отдел «Критика и рецензии». Задача, которую поставили себе «Л. М.», — дать критическую регистрацию марксистской литературы, издающейся в СССР по вопросам, входящим в компетенцию Института К. Маркса и Ф. Энгельса, — выполнена по отношению значительной части литературы, изданной за 1926 и 1927 гг. Следует также отметить особый характер рецензий, которые выгодно отличаются «Л. М.». Рецензент не столько «хваляет» или «ругает» книгу, сколько дает краткое изложение самого хода мыслей автора, — окончательный же вывод рецензии является результатом этого изложения. Следует отметить также то обстоятельство, что на страницах «Л. М.» рецензируется также и иностранная литература, так или иначе связанная с Марксом. По количеству рецензий, по охвату проблем — «Л. М.» занимают первое место среди наших журналов.

Из критических статей, помещенных в «Л. М.», следует отметить Д. Рязанова «Ответ на «Открытое письмо» В. Полонского» («Л. М.», № VII—VIII) Е. Кагановича «Обзор статей по теоретической политической экономии», помещенных в «Вестнике Коммунистической Академии» за 1922—1927 гг. («Л. М.» № VII—VIII). Е. Каганович дает систематический обзор и критическую оценку всех статей по теоретической экономии, помещенных в «В. К. А.» за указанный период. Желательно, чтобы в последующих №№ «Л. М.» были помещены обзоры и других наших журналов, посвященных кругу проблем, входящих в компетенцию Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Русский читатель был бы особенно признателен, если бы на страницах «Л. М.» даны были обзоры иностранной литературы по вопросам марксизма. В заключение укажем, что в «Л. М.» находят свое отражение и теку-

щая работа Института К. Маркса и Ф. Энгельса в виде сообщений кабинетов, докладов руководителей и т. п.

Резюмируем: «Летописи Марксизма»,—единственный журнал СССР, где печатаются материалы из наследия Маркса и Энгельса и документы по истории марксизма и общественной мысли в России, где в каждом № дается содержательная критическая инвентаризация выходящей марксистской литературы,—должны изучаться каждым интересующимся марксизмом.

А. РЕУЗЛЬ.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС. Сочинения. Под редакц. Д. Рязанова. Том III. Исследования, статьи 1844—1845 гг. М.—Л. Гоиздат 1929 г. XXXIII + 708 стр. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса.

Только что изданный Институт К. Маркса и Ф. Энгельса под редакцией Д. Б. Рязанова третий том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит в себе ряд исследований и статей основоположников диалектического материализма в период 1844—1845 гг. Из крупных исследований в этот том вошли «Святое семейство», авторами которого были К. Маркс и Ф. Энгельс, и «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса. Не имея возможности в рецензии останавливаться подробно на всех статьях, мы ограничимся лишь кратким разбором их и сосредоточим свое внимание на «Святом семействе», так как оно дает очень ценный материал для понимания философской эволюции Маркса и Энгельса. Из статей, принадлежащих перу Маркса, в этот том вошли следующие: «Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа» («Vorwärts» 1844, № 63, 64), «Борьба жирондистов с якобинцами», «Подготовительные работы для «Святого семейства»» и «Ж. Пэше о самоубийстве».

Энгельсу принадлежат, кроме «Положения рабочего класса в Англии», следующие статьи: «Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний», «Эльберфельдские речи», «Одна из английских забавок» и «Проспект Gesellschaftsspiegel».

В первой из указанных статей—«Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа»»—Маркс отмежевывается от А. Руге и высказывает свое мнение относительно восстания силезских ткачей. Маркс считал это восстание очень крупным событием общественно-политической жизни Германии, в противоположность Руге, видевшему в нем лишь голодный бунт, скорее препятствующий, чем способствующий политическому развитию Германии. В этой же статье Маркс пытается на примере пауперизма раскрыть весь цинизм английской политической экономии.

Вторая статья Маркса—«Борьба жирондистов с якобинцами»—представляет конспект, составленный им из мемуаров якобинца Левассера, и дает картину борьбы между якобинцами и жирондистами в конвенте от сентября 1792 г. до начала апреля 1793 г. Маркс,—говорит Д. Б. Рязанов в предисловии,—таким образом группирует факты, что «уже сама группировка их превращает этот конспект в обвинительный акт против жирондистов» (стр. XI).

Статья Маркса: «Ж. Пэше о самоубийстве» представляет ряд выдержек из книги Пэше «Мемуары, извлеченные из полицейских архивов».

Что касается «Подготовительных работ для «Святого семейства»», то о них мы будем говорить в связи с «Святым семейством».

Статья Энгельса «Описание возникших в новейшее время и еще существующих коммунистических колоний» имеет целью доказать, что «коммунизм осуществим». Энгельс писал Марксу: «Немцы имеют очень неясные представления о практической осуществимости коммунизма. Чтобы устранить это препятствие, я напишу маленькую брошюру, чтобы показать, что коммунизм осуществим, и из-

ложу популярно его практику в Англии и Америке (стр. XXX). Эту идею он и осуществил в данной статье.

Под заглавием «Эльберфельдские речи» напечатаны две речи Энгельса, произнесенные им в Эльберфельде. Первая была произнесена 8 февраля 1845 г. и была посвящена критике свободной конкуренции буржуазного общества.

Вторая речь посвящена критике Листа.

«Положение рабочего класса в Англии» впервые вышло в 1845 г. Второе издание—1848 г. и третье 1892 г.

Богатство и полнота собранного Энгельсом материала, яркое изображение социального и экономического положения английского рабочего класса, оперирование множеством конкретных фактов указывают на то, что Энгельс уже в 1845 г. много работал над вопросами экономики и истории рабочего движения. В предисловии к первому изданию он писал: «Положение рабочего класса есть действительная основа и исходный пункт всех социальных движений современности, будущи высшим и наиболее обнаженным проявлением наших современных социальных бедствий».

Французский и немецкий рабочий коммунизм прямо из него вытекают, а фурьеризм и английский социализм, как и коммунизм немецкой образованной буржуазии, косвенно обязаны ему своим происхождением. С одной стороны, чтобы обосновать социалистические теории, с другой,—чтобы дать твердую почву суждениям о праве этих теорий на существование и чтобы положить конец всем мечтам и фантазиям рго и сонга изучение положения пролетариата является неизбежной необходимостью» (стр. 298).

И Энгельс в продолжении 21 месяца изучал положение рабочего класса в Англии, где условия существования пролетариата имеются в их «классически совершенной форме», путем студирования соответствующей литературы и, главным образом, путем личных наблюдений. Результатом этого изучения явилась названная книга, поражающая богатством конкретного материала и мастерской его обработкой. Энгельс подчеркивает, что для Германии изучение условий жизни пролетариата в их классической британской форме имеет чрезвычайно важное значение.

«Немецкий социализм и коммунизм,—пишет Энгельс,—более, чем всякий другой, исходил из теоретических предпосылок; мы, немецкие теоретики, слишком мало знаем еще мир действительности, чтобы реальные условия жизни непосредственно возбудили в нас стремление к реформе этой «скверной действительности». Из открытых сторонников таких реформ почти ни один не пришел к коммунизму иначе, чем через феербаховское преодоление гегелевской философии» (стр. 299).

«Мы, немцы, больше всего нуждаемся в знании фактов по этому вопросу».

И вот Энгельс на широком фоне конкретных фактов рисует яркую картину положения рабочего класса в Англии.

В небольшом введении он указывает причины возникновения английского пролетариата в связи с развитием английской промышленности. Затем он останавливается на условиях существования пролетариата в крупных городах, рисуя широкие мазками весь ужас их жизненной обстановки и показывая, какое влияние на положение рабочего оказывает конкуренция—это «наиболее полное выражение существующей в современном буржуазном обществе войны всех против всех» (стр. 369). Познакомив читателя с условиями жизни пролетариата в городах, Энгельс показывает, каковы результаты этого положения, каково физическое, интеллектуальное и моральное состояние рабочих. Далее он переходит к детальному исследованию наиболее важных групп английского пролетариата— фабричных рабочих и рабочих других отраслей труда, после этого анализа Энгельс дает историю рабочего движения, начиная от наиболее неорганизованных и беспомощных форм возмущения и кончая организованной борьбой чартистов и социалистов. В последних главах книги Энгельс говорит о положении горнопро-

мысленного и земельного пролетариата. Заключительная глава посвящена анализу отношения буржуазии к пролетариату. Вывод, к которому Энгельс приходит в результате этого анализа, таков—мирный выход из создавшегося здесь положения уже невозможен, и поэтому революция должна наступить» (стр. 572).

Дополнением к книге является статья «Одна из английских забастовок», напечатанная в 1846 г. в «Вестфальском Пароходе». Она дает описание стачки на заводе Полинга и Гемфри.

Первым произведением, в котором авторство принадлежит и Марку и Энгельсу, было «Святое семейство или критика «критической критики» против Бруно Бауэра и К^о». Правда, доля участия Энгельса значительно меньше, чем Маркса; сам Энгельс писал Марку 22 февраля 1845 г.: Как видно из объявления, ты мое имя поставил первым. Почему? Я ведь почти ничего не написал, и твой стиль ведь все знают».

Однако, как бы то ни было, Маркс и Энгельс в «Святом семействе» решили совместно «свести счеты» с философией Б. Бауэра и всей немецкой спекулятивной философией вообще. В лице Бауэра они критикуют эпигона гегелевской философии, карикатурно воспроизводящего спекулятивное мышление. Рамки рецензии не позволяли нам подробно останавливаться на этой чрезвычайно интересной критике, выдвигающей так много проблем, мы отметим лишь наиболее важные из трактующихся в ней вопросов. Прежде всего несколько слов относительно причин появления этого произведения. В декабре 1843 г. вышел первый номер бауэровского журнала «Всеобщая Литературная Газета», стоящая под знаком отрицания и отказа от всякой «политики». Разуверившись в «массе», которая осталась равнодушной к потерпевшим фиаско «философским вождям», Бауэр, как говорит Д. Б. Рязанов, «состряпал свою философскую историю на тему «Подите прочь! Какое дело поэту мирному до вас» (стр. XI). Презрительное отношение к «массе», в которой Бауэры видели «врага духа», они распространили и на пролетариат. Эти взгляды вызвали со стороны Маркса и Энгельса резкий протест. По мере выхода в свет выпусков «Всеобщей Литературной Газеты» негодование их все возрастало. Наконец, когда в июле 1844 г. вышел восьмой номер журнала, в котором Бауэр выступил со статьей против всего движения 1842 г., т. е. против «Рейнской Газеты» и «Немецких Летописей», Маркс и Энгельс решили написать против Бауэра брошюру и раз навсегда отмежеваться от своего бывшего соратника. Энгельс в сентябре 1844 г. по дороге из Манчестера в Бармен, остановился в Париже, где написал 1½ печатных листа, оставив окончательную обработку предполагаемой брошюры Марку. В марте 1845 г. появилось в свет «Святое семейство», оно представляло собою не брошюру, а книгу в 22 печатных листа. В предисловии Маркс и Энгельс писали: «Опаснейшим врагом реального гуманизма в Германии является спиритуализм или спекулятивный идеализм, который на место действительного индивидуального человека ставит самосознание или же «дух» и вместе с евангелием учит: «Дух животворящ, плоть же—немошна». Само собою разумеется, что этот беспомощный дух одарен умом лишь в своем воображении. То, с чем мы боремся в бауэровской критике, есть лишь карикатурно воспроизводящее себя спекулятивное мышление. Мы видим в ней совершеннейшее выражение христианско-германского принципа, в последний раз проявляющего себя в попытке превратить самое «критику» в трансцендентную силу» (стр. 23).

В этих словах, с одной стороны, намечены основные идеи критики, с другой—указана та точка зрения, с которой Маркс и Энгельс вели эту критику. То, что подлежит критике в философии Бауэра—это его спекулятивный идеализм; та точка зрения, на которой тогда стояли Маркс и Энгельс, есть точка зрения реального гуманизма, т. е. февербахианства. Итак, критика Бауэра ведется по линии критики его философии самосознания, которая впервые обнаружена уже в «Критике синоптиков» (1841 г.), но достигла своего кульминационного пункта в статьях

«Всеобщей Литературной Газеты». Маркс и Энгельс указывают прежде всего на то, что эта философия самосознания Бауэра не является оригинальным созданием его—она лишь «карикатурное» воспроизведение гегелевского идеализма и «предвосхищена» «Феноменологией духа» Гегеля.

«Вся «Феноменология»,—пишет Маркс,—имеет своей целью доказать, что самосознание есть единственная и всеобщая реальность» (стр. 225).

Бауэр исходит точно из такого же положения, делая самосознание демиургом действительности и повторяя за Гегелем «спекулятивную теорию создания мира». Абстрактность и оторванность от реальной действительности, произвольность спекулятивных конструкций и безудержный идеализм являются характерными чертами философии Гегеля, Бауэр воспринял эти черты гегелевского идеализма и довел их до *pes plus ultra*.

Бауэр может только создавать формулы из гегелевской философии и ничего кроме формул, бауэровская философия «жвачное животное», пережевывающее крохи, упавшие со стола гегелевской философии. Философия Бауэра—это «высохшая до отвратительнейших абстракций гегелевская философия» (стр. 37). Такова общая оценка философии самосознания Бауэра. Она, поистине, лишь эхо философии Гегеля.

Если мы обратимся к отдельным проблемам философии Бауэра, то и тут мы найдем полную, рабскую зависимость от Гегеля. Не имея возможности останавливаться на всех проблемах, возьмем три из них, наиболее существенные:

1) проблему отношения субъекта и объекта, 2) проблему отношения «духа» и «массы» и 3) проблему диалектики.

1) У Гегеля мы имеем «спекулятивное мистическое тождество бытия и мышления» (стр. 225). Действительный, реальный, предметный мир рассматривается Гегелем, как «самоотчуждение понятий». Мир у Гегеля стоит на голове. Бауэр в своем духе принимает эту точку зрения спекулятивного тождества бытия и мышления. И для него конкретный мир не существует независимо от субъекта; он—продукт самосознания. Самосознание — основа всего существующего (стр. 168). В «Открытом христианстве» (стр. 113) Бауэр пишет: «Как будто не самосознание творит мир, утверждая свое творение, как отличное от самого себя и затем снова уничтожая созданное различие между собою и своим творением...».

«Критика»,—говорит Маркс,—сама создает свой предмет, она—абсолютный субъект-объект» (стр. 190).

Нет необходимости приводить еще цитаты, и приведенных достаточно, чтобы видеть, что Бауэр здесь вполне солидаризируется с Гегелем. Второй проблемой, на которой мы немного остановимся, является проблема отношения «духа» и «массы»,—та философия истории, которую создал Бауэр. Он выставляет положение о противоположности «духа»—активного, творящего историю, и «массы»—пассивной, косной, грубой. Маркс пишет по поводу этой философии истории:

«Открытое господином Бруно отношение «духа» и «массы» на самом деле не что иное, как критически-карикатурное завершение гегелевского понимания истории, которое, в свою очередь, не что иное, как спекулятивное выражение христианско-германской догмы о противоположности духа и материи, бога и мира» (стр. 109).

Следовательно, и здесь Бауэр находится в полной зависимости от Гегеля. Нового по сравнению с Гегелем здесь только то, что Бауэр уничтожил ту догматичность, которая имела место у Гегеля. А именно: во-первых, Гегель, объявив философию наличным бытием абсолютного духа, отказался объявить действительный философский индивидуум абсолютным духом. Бауэр же упразднил эту непоследовательность Гегеля и «объявил критику абсолютным духом, а самого себя критикой». Во-вторых, Гегель заставляет абсолютный дух в качестве абсо-

мысленного и земледельческого пролетариата. Заключительная глава посвящена анализу отношения буржуазии к пролетариату. Вывод, к которому Энгельс приходит в результате этого анализа, таков—мирный выход из создавшегося здесь положения уже невозможен, и поэтому революция должна наступить» (стр. 572).

Дополнением к книге является статья «Одна из английских забастовок», напечатанная в 1846 г. в «Вестфальском Пароходе». Она дает описание стачки на заводе Полинга и Гемфри.

Первым произведением, в котором авторство принадлежит и Марксу и Энгельсу, было «Святое семейство или критика «критической критики» против Бруно Бауэра и К^о». Правда, доля участия Энгельса значительно меньше, чем Маркса; сам Энгельс писал Марксу 22 февраля 1845 г.: «Как видно из объявления, ты мое имя поставил первым. Почему? Я ведь почти ничего не написал, и твой стиль ведь все знают».

Однако, как бы то ни было, Маркс и Энгельс в «Святом семействе» решили совместно «свести счеты» с философией Б. Бауэра и всей немецкой спекулятивной философией вообще. В лице Бауэра они критикуют эпигона гегелевской философии, карикатурно воспроизводящего спекулятивное мышление. Рамки рецензии не позволяют нам подробно останавливаться на этой чрезвычайно интересной критике, выдвигающей так много проблем, мы отметим лишь наиболее важные из трактуемых в ней вопросов. Прежде всего несколько слов относительно причин появления этого произведения. В декабре 1843 г. вышел первый номер бауэровского журнала «Всеобщая Литературная Газета», стоящая под знаком отрицания и отказа от всякой «политики». Разуверившись в «массе», которая осталась равнодушной к потерпевшим фиаско «философским вождям», Бауэр, как говорит Д. Б. Рязанов, «состряпал свою философию истории на тему «Подите прочь! Какое дело поэту мирному до вас» (стр. XI). Презрительное отношение к «массе», в которой Бауэры видели «врага духа», они распространили и на пролетариат. Эти взгляды вызвали со стороны Маркса и Энгельса резкий протест. По мере выхода в свет выпусков «Всеобщей Литературной Газеты» негодование их все возрастало. Наконец, когда в июле 1844 г. вышел восьмой номер журнала, в котором Бауэр выступил со статьей против всего движения 1842 г., т.-е. против «Рейнской Газеты» и «Немецких Летописей», Маркс и Энгельс решили написать против Бауэра брошюру и раз навсегда отмежеваться от своего бывшего соратника. Энгельс в сентябре 1844 г. по дороге из Манчестера в Бармен, остановился в Париже, где написал 1½ печатных листа, оставив окончательную обработку предполагаемой брошюры Марксу. В марте 1845 г. появилось в свет «Святое семейство», оно представляло собою не брошюру, а книгу в 22 печатных листа. В предисловии Маркс и Энгельс писали: «Опаснейшим врагом реального гуманизма в Германии является спиритуализм или спекулятивный идеализм, который на место действительного индивидуального человека ставит самознание или же «дух» и вместе с евангелием учит: «Дух животворящ, плоть же—немощна». Само собою разумеется, что этот беспомощный дух одарен умом лишь в своем воображении. То, с чем мы боремся в бауэровской критике, есть лишь карикатурно воспроизводящее себя спекулятивное мышление. Мы видим в ней совершеннейшее выражение христианско-германского принципа, в последний раз проявляющее себя в попытке превратить самое «критику» в трансцендентную силу» (стр. 23).

В этих словах, с одной стороны, намечены основные идеи критики, с другой—указана та точка зрения, с которой Маркс и Энгельс вели эту критику. То, что подлежит критике в философии Бауэра—это его спекулятивный идеализм; та точка зрения, на которой тогда стояли Маркс и Энгельс, есть точка зрения реального гуманизма, т.-е. феербахянства. Итак, критика Бауэра ведется по линии критики его философии самознания, которая впервые обнаружена уже в «Критике синоптиков» (1841 г.), но достигла своего кульминационного пункта в статье

«Всеобщей Литературной Газеты». Маркс и Энгельс указывают прежде всего на то, что эта философия самознания Бауэра не является оригинальным созданием его,—она лишь «карикатурное» воспроизведение гегелевского идеализма и «предвосхищена» «Феноменологией духа» Гегеля.

«Вся «Феноменология»,—пишет Маркс,—имеет своей целью доказать, что самознание есть единственная и всеобщая реальность» (стр. 225).

Бауэр исходит точно из такого же положения, делая самознание демиургом действительности и повторяя за Гегелем «спекулятивную теорию создания мира». Абстрактность и оторванность от реальной действительности, произвольность спекулятивных конструкций и безудержный идеализм являются характерными чертами философии Гегеля, Бауэр воспринял эти черты гегелевского идеализма и довел их до *pes plus ultra*.

Бауэр может только создавать формулы из гегелевской философии и ничего кроме формул, бауэровская философия «жвачное животное», пережевывающее крохи, упавшие со стола гегелевской философии. Философия Бауэра—это «высохшая до отвратительнейших абстракций гегелевская философия» (стр. 37). Такова общая оценка философии самознания Бауэра. Она, поистине, лишь эхо философии Гегеля.

Если мы обратимся к отдельным проблемам философии Бауэра, то и тут мы найдем полную, рабскую зависимость от Гегеля. Не имея возможности останавливаться на всех проблемах, возьмем три из них, наиболее существенные:

1) проблему отношения субъекта и объекта, 2) проблему отношения «духа» и «массы» и 3) проблему диалектики.

1) У Гегеля мы имеем «спекулятивное мистическое тождество бытия и мышления» (стр. 225). Действительный, реальный, предметный мир рассматривается Гегелем, как «самоточуждение понятий». Мир у Гегеля стоит на голове. Бауэр целиком принимает эту точку зрения спекулятивного тождества бытия и мышления. И для него конкретный мир не существует независимо от субъекта; он—продукт самознания. Самознание—основа всего существующего (стр. 168). В «Открытом христианстве» (стр. 113) Бауэр пишет: «Как будто не самознание творит мир, утверждая свое творение, как отличное от самого себя и затем снова уничтожая созданное различие между собою и своим творением...».

«Критика,—говорит Маркс,—сама создает свой предмет, она—абсолютный субъект-объект» (стр. 190).

Нет необходимости приводить еще цитаты, и приведенных достаточно, чтобы видеть, что Бауэр здесь вполне солидаризируется с Гегелем. Второй проблемой, на которой мы немного остановимся, является проблема отношения «духа» и «массы»,—та философия истории, которую создал Бауэр. Он выставляет положение о противоположности «духа»—активного, творящего историю, и «массы»—пассивной, косной, грубой. Маркс пишет по поводу этой философии истории:

«Открытое господином Бруно отношение «духа» и «массы» на самом деле не что иное, как критически-карикатурное завершение гегелевского понимания истории, которое, в свою очередь, не что иное, как спекулятивное выражение христианско-германской догмы о противоположности духа и материи, бога и мира» (стр. 109).

Следовательно, и здесь Бауэр находится в полной зависимости от Гегеля. Новое по сравнению с Гегелем здесь только то, что Бауэр уничтожил ту догматичность, которая имела место у Гегеля. А именно: во-первых, Гегель, объявив философию наличным бытием абсолютного духа, отказался объявить действительный философский индивидуум абсолютным духом. Бауэр же упразднил эту непоследовательность Гегеля и «объявил критику абсолютным духом, а самого себя критикой». Во-вторых, Гегель заставляет абсолютный дух в качестве абсо-

лютного духа творить мировую историю лишь для видимости. У Бауэра же критик «сознательно разыгрывает роль мирового духа», он «изобретает и осуществляет историю с определенным намерением и по зрелому размышлению» (стр. 110). Таким образом, Бауэр «завершил» философию истории Гегеля, доведя ее до геркулесовых столбов нелепости. Последний вопрос, на котором мы остановимся при разборе критики Бауэра Марксом и Энгельсом, это—вопрос о диалектике. Отношение Маркса и Энгельса к диалектике Гегеля в период «Святого семейства» было отрицательное, они называли ее «божественной», «спекулятивной» и не усматривали в ней тех положительных черт, которые они так подчеркивали в дальнейшем. Это вполне понятно—в период борьбы против реакции, прикрывающейся гегельянством, Маркс и Энгельс могли относиться к Гегелю только отрицательно, их цель была разбить спекулятивный идеализм наголову, поэтому они не могли быть особенно осторожны и с диалектикой, стоящей у Гегеля в неразрывной связи с его системой.

Маркс говорит, что отличительный признак гегелевского метода состоит в понимании субстанции как субъекта, как внутреннего процесса» (стр. 82).

Это действительно так, и в этих словах еще не видно отрицательного отношения к методу Гегеля. Но если мы возьмем эти слова в том контексте, в котором они сказаны, то увидим, что в них сказывается резко-отрицательное отношение к диалектике Гегеля. Речь идет здесь о гегелевском учении об общих понятиях. Анализируя понятие «плод», Маркс показывает всю спекулятивную сущность учения Гегеля, по которому «действительные плоды играют роль видимых плодов, истинную сущность которых представляет «субстанция» «плод» (стр. 79), находящаяся в постоянном процессе развития, так что реальные плоды есть лишь «различные звенья в жизненном процессе «плода вообще». Таким образом, «плод вообще» создает яблоки, груши, миндаль и прочее. Это то «спекулятивное творчество» и называется у Гегеля пониманием субстанции, как субъекта.

Это «спекулятивное творчество» и есть метод Гегеля, неудивительно, что Маркс и Энгельс столь отрицательно отнеслись к нему. В другом месте Маркс говорит о методе Гегеля следующее: «Спекулятивная философия, именно гегелевская философия, считала необходимым переводить все вопросы из формы здравого человеческого рассудка в форму спекулятивного разума и превращать действительный вопрос в спекулятивный, чтобы суметь ответить на него. Извращая мои вопросы и влагая мне в уста свои вопросы, наподобие того, как это делает катехизис, спекулятивная философия могла, конечно, как и катехизис, иметь в запасе готовый ответ на каждый мой вопрос» (стр. 115).

Маркс подчеркивает как в «Святом семействе», так и в «Подготовительных работах для «Святого семейства», что Бауэр относился к диалектике Гегеля совершенно догматически, оставался всецело «в плену гегелевской логики» (стр. 633). Как и у Гегеля, диалектика у Бауэра была «божественной», «спекулятивной», абстрактной.

Все существующие противоречия им сводились к противоречию в мысли, где их было легко разрешить. Несмотря на резко-отрицательное отношение к Гегелю, Маркс и Энгельс указывали, что Гегель часто вопреки своему идеализму давал «правильные характеристики человеческих отношений» (стр. 226), чего уж никак нельзя сказать о Бауэре! И, несмотря на все отрицательные отзывы о Гегеле, Маркс и Энгельс все же относились к нему более положительно, чем к Бауэру, «предпочитая оригиналы спискам».

В главе о «французском материализме» Маркс дает не только яркую картину истории французского материализма, но и поднимает ряд вопросов, связанных с французским материализмом, такова, напр., проблема отношения Спинозы и французского материализма, вопрос о двух направлениях французского материализма и ряд других. Интересной является также глава о Прудоне, принадлежащая перу Энгельса. В ней мы находим резкою критику бауэровского учения о

тождестве мышления и бытия (стр. 74) и крайне отрицательную оценку спекулятивной диалектики Бауэра (стр. 74).

В этот период Энгельс ставил Прудона очень высоко и называл его произведением: «научным манифестом французского пролетариата» (стр. 61).

Глава об «еврейском вопросе», принадлежащая Марксу, показывает нам, насколько уже в то время (1845 г.) он был близок к оформлению своей историко-материалистической теории: роль «индустрии», промышленности, роль общественных отношений и практики осознавалась Марксом уже в ту эпоху.

Мы видим, таким образом, что через все «Святое семейство» красной нитью проходят две тенденции: с одной стороны, резко отрицательное отношение к спекулятивному идеализму Гегеля и Бауэра, с другой,—высокая оценка Фейербаха и его реального гуманизма, на почве которого стояли Маркс и Энгельс в ту эпоху. Собою ярко проявился реальный гуманизм Маркса в «Подготовительных работах для «Святого семейства». Эта работа состоит из четырех глав, три из них трактуют о проблемах экономики и социализма и являются очень ценными дополнениями к тем главам «Святого семейства», в которых Маркс дает критику экономических явлений, частной собственности и различных форм коммунизма.

Глава же «Как нам быть с гегелевской диалектикой» дает богатый материал для изучения критики Марксом Гегеля. Центр тяжести этой критики лежит в анализе и критике гегелевского понятия самосознания.

Непосредственно за «Святым семейством» помещен «Ответ на антикритику Бауэра».

Таково содержание третьего тома Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Как мы видим, оно чрезвычайно богато и дает весьма ценный материал для изучения философской эволюции Маркса и Энгельса. Предисловие Д. Б. Рязанова представляет прекрасное введение в изучение предлагаемого в этом томе материала, давая историю возникновения произведений Маркса и Энгельса и указывая на основные идеи их. Очень удачной следует признать мысль тов. Рязанова изложить содержание романа Э. Сю «Парижские тайны» словами Белинского. Благодаря этому читатель не только знакомится с содержанием этого столь популярного в то время романа, разбору которого в «Святом семействе» уделено столько места, но узнает и взгляды Белинского—русского ново-гегельянца—на него, знакомится с его острой и меткой критикой, пытающейся вскрыть причины успеха романа и объясняющей этот успех «историческими причинами», июльской революцией и победой мещанства.

В заключение нашей рецензии мы выражаем надежду, что богатый материал этого тома найдет своего исследователя. Внимательное и детальное изучение этого ценного материала может пролить яркий свет на генезис идей диалектического материализма.

В. ПОЛОВА.

С. А. ОРАНСКИЙ. Основные вопросы марксистской социологии. Т. I. Стр. 245. Изд. «Прибой». Ленинград 1929 г.

Книга предназначена быть учебником в высших учебных заведениях. Первый том—второй еще не вышел—состоит из небольшого очерка зарождения социологии (гл. первая) и очерка современных направлений в современной социологии (гл. первая), после чего идут главы, уже посвященные проблемам исторического материализма: вопросу разграничения социальных законов от естественных (глава третья), определения общества и строения его (4 и 5 главы) и, наконец, учение о классах (главы 6, 7 и 8). Остальные вопросы, как указывается в предисловии, войдут во второй том.

Среди большого количества руководств, хрестоматий и пр. по историческому материализму данная книга займет место в ряду удачных учебников, несмотря на те значительные недостатки, которых мы коснемся ниже.

К достоинствам книги нужно отнести то, что она правильно определяет предмет исторического материализма, занимает четкую позицию по отношению к механистическим и идеалистическим направлениям, верно характеризует природу социальных явлений. На ряду со всем этим, она оставляет благоприятное впечатление своей цельностью, выдержанностью в духе определенного круга идей, с одной стороны, и знанием предмета, умением преломить материал по своему, с другой стороны. Это делает книгу свежей и интересной.

Что является предметом исторического материализма? Уже название книги показывает, что автор ее стоит на точке зрения того определения, которое считает истмат марксистской социологией. В соответствии с этим предметом истмата являются общие законы общественной жизни, образующие совершенно самостоятельную теоретическую область. «Учение о производительных силах и производственных отношениях и их причинной связи, теория базиса и надстроек—все это заключает в себе ряд самых общих законов общественной жизни. Если же исторический материализм служит методом и для других наук, то в этом проявляется тот общий факт, что всякая абстрактная теоретическая наука, будучи в своей сфере самостоятельной теорией, дает в то же время известные познавательные принципы другим, более частным наукам, служит им в этом смысле методом» (13 стр.).

Таким образом, книга отмежевывается сразу от двух противоположных, но одинаково неправильных определений—от взгляда на истмат, как на комплекс всех социальных наук, и от утверждений, что истмат не имеет в качестве своего предмета какой-либо особой области в общественном бытии, но является чисто-методологической, формальной наукой, своего рода логикой общественных наук—и только.

Чтобы избежать возможных недоразумений, нужно только добавить к этому (чего не делает автор), что когда исторический материализм называется марксистской социологией, то вместе с тем имеется в виду следующее принципиально важное различие между истматом и буржуазной социологией—последняя рассматривает общество и проявляющиеся в нем законы в статическом, неизменном виде, тогда как исторический материализм мыслит жизнь общества, как исторический процесс, в котором проявление социологических законов всегда имеет форму конкретно-исторического действия. Идет ли речь о производительных силах, о взаимоотношении различных сторон общественного целого, о классовой борьбе—всюду проявление закона рассматривается в связи с конкретной обстановкой исторического этапа. Таким образом марксистская социология в отличие от буржуазной имеет своим предметом ряд самых общих законов исторически развивающегося общества, они являются теорией исторического процесса.

Книга много выигрывает от того, что изложению марксистской социологии предшествует небольшой очерк зарождения социологии и ее главнейших современных течений. В марксистских учебниках, пользующихся известным признанием и распространением, эта часть обычно отсутствует. Между тем, при изучении целого ряда конкретных проблем истмата (о производительных силах, о классах, государстве и т. д.),—не говоря уже о том, что знание истории социологии вещь вообще не лишняя,—учащимся приходится сталкиваться с органическим, психологическим, географическим и пр. немарксистскими направлениями в социологии. Ознакомление с этими направлениями удовлетворяет тот глубочайший интерес, который имеется у учащихся, естественно стремящихся сопоставить марксизм с другими теориями, и вместе с тем создает предпосылки для более сознательного критического и, следовательно, более глубокого изучения самого исторического материализма.

При изложении различных социологических направлений автор, между прочим, особенно подчеркивает механистический характер этих систем. Он начинает с социологических учений XVII в. Ставя эти учения в связь с состоянием естествознания и философии того времени, он вполне правильно и в социологии видит применение того же механистического метода: «Философские системы Декарта, Гоббса, Спинозы и др. носят на себе сильнейший отпечаток нового естественнонаучного мирозерцания (18 стр.). Не только природу, но и общество мыслители XVII в. понимают механистически. Общество, по их мнению, представляет собой такую систему, в которой социальные силы, т.-е. страсти, пришли в состояние взаимного равновесия. Излюбленной аналогией этой эпохи является аналогия между обществом и солнечной системой» (20 стр.).

Тот же механистический подход к общественным явлениям обнаруживается у французских материалистов XVIII в. Здесь излагаются взгляды только Вольея и Гельвеция. Вольней отождествляет общественный порядок с законами природы. Он полагает, что существует рациональный общественный порядок, который нарушается произволом людей. Более глубокие взгляды на общество у Гельвеция. Но и Гельвеций не выходит из противоречия, порождаемого бессилием объяснить взаимодействие общественной среды, под воздействием которой складывается человек, и сознанием человека, создающего, формирующего эту среду. В конце концов, и Гельвеций рассматривает общество и государство, как «систему равновесия страстей, создаваемую законодателем при посредстве законов» (29 стр.).

Огюст Конт отказался от прямолинейных механистических аналогий, как говорит автор. Но и он не смог отказаться от механистического метода, поскольку он пытался вывести все законы, и, в частности, законы социологии, из более общих законов и самого универсального из них закона тяготения.

Таким образом, руководящая идея учебника состоит в том, чтобы показать, что в ходе развития социологической мысли основное затруднение, о которое разбивались все попытки механистических теорий, жалело по линии вскрытия сущности социальных явлений и разграничения, на этой основе, законов общества от законов природы.

Изложение главнейших течений современной социологии: психологических теорий, органических, социально-дарвинистических, географических показывает, что они также не смогли разрешить эту проблему. И, поскольку они шли по пути попыток перенесения тех или иных естественных законов на общество, они продолжали механистические традиции прежней социологии.

В этом отношении (в отношении метода) нет никакой разницы между различным рода биологическими направлениями и направлением психологическим. Поэтому в качестве вывода мы и читаем в рецензируемой книжке: «Первое, к чему мы пришли, это—значительное сходство отдельных направлений натуралистической социологии. Две главнейшие разновидности последней—психологическое и биологическое направления далеко не столь резко расходятся между собой, как это могло бы показаться с первого взгляда. Оба течения исходят из того положения, что свойства социального целого определяются свойствами составляющих его единиц, т.-е. отдельных индивидов. При чем оба они берут за исходный пункт своих построений именно психическую природу индивида. Разногласия начинаются дальше. Основой расхождения является различное понимание представителями обоих течений отношения индивида к окружающей среде. Социологи-психологи считают природу лишь пассивным объектом человеческих воздействий... Напротив, социологи биологической школы теснее связывают психические особенности человека с его физическими свойствами» (62—63 стр.).

Неудачи натуралистической социологии породили реакцию в лице историков (Белов, Бернгейм, Эд. Мейер и др.), которые, стоя на точке зрения своеобразия исторических явлений, готовы были видеть это своеобразие в единичности и

неповторимости исторических явлений, т. е. по существу в отрицании законосообразности в общественных явлениях.

Но взгляды историков явились только ступенькой к идеалистической философии истории Виндельбанда и Риккерта, попытавшихся перенести обоснование своеобразия исторической науки в плоскость гносеологическую: в плоскость установления двоякого способа познания—посредством законов (естественные науки) и посредством сохранения в изучаемом индивидуального, неповторимого, имеющего культурную ценность, как таковое (науки исторические, науки о культурных явлениях).

На фоне этих механистических и идеалистических потуг ставится вопрос о марксистском понимании общественных явлений. В первую очередь берется вопрос о взаимоотношении общественных и естественных законов. С. А. Оранский исходит притом из того положения, что между природой и обществом существует единство, но на основе этого единства общественные явления представляют совершенно особое качество, определяемое специфическими законами общественной жизни. Законы, действующие в природе, например, в животном мире, не уничтожаются по отношению к человеку, но принимают совершенно особый вид, так как условия, в которых теперь проявляется закон, совершенно специфические. Марксизм, говорит автор, не «отрицает существования некоторых общих законов органического мира, распространяющихся и на животных, и на человека. Но форма проявления этих законов по отношению к человеку иная, чем к другим животным, по крайней мере, с того момента, как человек вышел из первоначального состояния и стал применять орудия труда» (104).

При рассмотрении затем основных понятий исторического материализма, например, понятия производительных сил, классовой борьбы и т. д., опять подчеркивается вся разница в постановке вопроса диалектическим материализмом в противоположность механическому материализму. Вместе с тем, подчеркивается, что идеалистическая критика марксизма уже потому не попадает в цель, что она не способна подняться до этого кардинального различия между обоими видами материализма.

Из всего сказанного с достаточной ясностью можно представить себе достоинство книги. Нам необходимо теперь показать другую сторону: ее слабые моменты.

Мы минуем при этом моменты, не имеющие для книги более или менее решающего значения. Так, мы не будем останавливаться на том, что местами основная руководящая идея, указанная нами выше, недостаточно вылучко выражена из-за увеличения деталей и стремлением проследить внутренние противоречия той или иной системы; не будем останавливаться также на том, что не совсем отчетливо представлена неизбежность идеалистических уклонов социологов позитивистов, что некоторые теории (напр., теория насилия и права, стр. 167—170) при достаточно полном изложении получили достаточно беглую критику и т. д. и т. п. Обратим внимание лишь на то, что в разрезе данной книги имеет существенное значение.

Мы указали, что через весь учебник красной нитью проходит критика механистического метода. Однако нужно считать выполнение этой задачи незаконченными, поскольку не сводится счетов с современными механистами в истmate, в первую очередь с тт. Степановым, Аксельродом и Сарабяновым.

Книга обходит молчанием вопрос о расхождении диалектиков-марксистов с указанными механистами. Но молчанием тут отделаться нельзя. Учащиеся спрашивают и даже допрашивают всякого ведущего курс истмата об этих разногласиях. Этот недостаток они почтуются в книге. Конечно, на основе того, что говорится в учебнике о механистическом методе (напр., см. гл. 3), можно сделать соответствующую оценку «Историческому материализму» Степанова, «Защита диалектического материализма Аксельродом и количественным писаниям Сарабя-

нова. Но таким «расчетом» руководствоваться нельзя. Указанные механисты оспаривают право быть последовательными марксистами. Они стараются свою «позицию» прикрыть именем Маркса и Энгельса, Плеханова и Ленина. Это усложняет борьбу с ними. Учащиеся теряются в потоке «защитных» аргументов и поэтому требуют ясного и прямого ответа «за» или «против», на основе анализа аргументов по существу спорных моментов. Поэтому, чтобы критика механистических направлений была законченной, нужно было дать критику механистической причинности и «простым» (императивным) законам нравственности Аксельродом, сведению общественно-исторических явлений к «простым химическим и физическим процессам» у т. Степанова («Ист. материализм», стр. 25, 26, 66, 67 и т. д., изд. 1924 г.), субъективизму и вульгаризаторству т. Сарабянова.

В очерке зарождения и развития социологии естественно было ожидать выполнение той задачи, которая выражена словами самого автора так: «Перед нами встает вопрос, как отразились на теории Маркса те разнородные влияния, под которыми она возникла? Какой отпечаток наложило на нее влияние англо-французской социально-политической философии, с одной стороны, и классического немецкого идеализма—с другой? Как вообще был возможен и в чем выразился философский синтез Маркса?» (90 стр.). В самом деле, важно не только изложить учение Маркса и противопоставить его ряду современных буржуазных механистических и идеалистических направлений, но и проследить исторические источники этого учения. В историческом аспекте ярче выступает преодоление марксизмом как механистического материализма, так и идеалистической диалектики. Выяснение исторических источников марксизма бесконечно облегчает критику враждебных марксизму направлений. Это требование историзма превращается в прямую обязанность всякого марксистского труда, если в нем, как, например, в рецензируемой книге, делается попытка несколько исторически изложить вопрос.

Однако историческое введение, которое мы находим здесь, знакомит нас с философско-социологическими взглядами французских материалистов и англо-французского позитивизма, но совершенно игнорирует другую сторону—Гегеля.

Гегель, как никто, подготовил почву для Маркса. Французские материалисты, в силу своего механистического мировоззрения, оставались в области социологических воззрений непроходимыми эклектиками и в конечном счете идеалистами. Маркс смог подняться над ограниченностью французского материализма, потому что он обогатил материализм новыми моментами (диалектическими), в значительной мере подготовленными Гегелем. Французский материализм оказался бессильным найти выход из противоречия между воздействием среды на человека и человека на среду. Это бессилие вытекало из неспособности подняться до идеи развития. Если бы французские материалисты, исходя из своей общеполитической предпосылки—что все понятия и чувства человека являются результатом воздействия на него окружающей среды,—поставили вопрос об историческом развитии идей человечества под воздействием исторически изменяющихся общественных отношений (общественной среды), то не трудно было бы открыть материальные законы общественного развития. Это и означало бы преодоление метафизики, эклектизма и идеализма.

Эту задачу выполнил Маркс. И Гегель оказал ему огромную помощь. Гегель установил на общество исторический взгляд. Он стал рассматривать историю человечества, как непрерывно развивающийся процесс. В основе этого процесса, правда, он видел саморазвитие абсолютного духа, но это не помешало ему все-таки характеризовать исторический процесс, как объективный и законосообразный. Таким образом, было установлено единство всего исторического процесса (саморазвитие абсолютного духа), законосообразность и объективность всех изменений; было найдено вместе с тем объяснение многообразия, взаимодействию и противоречиям в исторической действительности,

так как всякое изменение, всякий процесс представлялся возможным лишь в форме постоянно возникающих и преодолеваемых противоречий.

Насколько эта концепция оказала влияние на Маркса, можно судить из слов Маркса (цитируемых самим С. А. Оранским) о том, что Конт, о котором англичане и французы подняли такой шум, произвел на него довольно жалкое впечатление по сравнению с Гегелем. И, несмотря на это, автор не уделил ни одной строчки изложению философско-исторических взглядов Гегеля. Автор очень метко подметил, что все критики Маркса, отдавая должное его гению и учености, оказываются не в силах понять синтез материализма и диалектики у него, ибо материализм они понимают механистически, а диалектику идеалистически (см. гл. «Исторический материализм и другие направления социологии»). Имея в виду это, и нужно было построить историческое введение таким образом, чтобы было видно, как Маркс синтезировал материализм французов XVIII в. и диалектику Гегеля.

Из других недостатков книги нужно отметить своеобразный и, на наш взгляд, мало чем оправдываемый порядок расположения современных социологических течений. Не понятно, например, почему изложение этой главы начинается с психологических теорий. Ни историческая последовательность, ни логическая связь с другими направлениями не диктуют такого решения. Напротив, имеются мотивы за помещение психологических теорий в конце главы после биологических и географических теорий и перед идеалистической философией истории. Дело в том, что если некоторые психологические теории одной стороной соприкасаются с позитивными направлениями в социологии (о чем упоминалось выше), то другая сторона этих теорий представляет переходную ступень к идеалистической философии истории. В этом отношении характерным представителем психологического направления является Вундт, вставший на точку зрения так называемой волюнтаристической теории. Но о нем-то как раз и не обмолвлено в книге ни одним словом.

Вундт представляет логический переход от Тарда и др. психологистов к Вильгельмунду и Риккерт. Эд. Мейер, Бернгейм и др. историки подняли войну против позитивизма в защиту неповторимости и своеобразия единичных исторических явлений, в защиту свободной воли и случайности событий. Вундт подошел к этому же пункту, но с другой стороны: со стороны анализа сущности психической природы человека. Объявив движущей силой истории волю, он лишил закон причинности всякого права гражданства в истории и поставил вместо него закон «творческого синтеза».

Законно возникает также вопрос, почему среди различных современных направлений в социологии не нашла себе места русская субъективная школа—Лавров, Михайловский, Кареев, Южаков и т. д. Эта школа пользовалась когда-то большим влиянием. Она жестоко, хотя и тщетно, боролась против марксизма и его распространения в России. Весьма возможно, что и теперь еще в кое-каких слоях студенчества живы воспоминания об этой идеологии. Изложение и критика субъективной социологии имело бы, следовательно, не только исторический интерес.

Учению о классах автор уделил большое внимание. Но распределение последнего между отдельными частями этой проблемы не совсем равномерное, вернее: совсем неравномерное. Например, целая глава (седьмая) посвящается интеллигенции и всего несколько строк—крестьянству. Совершенно не упоминается о классах в переходное время, не выясняется соотношения между классами—партией—вождями, не используется то ценное, что внес в учение о классовых взаимоотношениях Ленин.

Может быть, некоторых из этих вопросов автор думает коснуться в предпологаемом втором томе при изложении учения о диктатуре пролетариата. И при этом допущении все-таки остается необъяснимым, почему здесь, в учении о классах, недостаточно освещен вопрос о крестьянстве, о его месте в капиталистиче-

ском обществе, о классовых группировках внутри крестьянства и его роли в классовой борьбе (для сравнения укажем, что роли интеллигенции в классовой борьбе отводятся особый параграф).

А то, что сказано о крестьянстве, не только недостаточно, но и спорно. На стр. 180—181 мы читаем: «Было бы ошибкой думать, что классы, унаследованные от прежних общественных формаций, сохраняют в неприкосновенности свой первоначальный облик... данный класс настолько связан с пережитками докапиталистических форм, что с исчезновением последних он, как особая социальная группа, неминуемо должен исчезнуть... Такова судьба мелкой буржуазии в капиталистическом обществе. Она все более сметается ходом капиталистического развития, как особая социальная группа». Известно, что к мелкой буржуазии относятся и крестьянство. Правильно ли будет сказать, что мелкая буржуазия, в том числе и крестьянство, в капиталистическом обществе «неминуемо должна исчезнуть, как особая социальная группа»?

В свое время взгляд на неизбежное исчезновение крестьянства при капитализме развивала Роза Люксембург. Исходя из своего понимания кризисов, она полагала, что капитализм будет развиваться до тех пор, пока не исчезнет некапиталистическая среда, создающая условия для расширения рынка и для преодоления кризисов. Ошибочность этой теории теперь доказана и практически (Октябрьская революция), и теоретически. Закон неравномерного развития капитализма объясняет, почему крах капитализма происходит раньше, чем исчезнет мелкая буржуазия, как особая социальная группа. Кроме того, в каждой отдельной стране могут существовать такие особые конкретные условия, которые оказывают даже прямое противодействие исчезновению крестьянства: например, слабый рост требований на рабочую силу в промышленности и дешевые рабочие руки в деревне ведут к тому, что беднеющее крестьянство, все более и более лишаясь земли, тем не менее продолжает оставаться мелким собственником и мелким арендатором, арендующим землю у крупных землевладельцев.

Справедливости ради, нужно указать, что спустя несколько страниц, касаясь вопроса о значении классовой борьбы в развитии общества, автор снова поднимает вопрос о крестьянстве и, хотя он и здесь касается этого вопроса бегло, но на этот раз он не делает ошибок по существу. В частности, он указывает на устойчивость крестьянства при капитализме. Тем более законны наши недоумения по поводу вышеприведенной цитаты. Что здесь—неувязка? Неясность? Недоговоренность?

В заключение выскажем замечание общего свойства. То обстоятельство, что книга связывает изложение истматовских проблем с историей социологии, является достоинством книги. Но в этом указывается и ее недостаток. Она обходит проблемы философские, проблемы диалектического материализма. Там, где наряду с курсом истмата поставлен особый курс диалектического материализма, этот недостаток не будет ощущаться при пользовании книгой. Там же, где этого нет,—придется этот учебник восполнять другим пособием.

Н. БОБРОВНИКОВ.

АЛЬБЕР МАТЬЕЗ. Термидорская реакция. Albert Mathiez. La réaction thermidorienne. Librairie Armand Colin. Paris, 1929. P.p. VIII + 324.

Только что вышедшая в свет книга Альбера Матьеза о термидорской реакции представляет собой явный и притом значительный шаг назад по сравнению с его предыдущими работами и прежде всего с его «La vie chère et le mouvement social sous la terreur». Ярче всего это бросается в глаза при сравнении научных достоинств обеих работ; в то время как книга Матьеза о дороговизне явилась результатом кропотливой работы над грудой архивного материала, «Термидорская реакция» основана, главным образом, на таких ходовых печат-

ных источниках, как «Moniteur», публикациях покойного Олара («Paris pendant la reaction thermidorienne et sous le Directoire», «Actes du Comité de Salut Public», «La Société des Jacobins»), Бюшезе и Ру и т. д. Широко использованы также и отдельные монографии, как известная работа Zivru о вандебере, книга Jules Claretie о последних монаньярах и т. д. Что касается до ссылок на карты Национального Архива, то они попадают только в виде редкого исключения,—это, главным образом, документы серии F⁷, относящиеся к деятельности 12 окружных революционных комитетов Парижа, заменивших прежние революционные комитеты секций. Использован также, хотя весьма слабо, картон W 646, содержащий дела военной комиссии, судившей участников прерияльского восстания.

Но даже тогда, когда Матъез пользовался для своей новой работы архивными материалами, он просматривал их, повидимому, очень небрежно и едва ли лишь не для очистки совести. Чтобы не быть голословным, приведем характерный пример. В примечании на стр. 86 Матъез, ссылаясь на картон F⁷ 4776^b, утверждает, что одобрение Варле выступления Лекуантра против Билло-Варенна и других бывших членов правительственных комитетов видно из не датированного и не подписанного полицейского рапорта. На самом же деле это не полицейский рапорт, а донос неких Sauvé и Laterrière, датированный 15 фрюктидора¹).

Кроме архивов, недостаточно использована также и пресса, при чем характерно, что значительная часть цитат из газетных статей делается Матъезом не на основе самих газет, имеющих, конечно, в Национальной Библиотеке, а на основе тех выдержек из них, которые напечатаны в сборнике Aulard'a. Таким образом, анализ научного аппарата «Термидорианской реакции» вполне убеждает нас в том, что на этот раз Матъез отошел от одного из главных достоинств своих прежних работ—тщательной документации—и дал книгу, не в достаточной мере основанную на первоисточниках, использовать которые ему не составило бы особого труда. Поэтому «Термидорианская реакция» Матъеза является несравненно менее научно-доброкачественной, чем, например, его «Vie chère».

Но «Термидорианская реакция» представляет собой шаг назад не только в смысле своей научности. Испугавшись, повидимому, посыпавшихся на него за его «Vie chère» обвинений и ругательств со стороны буржуазной печати (в частности, газеты «Temps»), и начавшихся в связи с этим оргвыводов (недопущение на конгресс в Осло), Матъез в своей новой книге спешит заверить буржуазию в своей политической лояльности и в значительной степени отказывается от тех претензий на марксизм, которые имелись в его последних работах. В то самое время, когда буржуазная историография уже отказывается от мифа об аполитичности исторической науки (ср. конгресс в Осло), Матъез в предисловии к «Термидорианской реакции» стремится уверить читателя в своей полной идеологической благонадежности. Место это настолько интересно, что мы приведем его перевод in extenso:

«Я пишу не для того, чтобы проповедывать и вербовать сторонников для той или иной партии, а чтобы учить и знакомить с фактами. Я бы упал в своих собственных глазах, если бы, когда писал, заботился о том, каким образом могут использовать мои писания политики текущего дня как во Франции, так и за границей.

То, что люди действия, будь то действия красного, черного или белого, стремятся с большей или меньшей добросовестностью, использовать мои книги в интересах их дела, является для меня неприятностью, которую я должен, однако, покорно переносить. Ни их похвалы, ни их оскорбления не заставят меня сойти с моего пути. Если история является политикой прошлого, из этого вовсе не следует (скорее

¹) Ср. Я. Захер, Жан Варле в эпоху термидорианской реакции.—«Под Знаменем Марксизма» 1928 г., № 6, стр. 161—162.

явоборот), что она должна явиться покорной служанкой политики или, вернее, политиков настоящего. Весь смысл ее существования заключается в том, чтобы совершенно свободно говорить все то, что она считает правильным. Тем хуже для тех, кому эта истина не нравится! Ни вернее тем лучше, так как это, может быть, является одним из условий прогресса» (курсив наш. Я. З.).

Комментарии, очевидно, излишни. Упоминание на ряду с политиками французскими и политиками заграничными и указание, что ни оскорбления, ни похвалы не заставят автора сойти с раз избранного им пути, говорят, явным образом, сами за себя. Речь идет, очевидно, не столько об оскорблениях писак из «Темпс», сколько о похвалах злокозненных большевистских историков, осмелившихся (правда, лишь с оговорками) зачислить Матъеза по своему марксистскому ведомству. Вот от кого направлено все острое его предисловия!

Впрочем, как и следовало ожидать, обещание, данное Матъезом своим читателям в цитированном выше месте из предисловия к «Термидорианской реакции», не выдерживается им целиком и во многих местах своей книги он напоминает того мольтеровского героя, который, сам того не ведая, говорил прозой. Так, например, там, где Матъез говорит о различных закулисных махинациях партий термидорианского Конвента (напр., стр. 123 и особенно стр. 129), или там, где он осуждает «парламентскую солидарность» (стр. 3) и разложение и коррупцию, свойственные парламентарному режиму (там же), даже самому непроницательному читателю становится ясным, что на самом деле Матъез бичует не столько термидорианцев, сколько политический режим Третьей Республики. Но это все же только исключения; в общем и целом Матъез данное им в предисловии обещание старается выполнить не за страх, а за совесть.

Вряд ли нужно пояснять, что первым условием выполнения этого обещания является отказ от марксизма, и поэтому неудивительно, что в смысле марксизма «Термидорианская реакция» составляет огромный шаг назад по сравнению с предыдущими работами Матъеза. Начать хотя бы с того, что массы, стоявшие в центре внимания автора «Vie chère» (и именно за это эту книгу справедливо хвалили в наших рецензиях¹), совершенно отходят у него теперь на задний план и только изредка (в главах «Первый голодный бунт», «Прерияльские дни III года и «Вандебере»²), неожиданно появляются в виде какого-то deus ex machina. Во всех же остальных главах его книги и особенно во всей ее первой половине, внимание Матъеза почти исключительно фиксировано на парламентской истории 1794—1795 гг., и в этом смысле «Термидорианская реакция» Матъеза составляет шаг назад даже по сравнению с «Термидором и Директорией» Девилля.

Каким же образом излагает Матъез парламентскую историю термидорианского Конвента и как объясняет он причины борьбы различных партий и фракций, последовательно сменявшихся у власти между 9 термидором II года и 4 брюмером IV года? На всем протяжении книги нам лишь один раз удалось найти самый отдаленный намек на классовую сущность термидорианского Конвента. Вообще же Матъез всегда и неизменно видит основу партийной борьбы этой эпохи в столкновении личных и групповых интересов отдельных депутатов (ср. стр. 3, 52—53, 112, 122—123, 310—311 и др.). Когда же этого объяснения оказывается недостаточно, то оно подкрепляется соображением о царящем над миром законе морального возмездия, жертвой которого, по мнению Матъеза, стал Каррье! (стр. 80). Что же касается объяснения классового, то только в одном месте (стр. 196) Матъез говорит об «узко-классовой» политике термидорианцев; вообще же он предпочитает говорить о том, что термидорианский

¹) Ср., напр., рецензию Н. М. Лукина в № 10 «Историка-Марксиста».

²) При этом нельзя не отметить, что главы эти занимают непропорционально мало места. Так, напр., исключительно важная по своей теме глава о прерияле содержит столько же страниц (23), сколько и глава «Открытие церкви!»

Конвент следует «общественному мнению» (стр. 119) и лишь в крайнем случае соглашается на то, что термидорянцы опирались на владельческие классы (стр. 187 и 189).

При таком явном нежелании видеть за отдельными партиями изучаемой эпохи те или иные представляемые ими общественные классы, является вполне естественным, что Матьез очень плохо разбирается во взаимоотношениях отдельных элементов термидорианского блока. Не говоря уже, конечно, о том, что у Матьеза нет даже и попытки точного разграничения этих элементов, наподобие хотя бы того, которое мы встречаем в советской марксистской историографии¹⁾, даже отличие между правыми и левыми термидорянцами является для Матьеза, повидимому, не вполне ясным. Протестуя против разделения термидорянцев на правых и левых на том основании, что термины эти не встречаются в современных им источниках (стр. 6), Матьез, однако, в одних случаях сам придерживается этой терминологии (напр., стр. 28), а в других—сбивается с нее, называя левых термидорянцев монаньярами (стр. 37 и др.), а правых—то дантонистами (стр. 34), то «nouveaux indulgents» (стр. 69). К термидорианцам же без всяких оговорок причисляет Матьез и выступавших на политической сцене зимы 1794—1795 гг. остатки эбертистов и «бешеных» (стр. 71, 84, 85, 87 и др.). Впрочем, это не должно вызвать удивления, ибо в противоположность своим прежним утверждениям, автор «Термидорианской реакции» тщательно замалчивает классовую сущность «бешеных» и единственным движущим стимулом Варле оказывается у него теперь досада за тюремное заключение, которому он был подвергнут осенью 1793 г., «чтобы утихомирить его демагогию» (стр. 86). Можно ли после этого удивляться, что оказывается, что Бабеф издавал свою газету на деньги термидорянцев (хотя и очень небольшие, стр. 89) и что он был вообще «одним из первых вождей золотой молодежи» (стр. 96)?

Такова новая книга Матьеза и если в ней на ряду с подчеркнутыми недостатками встречаются и кое-какие достоинства (правильная оценка последствий отмены закона о максимуме и в общем верное²⁾ изложение жерминальского восстания в главе «Первый голодный бунт»; яркая и подробная картина белого террора в одноименной главе; правильная оценка причин неудач прерриала³⁾ и т. д.), то это лишь исключения, напоминающие нам лучшие стороны прежнего Матьеза. В общем же и целом «Термидорианская реакция» свидетельствует об огромном шаге назад в идеологии ее автора, и указанные выше кардинальные недостатки не могут быть, конечно, искуплены отдельными и притом немногочисленными достоинствами рецензируемой книги.

Каков же урок, который мы можем почерпнуть из эволюции Матьеза? Мы полагаем, что урок этот весьма ярок и поучителен. Он свидетельствует нам о том, что даже самые лучшие представители буржуазной историографии (а то, что Матьез принадлежит к числу наилучших, является у нас общепризнанным) неизбежно осуждены на идеологическую реакцию и на возврат к позициям идеализма, если только они не решатся на полный и окончательный разрыв со своим классом и на переход на платформу пролетариата. Травля, поднятая против Матьеза представителями буржуазной реакции после выхода его «*Vie chère*», сделала невозможным сохранение им его прежней межклассовой позиции и поставила перед ним во всей полноте вопрос: с кем и против кого? Испугавшись начавшихся оргвыводов, Матьез решил этот вопрос в пользу буржуазии—отсюда и весь хрип-

¹⁾ Ср. статью Ц. Фридлянда «Девятое термидора» в т. VII «Истории-Марксист», статью П. П. Шеголева «К характеристике экономической политики термидорианской реакции» («История-Марксист», т. IV) и статью Я. Захера «Жан Варле в эпоху термидорианской реакции» («Под Знаменем Марксизма» 1928 г., № 6).

²⁾ В частности, правильно оценено влияние пропаганды Бабефа и «бешеных» (стр. 198—199).

³⁾ Матьез на стр. 258 правильно указывает, что «последние монаньяры не могли быть вождями прерриального восстания, так как были представителями не того класса, чем восставшие, а собственными вождями рабочий класс в эту эпоху еще не имел».

тер его новой книги, означающий конец тем заигрываниям с марксизмом, которые были столь характерными для Матьеза, каким мы его знали в последние годы. Отсюда же и малый научный (в смысле использования источников) вес «Термидорианской реакции», лишь еще раз вскрывающий перед нами ту старую истину, что вне марксизма не может быть никакой подлинной науки. Как по своей идеологии, так и по всему своему научному весу новая книга Матьеза остается позади многих трудов советских историков-марксистов, не имевших для своей работы и сотой доли тех возможностей, которыми располагал живущий в Париже Матьез. Это лишь еще раз подтверждает правильность резолюции всесоюзной конференции историков-марксистов, признавшей, что уже сейчас советская марксистская историография во многом догнала и перегнала историческую науку буржуазного Запада.

Я. ЗАХЕР.

Ц. ФРИДЛЯНД. История Западной Европы (1789—1914). Часть I, стр. 626 + XL; часть II, стр. 694 + XLII.

Старая академическая школа слишком мало внимания обращала на общие курсы и руководства, ограничивая круг своих интересов «исследованием» мелких вопросов и понимая под «исследованием» почти исключительно собрание и классификацию материала. Собранием и классификацией материала, собственно, и ограничивалась ученая работа, все же остальное, иногда даже простое осмысление собранного материала, клеймилось именем публицистики. В результате такого понимания задач исторической науки в головах студентов получалась совершенно неосмысленная группа сведений самого разнообразного содержания, которые могли иметь ценность в определенном социолого-философском аспекте, но сами по себе никакой ценности не имели, представляя кучу самого гетерогенного и нестрогого материала. Старая школа упорно смешивала и еще до сих пор продолжает смешивать историю с филологией и археологией, ко вреду как той, так и другой дисциплины. В том же самом стиле велись и исторические семинарии, выбор которых определялся не общественными интересами момента, а совершенно случайными комбинациями внутри академического мира.

Конечно, было бы неправильно искать объяснения всех вышеотмеченных особенностей старой школы и науки в личных качествах ее представителей. Не представители исторической дисциплины определяли ее характер и направление, а, наоборот, характер общественных наук и общественного строя создал соответствующий тип людей, являвшихся проводниками и носителями исторического знания. Содержание и форма общественных дисциплин самым непосредственным образом связаны со всем общественным строем эпохи, в своей основе определяемом интересами господствующего класса. При всей своей субъективной нейтральности ни один ученый и прежде всего, конечно, историк не может остаться нейтральным и стать вне арены классовой борьбы. Надклассовых историков не бывает по тем же самым причинам, по каким не бывает надклассовых государств и надклассовых идеологий. Надклассовый историк, своего рода *contradictio in adjecto*, не ассонируя ни одной, более или менее значительной социальной группе, силою вещей обречен на одиночество и на замыкание в узкий круг субъективно-цеховых или технических интересов.

Большинство профессоров и доцентов дореволюционных университетов, читавших общеобязательные курсы, как раз и принадлежало именно к такого рода надклассовым историкам. По своим политическим симпатиям чаще всего принадлежа к социальным группам чиновничества, дворянства и отчасти буржуазии, не имея никаких надежд на будущее и, вследствие этого, боявшихся всякого рода исторических параллелей и перспектив, они силою самих вещей были вынуждены замыкнуться в узкий круг профессиональных интересов и самым формальным образом относиться к чтению общих курсов, считая это тяжелой и неприят-

Таково общее впечатление, выносимое из чтения «Истории Западной Европы», очень интересно задуманной, бросающей ряд мыслей, но в общем пока еще не вышедшей из фазы «первоначального накопления», т. е. на лабораторной стадии. И, тем не менее, несмотря на некоторую незакономерность работы при умелом использовании «Истории Западной Европы» Фридлянда оканжет большую помощь не только студенту и педагогу, но также и ученому исторiku, что и дает право появление этой книги считать значительным событием в русской историографии. Изданы оба тома вполне удовлетворительно, раздражает только бесконечное число «фонариков», делающих книгу похожей на учебник второй ступени.

В. СЕРГЕЕВ.

ЧТО ДАЕТ ЖУРНАЛ „ПРОЖЕКТОР“ ПАРТИЙЦУ?

„ПРОЖЕКТОР“ откликается на все **ВАЖНЕЙШИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ** и в живой литературной форме, — в очерках, фельетонах, в карикатурах и рисунках, исполненных лучшими художниками, в высокохудожественных иллюстрированных книжках, показывает как положительные, так и отрицательные стороны нашего строительства и быта.

„ПРОЖЕКТОР“ является единственным в СССР художественным журналом, в котором поставлена **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ПО РАЗНООБРАЗИЮ ИНФОРМАЦИЯ** о заграничных политических событиях, о революционной борьбе в капиталистических странах. В этой области журнал дает читателю то, чего не даст завета: непосредственные впечатления очевидцев, живую информацию с мест, бытовые зарисовки. Сеть иностранных корреспондентов „Прожектора“ состоит из высококвалифицированных журналистов, близких нам по своей идеологии и настроениям.

Журнал ориентирует читателя во всех значительных явлениях **КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ** (литература, театр, живопись и пр.).

Основная установка журнала: полный и решительный отказ от приспособленчества к мецанским вкусам, борьба за повышение культурного уровня читателя, выработка нового, коммунистического отношения к явлениям культурно-бытового порядка.

ПОДПИШИТЕСЬ на 2-е ПОЛУГОДИЕ на „ПРОЖЕКТОР“.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 мес. — 1 руб., на 3 мес. — 3 руб., на 6 мес. — 6 руб., на 12 мес. — 12 руб.

Цена отдельного номера снижена до 25 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 2-е ПОЛУГОДИЕ НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“ — еженедельный боевой орган Исполкома Коммунистического Интернационала, отражающий идеологическую и тактическую линию Исполкома и весь опыт международного коммунизма.

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“ ведет в первую очередь непримиримую борьбу с оппортунизмом и соглашательством в рядах рабочего класса.

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“ является мощным оружием большевизации Коминтерна, оружием борьбы против всякого рода шпатакни, скептицизма и пессимизма в большевистских рядах.

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“ уделяет особое внимание нашей овально-освободительной борьбе угнетенных народов.

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“ беспощадно разоблачает шпатакни и его социал-демократических агентов.

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“ собирает весь опыт мирового пролетарского движения и пятидесяти санций Коминтерна, привлекает к активному участию в журнале все лучшие силы международного коммунизма.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 мес. — 1 р., 3 м. — 3 р., 6 м. — 6 р., 12 м. — 12 р.

Цена отдельного номера — 25 к.

Подписка принимается в Главной Конторе издательства «Правда» и «Бедлота» (Москва, 9, Тверская, 48), в провинциальных отделениях и представительствах «Правды», почтовых конторах и айсмонотам.

Ответственный редактор **А. М. Деборин.**

Редакционная коллегия: **А. А. Максимов, Н. Н. Погорельский, Я. В. Сталин, А. К. Тимирязев.**

Главлит. № А—37028

Москва

Тираж 4.200 экз.

Типография газеты „Правда“ Тверская 48.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 2-е ПОЛУГОДИЕ НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА

РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА выходит под редакцией Н. И. Бухарина, А. М. Деборина, А. В. Луначарского, И. К. Луппола, Е. Б. Пашуканиса, Я. З. Стэна, Л. Н. Чернявского.

К участию в журнале РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА привлечен весь основной состав теоретических и культурных сил партии и широкие круги беспартийных ученых-литераторов, культурников, стоящих на материалистических позициях.

Задачи журнала РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА: Освещение важнейших вопросов культурной революции, вопросов культурного строительства, вопросов быта и т. д. Разработка и популяризация теории Маркса, Энгельса, Ленина, Борьба против враждебных и чуждых идеологических воззрений, против убогости и мещанства. Информация о культурной жизни в СССР и за границей. Освещение основной литературы по различным отраслям науки и искусства, выходящей в СССР и на Западе. Сближение научных работников с трудящимися.

РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА рассчитана на широкий актив партии, комсомола, на передовые слои беспартийных рабочих, крестьян и советской трудовой интеллигенции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверская, 48. Тел. 2-82-13.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 мес.—2 ном.—80 коп., 3 мес.—6 ном.—2 р. 40 к., 6 мес.—12 ном.—4 р. 80 к., 12 мес.—24 ном.—9 р. 60 к. За границу: 1 мес.—50 центов.

Цена отдельного номера—50 коп.

Продолжается подписка на политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП(б).

БОЛЬШЕВИК

Под редакцией В. Астрова, К. Баумана, Н. Бухарина, А. Крицкого, В. Молотова, Н. Попова, Е. Ярославского.

6-й ГОД ИЗДАНИЯ.

«БОЛЬШЕВИК» освещает важнейшие теоретические и практические вопросы текущей политики и экономики под углом зрения ленинизма.

«БОЛЬШЕВИК» — боевой орган коллективной мысли Ленинской партии.

«БОЛЬШЕВИК» борется со всякими уклонами, ликвидаторством и неверием в социалистическое строительство.

«БОЛЬШЕВИК» — теоретическое оружие в руках каждого большевика, желающего быть достойным солдатом политического, хозяйственного и идеологического фронтов.

«БОЛЬШЕВИК» держит своих читателей в курсе основных вопросов политики и экономики текущего дня, политики и практики ВКП(б), теории и практики марксизма-ленинизма.

«БОЛЬШЕВИК» дает материал по международному движению и мировой экономике.

«БОЛЬШЕВИК» дает обзоры белой прессы.

«БОЛЬШЕВИК» предназначается для самых широких слоев партийного актива.

Подписная цена: 1 мес.—60 к., 3 мес.—1 р. 75 к., 6 мес.—3 р. 40 к., 12 мес.—6 р. 50 к.

Цена отдельного номера 40 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в Главном Конторе Издательства «Правда» и «Беднота» (Москва, в Тверская, 48) и во всех провинциальных отделениях «Правды», почтово-телеграфных конторах и письмоносцами.

„ПОД ЗНАМЕНОМ МАРКСИЗМА“

ежемесячный философский и общественно-экономический журнал

Журнал выходит под редакцией: А. М. Деборина, А. А. Мансимова, М. Н. Покровского, Я. З. Стэна, А. К. Тимирязева.

Отв. редактор А. М. Деборин.

В журнале принимают участие:

И. Агоя, Е. Аальтер, А. Айхенвальд, Арк. А.—н, В. Асмус, В. Астров, З. Атаас, Гр. Баммель, А. Бартошев, Я. Бертыла, А. Болотников, В. Борзенко, Б. Бордани, В. Боровский, Н. Бухарин, И. Бутаев, В. Ваганян, И. Вайнштейн, П. Виноградский, А. Вишняковский, А. Водов, А. Вознесенский, Р. Выдра, В. Выронцев, Б. Гессен, С. Гониман, Б. Горев, И. Дашковский, А. Деборин, Гр. Деборин, Ш. Дволайцкий, Г. Дмитриев, Ф. Дучинский, Мих. Дымин, В. Егоршин, Б. Завадовский, Г. Зайдель, Я. Залор, Н. Звангородцев, А. Зинвальчикская, П. Новов, Ф. Капеланш, Ник. Карев, В. Карлотов, Е. Козло-Полянский, В. Колоколкин, К. Корнилов, А. Ков, Ст. Кривцов, И. Кураков, М. Ленин, Н. Лендер, Н. Лукия-Антонов, И. Луппол, А. Мансимова, Дн. Марцкий, акад. Н. Марр, А. Менделеев, К. Милонов, В. Милотин, Я. Мировский, Ф. Михалевский, А. Михайлов, А. Молюк, С. Мососов, А. Надеждина, В. Невский, И. Орлов, Е. Пашуканис, В. Позинков, В. Полянский, И. Покровский, И. Ракумовский, А. Реувал, Я. Розман, И. Рубинштейн, Н. Рубинштейн, И. Рубин, Д. Ризанов, Н. Санир, П. Сапожников, Ва. Сарабьянов, Н. Саргин, А. Серебровский, А. Славнов, Евс. Славнов, А. Словоцкий, Ю. Столяков, А. Столяров, П. Стучка, Я. Стэн, Ф. Толмачиков, А. Тимирязев, С. Томский, Г. Тымковский, А. Удалцов, И. Фурщик, Ю. Франкфурт, Ц. Фрейдлих, В. Фриче, З. Цейтлин, Г. Шандт и другие.

Адрес редакции: Москва, Тверская, 48. Тел. 4-84-21.

Прием по делам редакции от 12 до 2 час.

Непринятые рукописи не возвращаются.